

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HDI

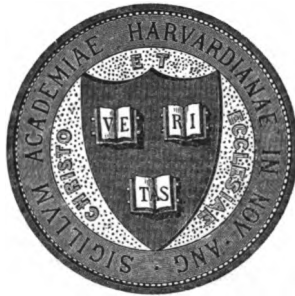

HL LPDL C

A7

Esipov, G.V.

Triā zhelaia pamiat'

HARVARD LAW LIBRARY

Received **MAY 14 1929**

ТЯЖЕЛАЯ ПАМЯТЬ ПРОШЛАГО

7. **ТЯЖЕЛАЯ ПАМЯТЬ ПРОШЛАГО** с

Разказы изъ дѣлъ Тайной Канцеляріи и другихъ архивовъ

Grigoriï Vasil'evich Esipov
Г. В. ЕСИПОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе А. С. СУВОРИНА
1885

R

5/14/29

MAY 14 1929

ТИПОГРАФИЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

АЛЕКСѢЙ ЛАМПАДЧИКЪ.

Въ 1716 году въ Александрo-Свирскомъ монастырѣ дѣла шли неладно. Братія раздѣлена была на двѣ партіи: одна пристала къ новому архимандриту, Александру, другая осталась вѣрною прежнему архимандриту, Кириллу, жившему въ монастырѣ на покоѣ. Большинство было на сторонѣ престарѣлаго Кирилла, отличавшагося строгостію въ исполненіи монашескаго житія, справедливостію и благочестіемъ. Архимандрита Александра не любили за его дерзость, грубость, жестокость и корыстолюбіе, за то, что онъ распоряжался самопроизвольно, безотчетно монастырскими суммами, вель жизнь непорядочную и безъ пощады билъ плетью тѣхъ изъ монаховъ, которые осмѣливались противорѣчить ему или „обличать“. При Кириллѣ, въ праздничные, царскіе торжественные дни, послѣ церковной службы, братія угощалась „чашами за трапезою“; при Александрѣ не только не было затрапезнаго угощенія въ царскіе дни, но, по какому-то странному упрямству, Александръ отмѣнялъ даже и молебное пѣніе за царскихъ особъ. Все

это возмущало братію и увеличивало съ каждымъ днемъ ихъ негодованіе на новаго архимандрита.

22-го ноября 1716 г. совершалось навечеріе на канунѣ дня св. великомученицы Екатерины, дня тезоименитства супруги Петра, царицы Екатерины Алексѣевны. Александръ приказалъ совершить „пѣніе безъ праздника“—это было противу установленнаго порядка службы въ царскіе праздники. По окончаніи вечерни, старый архимандритъ Кирилль вошелъ въ алтарь.

— Для чего ты въ тезоименитство благовѣрныхъ государыни Екатерины Алексѣевны праздновать не велѣлъ? спросилъ Кирилль Александра.

— Что праздновать, и такъ добро! былъ отвѣтъ Александра.

— То не хорошо! мы прежь сего для ангеловъ государыней царицъ всегда праздновали съ палеэеосомъ и послѣ вечерни молебствовали соборне; и въ такіе дни для государевыхъ ангеловъ по святой литургіи, на трапезѣ братіи бывало утѣшеніе довольное.

Но спорить съ Александромъ было опасно: заносчивость и жестокость его были уже испытаны многими.— Кирилль отправился къ себѣ въ келію.

Въ Петровъ день, именины Петра, Александръ опять отмѣнилъ церковное торжественное служеніе и опять монахамъ не было трапезнаго угощенія.

Эти дѣйствія обнаружили Кириллу, что Александръ— „противникъ“ царскому величеству. Кирилль опять смолчалъ, да и рассказывать своимъ сотоварищамъ было опасно—начнется болтовня, сплетни, а при ненависти къ Александру почти всей братіи, легко найдется доносчикъ о словѣхъ и дѣлѣхъ—и первый пострадаетъ онъ,

Кирилль. Александръ же пожалуй отогрется; а какъ доказать? свидѣтелей ихъ разговоровъ никого не было. Старикъ Кирилль обдумалъ свое положеніе, тяжелую жизнь въ монастырѣ, а можетъ быть блеснула и надежда быть снова архимандритомъ—и рѣшился отправиться въ Новгородъ, донести архіерею о поведеніи Александра. Но не такъ легко было исполнить это намѣреніе. Александръ не выпускалъ никого изъ монастыря.

Чтобъ скрыть побѣгъ, Кирилль уложилъ весь свой скарбъ и началъ переносить его въ келью сына своего духовнаго, свиточника монастырскаго, бѣльца Степана Артемьева, который былъ ему преданъ. На бѣду Кирилла, въ то время какъ Степанъ несъ мѣшки, его увидѣлъ келарь. Степанъ Артемьевъ смекнулъ, что дѣло нехорошо—келарь донесетъ архимандриту—и пойдетъ расправа. Степанъ предупредилъ келаря и самъ побѣжалъ къ Александру объявить о намѣреніи Кирилла бѣжать изъ монастыря.

Александръ велѣлъ отнести къ себѣ всѣ собранные пожитки Кирилла, а самъ явился къ нему въ келью.

— Куда ты хочешь идти? спросилъ Александръ.

— Въ Новгородъ, для выбора долговъ своихъ, отвѣчалъ испуганный старецъ.

Вмѣсто Новгорода, Кирилль изъ своей кельи попалъ въ „тюремную“ и посаженъ на цѣпь.

Сажанье на цѣпь, для насъ, при нашихъ понятіяхъ о наказаніяхъ, какъ-то дико и составляетъ жестокое, тяжелое наказаніе и то развѣ только за какое нибудь особенно страшное уголовное преступленіе; но въ началѣ XVIII столѣтія, сажанье на цѣпь было дѣло самое обык-

новенное; это было даже не наказаніе, а первая исправительная мѣра. Вездѣ, по всей Россіи, въ деревняхъ, въ городахъ, въ приказахъ, въ канцеляріяхъ, при первомъ „противномъ“ поступкѣ, сейчасъ сажали на цѣпь. Это обыкновеніе такъ было общепринято, что даже въ присутственныхъ мѣстахъ, въ случаѣ грубости или пьянства всякаго подъячаго или копіиста, секретарь, безъ всякаго дальнѣйшаго разговора, сажалъ его на цѣпь—до повинной или до протрезвленія. Въ монастыряхъ это было также общеупотребительно.

Кирилль сидѣлъ въ тюрьмѣ и ожидалъ, что сдѣлаетъ съ нимъ Александръ. Черезъ три дня архимандритъ явился съ двумя келейниками, старика раздѣли и побили плетьюми. Александръ приговаривалъ: „А! ты хочешь на меня доносить и для того изъ монастыря уѣхать“! Затѣмъ Кирилла отпустили, но за нимъ присматривали строго и запрещено было выпускать его изъ монастыря.

Какъ ни смотрѣли зорко за Кирилломъ, но чрезъ три недѣли онъ ушелъ изъ монастыря; сперва отправился въ Новгородъ, а отсюда въ Петербургъ. Ему хотѣлось объяснить положеніе дѣлъ монастырскихъ Стефану Рязанскому, но бѣднаго старца служители архіерея не допустили до Стефана. Кирилль обратился къ Θεодосію новгородскому,—но и здѣсь неудача: Θεодосій велѣлъ ему ѣхать въ Свирскій монастырь „по прежнему“, и прибавилъ: „чтобъ я тебя здѣсь впередъ не видалъ“.

Нечего было дѣлать бѣдному Кириллу, нигдѣ не было защиты; онъ отправился обратно въ свой монастырь.

Можно вообразить себѣ, какъ его встрѣтилъ Але-

ксандръ! Кирилла сковали, высѣкли плетями и отправили за 50 верстъ въ приписной Введенскій монастырь, подъ карауломъ.

Отправка Кирилла изъ Свирскаго въ Введенскій монастырь имѣла еще другую причину.

Архимандриту дали знать изъ Петербурга, что царь Петръ Алексѣевичъ будетъ у него въ монастырѣ проѣздомъ на Марціальныя воды.

Александръ смекнулъ, что присутствіе Кирилла въ монастырѣ, во время посѣщенія царя, слишкомъ для него опасно. Петръ, по обыкновенію, вѣроятно будетъ пѣть на клиросѣ, читать самъ апостоль, приметъ участіе въ братской трапезѣ—при этомъ Кириллу свободно будетъ донести царю о непристойныхъ словахъ и непразднованіи царскихъ дней.

Въ Введенскомъ монастырѣ Кириллу пришлось еще испытать жестокость Александра. Онъ жилъ въ одной кельѣ съ монахомъ Маркомъ, роднымъ братомъ Александра. Марко велъ себя совсѣмъ не по-монашески и частенько бывалъ пьянъ. Въ одинъ пріѣздъ Александра въ Введенскій монастырь, Марко пьяный отправился къ брату и началъ упрекать его въ безнравственности; при этомъ просилъ сто рублей и въ случаѣ отказа угрожалъ брату, что донесетъ на него, „и зато онъ, архимандритъ, сожженъ будетъ въ струбѣ“.

Раздраженный Александръ посадилъ на цѣпь въ тюремную келью брата своего, а кстати и Кирилла— посѣвъ ихъ тамъ плетями, а черезъ нѣсколько дней велѣлъ ихъ привести къ своей кельѣ къ крыльцу и еще побилъ палкою, приговаривая старику: „не составли-

вайте на меня такихъ непристойныхъ словъ“, потомъ велѣлъ освободить.

Но Марко не унимался. Въ слѣдующій прїѣздъ Александра, онъ опять явился къ нему съ упреками; Александру надоѣло это, и онъ привезъ его къ себѣ въ Свирскій монастырь, угрожая посадить на цѣпь и бить плетьюми, но Марко былъ не промахъ,—бѣжалъ и пропалъ безъ вѣсти.

Въ январѣ 1719 г. дѣйствительно Петръ навѣстилъ, проѣздомъ на Марціальныя воды, Александро-Свирскую обитель. Здѣсь онъ занемогъ и могъ выѣхать на воды только черезъ четыре дня.

Отѣзжая изъ монастыря, Петръ пожаловалъ здоровой братіи 200 р., а больничной 50 р. Больничнымъ розданы были деньги по рукамъ при царѣ, но потомъ Александръ отобралъ у нихъ, а 200 р. здоровой братіи и совсѣмъ не выдавалъ. Монахи начали приставать къ нему; онъ имъ отвѣчалъ, что прїѣздъ Петра въ обитель „великій убытокъ учинилъ и этихъ денегъ вамъ не будетъ“. Съ Петровскаго завода Петръ прислалъ еще 50 руб., и эти остались въ карманѣ Александра.

Ненависть монаховъ къ своему архимандриту, возбужденная его несправедливостями и жестокимъ обращеніемъ, усиливалась съ каждымъ днемъ; но всѣ молчали и трепетали передъ Александромъ, не знавшимъ границъ самоуправству. Монахи терпѣли, сходились по кельямъ, толковали между собою и обдумывали какъ бы донести на Александра; но охотниковъ не оказалось.

Прїѣхала въ монастырь, 16 марта, на возвратномъ пути съ Марціальныхъ водъ, и царица Прасковья Фе-

доровна. Выведенные изъ терпѣнія монахи рѣшились на смѣлый поступокъ — обнаружить передъ царицею поведеніе архимандрита, собрались и написали съ общаго совѣта прошеніе; за однимъ была остановка: надо было подписать его, а никто не рѣшался, — вызвался только смѣльчакъ, монахъ Пахомъ, подать царицѣ неподписанную никѣмъ жалобу.

Царица приняла жалобу и велѣла Александру при себѣ прочитатъ ее.

Жалоба, въ видѣ доношенія, написана была на имя царя.

Монахи жаловались на захватъ Александромъ денегъ, пожалованныхъ Петромъ въ прїѣздъ его на Марціальныя воды; доносили, что архимандритъ изъ своихъ корыстолобивыхъ видовъ построилъ „на пристани рѣки Свири за четыре поприща часовню; на построеніе это собиралъ волею и неволею, правилъ съ братіи и трудниковъ съ мала и до велика, также и съ крестьянъ, отчего многіе разбрелись врознь, не терпя такого правеха, часовню украсилъ образами мѣстными изъ ново-построеннаго въ монастырѣ придѣла Петра и Павла, и построилъ ее, ради своей бездѣльной корысти и прибытка, чтобъ часовенный сборъ получать въ свою пользу. Онъ же, архимандритъ, царскимъ ангеламъ не празднуетъ и молебнаго пѣнія на тѣ царскіе ангелы не совершаетъ и по царскимъ родителямъ, на памяти о преставленіи ихъ, божественной службы соборно не служитъ и панихидъ соборно не поетъ“.

Нетерпѣливо дочитывалъ Александръ передъ царицею монастырскую жалобу, надѣялся видѣть въ подписи имена дерзкихъ и уже приготовлялъ имъ въ умѣ же-

стокія наказанія; но каково было его отчаяніе, когда онъ началъ читать окончаніе просьбы: „а въ сему доношенію за страхомъ его, архимандрита, руку приложить никто не смѣлъ, потому что, если кто начнетъ говорить про архимандрита, то ему доносятъ и онъ бьетъ до полусмерти, и бывшій архимандритъ Кирилль хотѣлъ вашему царскому величеству донести объ его архимандричемъ непорядочномъ житіи, и за то онъ, архимандритъ, его Кирилла билъ по три накона, что едва ожилъ, и, оковавъ, сослалъ въ приписной Введенскій монастырь, чтобъ къ вашему величеству съ доношеніемъ не шель, также и іеромонаха Константина билъ и его келейную рухлядь ограбилъ, а его, іеромонаха, въ приписной же монастырь сослалъ; схимонаха Савватія билъ и келейную его рухлядь пограбилъ и изъ монастыря выслалъ; схимонаха Ісаію билъ и келейную его рухлядь пограбилъ же, да служебника Лазаря Минина билъ смертнымъ боемъ и пожитки его пограбилъ, а его скорбнаго изъ монастыря выслалъ и онъ въ деревнѣ отъ того бою недѣлю лежалъ да и умеръ; также и многихъ монаховъ и служебниковъ бьетъ до полумертвія, и того ради явно вашему величеству доношенія писать и рукъ прикладывать за такимъ его убійствомъ и страхомъ не смѣли, а сего доношенія вашему величеству донести было и вручить невозможно того ради, что онъ, архимандритъ, насъ, богомольцевъ вашихъ, съ монастыря не спускалъ и у воротъ поставилъ караульщиковъ съ дубьемъ, чтобъ никого отъ монаховъ къ вашему величеству ни съ какимъ доношеніемъ не ходили“.

Къ удовольствію Александра, царица Прасковья Федоровна не дослушала конца. Она торопилась въ цер-

ковъ къ обѣднѣ. Александръ спряталъ прошеніе и по отѣздѣ царицы изъ монастыря приступилъ къ изслѣдованію.

На другой же день послѣ отѣзда царицы, Александръ пришелъ въ трапезу и съ злымъ наслажденіемъ, слѣдя взорами за каждымъ монахомъ, началъ читать поданную царицѣ жалобу. „Кто писалъ это прошеніе?“ спросилъ Александръ. Монахи молчали. Александръ выбралъ нѣсколькихъ монаховъ и приказалъ ихъ бить плетью. Чтеніе просьбы въ трапезѣ и битье плетью продолжалось нѣсколько дней сряду. Наступила страстная недѣля: изслѣдованія Александра по жалобѣ приостановились. Въ это время онъ узналъ черезъ кого-то, что жалобу писалъ тихвинскій посадскій человѣкъ, Кузьма Ѳеодоровъ. Александръ воспользовался этимъ свѣдѣніемъ и еще разъ, на святой недѣлѣ, къ счастью уже въ послѣдній разъ, опять послѣ трапезы прочиталъ жалобу и нѣсколько человѣкъ билъ плетью.

Одновременно съ царицею Прасковьею Ѳеодоровною въ Свирскій монастырь пріѣхалъ комиссаръ олонецкой верфи Лупандинъ, прямо изъ приписнаго Введенскаго монастыря. Тамъ къ нему являлся Кириллъ и объявилъ за собою „государево слово и дѣло“. Старикъ вышелъ изъ терѣвня и, чтобъ избавиться отъ истязаній Александра, ему оставалось только это средство — и средство это же страшное. Сказывающаго слово и дѣло, по принятому тогда порядку, сейчасъ же заковывали по рукамъ и ногамъ и отправляли въ преображенскую или въ тайную канцелярію, — а тамъ дыба и кнутъ. Но Кириллу не было другаго исхода: въ каждый пріѣздъ свой въ Введенскій монастырь Александръ придирался къ чему

нибудь, чтобъ посѣчь плетьюми Кирилла—ожесточеніе и отчаяніе взяло верхъ надъ кроткимъ терпѣніемъ пружнаго игумена.

Комиссаръ Лупандинъ, получивъ отъ Кирилла объявленіе о словѣ и дѣлѣ, сообразилъ, что самому доносить объ этомъ государю неудобно по весьма естественной причинѣ—потому, что его перваго закуютъ въ желѣза и посадятъ въ преображенскую канцелярію. Онъ нашель удобнѣе сообщить объ этомъ Александру.

„Для чего ты въ Введенскій приписной монастырь отправилъ бывшаго архимандрита Кирилла, который сказываетъ за собою государево дѣло? надобно вамъ отослать его въ С.-Петербургъ; а не пошлете, то мы писать о томъ будемъ, куда надлежитъ“, говорилъ комиссаръ архимандриту.

Александръ успокоивалъ комиссара, что это дѣло пустое, чтобъ онъ не обращалъ вниманія на болтовню Кирилла, котораго онъ не выпуститъ на свѣтъ Божій. Но комиссаръ зналъ очень хорошо, что дѣлами о словѣ и дѣлѣ шутить нельзя—кто можетъ ручаться за будущее? А если и черезъ десять лѣтъ откроется, что ему объявляли слово и дѣло, а онъ смолчалъ и не донесъ, то ему, комиссару, не миновать заплечныхъ мастеровъ и кнута. Онъ потребовалъ настоятельно, чтобъ Александръ отправилъ въ Петербургъ Кирилла, а не то онъ самъ донесетъ объ этомъ.

Увернуться отъ требованія комиссара было невозможно; Александръ поневолѣ долженъ былъ выпустить изъ когтей своихъ несчастную жертву. Старичка Кирилла сковали; на страстной недѣлѣ отвезли въ Петербургъ и помѣстили сперва на монастырскомъ подворьѣ Свирскаго

монастыря; на еоминной недѣли перевезли его въ невскую монастырскую канцелярію, а 19 мая Θεодосій новгородскій отправилъ Кирилла въ тайную канцелярію къ Петру Андреевичу Толстому при слѣдующемъ письмѣ:

„Свѣтловѣльможный и преизящный высокоблагородный господинъ, господинъ Петръ Андреевичъ“.

„Александрова монастыря Свирскаго архимандритъ, Александръ, писалъ и прислалъ въ Троицкій Александровскій монастырь того Свирскаго бывшего архимандрита Кирилла, который въ томъ монастырѣ сказывалъ за собою государево дѣло.“

„А въ канцеляріи Невскаго монастыря онъ, Кириллъ; въ допросѣ сказалъ, что за нимъ государево дѣло о ихъ высокомонаршей чести“.

„Того ради онъ, Кириллъ, въ канцеляріи Невскаго монастыря не допрашиванъ и посланъ къ вашему сіятельству, понеже оныя дѣла ввѣрены вашему сіятельству. Прочее пребываю вашего сіятельства всеблагожелательный молитвенникъ и слуга

Θеодосій архимандритъ“.

20-го мая Кириллъ въ допросѣ разсказалъ о непристойныхъ словахъ Александра про царя и царицу и о служеніи безъ празднества въ царскіе дни. Обвиненіе относилось до оскорбленія высокомонаршей чести: дѣло слишкомъ важное. 22-го мая посланъ былъ нарочный въ Александро-Свирскій монастырь — Преображенскаго полка сержантъ Михайло Селивановъ, съ двумя солдатами: ему приказано привезти архимандрита Александра, свиточника бѣльца Степана Артемьева и строителя

Введенскаго монастыря, іеромонаха Тихона. Всѣ бумаги и письма въ кельѣ Александра вѣрно было Селиванову, „собрать въ одно мѣсто, не разбирая, замкнуть и запечатать и привезти тоже въ Петербургъ“.

1-го іюня привезли въ тайную канцелярію всѣхъ означенныхъ лицъ, а 6-го іюня Александра допрашивали противъ обвиненія Кирилла.

Александръ въ непристойныхъ словахъ о царѣ и царицѣ отпирался.

О вечерни на канунѣ дня св. Екатерины, съ торжествомъ или безъ торжества пѣли ее, онъ сказать не упомнить.

Въ Петровъ день, онъ литургіи соборне не служилъ за умаленіемъ церкви.

Въ разсказѣ о Кириллѣ, Александръ не стѣснялся и подѣ современнымъ убѣжденіемъ правильности и законности сажанія на цѣпь и сѣченья плетью, онъ перечислилъ, когда и за что сажалъ на цѣпь старика въ тюрьму и билъ плетью. Только въ отношеніи цѣпей онъ счелъ нужнымъ разъяснить, „что нарочно тѣсныхъ желѣзъ на него Кирилла ковать не веливалъ, а сковалъ готовыми желѣзами“.

Но эти готовые желѣза и битье плетью укоротили жизнь старика Кирилла; по привозѣ его въ тюрьму тайной канцеляріи, онъ тяжело занемогъ и въ тотъ день, когда Александръ отвѣчалъ на его доносъ, Петру Андреевичу Толстому доложили, что Кириллъ умираетъ. Исаакіевскій протопопъ Алексѣй, постоянный исповѣдникъ колодниковъ, принималъ послѣднюю исповѣдь бывшаго архимандрита; послѣ исповѣди, Алексѣй, по приказанію Толстаго, увѣщевалъ Кирилла „страхомъ буду-

щаго суда Божьяго и вѣчныхъ мученій сказать: правду ли онъ показалъ на архимандрита Александра?“

Кириллу оставалось только нѣсколько минутъ жизни. Онъ едва слышалъ вопросы протопопа Алексѣя и, переходя въ жизнь вѣчную, добрая душа его не хотѣла зла и врагу своему: — слабымъ, едва слышнымъ голосомъ; онъ успѣлъ только сказать исповѣднику, „что о царѣ и царицѣ непристойныхъ словъ не слыхалъ, а говорилъ ли объ этомъ въ разспросѣ и прикладывалъ ли къ тому разспросу руку онъ не помнитъ...“

7-го іюня въ 6 часу пополудни Кириллъ умеръ. Тѣло его отвезено въ Александро-Невскій монастырь съ приказаніемъ „погребсти съ подобающею честью по должности христіанской, ибо при кончинѣ онъ исповѣдыванъ и тайнъ святыхъ причащенъ“.

Дѣло прекращалось смертью доносителя и сознаниемъ неправильнаго доноса. Александръ вздохнулъ свободно, узнавъ о смерти и великодушїи Кирилла, и ожидалъ съ часу на часъ своего освобожденія. Но судьба рѣшила иначе, и за несчастнаго Кирилла явился новый мститель — монастырскій свиточникъ, бѣлецъ Степанъ Артемьевъ, привезенный въ тайную канцелярію вмѣстѣ съ Кирилломъ для допросовъ.

Совѣсть заговорила въ Степанѣ, когда онъ услышалъ о смерти Кирилла. Онъ вспомнилъ, что донесъ на него Александру, когда тотъ хотѣлъ бѣжать въ Новгородъ; онъ вспомнилъ истязанія, которымъ подвергся Кириллъ по этому доносу, и Степанъ рѣшился доказать въ тайной канцеляріи справедливость Кириллова извѣта.

Черезъ четыре дня послѣ смерти Кирилла, караульный офицеръ при колодникахъ, Ломаковъ, у судейскаго

стола тайной канцеляріи, объявилъ, что колодникъ, свиточникъ бѣлецъ Степанъ Артемьевъ, требуетъ, чтобъ его привели въ канцелярію, а для чего, о томъ онъ „объявить самъ“.

Приказали привести Степана. Онъ разсказаль слѣдующія происшествія въ монастырѣ: „Прошедшею осенью, въ день тезоименитства царицы Екатерины Алексѣевны, это былъ день субботній, послѣ обѣдни и обѣда пришли къ нему „по свитки“ іеромонахи Іоакимъ Олончанинъ, Іоаннъ Лоянскій и бывшій архимандритъ Кирилль. Монахъ Іоакимъ въ разговорѣ сказалъ Кириллу:

— „Сегодня царицы ангела торжество, а у насъ у обѣдни родителей поминали, а въ городѣ и по мирскимъ церквамъ въ такіе дни за царское здоровье молебны поютъ и задравныя чаши величаютъ. А ты, Кирилль, какъ былъ архимандритомъ, такъ ли дѣлалъ?“

— „При мнѣ, въ такіе государевы ангелы, родителей не поминали, и неподобно въ такіе дни поминать, а всегда бывало торжество и за государево здоровье молебны пѣвали и чаши величали“.

Во время этого разговора пришли въ келію монастырскій уставщикъ и іеродіаконъ Іосифъ.

Кирилль обратился къ уставщику.

— „Такъ ли надлежитъ чинить, какъ вы сегодня родителей поминали? А надлежало бы для ангела благовѣрныя царицы праздновать и молебны пѣть, а не родителей поминать“.

— „Если будетъ донесено государю, сказалъ Кирилль, — то вы взяты будете на пытку“.

— „Что же намъ дѣлать“, отвѣчалъ уставщикъ. Я

спорилъ, да архимандрить праздновать не велѣлъ, а выше лба очи не растутъ!“

— „Возьмутъ на пытку и архимандрита, — а мы спорили, и онъ, архимандрить, праздновать не велѣлъ, а для чего мы того не знаемъ“.

Пришелъ еще въ келію и просвиренный монахъ Авраамій.

— „Какую нынѣ у тебя просвиру взяли? спросилъ его Кирилль. Заздравную или за усопшихъ?“

— „За усопшихъ, отвѣчалъ Авраамій, а не заздравную; заздравной просвиры архимандрить печь не велѣлъ.“

— „А прежде какъ бывало? спросилъ Кирилль“.

— „При прежнихъ архимандритахъ въ такіе дни бирывали заздравныя просвиры“.

Послѣ разговоровъ монахи забрали у Степана свитки свои и разошлись по кельямъ.

Въ этомъ разказѣ свиточника Степана явилось новое обвиненіе на Александра. Кирилль при смерти своей очистилъ Александра отъ своего извѣта, что въ 1716 году не праздновали въ монастырѣ въ царскіе дни; Степанъ теперь обнаружилъ, что и въ 1718 году Александръ повторялъ то же неуваженіе къ царскому величеству.

По распоряженію тайной канцеляріи, 27 іюня, привезли въ Петербургъ всѣхъ монаховъ, названныхъ Степаномъ, а 2-го іюля ихъ допрашивали: всѣ подтвердили одинаково, что въ 1718 году, въ день тезоименитства благовѣрныхъ государыни царицы Екатерины Алексѣевны, съ „полилеосомъ не праздновали и молебнаго пѣнія не было.“

Александръ противъ всѣхъ показаній отпирался. Разо-

брали бумаги его и въ нихъ нашли жалобу монастырской братіи, поданную царицѣ Прасковѣ Федоровнѣ. Александръ продолжалъ не сознаваться; дали очныя ставки — то же упорство. По закону надо было приступить къ розыску.

8-го января 1720 года, Александръ, по распоряженію Стевана Яворскаго, разстриженъ; при этомъ онъ объявилъ, что до поступленія въ монашество „имя ему было Алексѣй Пахомовъ сынъ“.

Снятіе монашескаго чина и приготовленіе къ розыску — круто и неожиданно измѣнили поведеніе Александра передъ слѣдователями. Приведенный въ тюрьму въ колоднической одеждѣ, послѣ церемоніи снятія монашества и іерейства, Александръ потребовалъ бумаги, чернилъ и написалъ слѣдующее объясненіе:

„Александрова монастыря Свирскаго, азъ архимандритъ Александръ написалъ сіе писаніе своею рукою.

— „Не праздновалъ святой великомученицѣ Екатеринѣ также и молебна не пѣлъ въ день тезоименитства царицы Екатерины Алексѣевны сицевыя ради вины:

„Ради ихъ царскаго величества брака. — — *).

„По семъ восхотѣлъ его царское величество вѣнчати съ нею: не взялъ на сіе отъ перваго архіерея благословенія и еже восхотѣ, то и сотвори царскою своею властію, никому о семъ ему возбраняющу: вшедь въ Божию церковь, его царское величество съ нею обвѣнчался.

„А ежели бы о сицевомъ брацѣ вѣдомо было первому архіерею, также и прочимъ архіереямъ и всему освященному собору: то бы никогда таковому браку соизво-

*) Въ подлинникѣ невозможно разобрать нѣсколькихъ строчекъ.

лили быти во святой Божіей церкви вѣнчанну: но по правиламъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ.....*) церкви и въ семъ его царское величество насиліе сотворилъ не малое святой соборной и апостольской церкви великороссійскій! Еще же къ сему и духовное сродство имать его царское величество съ нею царицею: понеже во крещеніи ея царицы Екатерины Алексѣевны крестною матерью была благородная государыня царевна и великая княжна Наталія Алексѣевна. И ему царскому величеству по духовному сродству имать быти царица Екатерина Алексѣевна племянница, а духовное сродство во святой соборной и апостольской церкви Божіей предпочитается паче плотскаго.

„И о сицевомъ..... брацѣ ихъ царскаго величества вся святая соборная и апостольская церковь великороссійская скорбитъ и слезить даже до днесь.

„И о сицевыхъ случаяхъ ихъ царскаго величества и азъ убогій архимандритъ Александръ ревностію подвигохся: за сицевое насиліе святой Божіей церкви ими царскаго величества сотворенное, сотворилъ тако якоже изъявилъ писаніемъ симъ: о торжествѣ тезоименитства ея величества не праздновали ея тезоименитству, такожде и молебна не пѣли, который поется въ навечеріи ея тезоименитства..... ихъ бракосочетаніе“.

„Еще же къ сему его царское величество въ противность творить противу святой восточной апостольской греческой церкви, отъ которя благочестивая православная христіанская вѣра принята въ великороссійскую

*) Нѣсколько словъ въ подлинникѣ, которыя невозможно разо-
брать.

и восточную церковь: которые от
 святыя посты приѣла святая собор-
 ная великороссійская и хранить
 до сего времени, яко же през-
 великіе князи Кіевскіе, такожде и
 мажковскіе великіе князи и благоче-
 стивари цари и великіе князи хранили
 его царскаго величества царствованія, —
 то царское величество взялъ обычай отъ над-
 паднаго костела римскаго, который отринуть отъ
 восточныя греческія церкви и якоже гнильнй удъ
 отъ соединенія за многіе догматы противныя,
 со свой западный костель, имъ внесеныя, которые со
 святою восточною греческою церквою несогласующіе: и
 нынѣ его царское величество приѣлъ обычай того за-
 паднаго отпадшаго костела римскаго: во вся святые посты
 и во все лѣто въ среды и пятки, самъ разрѣшаетъ на
 мясо и другимъ всѣмъ повелѣваетъ творити такожде,
 яко и творять мнози отъ его царскаго синелита и отъ
 прочихъ христіанъ мнози на ихъ смотря творять, ядятъ
 потому же мясо во святые посты, якоже западный от-
 падшій костель римскій повелѣваетъ творити тако, отъ
 него же его царское величество сей обычай восприѣлъ,
 противность творя святой восточной церкви.

„Также его царское величество того западнаго
 костела отпадшаго приѣлъ и прочіе обычай: брадобритіе
 и власы на главахъ своихъ носятъ накладныя, яко нѣ-
 и яко же Сатыри дивіи входятъ въ храмъ
 тудно и безъ страха Божія: еще же къ
 его царское величество богомерзкую про-

клятую табунъ *) траву продавать по градамъ, которую самъ и весь его синелить употребляетъ. И въ такое безстудіе пришли, не точію что въ домѣхъ или въ канцеляріяхъ и на путехъ, но и въ церквахъ Божіихъ употребляютъ безстудно и безъ страха Божія. Якоже азъ самъ видѣлъ святлѣйшаго князя **) въ церкви Божіей безстудно употребляюща сію богомерзкую табунъ траву проклятую и якоже нѣкоей святыни причащаяся.

„Не устыдеса лица Божія! Такжеже втораго безстудника видѣлъ Алексѣя Петровича Салтыкова, сына его въ олтарь вшедшаго во время святыя божественныя литургіи, егда рѣчетъ іерей, держа въ рукахъ пречестныя тайны: „всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“ и относитъ на жертвенникъ—тогда сей безстудникъ взялъ изъ кармана табакерку у самаго престола Божія и учаль употребятъ ту богомерзкую проклятую табунъ траву. И такое безстудіе показалъ сей безстудникъ и дерзновеніе, аки бы нѣкоторый невѣрный вторый бусурманъ.

„Такжеже его царское величество и прочіе обычаи того западнаго отпавшаго костела воспріалъ отъ главы и до ногъ, которыя и видятся, и сего ради святая соборная и апостольская церковь и всѣ благочестивіи вѣрніи христіане явѣ и тай соболѣзнують и плачутъ и скорбятъ отъ сицевыхъ начинающихся и дѣющихся беззаконіяхъ въ Великороссіи, — съ ними же и азъ писавый сіе писаніе со всѣми любящими святыя восточныя церкви догматы и обычаи и преданія святыхъ апостолъ и свя-

*) Табакъ.

**) Князя Александра Даниловича Меншикова.

тыхъ отецъ соболѣзную: и сего ради написалъ сицевое писаніе въ исправленіе, да нѣкогда пришедъ въ себя его царское величество о сицевыхъ дѣющихся противностяхъ противъ восточныя святыя греческія церкви исправится. Архимандритъ Александръ“.

Никто не зналъ еще о письменномъ этомъ сознаниі Алексѣя Пахомова и 11-го января пришли за нимъ, чтобъ вести на пытку. Алексѣй предъявилъ свое отчаянное оправданіе. Да! оно было отчаянное, это былъ собственноручный паспортъ Алексѣя къ жестокой смертной казни. Алексѣй, будучи архимандритомъ, лично зналъ Петра, и характеръ царя былъ ему ручательствомъ что послѣ этого объяснительнаго оправданія ему не было надежды на прощеніе. Фактъ любопытный и неразъяснимый! Алексѣй такъ долго и упорно запирался, лгалъ въ своемъ допросѣ, и вдругъ, когда сняли съ него монашество, онъ такъ дерзко обнаружилъ настоящій образъ своихъ мыслей, руководившій его поведеніемъ въ монастырѣ противъ царя и царицы! Какой переворотъ случился въ душѣ его? Не заговорила ли совѣсть о жестокостяхъ съ монахами? Не вызвала ли она убѣжденіе, что онъ достоинъ казни, а самолюбіе ззставило его идти на эту казнь очистительною жертвою идей народныхъ противъ нововведеній Петра? Письмо Алексѣя было представлено въ тотъ же день Петру. Онъ прочелъ его, и прочелъ со вниманіемъ. На четвертушкѣ сѣрой бумаги остались въ дѣлѣ слѣды его чтенія; онъ написалъ: „о мясѣ“ — „о бородѣ“ — „о табакѣ“ — сдѣлалъ черту и продолжалъ: что пострижена — что не перекрещивана... Что думалъ Петръ, набрасывая эти отрывитыя слова, какое впечатлѣніе сдѣлали на него объясне-

нія Алексѣя, объясненія, доходившія часто изъ народа въ дѣлахъ преображенскаго приказа и тайной канцеляріи, особенно въ дѣлахъ раскольничьихъ?

Въ тотъ же день разстригу Алексѣя спрашивали объ его письмѣ. Онъ отвѣчалъ: „Что все написалъ изъ себя, а съ другими, какъ съ архіереями, такъ и съ прочими духовными и мірскаго чина людьми ни съ кѣмъ о томъ, что въ помянутомъ письмѣ его написано, совѣта и разговоровъ онъ не имѣлъ и ни отъ кого не слыхалъ“.

Алексѣя повели въ застѣнокъ и подняли на виску. Онъ повторилъ то же. Пытка Алексѣя была особенная: его вздернули на виску, не били кнутомъ, какъ это дѣлалось обыкновенно, а оставили висѣть 28 минутъ. Руки вывернулись изъ суставовъ и онъ лишился памяти. Когда сняли его съ виски и привели въ чувство, онъ отвѣчалъ, „что онъ писалъ по мнѣнію своему, а нынѣ призналъ, что все то написалъ неправду, напрасно и въ томъ приносить вину“.

На другой день, 12 января, его вторично допрашивали и приглашали къ допросу архіереевъ. Алексѣй повторилъ свое послѣднее сознаніе. Его повели опять въ застѣнокъ и продержали на висѣ 23 минуты.

Дѣла о словѣ и дѣлѣ были такъ страшны въ то время, что всякое слово съ участвующимъ лицомъ въ дѣлѣ, всякое сношеніе собою или черезъ другаго, грозили въ послѣдствіи привлеченіемъ къ дѣлу и розыскомъ. Когда 12 января вели въ застѣнокъ Алексѣя, дежурный въ тайной канцеляріи лейбъ-гвардіи отъ бомбардиръ капраль Иванъ Казимировъ, который привезъ Алексѣя изъ Свирскаго монастыря, вспомнилъ, что онъ

посылалъ къ Алексѣю челоуѣка своего съ кушаньемъ и челоуѣкъ разсказывалъ, что Алексѣй спрашивалъ: „Не взяты ли за караулъ въ крѣпость дьякъ Иванъ Климонтовъ и Никонъ Волковъ?“ Капраль Казимировъ испугался, чтобъ когда нибудь это не вышло наружу и объявилъ объ этомъ вопросѣ въ тайной канцеляріи. Вопросъ Алексѣя имѣлъ послѣдствіемъ арестованіе Климонтова и Волкова, а 13 января ихъ уже допрашивали. Оказалось, что они были давнишніе знакомые Алексѣя, разговаривали съ нимъ о царѣ и царицѣ, о табакѣ и пр. Мы не будемъ утомлять читателей хронологическимъ изложеніемъ ихъ допросовъ, отвѣтовъ и пытокъ. Въ своихъ отвѣтахъ, въ нѣсколько приемовъ, они рассказали всю жизнь Алексѣя, привлекли къ слѣдствію еще одно новое лицо, бывшаго истопника царевны Маріи Алексѣевны, Ивана Иванова Богомолова; этотъ добавилъ еще кое-что о прежней доархимандричьей жизни Алексѣя.

Мы соединимъ всѣ ихъ отвѣты въ краткомъ разсказѣ.

Въ 1704 г. Алексѣй Пахомовъ жилъ подъ именемъ старца Александра въ Чудовомъ монастырѣ, въ должности лампадчика при мощахъ св. чудотворца Алексѣя митрополита.

Объ Александрѣ носился слухъ въ народѣ, что онъ святой челоуѣкъ, постникъ, нищій, что у него есть образъ Богородицы изъ Іерусалима.

Въ убогой своей кельѣ Александръ принималъ отъ проходящихъ милостыню и читалъ передъ иконою „достойно“. Желаящимъ онъ давалъ поученіе о спасеніи души. Образъ Богородицы Евсиманской (какъ показъ при слѣдствіи Алексѣй) былъ написанъ для него

въ Москвѣ иконописцемъ Кириллоу Улановымъ, а не изъ Иерусалима. Въ это время онъ познакомился съ истопникомъ царевны Маріи Алексѣевны, Иваномъ Богомоловымъ, и черезъ него бывалъ у царевны.

Потомъ жилъ онъ подъ церковью Максима Блаженнаго на Варварскомъ Крестцѣ. Образъ все былъ у него и сюда продолжали приходить къ нему для слушанія „достоинно“ и для подачи милостыни крестьяне, подьячіе, служилые и купецкіе люди.— По какому-то дѣлу пало подозрѣніе на Александра, что онъ раскольникъ и изъ-подъ церкви его взяли въ тиунскую избу. Царевна Марія Алексѣевна черезъ Стефана Яворскаго выхлопотала ему освобожденіе, и его отослали въ Нивольскій монастырь, что на Перервѣ, въ братство; здѣсь онъ сперва посвященъ въ дьяконы; а потомъ, по ходатайству царевны же Маріи Алексѣевны, въ попы.

Въ 1716 г. Александръ отпросился у игумена въ Петербургъ и остановился на квартирѣ у знакомаго своего дьяка Климонтова, жившаго въ домѣ Никона Волкова. Климонтовъ зналъ Александра еще въ Чудовомъ монастырѣ, и въ 1707 году Александръ крестилъ у Климонтова сына его, Николая, со старицею московскаго Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря, Александрою Харитоновою. Александръ пріѣхалъ въ Петербургъ хлопотать, чтобъ ему дозволили построить въ Москвѣ близъ Преображенскаго или въ С.-Петербургѣ на Крестовскомъ островѣ, или въ другомъ мѣстѣ, монастырь во имя Евсимаанской Богородицы. За шесть дней до отъѣзда Петра за границу, Александръ подалъ прошеніе объ учрежденіи монастыря царевнѣ Екатеринѣ Иоанновнѣ—она передала просьбу княгинѣ Настасѣ Ивановнѣ Голицы-

ной, любимой и Петромъ, и Екатериною.— Прошение дошло до царицы, но она отвѣчала: „не то нынѣ время“. Александръ обратился къ царицѣ Прасковѣ Ѳеодоровнѣ, къ царевнѣ Марѣ Алексѣевнѣ, но и онѣ не взялись ходатайствовать объ учрежденіи монастыря, отвѣчая: „въ нынѣшнее время и старыхъ монастырей много“.

Живя у Климонтова, Александръ разговаривалъ о бракѣ Петра съ Екатериною, „что сдѣлано, то грѣшно и восточной церкви противно“. Также о разрѣшеніи на мясо въ посты и въ среду и въ пятницу.— Климонтовъ курилъ, нюхалъ табакъ и носилъ парикъ. Александръ не могъ сносить этого равнодушно и постоянно бранилъ его за это. Теряя надежды на устройство монастыря, Александръ приговаривалъ: „Ежели мнѣ подѣ монастырь не дадутъ мѣста, пойду изъ Петербурга и вышедъ отрясу прахъ, прилипшій къ ногамъ моимъ во свидѣтельство, что отраднѣе будетъ Содому и Гомору, нежели граду сему“.

Нападки на царя за нововведенія надоѣдали Климонтову и онъ часто останавливалъ Александра:

— „Не за свое дѣло принимаешься, есть на то церковные учителя и архіереи“.

Александръ отвѣчалъ всегда одинаково:

— „Какіе они архіереи, что говорить не могутъ и на мздѣ нынѣ они ставятся“.

Отъ Климонтова Александръ поѣхалъ въ Новгородъ.

Въ это время изъ Александро-Свирскаго монастыря пріѣхали монахи къ Новгородскому архіерею съ заручною челобитною, чтобъ его, Александра, поставить къ нимъ въ архимандриты. Царевна Марія Алексѣевна проѣзжала черезъ Новгородъ въ Москву и ходатайство-

вала за Александра. Архіерей обѣщаль; но когда царевна уѣхала, онъ потребоваль отъ Александра „ставленной грамоты поповской“, а у него такой грамоты не было. Александръ отправился въ Москву и упросилъ царевну написать объ немъ письмо къ Стефану Яворскому. Письмо имѣло успѣхъ; для угожденія царевнѣ, Александръ былъ посвященъ въ архимандриты Александро-Свирскаго монастыря.

Жизнь его въ монастырѣ намъ извѣстна.

22 февраля 1720 г. розыскъ былъ конченъ и судьба Александра была рѣшена на основаніи уложенія 157 года, 2 главы, ст. 1 и военнаго артикула ст. 19 и 20:

„Свирскаго монастыря бывшаго архимандрита Александра, что нынѣ Алексѣй, колесовать“.

23 февраля привели Алексѣя за вронверкъ къ столбу и передъ казною дьякъ тайной канцеляріи прочелъ ему сентенцію.

„Разстрига Алексѣй!“

„Въ прошлыхъ годахъ въ бытность свою въ Москвѣ, въ Чудовѣ монастырѣ, простымъ старцемъ у чудотворцова гроба въ лампадчикахъ, имѣя ты у себя въ кельѣ образъ Іерусалимскія Богородицы, ханжилъ и прельщаль простой народъ, объявляя себя яко свята мужа и во время приходу того простаго народу, которые не зная истины и твоего прельщенія просили у тебя о себѣ къ Богу молиться и давали подаваніе, отъ чего имѣлъ ты богомерзкіе себѣ прибитки, а потомъ, изъ того монастыря вышедъ, жилъ ты въ Москвѣ подъ церковью Мавсима Блаженнаго и потому, имѣя у себя помянутый образъ, ханжилъ и простой народъ прельщаль такимъ же образомъ паче перваго и получалъ себѣ такую же

богомерзкую мзду, а потомъ проискомъ своимъ чрезъ нѣкоторыхъ людей отосланъ ты въ Никольскій монастырь, что на Перервѣ и посвященъ въ попы, а въ прошломъ 1716 г. и пр. и пр.... И великій государь указалъ за тѣ твои вышписанныя злоумышленныя вины учинить тебѣ смертную казнь-колесовать“.

Всѣ монахи, привлеченные къ дѣлу, были освобождены еще 11 января, въ день открытія письменнаго сознанія Алексѣя, — одинъ изъ нихъ, іеродіаконъ Іосифъ, получилъ даже пять руб. награжденія за справедливость обвиненія.

ПО БЛАЖКА НЪ МЦАМЪ.

Изъ дѣлъ Преображенскаго приказа.

Въ первые годы XVIII столѣтія, въ Москвѣ, какъ и во всѣхъ городахъ Россіи, не существовало еще никакой-полиціи; общественное спокойствіе и благочиніе охранялись на улицахъ и площадяхъ рогаточными караулами изъ солдатъ вновь образованныхъ полковъ послѣ уничтоженія стрѣльцовъ; главный же карауль находился въ Кремлѣ, на Красномъ крыльцѣ заброшеннаго и разрушавшагося Кремлевскаго дворца. Уличныя безобразія повторялись ежедневно во всѣхъ концахъ Москвы и особенно на Красной площади, гдѣ народъ бродилъ толпами въ рядахъ и между шалашами съ блинами, жареною рыбою и квасомъ, гдѣ производился всякаго рода мелочной, народной торгъ; часто, при дракахъ обывателей и при столкновеніи съ караульными, на полѣ сраженія оставались побѣдителями не караульные, но зато когда послѣднимъ удавалось одержать верхъ, то виновные наказывались строго. До какихъ размѣровъ доходила тогда разнузданность, можетъ служить примѣромъ слѣдующее происшествіе.

11-го апрѣля 1706 года, царевичъ Алексѣй Петровичъ ѣхалъ изъ Кремля черезъ Никольскія ворота въ Преображенское село; его сопровождалъ конвой отъ Криверова полка. (Въ то время полки именовались по фамиліямъ своихъ полковыхъ командировъ, кромѣ Преображенскаго, Семеновскаго и двухъ Московскихъ выборныхъ полковъ). Подѣзжая къ Воскресенскимъ воротамъ (теперь Иверскія) на встрѣчу царевичева поѣзда ѣхали двѣ телѣги съ неизвѣстными людьми; на крики конвойныхъ, чтобы они своротили правѣе и дали дорогу царевичу, неизвѣстные люди не обращали никакого вниманія и ѣхали въ упоръ къ поѣзду царевича. Конвойные бросились къ телѣгамъ, чтобы „поправить“ ихъ къ одной сторонѣ, но неизвѣстные люди, оказавшіеся иноземцами, отвѣчали крупною „русскою“ бранью, а одинъ изъ нихъ „зашибъ конвойнаго кнутомъ по носу“, а другой иноземецъ „вынувъ изъ телѣги пистоль, прицѣлился въ конвойнаго, но курокъ осѣкся и пистоль не выстрѣлила“. Царевичъ, разсерженный такимъ безобразіемъ, приказалъ конвойнымъ „смирить“ иноземцевъ.

Смирить и побить — были синонимы; конвойные бросились на иноземцевъ, смирили ихъ и перевязали. Царевичъ отправился въ Преображенское, а часть конвойныхъ препроводила иноземцевъ на Красное крыльцо къ главному караулу, а отсюда ихъ отвезли въ преображенскій приказъ на судъ и рѣшеніе знаменитаго князя кесаря, князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго, которому ввѣрено было Петромъ Великимъ управленіе Москвою.

Князь Ѳедоръ Юрьевичъ началъ съ осмотра раненаго конвойнаго — у него оказалось „по носу зашибено и

распухло“. Затѣмъ предстали предъ княземъ связанные по рукамъ буйные иноземцы. Изъ ихъ допросовъ оказалось, что оба они служили недавно въ Азовѣ, пріѣзжали повидаться съ своими родными въ Нѣмецкой слободѣ и возвращались опять на службу въ Азовъ. Одинъ былъ изъ Курляндской земли Максимъ Лейка, другой изъ Бранденбургской земли Яганъ Вейзенбахъ, который дѣлалъ въ Азовѣ „всякіе артиллерные припасы“. Оба жаловались князю, что конвойные первые начали ихъ бить плетями и бранить „русскою бранью“, требуя, чтобъ они своротили съ дороги правѣе. „За что-де меня бьете плетью, говорилъ Яганъ конвойнымъ, а буде станете меня бить еще больше, я-де васъ застрѣлю и, вынувъ изъ телѣги пистоль, уставя противъ ихъ солдатъ, держалъ въ рукѣ, а какъ буде стали бить больше и онъ бы ихъ застрѣлил“. Такъ рассказывалъ Яганъ князю Федору Юрьевичу.

Преступленіе иноземцевъ, а особенно Ягана, который зашибъ солдата, да еще сознавался, что пристрѣлил бы его, въ глазахъ Ромодановскаго заслуживало смертной казни. Но князь задумался: преступники были иноземцы, Яганъ къ тому же „дѣлалъ артиллерные припасы“; Петръ въ отсутствіи, Петръ любитъ нѣмцевъ, а особенно служилыхъ; спустить нѣмцамъ совѣстно передъ русскимъ человѣкомъ, которому не даетъ князь пощады въ застѣнкахъ преображенскаго приказа. Какъ быть? Князь рѣшился наказать по закону и опредѣлил: „Иноземцевъ Максима Лейку и Ягана Вейзенбаха казнить смертью, отсѣчь головы и, сказавъ имъ эту смертную казнь, положить на плаху и, снявъ съ плахи, имъ же иноземцамъ сказать, что великій государь царь Петръ

Алексѣевичъ пожаловаль, смертью ихъ казнить не велѣль, а велѣль имъ за то озорничество учинить наказанье бить кнутомъ“.

На другой день, 12 апрѣля, въ Преображенскомъ на Генеральномъ дворѣ, рано утромъ все уже было готово къ казни. Отрядъ солдатъ окружалъ отгороженное для этого мѣсто, на которомъ палачъ преображенскаго приказа, съ засученными рукавами, въ кожаномъ передникѣ, съ топоромъ въ рукахъ, ожидалъ у плахи осужденныхъ на смерть иноземцевъ. Пробилъ барабанъ... Привели преступниковъ: Яганъ и Максимъ, блѣдные какъ полотно, положили свои головы на плаху и въ мучительномъ томленіи ожидали взмаха топора. Но раздался голосъ дьяка преображенскаго приказа, который прочелъ рѣшеніе князя... Несчастные ожили, но съ ужасомъ увидали передъ собою другаго палача, не съ топоромъ, а съ кнутомъ!.. Палачи начали раздѣвать Ягана и Максима...

„Стой!“ раздался вдругъ голосъ князя Федора Юрьевича, смотрѣвшаго на эту сцену съ крыльца преображенскаго приказа. Палачи не слышали приказа и продолжали свои приготовления. „Стой!“ закричалъ еще князь. Иноземцы въ трепетѣ обернулись къ нему, не зная, что ожидаетъ ихъ еще...

Князь торопливо сошелъ съ крыльца, подошелъ къ иноземцамъ и началъ бить ихъ тростью по спинѣ, по ногамъ... удары сыпались...

— Вотъ вамъ, заморскіе безобразники! вотъ вамъ! приговариваль князь съ каждымъ ударомъ. Впредь не озорничайте!

Усталъ наконецъ князь наказывать собственноручно и крикнулъ солдатамъ: „вытолкайте ихъ на свободу!“

Что заставило князя измѣнить свое рѣшеніе? Боязнь ли получить отъ Петра упрекъ за иноземцевъ, или налетѣвшая минута мягкосердія и самодурства? Первое скорѣе.

Вытолкали солдаты избитыхъ княземъ иноземцевъ, но случай этотъ произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе въ народъ, который громко осуждалъ Ромодановскаго, говоря: русскимъ не было бы пощады, а нѣмцамъ поблажка!

КЛИКУШИ.

Въ Рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ (въ Москвѣ, у Срѣтенскихъ воротъ) въ 1718 году жила въ особой кельѣ старушка—монахиня Досифея. Давно поступила она въ монастырь, еще во времена двударствія Петра и Иоанна Алексѣевичей; никто не зналъ, откуда она, кто она такая—никому не рассказывала она своей жизни, вообще мало разговаривала, молилась тепло Богу, не пропускала ни одной церковной службы и была любима и уважаема всѣми монастырскими за ея кротость, смиреніе, богобоязненность и любовь къ ближнему. Заболѣвала ли монахиня?—Досифея являлась сидѣть и ходить за больною и днемъ и ночью. Приходила ли которой изъ монахинь тоска на душу или искушеніе,—страдающая душою отправлялась въ келью и въ бесѣдахъ съ Досифеею утѣшалась, успокоивалась. На нее смотрѣли какъ на святую. Прислужницъ и келейницъ при себѣ не держала Досифея, а жила одна въ своей бѣдной кельѣ.

Въ 1718 году, наканунѣ храмоваго праздника, во время заутрени, въ церкви монастырской случилось происшествіе. Во время богослуженія, предъ выносомъ евангелія, церковное пѣніе было прервано страшнымъ визгомъ

Народъ разступился и по срединѣ церкви явилась женщина въ лохмотьяхъ, босая, съ растрепанными волосами. Она визжала, ломала себѣ руки, закидывала голову, вертѣлась и, наконецъ, упала. Это была кликуша. Монахи и сторожа церковные бросились къ несчастной, которая въ судорожныхъ движеніяхъ каталась кубаремъ по полу.

— Выбросить ее за монастырскія ворота, закричала казначея монастыря. Несчастную понесли. На паперти остановила ихъ Досифей.

— Отнесите ее ко мнѣ въ келью. Если вы ее бросите, то она умретъ безъ помощи, сказала Досифей сторожамъ. Они исполнили ея приказаніе.

Кликушу принесли въ келью. Досифей осталась съ нею одна.

Прошло нѣсколько дней — кликуша жила у Досифеи, которая приняла ее къ себѣ келейницею. Припадки не возобновлялись.

Кто была несчастная? откуда? Досифей ее не спрашивала, и только въ разговорахъ узнала, что Марья Босая, такъ называла себя кликуша, тому лѣтъ съ тридцать, идучи къ утрени, почувствовала „скорбь“ и „изступленіе ума... не знамо какая сила ударила ее о землю“... Послѣ того, рассказывала Марья Досифеѣ, — ее брали по неправому извѣту о расколѣ въ Преображенскій приказъ, и сослана она была въ Вологодскій Горицкій монастырь „подъ началь“; проживши тамъ четыре года, бѣжала, потому что въ монастырѣ не часто церковное пѣніе бываетъ, а старицы бываютъ больше на работахъ. Пришла въ Москву, жила въ Вознесенскомъ монастырѣ, пошла въ Рождественскій къ заутрени, гдѣ и приклю-

чилось ей изступленіе ума. Босою ходить уже тридцать лѣтъ. — Крестилась прежде двухперстнымъ сложеніемъ, но теперь отстала по слѣдующему случаю: въ сонномъ видѣніи увидѣла она себя въ соборной церкви и вокругъ амвона стояло много освященныхъ лицъ, на амвонѣ сидѣлъ въ святительской одеждѣ св. Филиппъ, митрополитъ московскій. Онъ простеръ десную руку съ трехперстнымъ сложеніемъ и говорилъ предстоящему народу: „какъ вы, безстрашники, креститесь противнымъ сложеніемъ перстовъ и раздѣляете св. Троицу, смотрите на мое персто-сложеніе“. Послѣ этихъ словъ онъ сталъ невидимъ.

Такъ рассказывала Марья Босая о себѣ, — и Досифей вѣрила ей, смотрѣла на нее какъ на юродивую, внушала ей правила строгой монашеской жизни, читала надъ ней молитвы... Босая принимала, повидимому, всѣ ея наставленія искренно, ухаживала за старушкою какъ родная дочь, выходила только въ церковь или въ трапезную за кушаньемъ и показала такую ревность къ монашеской жизни, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Досифей выпросила у игуменьи, чтобъ Марья Босой дали особую келейку.

Просьба Досифеи была исполнена, а Марья Босая только этого и добивалась. Она притворствовалась передъ Досифеею: ея цѣль была добиться постоянного пріюта въ какомъ нибудь монастырѣ, чтобъ свободно предаваться своей праздношатающейся жизни.

Прошелъ годъ; у Марьи въ кельѣ образовалось общество кликушъ, бѣснующихся. Въ особенности часто посѣщали ее бродившія по Москвѣ кликуша Пелагея Ефимова и старица Евпраксія. Появились у ней и раскольники, не столько для нея, сколько для кликуши Евпраксіи.

Евпраксія была прежде солдатскою женою, послѣ

смерти мужа постриглась въ монахини въ Ростовскомъ Спасскомъ монастырѣ, отсюда бѣжала въ Соловецкій монастырь. Здѣсь познакомилась она съ какимъ-то старцемъ Провомъ, который былъ когда-то духовникомъ игуменни Рождественскаго монастыря. Провъ былъ старовѣръ: имѣя связи съ московскими старовѣрами, онъ укрѣпилъ Евпраксию въ старовѣрствѣ и отправилъ съ письмомъ къ игуменѣ Рождественскаго монастыря. По этому письму игуменья дозволила Евпраксиі жить въ одной кельѣ съ собою. Въ своихъ странствованіяхъ Евпраксія много набралась чудесныхъ разсказовъ объ учителяхъ старовѣрства, встрѣчала и сама пустынниковъ и скитниковъ и, возвратившись въ Москву, тотчасъ была принята въ обществахъ раскольниковъ не только низшаго класса, но и въ богатыхъ, знатныхъ домахъ купцовъ и посадскихъ людей.

Пелагея Ефимова тоже была старовѣрка.

Кликуши, собиравшіяся у Марьи, дѣйствовали на суевѣрные умы современниковъ, не только въ одиночку, но иногда всѣмъ обществомъ отправлялись въ Троицкую лавру, въ Коломну, въ Зарайскъ и въ другіе города.

Въ 1719 году кликуша Пелагея Ефимова представила въ общество еще новаго члена—сестру свою, крестьянку же Алену Ефимову.

Алена Ефимова была не кликуша, не бѣснующаяся, а съ особенною странною маніей: ей хотѣлось умолить Бога, чтобъ Онъ вразумилъ царя Петра Алексѣевича на путь истины, даровалъ бы ему намѣреніе прекратить гоненіе на раскольниковъ, а раскольники вразумились бы и соединились бы съ православною церковью. Сама она была не то раскольница, не то православная—кре-

стилась двухперстнымъ сложеніемъ по внушенію какого-то пустытника, который приходилъ къ ней въ домъ и говорилъ: „трехперстнымъ сложеніемъ не умолишь у Бога, а простирая умъ свой, смотри на иконы“—а между тѣмъ она ходила въ православную церковь, имѣла и православныхъ духовниковъ и молилась за царя Петра Алексѣевича, гонителя старовѣровъ. Алена ходила по монастырямъ и давала деньги старицамъ, чтобъ читали въ теченіе 6 недѣль акафистъ за царя; клала за Петра въ день по двѣ и по три тысячи поклоновъ. Все это ей казалось недостаточнымъ и она придумала отчаянное, по ея мнѣнію, средство: призвала племянника своего 14-ти лѣтняго мальчика Ивана Михайлова, сына сестры Пелагеи, и продиктовала ему молитву о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ. Въ этой молитвѣ, обращаясь къ святымъ угодникамъ, къ апостольской церкви, Алена прибавила различныя умоленія: „Услышь, святая соборная церковь со всѣмъ херувимскимъ престоломъ и съ евангеліемъ и сколько въ томъ евангеліи святыхъ словъ, — всѣ вспомните о нашемъ царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ. Услышь, святая, соборная апостольская церковь, со всѣми мѣстными иконами и съ честными мелкими образами, со всѣми съ апостольскими книгами, и съ паникадилами, и съ мѣстными свѣщцами, и со святыми пеленами, и съ честными ризами, съ каменными стѣнами и съ желѣзными плитами, со всякими плодоносными древами... О, молю и прекрасное солнце, возмолись царю небесному объ царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ! О, младъ свѣтель мѣсяцъ со звѣздами! О, небо съ облаками! О, грозныя тучи съ буйными вѣтрами и вихрями! О, птицы небесныя и поднебесныя! О, синее море, съ

мелкими источниками и съ малыми озерами! Возмоли-
теся царю небесному о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, и
рыбы морскія, и скоты польскіе, и звѣри дубровные, и
поля, и вся земнородныя возмолитесь къ царю небес-
ному о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ!“

Мальчикъ написалъ, а Алена спила пелену подъ об-
разъ, зашила молитву между верхомъ и подкладкою, и
отдала въ Успенскій соборъ попу, не объясняя ему о
скрытомъ письмѣ, а прося его въ теченіе 6 недѣль чи-
тать акафистъ за здравіе царскаго величества. Шестъ
алтынъ да ефимокъ вручены были попу за труды его.

Какое любопытное направленіе ума въ крестьян-
ской женщинѣ, какое странное выраженіе религіозныхъ
чувствованій съ примѣсью солнца, луны, озеръ, рѣкъ,
звѣрей, каменныхъ плитъ и пр.! *). Алена сама расска-
зывала, что мужъ ея, денежный мастеръ Максимъ Ере-
мѣевъ, былъ иконоборецъ, наединѣ иконамъ не по-
кланялся, а при постороннихъ поклонялся, чтобъ скрыть
свой расколъ. Когда жгли иконоборца Фомку, рассказы-
вала Алена, то мужъ ея съ гордостію говорилъ:

— Не вы богомольцы! Вотъ какъ наши страждутъ!
не жалѣютъ себя... И сожгли, а не перекрестился“.

Но мужъ ея былъ только храбръ на словахъ, а не на
дѣлѣ, такъ что, когда поймали въ Москвѣ коротко ему
знакомую иконоборицу Зимиху, онъ испугался, чтобъ
не принялись за него, и бѣжалъ въ низовые города.

Безъ мужа Алена не имѣла чѣмъ пропитаться; она

*) Привязанность Алены къ Петру I и моленія ея за него осо-
бенно странны еще потому, что она была всегда въ кругу рас-
кольниковъ.

обратилась къ сестрѣ своей Пелагеѣ, которая и привела ее къ Марьѣ Босой...

Въ 1720 году, лѣтомъ, Марья Босая отправилась съ своими кликушами на богомолье въ Воскресенскій монастырь.

На этотъ разъ не одно богомолье въ Воскресенскій монастырь привлекло туда все общество Марьи Босой—была другая цѣль, гораздо серьезнѣе.

Недалеко отъ монастыря этого, въ селѣ Козмодемьянскомъ, жилъ помѣщикъ, князь Ефимъ Васильевичъ Мещерскій. Раскольники, посѣщавшіе Босую, рассказывали не одинъ разъ о благочестіи, о старовѣрствѣ князя, а еще болѣе о старинной чудотворной иконѣ Смоленской Богородицы, которая была у него. Князь принималъ всѣхъ странниковъ, больныхъ, бѣснующихся, читалъ въ своей домашней часовнѣ надъ ними молитвы, изгонялъ бѣсовъ, а вѣрующимъ раздавалъ тайно частицы хлѣба для причастія... Князь былъ богатъ и подавалъ много милостыни. У него были въ часовнѣ и мощи, и святая вода и пр. и пр. Эти рассказы о князѣ возбудили сильное желаніе во всѣхъ членахъ общества Босой отправиться къ князю побѣсноваться у него, и приобрести тѣмъ еще болѣе авторитета въ глазахъ московскихъ вѣрующихъ и въ окрестныхъ селеніяхъ, гдѣ по слухамъ имя Мещерскаго было извѣстно.

Побывавъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, наши богомолицы отправились въ Козмодемьянское.

Молва народная и рассказы раскольниковъ подтвердились. Толпа кликушъ была встрѣчена княземъ радушно; раскольникамъ также оказанъ былъ почетъ. Князь привелъ всѣхъ самъ въ домашнюю свою молитвенную

горницу. Это была часовня, на образец старовѣрческихъ, съ мѣстными иконами, деисусомъ и проч. Въ серебряномъ кіотѣ хранилась икона, по словамъ князя, чудотворная Смоленской Божіей Матери. Она часовни были сдѣланы крестообразно.

Когда еликуши и раскольники вошли въ часовню, они услышали странный звонъ, поразившій ихъ, похожій на звонъ колокола, но не металлическаго. Они обернулись по направленію звука и увидѣли, что въ комнатѣ передъ часовнею висѣлъ на веревкѣ стеклянный колоколь съ стекляннымъ языкомъ. Князь ударилъ въ него три раза, и богослуженіе началось... Князь читалъ самъ утреню, по старопечатнымъ книгамъ; у него былъ свой дьячекъ; подпѣвали и помогали раскольники.

Разумѣется, еликуши не заставили себя долго ждать — первая застонала Ирина бѣснующаяся, по прозванію верижница — она носила вериги — стонъ превратился въ дивій крикъ, ее корчило и наконецъ вскинуло вверхъ и потомъ ударило о земь; бессмысленныя рѣчи перебивались отрывочно молитвами, собачьимъ лаемъ, хрюканьемъ свиньи; на полу часовни ее приподнимала невидимая сила и била о землю. Выпученные глаза были недвижны, у рта пѣна. Сотоварищницы-еликуши начали охать, бить себя руками о грудь, молились учащенно съ земными поклонами... Раскольники со страхомъ и какимъ-то особеннымъ благоговѣніемъ и состраданіемъ смотрѣли на несчастную...

Князь пріостановилъ чтеніе и подошелъ къ Иринѣ; въ правой рукѣ держалъ онъ деревянныя четки. Перекрестясь, онъ грозно взглянулъ на бѣснующуюся и замахнулся на нее четками.... Она закричала еще громче

и диче... Князь ударилъ Ирину четками по головѣ, по плечамъ, по груди.

— Изыди, нечистый духъ! Изыди!—повторялъ князь при всякомъ ударѣ, и при этомъ самъ пришелъ въ какое-то восторженное состояніе....

Ирина приподнялась, глаза ея мгновенно закрылись; какъ мертвая, упала она на землю и стихла. Князь велѣлъ читать акафистъ.

По мѣрѣ чтенія, Ирина оживала, скорченные члены ея расправлялись: она приподнялась на колѣни и начала молиться. Князь перекрестилъ ее и окропилъ святой водой изъ водосвятной чаши....

Успокоилась Ирина. Явился на сцену какой-то мужикъ и началъ кружиться, потомъ съ распростертыми руками понесся по всей часовнѣ; всѣ разступались и давали ему мѣсто. Онъ кружился, кружился, и какъ мертвый упалъ на землю. Князь и его также привелъ въ чувство четками.

Послѣ молитвы, князь роздалъ кликушамъ и раскольникамъ какія-то крошки и отпустилъ ихъ съ милостынею.

Общество кликушъ, довольное своимъ путешествіемъ, возвратилось въ Москву, а раскольники разбрелись по деревнямъ.

Все оставалось шито и крыто, но до поры до времени. Самое простое и обыкновенное въ то время событіе открыло правительству и кликушѣ, и князя Мещерскаго.

Въ 1721 году, почти черезъ годъ, въ селѣ Борисовѣ, Коломенскаго уѣзда, попъ Никита Аванасьевъ въ страстную среду исповѣдывалъ прихожанъ своихъ. Извѣстно, что въ то время многіе раскольники, для избѣжа-

нія двойнаго оклада, а въ особенности преслѣдованія, платили понамъ деньги за фальшивую отмѣтку въ исповѣдной книгѣ, что такой-то былъ у исповѣди.

Крестьянинъ села Борисова Данила Васильевъ, извѣстный всему селу за раскольника, оплачивался ежегодно за свое двухперстное сложеніе и за неисповѣдъ аккуратно; но на этотъ разъ попробовалъ не расходоватьсѣ и не пошелъ къ попу. Лишеніе ли взятки, или другія личныя отношенія попа къ Данилѣ были причиною, но только кончидось тѣмъ, что попъ донесъ въ приказъ церковныхъ дѣлъ, что крестьянинъ его села Данило Васильевъ „сложеніе перстовъ имѣеть противное“.

За Данилою прислали нарочнаго изъ Москвы, сковали его по рукамъ и ногамъ и привезли въ церковный приказъ. Начались, по обыкновенію, допросы и пытки.

Данилу не испугали пытки.

Сложеніе перстовъ, говорилъ онъ, противное содер-
жить и въ соединеніе съ св. церковью быть не хочетъ до кончины жизни своей, а креститься будетъ въ два перста, для того что за оное сложеніе перстовъ дѣйствуетъ въ немъ духъ святыи и очевидно онъ видитъ. А ежели ему трехперстнымъ сложеніемъ креститься и отъ того тотъ духъ святыи отнимется.... а для составленія о вѣрѣ объявилъ онъ человека богомудреннаго, зарайскаго подъячаго Федора Григорьева. А щепотью креститься не будетъ. А щепоть называетъ треперстное сложеніе первыхъ перстовъ. А училъ его и подтверждалъ оный подъячій Григорьевъ, чтобъ онъ въ расколѣ содержался крѣпко. А оный зарайскій подъячій изъ согласія христовщины и учился въ домѣ денежнаго мастера Максима Еремѣева, которой и съ женою

оное его ученіе слышали и заповѣдывалъ въ понедѣльникъ, среду и въ пятокъ имѣть постъ“.

Это показаніе повлекло арестованіе зарайскаго подъячаго Ѳедора Григорьева и денежнаго мастера Максима. Подъячаго отыскали, но Максима не нашли, онъ былъ въ бѣгахъ—арестовали жену его Алену Ефимову, которую мы уже знаемъ.

Алена рассказывала все и про себя, и про кликушъ, и про князя Мещерскаго. Судья церковнаго приказа Антоній, архимандритъ златоустовскій, сообщилъ о дѣлѣ Ѳеодосію Новгородскому, вице-президенту Синода; Ѳеодосій донесъ Петру Первому, а Петръ приказалъ переслать и дѣло и колодниковъ въ Тайную канцелярію.

Въ іюнь мѣсяцѣ въ Тайную канцелярію прислали князя Ефима Мещерскаго, жонку Алену Ефимову, жонку Пелагею Ефимову, старицу Евпраксию, крестьянина Данила Васильева, жонку Марью Кузьмину Босую и сторожа денежнаго двора, Григорья Ефимова.

Въ Тайной канцеляріи начались опять допросы и пытки.

Князь Ефимъ Мещерскій подъ пыткой показалъ:

„Богомолье въ домѣ у себя имѣлъ для того, что обѣщался, построивъ церковь, оный образъ тамъ поставить и, дабы безъ пѣнія передъ тѣмъ образомъ не было, и то богомолье учинилъ послѣ Нарвскаго похода вскорѣ, причитая полученное въ томъ походѣ отъ смерти избавленіе чрезъ тотъ образъ, которой на раменахъ своихъ носилъ. О чудесахъ отъ образа написалъ книгу. (Она была представлена въ Тайную канцелярію, но не сохранилась при дѣлѣ). Стекланный колоколь въ домѣ ему Мещерскому далъ владу расслабленный стеклян-

наго заводу мастеръ Сидоръ Бѣлильниковъ. Взятые изъ дому его два хлѣба артусы имѣлъ онъ изъ Воскресейскаго монастыря, а въ сухари крошены благодарные всенощные хлѣбы, которые освящали въ домѣ его попы, и которые онъ раздавалъ богомольцамъ. Окна у него Мещерскаго въ особой горницѣ построены крестообразныя, для того, что та горница — домъ молитвенный, и служили въ ней, вечерни, утрени, молебны, водосвященіе — да и для того, что поносили его посторонніе люди раскольникомъ, а онъ не раскольникъ. Мощи, которыя у него взяты, дали вкладу княгиня Настасья Троекурова и Варвара Головина. Приходили къ нему въ домъ и многіе, которыхъ именъ не упомянуть, о землѣ бились, а отчего, не знаетъ. Зарайчанина Григорьева и жонку верижницу четками билъ и водою кропилъ, и благодарный имъ хлѣбъ давалъ, и надъ жонкою: изыде, нечистый душе! говорилъ спроста и въ томъ виновать“.

Жонка Алена подъ пыткою рассказала о своемъ мужѣ, что онъ былъ иконоборецъ, бѣжалъ изъ Москвы, но, по слухамъ, живъ, — видѣли его ея знакомые на Макарьевской ярмаркѣ. Рассказала о князѣ Мещерскомъ, о диковинномъ у него стеклянномъ колоколѣ, и созналась въ молитвѣ, которую отнесла въ пеленѣ въ Успенскій соборъ.

„Молитву писала для того, что многіе раскольники въ пустыняхъ живутъ, и учинила ту молитву собою дабы разнствіе вѣры соединено было и хотѣла объявить отцу духовному, но не показала, затѣмъ что написано плохо.

„А молитву писалъ, по ея велѣнію, племянникъ ея

малолѣтній, Иванъ Михайловъ, сынъ сестры ея Пелагеи. (Малолѣтній Михайловъ, по рѣшенію Тайной канцеляріи, въ уваженіе малолѣтства битъ батоги и написанъ въ матросы).

„А какъ въ 1718 году, говорила Алена, его царское величество изволилъ быть въ Москвѣ, и она, Елена, просила о томъ у Бога, чтобъ ей видѣть его царскаго величества очи, и нанимала въ Вознесенскомъ монастырѣ, въ церкви Казанской Богородицы, старицу читать акафистъ на шесть недѣль“.

Сестра Алены—Пелагея созналась, что была прежде раскольница, т. е. имѣла сложеніе двухперстное и научила тому Зарайскаго подъячаго Феодора Григорьева, а въ 1720 году отъ двухперстнаго сложенія отстала. Объ молитвѣ за царя Петра Алексѣевича знала, но не донесла въ Приказъ церковныхъ дѣлъ за скорою въ Петербургъ отсылкою.

Монахиня Евпраксія созналась въ расколѣ двухперстнаго сложенія; научилъ ее пріѣзжій изъ лѣсовъ мужикъ, котораго она встрѣчала у Алены Ефимовой, но отъ раскола отстала въ 1720 году по наставленію духовника.

„До постриженія въ болѣзни выеливала, конечно неспритворомъ, мать родную въ томъ безпамятствѣ всячески поносила и бранила, а отчего кликота ей училась, не знаетъ, тому лѣтъ съ десять, а подлинно сказать не упомянуть, а по постриженіи оттого стало быть ей свободнѣе, а кликота у нея отнялась и отъ другихъ болѣзней Богъ исцѣлилъ“.

Это показаніе Евпраксіи, дѣлаемое подъ пыткою въ Тайной канцеляріи, не было согласно съ ея показаніемъ

въ Приказѣ церковныхъ дѣлъ, гдѣ она показала, что была кликушею притворною. Евпраксиі замѣтили ея противорѣчіе. Она объяснила:

„Въ Москвѣ, въ Приказѣ церковныхъ дѣлъ, о притворномъ кликаньѣ искажала она на себя, не стерпя побой попа Михайлы Тимофѣева (судьи церковнаго Приказа), который ее уговаривалъ, ежели на себя притворное кликанье скажешь, обѣщавъ свободить. А притворно, конечно, не кликала“.

Грустно вспомнить тѣ времена, когда Евпраксию пытали два раза за кликанье, а судью, уговаривавшаго сдѣлать ложное показаніе, оставляли безъ наказанія.

„Крестьянинъ села Борисова, Данило Васильевъ, который вывелъ наружу все это дѣло, сознался, что онъ раскольникъ, но желаетъ соединиться съ св. церковію. А что онъ будто видитъ духа святаго, и то онъ сказалъ въ церковномъ Приказѣ, не стерпя побой отъ попа Михайлы Тимофѣева и въ томъ виновать“.

Марью Босую, по какому-то особенно счастливому для нея случаю, спрашивали въ Тайной канцеляріи не на дыбѣ, а съ пристрастіемъ у дыбы. Она подтвердила свое сонное видѣніе, послѣ котораго отстала отъ двухперстнаго сложенія, сознавшись, что была прежде раскольницею и подвержена кликанью.

Денежнаго двора сторожъ Григорій Ефимовъ, родной братъ Алены Ефимовой, сознавшійся въ расколѣ, но изъявившій желаніе принять православіе, былъ допрашиваемъ въ Тайной канцеляріи преимущественно о заговорномъ письмѣ, у него найденномъ. Безсмысленность Тайной канцеляріи въ этомъ допросѣ доказываетъ безсмысленностію самаго письма — вотъ оно.

„Отъ вѣды, отъ великіе кузни, отъ льстиваго измѣненія, отъ великаго паденія, о како прельстихомся, о како приведохомся, како слышавши писанія не вразумихомся, како слышавши проповѣдника ругахомся; тѣбо и тогда связанны вещи житейскими желаючи вѣка сего, и тѣбо удобъ преступать къ діаволу знаменуется приѣмши начертанія сквернаго. Бога Богоборца мѣста животворящаго креста Спасова и тѣбо удобъ вложны будутъ съ діаволомъ во тѣму кромѣшну“.

И за такое письмо пытали!

Тайная канцелярія рѣшила разослать всѣхъ по „знатнымъ монастырямъ“, гдѣ тюрьмы.

Мещерскій сосланъ въ Соловецкій монастырь, Григорій Ефимовъ въ Кирилловъ, Данило Васильевъ на Вологду въ Каменный монастырь, Алена Ефимова на Вологду въ Горскій, Пелагея Ефимова въ Суздальскій Покровскій, Марья Босая во Владимірскій Успенскій, старица Евпраксія въ Бѣлозерскъ въ Горецкій.

Князь Ефимъ Мещерскій, въ 1730 году, въ іюнь при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, по просьбѣ жены его княгини Авдотьи, прощенъ и освобожденъ изъ ссылки.

МЕНШИКОВЪ И ВИДѢНІЕ МОНАХА ПОРФИРІЯ.

(1720--1721)

I.

Въ селѣ Будищѣ *) церковный колоколь сзывалъ православныхъ къ вечернѣ... Лѣнливо звонилъ пономарь, смотря съ колокольни на улицу. Мало шло людей въ церковь — только старухи, да больные, да дряхлые старики...

Отошла вечерня, старики и старушки потихоньку побрели по домамъ. Послѣдними вышли изъ церкви священникъ Данило Афанасьевичъ, жена его Марья Леонтѣвна и ктиторъ церкви Зубашенко. Къ нимъ присоединилась торговая женка, вдова Афросинья Наумовна, продававшая и въ церкви, и на дому у себя свѣчи и ладонь... Хотя это и было своего рода кор-

*) Въ 1720 г. оно было въ Кіевской губерніи — теперь Полтавской, Гадячскаго уѣзда, въ 18-ти верстахъ отъ города, при рѣчкѣ Фіалкѣ. Жителей 2,036 душъ (См. «Географическій словарь Россійской Имперіи» Семенова).

чемство церковное, но священникъ не доносилъ на Афросинью Наумовну: ее особенно любили всѣ жители, а попадья Марья Леонтьевна была ей задушевный другъ.

— А что, батюшка Данило Афанасьевичъ, заговорила торговка священнику, — не посѣтишь ли сегодня мою убогую хатку, коли милость будетъ...

— Благодарствуемъ, Афросинья Наумовна, — съ радостью пошелъ бы, да сегодня некогда, дома дѣла есть съ ктиторомъ, да и отецъ, батько Афанасій Даниловичъ, что-то недомогаеть; одного неладно оставить, а вотъ вмѣсто меня пусть идетъ Марья Леонтьевна, а ты, Афросинья Наумовна, за меня и честь ей приложи...

— А и безъ тебя Марья Леонтьевнѣ всегда честь у насъ въ домѣ приложена, отвѣчала торговка. — Пойдемте, матушка, пожалуйста...

— Да гостей, чай, у тебя много будетъ, а при гостяхъ мнѣ неладно быть, Наумовна, — вѣдь всякій день жду освобожденія... Ходить ужъ трудно стало, только въ церковь и брожу...

— Нѣтъ, матушка Марья Леонтьевна, никого не будетъ.

Данило Афанасьевичъ пошелъ домой, а попадья Марья Леонтьевна къ торговцѣ.

Скромная хата торговки стояла недалеко отъ церкви, особнякомъ. Хата была какъ бы въ саду — кругомъ деревья, огорожена плетенымъ заборомъ; входъ былъ со двора, на дворѣ сарай съ поднавѣсомъ, въ которомъ помѣщались лошадь, корова, телѣга и сани-розвальни. За сараемъ, почти на выгонѣ, небольшой огорождъ. Давно ужъ, лѣтъ съ двадцать, живетъ въ этой хатѣ

Афросинья Наумовна. Овдовѣла она лѣтъ съ десять, а мужъ ея былъ пришлый гулящій челоувѣкъ, прїѣзживалъ прежде въ Будище торговать разнымъ краснымъ товаромъ на возу, а потомъ и совсѣмъ переселился съ Афросиньей Наумовною, и купили они хату у бѣднаго безземельнаго хлопца на выселкѣ... Послѣ смерти мужа, вдова Афросинья Наумовна продолжала торгъ, выѣзжая изъ Будища за краснымъ товаромъ, то въ Глуховъ, то въ Нѣжинъ, то въ Гадячь, и непременно одинъ разъ въ годъ въ Кіевъ—откуда привозила разныя „святыя вещи“: образки, масла, свѣчи, ладонь, хлопчатую бумагу отъ мощей...

Вмѣстѣ съ товаромъ привозила она своимъ друзьямъ и разныя вѣсти. Старики и молодые любили навѣщать Афросинью Наумовну и слушать рассказы ея о томъ, гдѣ что видѣла, что слышала.

А вѣстей въ то время по Малороссіи и не обещалось... То король польскій, да прусскій, хотять нарушить миръ съ царемъ русскимъ, да, побратавшись съ шведскимъ королемъ, отнять у москалей вольную казачку Малороссію... То запорожцы собираются соединиться съ турками, да съ шведами, чтобъ выхватить Малороссію отъ москалей; Орликъ *), бывшій генеральный писарь Мазепы, бѣжавшій въ Швецію, то и дѣло посылаетъ изъ Стокгольма тайкомъ посланцевъ въ Запорожье, судить прежнее, вольное казачество...

А вѣсти домашнія, внутреннія, еще сильнѣе затро-

*) Орликъ, писарь гетмана Мазепы, бѣжалъ съ нимъ, потомъ на ходился при Карлѣ XII, послѣ при немъ въ Стокгольмѣ съ женою и дѣтьми. Изъ Швеціи Орликъ удалился во Францію, гдѣ оставилъ послѣ себя потомство (Бантышъ-Каменскій).

гиваютъ любопытство будищенцевъ. Вѣсти эти не радостныя, а тяжелыя. Царь Петръ прислалъ по веснѣ своего ближняго друга, свѣтлѣйшаго князя Меншикова, войско набирать, изъ дворянъ, копейниковъ, рейтаръ, воротниковъ; разбиралъ князь ихъ и въ службу версталъ; не щадилъ и подбунчужныхъ, а подбунчужные люди сильные, все родня гетману и старшинѣ... Нелюбы москали, тяжелы, а молчатъ хлопцы, поворяются...

— Милости просимъ, Марья Леонтьевна, говорила старуха торговка, вводя попадью въ свою хату. — Милости просимъ! давно, голубушка, не была ты у меня, и вѣдь какъ люблю тебѣ, Богъ видитъ мою душу... Любуша! подавай-ка медку, да попива; угостимъ до рогу гостью.

Любуша-работница принесла питье и кромѣ того разныя лакомства.

— А жаль, Марья Леонтьевна, что батюшка Данило Афанасьевичъ, сожитель твой, не пошелъ къ намъ.

— Не пейяй на него, Афросинья Наумовна, ему истинно некогда. Ктиторъ Зубашенко самъ назвался сегодня по вечерни придти толковать о церковныхъ дѣлахъ... истинно нельзя мужу отлучиться, а къ тому еще и стариеъ, тесть мой, эти дни больно захворалъ, тоже одного оставить грѣшно... онъ и здоровый-то точно больной—все охаетъ, все тоскуетъ...

— Да о чемъ, матушка, тосковать-то ему? Кажись, не приходилось бы Бога гнѣвить. Живетъ въ довольствѣ, въ почетѣ отъ жителей и на васъ съ Афанасьемъ Даниловичемъ не посмотрѣться бы ему, а вотъ, Богъ дастъ, и внучекъ на свѣтъ явится, отвѣчала улыбаясь Наумовна.

— Не объ домѣ, Наумовна, тоскуеть онъ. Пошли Господи ему здоровья, ужь такъ ласковъ ко мнѣ, такъ доволенъ... а другая тоска залегла на душѣ у него... вѣдь, чай, ты слышала: у него былъ еще сынъ въ казакѣхъ, держалъ руку Мазепы и убитъ въ Батуринѣ... вотъ съ тѣхъ поръ и тоскуеть. Какъ загрузити и начнетъ ходить по хатѣ и говорить про себя громко: „худо, худо жить на свѣтѣ вольному казачеству; погибла въ Батуринѣ вольность казаческая, гнетуть вольность, пропала, говорить Малороссія, пропала безповоротно. Злодѣй Меншиковъ! Охъ! Господи!“ да вотъ иногда цѣлый день все охаеть, по-часту и ночи не спитъ, тоскуеть или молится. Грѣшно же оставить его, ну вотъ Данило Афанасьевичъ и сидитъ съ нимъ; другой разъ попытается молвить, что, дескать, грѣшно унывать, что, дескать, время переходящее, что лучше, дескать, жить подъ царемъ русскимъ, чѣмъ подъ гетманами, да подъ старшиною, они все для себя тянутъ и народъ разоряютъ, а царь и милости пошлетъ, а чѣмъ Меншиковъ виновать? Исполнилъ волю царскую, — кабы Батуринъ не разорилъ, такъ и вся Малороссія была бы въ смущеніи... Ну, иной разъ старикъ и промолчитъ, вздохнетъ, да и проговорить тихо: „Его святая воля! Судьбы Его неисповѣдими!“ а въ другой разъ такъ вскочить, да подниметъ кулаки, да и закричитъ на мужа: „пошелъ вонъ! пошелъ къ своему чорту, къ своему Данилычу! Я у тебя его со стѣны въ печку брошу...“ — да закричитъ такъ, что страшно! только, слава Богу, скоро проходитъ эта горячность и опять начнетъ только охать... Жаль старика, больно страдаетъ.

— Да какъ же это въ печку?

— А ты, видно, забыла, Наумовна, что у насъ есть картина: персона, изображеніе свѣтлѣйшаго; больно хорошо изображена, печатная и, говорятъ, схожая, а подарилъ моему мужу братъ мой Тимофей, школьный ученикъ изъ Кіева, да ты, вѣдь, и привезла мнѣ ее изъ Кіева... помнишь!

— Помню, помню, матушка.

— Братъ писалъ, что картина дорогая, печатана за моремъ; старикъ-то въ злобное время и грозитъ разорвать персону князя, да и въ печку?

— А что, вправду сказать, Марья Леонтьевна, сказала торговка, оглядываясь кругомъ, какъ будто боясь, чтобъ ее не подслушали, вправду сказать, коли не прямой злодѣй Меншиковъ, а ужъ больно недобрый человекъ, а все отъ того, что въ немъ вѣры то истинной нѣтъ...

— Какъ нѣтъ вѣры, Афросинья Наумовна? говорятъ богобоязливый и въ церковь часто ходитъ, и всенощныя и утреннія на дому у него поютъ.

— Видѣла, матушка, сама своими глазами, что молится и къ церкви прилеженъ, да все это лицемѣріе, а въ душѣ сатана сидитъ... на устахъ-то молитва, а въ сердцѣ злоба! Отъ кого теперь тягости народу? Все отъ него. Кто царя научаетъ? Онъ, матушка! а коли послушать слова его, да посмотрѣть — просто благодѣтель, святой человекъ! Вотъ какъ былъ нонѣшнею весною въ Малороссіи, все развѣзжалъ по деревнямъ и самъ, матушка, разспрашивалъ: „а сколько, голубчики, сидитъ съ души податей?“, — А десять рублей, говорятъ ему. „Господи, какая тягость“, говоритъ онъ хлопцамъ, да и вздыхаетъ и къ небу руки возводитъ. „Представлю

говорить, царю объ льготѣ, представляю..." а самъ въ Почепѣ что сдѣлалъ? замежевалъ земли вольныя казацкія, а жалобщиковъ-то въ кандалы, да въ ссылку.

— Да когда же ты, Наумовна, видѣла князя? Ты мнѣ не сказывала...

— Не пришло, видно, къ рѣчи, моя голубушка, а видѣла его злодѣя своими очами, вотъ какъ тебя теперь вижу...

— Расскажи Наумовна...

— Изволь, поразкажу. Вотъ, въ прошлый великій постъ, ѣздила я въ Нѣжинъ, въ Благовѣщенскій монастырь, на богомолье, да кстати и товару кое-что прикупить. Вотъ, какъ теперь помню, на четвертой недѣлѣ великаго поста, въ воскресенье, весь городъ засуетился! Въ народѣ смущеніе—ѣдетъ-де свѣтлѣйшій князь! всѣ такъ и бѣгаютъ по улицамъ. Выѣхалъ Нѣжинскій казацкій полкъ, а впереди самъ полковникъ Толстой и команду кричить: „Сотня! за мной, встрѣчать свѣтлѣйшаго съ трубами и литаврами!“ Всѣ поскакали. Куда? спрашиваетъ народъ. Въ Комаровку. Ночью прискакалъ казакъ и рассказалъ: „князь ночуетъ въ Комаровкѣ, а до рѣки Десны провожали его Черниговскій полкъ съ полковникомъ Полуботкомъ, тоже съ знаменами, трубами и литаврами; тутъ князь на паромѣ переправился, сѣлъ въ сани и поѣхалъ въ Комаровку. За двѣ версты до Комаровки встрѣчалъ Нѣжинскій полкъ. Завтра, говоритъ казакъ, князь утромъ будетъ въ Нѣжинѣ“. Такъ и было; утромъ, въ понедѣльникъ, началась свачка по городу—и казаки-то, и драгуны-то царскіе, а какъ началъ подъѣзжать къ городу, запалили изъ пушекъ; пріютилась и я на улицѣ къ заборчику, — вотъ онъ ска-

четь верхомъ, а за нимъ все генералы, да офицеры... на всѣ стороны кланяется, а народъ безъ шапокъ, какъ царя встрѣчаетъ, и гетманамъ не было такого почета... У дворца сошелъ съ коня, поклонился народу и ушелъ въ покой... Черезъ три дня, въ Благовѣщенье, народъ повалилъ въ Благовѣщенскій монастырь; говорили: князь тамъ будетъ къ празднику; вышло такъ! Пріѣхалъ, только отслушалъ часы, а къ обѣднѣ былъ, говорятъ, у Архистратига Михаила. Послѣ обѣдни поѣхалъ онъ къ нѣжинскому полковнику и у него обѣдалъ... Пили, говорятъ, за здравіе царя и гетмана и нѣжинскаго полковника и все палили изъ пушекъ до самыхъ вечерень... Правда, говорили въ народѣ, коли который день въ церковь не пойдетъ, такъ у него на дому вечерня и утренняя и свои пѣвчіе... Такъ! кажись, и богомоленъ, а на дѣлѣ-то выходитъ другое... Говорю тебѣ: на устахъ молитва, а въ сердцѣ злора, и вотъ какъ оно оказалось...

Съ этими словами торговка подошла къ кіоту, который былъ въ переднемъ углу хаты и, перекрестясь, вынула изъ нижняго ящика какую-то бумагу, приговаривая довольно тихо, но такъ, что Марья Леонтьевна слышала слова: „Господи, помоги, укрѣпи раба твоего, страдальца отца Порфирія!

— Какого отца Порфирія?

— А вотъ все узнаешь, Марья Леонтьевна, — и съ этими словами торговка сдвинула къ одной сторонѣ стоявшее на столѣ угощенье и развернула передъ попадькою большой листъ бумаги; на немъ было нарисовано чернилами: въ срединѣ мужская голова, вокругъ головы сабли и мечи, на правой сторонѣ въ верхнемъ углу

листа ноги, на лѣвомъ руки; внизу что-то въ родѣ висѣлицы и два полумѣсяца; между ними крестъ. Внизу же надпись: „Видѣніе іеромонаха Порфирія въ январѣ 1720 года“.

— Что это такое? вскрикнула Марья Леонтьевна, — голова, руки и ноги какъ будто отрубленные... Господи! и сабли, и мечи... вотъ диковинное дѣло! не разберешь, голубушка Наумовна, что это изображаетъ...

— А изображаетъ сокровенная, тайная... отвѣчала Наумовна... Не всякому и откровеніе Богъ посылаетъ... да люди-то злы и грѣховны... Господь и на небѣ знаменія свои являетъ намъ въ назиданіе, а злымъ это и нелюбо, что Господь народу ихъ обличаетъ... Да, матушка Марья Леонтьевна, это видѣніе... истинное было на небѣ, а толковать-то его и страшно, и опасно, а видѣвшій-то пострадалъ за истину...

— Чудное дѣло, говорила попадья, разсматривая рисунокъ и проводя пальцами по фигурамъ. — Вотъ въ срединѣ голова.

— Да, хлопчатая, отрубленная, отвѣчала Наумовна.

— А сбоку-то чьи мечи, сабли...

— А драгуны-то царскіе...

— А ноги-то, да руки?

— А сколько порубили нашихъ подъ Батуринымъ... Упокой Господи ихъ душу, страдальцевъ!

— А это что за перекладина? Словно висѣлица...

— Да она и есть висѣлица... Говорятъ, въ Глуховѣ на площади недавно поставили...

— Да когда же такое чудо видѣлъ іеромонахъ Порфирій? Гдѣ? Расскажи, Наумовна.

— А вотъ, Марія Леонтьевна, въ прошломъ году,

послѣ Богоявленія Господня, въ Спасскомъ монастырѣ, въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, этотъ богоугодный человѣкъ, чернецъ монастырскій, Порфирій прозваніемъ, шель въ хлѣбню... Вдругъ на небѣ что-то засіяло, да задвигалось; смотреть и видѣть чудное видѣніе. Испугался отецъ Порфирій—кинулся въ хлѣбню, кричитъ монахамъ: „братіе! идите смотрѣть видѣніе, страшное видѣніе“. Монахи выбѣжали, да имъ не было благодати... видѣніе пропало... а на томъ мѣстѣ только было посвѣтлѣе.—Гдѣ видѣніе? Какое видѣніе? спросили монахи.—„А вотъ пойдѣте, братіе, я намалюю вамъ въ келіи на стѣнѣ“. Пошли монахи за нимъ въ келію, отецъ Порфирій и намалевалъ имъ вотъ что видишь, матушка, на бумагѣ.

— Чудное дѣло! Афросинья Наумовна—а вѣдь оно къ чему нибудь...

— Да! вотъ разгадай волю Божію!.. Монахи-то побѣжали къ намѣстнику, объявили ему, какъ было дѣло... Намѣстникъ пришелъ въ келію, къ Порфирію, посмотрѣлъ, ахнулъ, да и велѣлъ срисовать на бумагу—отецъ Порфирій былъ иконописецъ... Онъ и срисовалъ для намѣстника, а молва-то разнеслась, и другіе иконописцы списывали со стѣны, давали знакомымъ, такъ и пошло въ народы... Все бы ничего, да намѣстникъ-то отдалъ рисунокъ архимандриту, а архимандритъ гетману—ну, вотъ тутъ и пошло злодѣйство: гетманъ боится князя Меншикова—и отправился прямо къ нему: вотъ, говорить, какое видѣніе монахъ въ Спасскомъ монастырѣ видѣлъ. Ну, князь-то и вразумился, противу кого такое явленіе, да и закричалъ на гетмана: „какое это явленіе? Плутъ, мошенникъ монахъ! пришли его ко мнѣ...“

Гетманъ гонца за отцомъ Порфиріемъ; привезли отца Порфирія къ гетману; гетманъ его къ Меншикову. Вотъ, матушка моя, тутъ и оказалось, какое оно княжеское богомоліе и какая христіанская душа у него... Въ воскресенье на пятой недѣлѣ великаго поста привели старца Порфирія къ князю, а князь былъ у обѣдни. Отвезли въ караульню... пріѣхалъ князь — доложили, что дескать привезли монаха отъ гетмана. „Подай его сюда!“ закричалъ князь и глаза-то, говорятъ, загорѣлись у него, какъ пламень огненный, сатанинскій. — Привели.

„— А какое ты видѣніе видѣлъ на небѣ? спросилъ князь.

„Отецъ Порфирій и началъ рассказывать: вотъ, дескать, послѣ Богоявленія, въ какое число не помню, вышелъ я изъ церкви и увидѣлъ на небѣ видѣніе; вызывалъ, говорить, изъ хлѣбной монаховъ, да ужъ поздно, потомъ нарисовалъ на стѣнѣ у себя въ кельи мѣломъ это видѣніе, а потомъ списалъ на бумагу... вотъ, говорить, и рисунокъ моей руки... а послѣ, говорить, и намѣстникъ и архимандритъ видѣли и иконописцы многіе списывали и со стѣны, и съ рисунка.

„— Обманщикъ ты, плуть ты, закричалъ на него князь, — а кто были монахи въ хлѣбнѣ?

„— Монахъ Іезекииль, да служка монастырскій Грицко, говорить ему отецъ Порфирій.

„Вотъ, сударыня моя, богомольный князь и за ними послалъ въ монастырь, а про отца Порфирія закричалъ: „подъ караулъ, да сковать!“ — Привезли Іезекииля да Грицка — самъ опять ихъ разспрашиваетъ. — „Вызывалъ, говорить они, насъ отецъ Порфирій видѣть явленіе на

небѣ, да опоздали, а рисоваль онъ на стѣнѣ видѣніе и всѣ иконописцы рисовали и знакомымъ раздавали“. — „Ладно, говоритъ имъ, князь — убирайтесь домой, дураки. Отпустить ихъ! А съ плутомъ мы справимся“...

„Узнали, матушка, объ этомъ богобоязливые нѣкоторые люди въ Нѣжинѣ и попытались положить гнѣвъ князя на милость, черезъ жену его, княгиню — она, вотъ ужь вправду сказать, христіанка милостливая — сколько давала бѣднымъ, и все черезъ дѣтскую нянюшку Варвару Михайловну, да тихомолкомъ, я сама къ бабушкѣ-то ходила — старушка добрая, простая... поднесла медку... „Нѣтъ! говоритъ, — здѣсь съ княземъ не сладишь; кабы въ Питерѣ или въ Москвѣ, такъ я бы вразумила его, а здѣсь и не подходи къ нему, больно разсердили мезеваньемъ въ Почепѣ“.

— Что же сдѣлалъ онъ съ отцомъ Порфиріемъ? спросила попадья.

— А вотъ онъ и написалъ грамоту къ владыкѣ черниговскому Антонію: явился-де чернецъ Порфирій, іеромонахъ Спасскаго монастыря, что въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, въ важномъ государственномъ дѣлѣ...

— Ахъ, Господи! вскрикнула попадья, — да какое же это государственное дѣло! Видѣніе на небѣ!

— А ты слушай, Марья Леонтьевна, то ли еще; пишетъ князь къ владыкѣ: „явился іеромонахъ Порфирій въ государственномъ важномъ дѣлѣ и подлежитъ розыску, — прошу, пишетъ, ваше архіерейство, лишить его іерейскаго и монашескаго чина! А ты, владыко, и вели разстричь Порфирія“. Да не на такого попалъ... Владыка-то святой человекъ, и своихъ не даетъ въ обиду; онъ и написалъ князю: „не могу, говоритъ, разстричь

безъ постановленія семи соборовъ“. — Разсердился князь, разсвирѣпствовалъ и написалъ прямо къ царю: такъ, говорить, и такъ, монахъ Порфирій вымыслилъ видѣнїе, будто видѣлъ на небѣ, нарисовалъ это видѣнїе, а въ немъ противныя сумнѣнїя противу царя русскаго и волненїе оттого народа, хочу пытать его, да черниговскїй владыка не даетъ... Ну, и царь-то осерчалъ и прислалъ гонца — взять по царскому приказу монаха Порфирїя въ Петербургъ. Взяли, отвезли, говорятъ въ народѣ, прямо въ Преображенское, тамъ уже некому его защитить. Господи! помоги ему вытерпѣть мученїе — вѣдь пытать будутъ...

— Господи! за что же пытать? чѣмъ же виноватъ онъ, что видѣлъ! говорила, вздыхая, попадья Марья Леонтьевна.

— Да видѣнїе-то не въ угоду князю Меншикову, вѣдь онъ гонитъ, да губитъ народъ малороссїйскїй, отъ него на насъ вотъ эти сабли, мечи, да висѣлицы, да рубленныя ноги, руки и голова, говорила торговка, показывая на рисунокъ — вотъ за это и страдаетъ теперь отецъ Порфирїй, въ темницѣ, да и пытать еще будутъ.

— Избави его, Господи, отъ мученїй, проговорила, перекрестившись, Марья Леонтьевна. — Ну, Наумовна, коли разсказать это тестю моему, отцу Афанасью, да онъ изорветъ въ клочки персону князя Меншикова.

— Зачѣмъ старика злобить, а вотъ, коли хочешь, покажи сожителю своему рисунокъ и разскажи... дѣло-то истинное, не вымышленное...

— Спасибо, Наумовна; давай, голубушка, снесу, покажу мужу... Да ужъ и домой пора... Ну, чудеса! Наумовна... Господи! какія чудеса!

— Только смотри, Марья Леонтьевна, возврати листъ; многіе спрашиваютъ, иные и списываютъ, да и примѣняютъ въ настоящимъ временамъ, а говорю тебѣ — въ этомъ видѣніи сокровенныя, тайныя судьбы Божіи...

— Возвращу, Наумовна, съ благодарностью.

Собесѣдницы разстались и Марья Леонтьевна понесла мужу драгоценный рисунокъ. Она застала еще ктитора, бесѣдующаго съ ея мужемъ о церковныхъ дѣлахъ.

— А позднеенько загостилась у Наумовны, сказалъ ей мужъ.

— Да и мы позднеенько засидѣлись, сказалъ вставая ктиторъ Зубашенко. — Прощай, батько Данило Афанасьевичъ, а что, Марья Леонтьевна, скоро ждешь освобожденія? спросилъ онъ съ улыбкою попадью, — мы на крестинахъ повеселимся, за здравіе новорожденнаго выпьемъ... сына надо, Марья Леонтьевна.

— А какъ воля Божія будетъ, отвѣчала Марья Леонтьевна, — а коли Богу угодно будетъ совершить все благополучно, милости просимъ...

Послѣ ухода ктитора, старикъ Афанасій Даниловичъ удалился въ себѣ, а Марья Леонтьевна рассказала мужу все, что слышала отъ Наумовны, показала рисунокъ и передала мужу требованіе Наумовны, чтобы рисунокъ былъ ей скорѣе возвращенъ.

— А жаль, что она не подарила тебѣ, Марья Леонтьевна, эту диковинку... Воистину необыкновенное дѣло! такое видѣніе! въ такія времена! знаешь что, Марья Леонтьевна, я срисую, давай листъ бумаги; отецъ спитъ, а завтра некогда, да при немъ и опасно, еще болѣе раздражится.

Марья Леонтьевна и Данило Афанасьевичъ переша-

рили всё углы, всё ящики, отыскивая бумаги, — нигдѣ ни листа не нашли...

— Какъ же быть? на чемъ списать видѣнiе? а списать надо. Знаешь что, Марья Леонтьевна? Не нравилось князю видѣнiе отца Порфирiя, а судьба-то какъ нарочно велить списать видѣнiе на его персонѣ, другой бумаги чистой нѣтъ, чудное дѣло! — и съ этими словами, Данило Афанасьевичъ снялъ со стѣны портретъ Меншикова и на оборотной сторонѣ срисовалъ довольно вѣрно видѣнiе Порфирiя, потомъ опять повѣсилъ портретъ на стѣну.

Всю ночь Марья Леонтьевна пробредила отсѣченными головами, руками и ногами...

II.

Прошло три мѣсяца, и, въ началѣ января 1721 г., Марья Леонтьевна подарила старика Афанасiя Даниловича внукомъ. На крестины новорожденного сына явились приглашенные: ктиторъ Зубашенко, дьячокъ, пономарь, полковой писарь и три казака, друзья старика Афанасья Даниловича. Изъ женщинъ была только Наумовна.

Мужъ Марьи Леонтьевны весело встрѣчалъ гостей своихъ, но отецъ его былъ очень мраченъ. Здороваясь съ своими друзьями казаками, онъ обнимался молча, жалъ имъ руки и, отходя къ окну, посматривалъ все на улицу, какъ будто кого-то ждалъ...

— Что это, Марья Леонтьевна, съ старикомъ-то? спросила Наумовна шепотомъ хозяйку.

— У обѣдни былъ, а послѣ обѣдни въ алтарѣ все

толковалъ съ какимъ-то казакомъ, прїѣзжимъ изъ Глухова; въ церковь пришелъ онъ веселый, а вышелъ съ казакомъ, видишь, какой нахмуренный.

— А какой же это казакъ?

— Видно, старый знакомый. Выходя изъ церкви, на паперти, при мнѣ Афанасій Даниловичъ просилъ его къ намъ на трапезу: вѣрно его и ждетъ, что въ окно все смотреть.

Какъ разъ въ это время Афанасій Даниловичъ вскрикнулъ: „идеть, идеть! ну, вотъ поразскажетъ — послушайте новостей“.

— Спасибо, что вѣренъ слову, Маркочь, сказалъ старикъ, обнявши прибывшаго гостя. И началъ знакомить гостя съ собесѣдниками:— это нашъ ктиторъ.... вотъ господинъ писарь.... все люди свои...

Каждый поочереди обнялся съ прїѣзжимъ.

— Пора и за трапезу, сказалъ старикъ.

Сѣли за столъ; начались заздравныя чаши — первая за старика Афанасія Даниловича, потомъ за Данила Афанасьевича съ Марією Леонтьевною, за каждого изъ собесѣдниковъ... Пили довольно...

Всѣ лица разгорѣлись, а особенно раскраснѣлась Наумовна...

— А за новорожденного, виновника радости этого дня, и забыли, закричала Наумовна.— Дай Богъ ему счастья и здравія, и долготѣтя.

— Правда! правда, Наумовна, отвѣчалъ старик Афанасій Даниловичъ, — за здравіе новорожденного! дай Богъ ему счастья, только будетъ ли счастье? Не сулитъ настоящее хорошаго въ будущемъ, и думать-то о будущемъ не хочется...

— Ну, что это, батюшко Афанасій Даниловичъ, все у тебя нерадостное, да нерадостное; кабы у меня внукъ родился, кабы я въ молодости была, то плясать бы пошла.

— Все бабѣ дѣло! отвѣчалъ старикъ, — какое веселье; вотъ послушаете, какая еще бѣда грозить... Ну, Маркочъ, рассказывай — всѣ друзья, лишникъ людей нѣтъ, сору за порогъ не вынесутъ, сказалъ старикъ, обращаясь къ гостю-казаку.

— Да не больно весело рассказывать, Афанасій Даниловичъ; время такое опасное, все идетъ къ какой-то смутѣ: на насъ и то царь смотритъ съ подозрѣніемъ, а Орликъ еще началъ смущеніе.

— Какъ это было? Рассказывай, Маркочъ.

— Въ Глуховѣ вѣрный человекъ мнѣ сказывалъ вотъ что: на вербной недѣлѣ пріѣзжали къ запорожцамъ въ Сѣчь изъ шведской земли посланцы отъ Орлика, прозваніемъ Нахимовичъ съ челядникомъ да съ хлопцомъ, и сказалъ: „привезъ я къ вамъ письмо отъ Орлика“. Ну, письмо въ радѣ передъ всѣми читали публично; вотъ и списокъ у меня съ письма Орлика, сказалъ казакъ.

— Читай, Маркочъ, читай... закричалъ старикъ Афанасій Даниловичъ. Казакъ началъ:

„Уже два раза передъ тымъ писалъ до' вашего войска, да твѣ письма все не доходили, а теперь въ третій разъ посылаю до васъ и желаю васъ къ себѣ въ соединеніе, понеже теперь четыре короли, а пятый цесарь, злошившиися купно, имѣютъ идти войною на Московскаго государя“. Потомъ Нахимовичъ говорилъ запорожцамъ, что онъ ѣдетъ съ такими же письмами къ

хану крымскому, чтобъ и его поднять на московскаго царя и „когда, говорилъ Нахимовичъ, я вернусь отъ крымскаго хана, тогда я къ вамъ съ комисарами и съ грошми и съ клейнотами до васъ въ Сѣчу вновь будемъ и, давши вамъ немалую плату, съ собою васъ затыгать будемъ“. Задумались запорожцы. „Ну, что же паны молодцы?“ спросилъ Нахимовичъ. Вотъ кошевой атаманъ Иванъ Милашевичъ и собралъ кругъ, да и сказалъ: „Паны молодцы! вотъ видите, объ насъ и другіе государи стараются, только я вамъ объявляю, что хотя и клейноты будутъ, то кто хочетъ, пусть идутъ куда хотятъ изъ Запорожья, а я ни съ мѣста не подвинусь и не подымусь никуда; пусть-де хоча дерутся или мирятся, намъ до того дѣла нѣтъ, намъ надобно сидѣть тихо, а кому надобны будемъ, тѣ насъ сыщутъ!“ На этомъ и покончили, и Нахимовичъ на вербной недѣлѣ поѣхалъ къ хану крымскому. Потомъ вернулся, а запорожцы-то проузнали, что ханъ ему отказалъ. „Безъ воли солтана, своего царя турецкаго, не пойду, говорилъ ханъ, и не пуцу никого, у насъ теперь миръ съ монархомъ московскимъ“. Нахимовичъ опять съ рѣчью къ запорожцамъ, а они ему единогласно въ радѣ сказали: „будетъ съ насъ уже и того, что и такимъ временемъ насъ прельщали, когда отступили отъ царя и поклонились королю шведскому. Теперь мы не пойдёмъ, и каждому не позволимъ изъ насъ идти до коварнаго измѣнника Орлика“. Съ этимъ отвѣтомъ и поѣхалъ Нахимовичъ въ Польшу.

— И честно сдѣлали, сказалъ Данило Афанасьевичъ.— Дорого намъ стоитъ гетманъ Мазепа съ Орликомъ, мало что-ли крови нашей пролито за нихъ, да еще все подъ гнѣвомъ царскимъ.

— Царскій гнѣвъ — воля Божія, отвѣчалъ старикъ отецъ его, — всякій покоряется; не въ этомъ дѣло, а вотъ бѣда, когда близкіе-то къ царю несправедливо сердце царское на гнѣвъ воздвигаютъ... Вотъ теперь такіе близкіе, какъ князь Меншиковъ, обрадуются и скажутъ царю: „Орликъ вѣдь изъ Малороссіи къ запорожцамъ посылалъ мутить, такъ и за Малороссіей надо смотрѣть“, а что смотрѣть, какъ смотрѣть? А вотъ, скажетъ царю, — бери казацкое войско въ Россію, да посылай больше драгунъ кормить въ Малороссію — вотъ тебѣ и плоды орликовскаго дѣла...

— Да оно такъ и сбывается, прервалъ Маркочъ... — велѣно нарядить двѣнадцать тысячъ изъ Малороссіи полковъ въ Россію на канальное дѣло *), да въ Кіевъ — крѣпость строить...

— А все это научаетъ царя противъ Малороссіи? закричалъ старикъ... — Все злодѣй Меншиковъ.

— Ты больно коришь его, Афанасій Даниловичъ, онъ вѣрный слуга царскій, храбрый полководецъ... возразилъ етиторъ Зубашенко.

— Нѣтъ! говорю справедливо! Злодѣй, говорю, Малороссіи...

— Ну такъ говоришь, а въ душу его не ходилъ... отвѣчалъ Зубашенко.

— Душу свою и злодѣйство онъ самъ открылъ, да не теперь, а больно давно...

— Вона, и давно, да ты это почему знаешь? спросилъ Зубашенко, любившій спорить, особливо подпившій.

*) Въ декабрѣ 1720 г. двѣнадцать тысячъ казаковъ отправлено изъ Малороссіи на Ладожскій каналъ для работъ. Во время дороги и на мѣстѣ умерло изъ нихъ въ короткое время 2,461 челов.

— Да, давно! Слушайте. Лѣтъ съ пятнадцать тому былъ царь въ Кіевѣ. Гетманъ Мазепа пригласилъ царя къ себѣ на обѣдъ, ну, вѣстимо, и съ другомъ царскимъ, Данилычемъ. Подпили, по обыкновенію, крѣпко, у Меншикова тоже зашумѣло въ головѣ; подошелъ онъ къ гетману, сѣлъ къ нему на лавку и не видѣлъ, что сзади стояли наши старшины; спяну-то и говорятъ на ухо гетману, да громко, намекая на старшинъ: „пора приниматься за этихъ враговъ“. Мазепа-то и пьянъ да уменъ, и говоритъ ему на ухо, да тоже громко: „не пора“. А Меншиковъ ему опять: „теперь лучшее время, когда здѣсь самъ царское величество съ главною арміею“. А Мазепа ему опять въ отвѣтъ: „опасно будетъ, не конча одной войны съ неприятелемъ, другую начинать, внутреннюю“. Вотъ тутъ-то, по пословицѣ: „что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ“, и выдалъ себя Меншиковъ—да и говоритъ Мазепѣ: „ихъ ли, враговъ, опасаться и щадить?“ Вотъ онъ и не щадитъ всю Малороссію...

— Ну, ужъ больно на него нападаешь! замѣтилъ Зубашенко.—Смотри, какой бравый на портретѣ...

— А я такъ видѣть его персону не могу... Данило! закричалъ старикъ, обращаясь къ сыну, — сними персону Меншикова со стѣны... съ глазъ долой злодѣя... Сними, брось въ чуланъ... Нѣтъ! давай, я его изорву въ клочки, — и съ этими словами старикъ вскочилъ изъ за стола и бросился къ портрету князя Меншикова. Но Зубашенко предупредилъ его и успѣлъ сорвать портретъ со стѣны прежде старика.

— Да полно дурить... на-что рвать? Данило Афанасьевичъ, отдай мнѣ его, закричалъ Зубашенко, — больно люблю картины. Ну, подари для праздника...

Данило Афанасьевичъ молчалъ.

— А вѣьми его къ бѣсу! закричалъ старикъ. — Только смотри! принесеть онъ тебѣ бѣду! говорю тебѣ, принесеть!

Зубашенко былъ совершенно пьянъ и вскорѣ, не простясь, ушелъ съ портретомъ изъ горницы.

Въ это время Марья Леонтьевна шепнула Наумовнѣ:

— А на персонѣ-то видѣніе отца Порфирія, мужъ нарисовалъ его!

— Быть бѣдѣ, матушка Марья Леонтьевна. Видѣніе-то отца Порфирія, говорятъ въ народѣ, хранить надо; оно приносить въ домъ счастье, отъ этого и списываютъ.

III.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1722 г., Меншиковъ, проводя Петра Великаго на Марціальныхъ воды, остался въ Москвѣ и занимался приготовленіями къ отъѣзду царя въ персидскій походъ, на Кавказъ. Много было заботъ князю, но болѣе всего озабочивали его собственныя дѣла, особенно дѣло о почепскомъ межеваньѣ. Городъ Почепъ былъ пожалованъ Меншикову еще въ 1709 г., „въ уваженіе понесенныхъ имъ трудовъ въ бытность непріятели въ Малороссіи и знаменитыхъ его побѣдъ“ *). Въ 1719 г., послана была царская грамота къ гетману Скоропадскому, по прошенію Меншикова, объ отмежеваніи земель къ Почепу **). Меншиковъ послалъ отъ себя довѣреннаго своего дьяка Лосева, который примежевалъ

*) Бант.-Камен., т. IV, стр. 36.

**) „Дѣла Малороссіи“; св. 43 „Москов. Арх. мин. иностр. дѣлъ“.

въ пользу князя земли нѣкоторыхъ казацкихъ слободъ. При производствѣ межеванья дѣлались страшныя насилія: Лосевъ развѣзжалъ съ драгунами по сосѣднимъ слободамъ для собиранія понятыхъ, въ числѣ которыхъ были и священники; ихъ привозили насильно, подъ арестомъ, съ солдатами, подъ битьемъ палками заставляли росписываться въ межевыхъ книгахъ. Меншиковъ, въ бытность свою въ Малороссіи въ 1720 году, самъ поѣхалъ на межеванье, и когда одинъ понятой старожилъ сказалъ ему, что земля Баклановской казацкой сотни неправильно отмежевывается къ Почепу, то князь ударилъ его тростью два раза и расшибъ ему до крови голову *). Скоропадскій послалъ жалобу къ Петру съ особенными депутатами-казаками. Меншиковъ оправдывался, отговаривался незнаніемъ того, что дѣлалъ дякъ Лосевъ, и просилъ задержать депутатовъ и допросить ихъ въ Петербургѣ; по связямъ своимъ съ Макаровымъ и Толстымъ, онъ надѣялся пустить въ ходъ тѣ пристрастные допросы, которые вынуждали отказываться отъ правды; но Петръ I не согласился на просьбу его и въ 1721 г. отвѣчалъ ему изъ Риги: „А вамъ къ лучшему оправданію, что же пишете о почепскомъ дѣлѣ, и о томъ лучше обождать, пока назначенная персона изъ сената по указу подлинно тамъ (т. е. въ Малороссіи) освидѣтельствуетъ, и ежели по свидѣтельству не правы явятся челобитчики, то тогда еще вышшему наказанію за неправдивое челобитье подлежать будутъ, а въ Петербургѣ и допросы ихъ свидѣтельствовать же будутъ послѣ **).

*) Малор. дѣла; кар. 44, д. 39.

**) Впослѣдствіи, всѣ противозаконныя дѣйствія Лосева въ пользу

Понятно, что при такой обстановкѣ дѣла, Меншиковъ былъ раздраженъ противъ гетмана Малороссіи и при всякихъ дѣлахъ по этому краю относился къ нимъ съ особенною недоброжелательностью.

27-го февраля 1722 года, князь въ своемъ кабинетѣ слушалъ доклады довѣреннаго своего секретаря Алексѣя Яковлевича Волкова. Волковъ, еще въ 1703 г., служилъ при Меншиковѣ въ военно-походной канцеляріи, сопровождалъ его во всѣхъ его походахъ, а въ 1718 г. посылаемъ былъ Меншиковымъ и въ Парижъ, во время путешествія Петра за границу, чтобы вѣрно знать, что дѣлаетъ Петръ, и слѣдить за тѣми жалобами на князя и доносами, которые посылались Петру и за границу.

Волковъ читалъ громко разныя донесенія. Князь, умѣвшій подписывать только свое имя и фамилію, диктовалъ резолюціи. Докладъ кончился.

— Кто въ передней? спросилъ князь. — Есть какіе просители?

— Просителей нѣтъ, ваша свѣтлость, а пріѣхалъ синодскій совѣтникъ, Ипатьевскаго монастыря архимандритъ Гавріилъ, съ какимъ-то попомъ изъ Малороссіи, съ бумагою отъ синода.

Меншиковъ нахмурилъ брови.

— Еще доносъ какойнибудь, еще какаянибудь мерзость.

— Никакъ нѣтъ, ваша свѣтлость. Этотъ попъ, изво-

и по настоянію Меншикова были обнаружены; Меншиковъ повинился передъ Петромъ и присужденъ былъ къ уплатѣ казакамъ всѣхъ собранныхъ съ нихъ денегъ въ 1710 году, а земли, неправильно примежеванныя къ Почепу, были отобраны.

дите помнить, пасквиль начертилъ на персонѣ вашей свѣтлости.

— А! видѣніе монаха! Намеки на насилія, на злодѣйства. Ну, а что съ монахомъ сдѣлали въ Тайной? Помню, какъ же, помню! Антоній и разстригать не хотѣлъ, надо, видишь, семь вселенскихъ соборовъ... Ну, что же съ монахомъ?

— Сосланъ въ Соловецкій монастырь неисходно.

— А что? сознался, что совралъ, выдумалъ? Пытали?

— За старостію не пытали, а повторилъ на допросахъ, что точно видѣлъ.

— А ты вѣришь, что видѣлъ? спросилъ Меншиковъ Волкова, не спуская съ него своего пытливаго глаза.

Волковъ молчалъ.

— А ты вѣришь? повторилъ Меншиковъ.

— Да не смѣю какъ сказать, ваша свѣтлость. А изволите помнить, слышаніе воловодовъ въ Хутынскомъ монастырѣ — вѣдь и государь, и вы изволили вѣрить — подобное же непостижимое дѣло.

— Ты дуракъ! рѣзко оборвалъ Меншиковъ.

Въ это время изъ спальни въ дверь кабинета кто-то постучался.

— Кто тамъ? Войди.

Въ кабинетъ вошла старуха, нянька дѣтей князя, Варвара Михайловна.

Въ то время, какъ князь Меншиковъ слушалъ докладъ секретаря, Варвара Михайловна, прежняя дѣвушка княгини, а теперъ престарѣлая бабушка-нянюшка княжескихъ дѣтей, сидѣла у постели больной княгини и занимала ее разными разсказами.

— А такія ли чудеса бывають, матушка-княгиня, вѣдь у Господа Бога нѣтъ ничего невозможнаго, все его святымъ промысломъ живетъ и все предназначается; грѣхамъ нашимъ Богъ волю даетъ, а по грѣхамъ и наказуетъ; а поводитъ его святая воля, кто ему угоденъ, такъ и отъ грѣха-то предупредить. Да вотъ я тебѣ скажу, матушка: Богъ благословилъ тебя съ княземъ, тебя за доброту, а его за благочестіе, да за то, что совѣтами твоими смиряется и не одинъ разъ вмѣсто зла добро дѣлаетъ; вотъ за это, матушка, и теперича, какъ я тебѣ рассказываю, Богъ послалъ на помощь попадью-то изъ Малороссіи.

— Да ты знала ее развѣ, когда мы были тамъ?

— Никогда, матушка. А видишь какое дѣло— все Божье провидѣніе! Какъ мы были съ тобой въ Нѣжинѣ, пришла ко мнѣ какая-то тамошняя торговка, принесла медку, яичекъ, да курицу, просила, нельзя ли де умилюститъ князя Александра Даниловича за одного монаха; видѣлъ этотъ монахъ видѣніе на небѣ, а наклеветали на монаха, что онъ вымыслилъ это видѣніе въ опороченіе князя; я было и хотѣла поговорить тебѣ, да слышала, что князь говоритъ, что малороссы всѣ плуты да мошенники, и не взялась и отказалась... Вотъ эта торговка изъ одного села съ попадьей, она попадью-то и научила въ бѣдѣ ея отыскать меня и просить помочь ей... Вѣдь о твоихъ благодѣяніяхъ, черезъ мои грѣшныя руки, узнали во всей Малороссіи, узнали, что и князь тебя слушаетъ,—вотъ она, по наученью торговки, и пришла ко мнѣ.

— А Расскажи, Михайловна, я запоматовала, въ чемъ бѣда ея, да и сонъ-то, что она видѣла.

— Вотъ, видишь, матушка-княгиня — монахъ-то, за котораго просила въ Нѣжинѣ торговка, былъ иконописецъ — онъ видѣніе свое, какое оно страшное, съ отрубленными головами, да руками и ногами, нарисоваль на бумагѣ, а другіе списали, да и начали, раздавать въ народѣ, и пошла молва: у кого есть въ домѣ видѣніе, тому будетъ благодать. Вотъ попадья дала списать мужу видѣнье, а онъ по недостаткѣ бумаги и начертилъ это видѣніе на персонѣ князя, а персона-то была заморская, на бумагѣ и мужъ-то попадья больно уважалъ князя и все хвалился этою персоною.

— Ну, гдѣ же тутъ бѣда, бабушка?

— А вотъ, пришла бѣда. Родила попадья сына; на крестинахъ, какъ всѣ подпили, ктиторъ ихъ церевы, большой охотникъ до картинъ, и попросилъ у попа: подари, докажи дружбу, подари персону великаго князя свѣтлѣйшаго. Попъ и отдай ему, а у ктитора въ домѣ стояли на квартирѣ драгуны; не угодилъ имъ что-то ктиторъ, поссорились они, а драгуны-то и донесли по начальству, что у ктитора на персонѣ князя нарисованы волшебныя заклинанія. Вотъ его и съ персоною отправили къ князю Трубецкому, который командовалъ тамъ драгунами, а князь допросилъ ктитора, а ктиторъ и сказалъ, что персона-де отъ попа. Трубецкой донесъ князю Александру Даниловичу, а потомъ скоро указъ изъ синода: прислать попа въ синодъ. Прислали, ну теперь и судятъ.

— За что же судятъ, бабушка? Неужто какое тутъ волшебное заклинаніе?

— Ну, вотъ, поди — все подъяческіе промыслы. А сидитъ въ тюрьмѣ, допрашиваютъ, а дѣти остались на

призрѣнья у стараго дѣда—еще это слава Богу, а бѣдная попадья такъ воемъ и плачетъ; надо бы помочь, матушка, вѣдь князя вездѣ послушаютъ, а надо... вѣдь сонъ, что попадья видѣла, знаменателенъ.

— А Расскажи-ка его, бабушка.

— Вотъ, говорила она мнѣ третьяго дни,—вижу я храмину.... половина-то свѣтлая, точно солнце, а другая темная, какъ черный уголь. Въ срединѣ стоитъ нашъ князь Александръ Даниловичъ, а у него въ ногахъ мужъ ея, попъ. У князя въ рукахъ мечъ надъ головой попа; съ свѣтлой стороны стоитъ ангелъ, весь въ бѣломъ съ золотыми крылами, а съ темной стороны дьяволъ, какъ его пшутъ—съ рогами и съ огненнымъ языкомъ. Дьяволъ подталкиваетъ князя: убей, говоритъ, его; князь поднимаетъ мечъ, а ангелъ его и не допускаетъ; раза три князь поднималъ мечъ, да ангельская сила не допускаетъ. Вдругъ видитъ, на мѣстѣ ангела женщина и вырвала у князя мечъ; дьяволъ провалился и она услышала, какъ князь громко воскликнулъ: „спасибо, отъ грѣха спасла“,—съ этимъ и проснулась.

— Чудный сонъ! сказала княгиня,—надо бы помочь бѣднымъ, да какъ—не придумаешь.

— А вотъ что, матушка. Попадья задобрила въ синодѣ подъячаго... онъ обѣщалъ ей, какъ будетъ рѣшеніе, въ тотъ же день онъ ей скажетъ, а я ей велѣла бѣжать ко мнѣ и сказать, чѣмъ рѣшили—пока бумаги будутъ писать, пройдетъ время, а ты князя попросишь.

— Ладно, бабушка, попробуемъ.

Въ это время вбѣжала въ комнату кормилица.

— Варвара Михайловна! Попадья пришла, больно, говорить, нужно видѣть тебя.

Черезъ нѣсколько минутъ Варвара Михайловна возвратилась опять къ больной княгинѣ и стала на колѣняхъ у постели.

— Матушка-княгиня, ангелъ княгиня, спаси погибающаго.

— Что случилось?

— Попа привезли изъ синода на судъ князя. Синодъ отдалъ его головою князю.

— Да какъ же быть? я не могу встать съ постели, а время уходить.

— А вотъ что, перекрести меня, матушка, на доброе дѣло — перекрести, я пойду просить сама князя, вѣдь не въ первый это разъ.

Княгиня перекрестила старушку, и она пошла въ кабинетъ къ князю.

— Что тебѣ надо, Варвара Михайловна? спросилъ удивленный князь. Вѣрно, хуже княгинѣ? — и съ этими словами хотѣлъ идти въ спальню.

— Нѣтъ, Александръ Даниловичъ, — Богъ милостивъ, княгинѣ лучше, только встать еще не можетъ, а прислала меня сказать тебѣ, чтобы ты сегодня грѣха не положилъ на душу и не казнилъ безпомощныхъ за безуміе.

— Теперь мнѣ некогда, Варвара; скажи, меня ждетъ архимандритъ изъ синода съ дѣломъ; покончу, приду къ княгинѣ.

— Объ этомъ-то синодскомъ дѣлѣ и просить княгиня, отвѣчала старуха.

— Это еще что такое, въ синодское дѣло мѣшается!

Ступай къ себѣ, Варвара, ступай, — закричалъ сердясь Меншиковъ.

— А я не пойду, Александръ Даниловичъ, вотъ не пойду, не дамъ твоей дунгѣ тѣшиться.

— Съ-ума сошла, Варвара, ступай...

— Ты съ-ума сошелъ, Данилычъ, закричала старуха, — ты не хочешь слышать гласа Божія, спасающаго тебя. Да, въ этомъ дѣлѣ гласъ Божій, и я пришла къ тебѣ возвѣстить его.

Суевѣръ-Меншиковъ остолбенѣлъ.

— Съ-ума сошла, Варвара, что съ тобою сдѣлалось?

— А вотъ что, отвѣчала старуха и рассказала сонъ попадѣи. Меншиковъ задумался.

— Много ты неправды и горя учинилъ въ Малороссіи; вспомни почепское межеванье, — вѣдь изъ народа мнѣ многіе рассказывали, а попь изъ Малороссіи! помысли, князь Александръ Даниловичъ, да прости и попа, и старуху. Съ этими словами Варвара поклонилась князю въ ноги.

— Ну, что дѣлать? спросилъ Меншиковъ секретаря.

— На милость законъ не писанъ, ваша свѣтлость.

— Ты у меня, Варвара, и память вышибла, сказалъ кротко Меншиковъ, — не помню, зачѣмъ этого попа я требовалъ.

— За рисунокъ видѣнья монаха Порфирія на картинѣ вашей свѣтлости. Ваша свѣтлость изволили просить синодъ: для страха другихъ за такое дерзновеніе попа этого, что онъ авторъ того воровства, пристойно наказаньемъ штрафовать, а вашей свѣтлости за его такое поруганіе надлежащую сатисфакцію учинить, отвѣчалъ Волковъ, читая бумагу.

— Воровство, дерзновеніе! закричала старуха, — охъ вы, подъяческія строки. Пристойное наказаніе! штрафы!...

— Ну, полно, старуха, ступай и скажи княгинѣ, чтобъ она не беспокоилась; благодари ее за доброе дѣло, исполню ея желаніе.

27-го февраля 1722 года, синодскій совѣтникъ школь и типографіи проректоръ, Ипатьевскаго монастыря архимандритъ Гавріиль, возвратился въ присутствіе синода и объявилъ, что онъ посланъ былъ синодомъ къ князю Меншикову съ попомъ Даниломъ Афанасьевымъ, съ объявленіемъ отъ синода, что попъ за вину его посланъ къ его свѣтлости головою, что онъ представлялъ попа его свѣтлости и его свѣтлость изволилъ святѣйшій правительствующій синодъ благодарить, а попа въ оной винѣ простить.

ВАРЛААМЪ ЛЕВИНЪ.

Мнѣніе о пришествіи въ міръ антихриста появилось въ восточной Россіи въ первый разъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, во время исправленія церковныхъ книгъ. Патриархъ Никонъ, какъ виновникъ этого исправленія и строгій преслѣдователь раскольниковъ, былъ признанъ ими антихристомъ. Съ кончиною Никона прекратились толки объ антихристѣ; въ кроткое царствованіе царя Ѳедора Алексѣевича умы успокоились, не было преслѣдованій, не было и борьбы. Но это затишье было непродолжительно. Съ воцареніемъ Петра Перваго, уничтоженіе стрѣльцовъ, измѣненія въ коренныхъ народныхъ обычаяхъ, привязанность Петра къ иноземцамъ, страшныя казни и пытки въ Преображенскомъ, преслѣдованіе раскола снова подняли ту борьбу, которая была безсильна въ своихъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ, но могуча убѣжденіемъ и внутреннею народною жизнію. При этой борьбѣ опять явились, въ другомъ, уже измѣненномъ видѣ, и прежнія заблужденія о послѣднемъ времени, о пришествіи антихриста. Петръ—за казни стрѣльцовъ, за путешествіе за границу, за бритье бородъ и перемѣну платья русскаго на нѣмецкое, за преслѣдованіе раскола,

за нѣмцевъ, за войну—былъ означенъ народу раскольниками какъ антихристъ.

Предсказанныя апокалипсисомъ опасности и бѣдствія время послѣднихъ дѣйствовали сильно на воображеніе людей, жившихъ исключительно религиозными убѣжденіями. Изъ среды народа появились люди восторженные, занятые одною только мыслью о спасеніи души своей; они думали объ одномъ, какъ бы скрыться отъ антихриста, уйдти въ пустыню или заключить себя въ монастырь! Наконецъ явились и такіе, которые, въ фанатизмъ своего убѣжденія, для блага и спасенія душъ народа, рѣшались проповѣдывать публично противъ царя—антихриста.

Мнѣніе о пришествіи антихриста въ лицѣ Петра Великаго распространилось по всей Россіи, не исключая и Сибири. Къ этому въ особенности способствовали раскольничьи тетрадки Григорія Талицкаго *) и рассказы объ его мучительной смерти за проповѣдываніе ученія объ антихриствѣ. Талицкій извѣстенъ былъ народу во всѣхъ концахъ Россіи. Это видно изъ слѣдственныхъ дѣлъ той эпохи. У раскольниковъ того времени Талицкій былъ передовымъ человѣкомъ. Они уважали, чтли его память, какъ человѣка, пожертвовавшаго своею жизнію за свое убѣжденіе. Подлинное дѣло о Та-

*) Стефанъ Яворскій отыскалъ начальника разглашенія раскольническаго мнѣнія объ антихриствѣ Григорія Талицкаго, представилъ государю и обличилъ его предъ нимъ. (Словарь Бантыша Каменскаго). Стефанъ Яворскій написалъ извѣстную книгу: „Знаменіе пришествія антихристова и кончина вѣка“ противъ раскольническаго мнѣнія, что Петръ антихристъ. Книга эта напечатана въ первый разъ въ 1703 г.

лицеомъ до сихъ поръ не отыскано, и нѣкоторыми свѣдѣніями объ этомъ учителѣ и его мнѣніи объ антихристѣ мы обязаны любопытству императрицы Елизаветы Петровны. Въ 1750 году она приказала взять справку изъ дѣлъ бывшего Преображенскаго приеаза, что такое былъ Гришка Талицкій? И тогда уже полнаго дѣла не отыскали, а нашлись отрывочныя свѣдѣнія, которыя и были представлены императрицѣ черезъ тайную розыскныхъ дѣлъ канцелярію.

Гришка Талицкій былъ книгописецъ, жилъ въ Москвѣ и снискивалъ себѣ пропитаніе перепискою различныхъ книгъ и рукописей, продавая переписанное. Возродившееся мнѣніе о пришествіи антихриста въ лицѣ Петра возбудило въ немъ желаніе доказать справедливость этого мнѣнія изъ книгъ священнаго писанія, въ которыхъ онъ былъ глубоко начитанъ. Онъ принялся за это дѣло и въ тетрадкахъ: 1) О пришествіи въ міръ антихриста и о лѣтѣхъ отъ созданія міра до скончанія свѣта; 2) Врата—изложилъ сдѣланныя имъ розысканія, доказывавшія съ исчисленіемъ годовъ, что Петръ Первый какъ осьмой царь—антихристъ, и что пришло послѣднее время. Талицкій запрещалъ народу слушать Петра и платить подати, совѣтовалъ обратиться къ князю Михаилу Алегуковичу Черкасскому, черезъ котораго будетъ народу „нѣчто доброе“. Окончивъ свои сочиненія въ 1700 году, онъ дѣятельно началъ читать ихъ своимъ знакомымъ, раздавалъ копии, продавалъ ихъ. Многіе сочувствовали убѣжденію, изложенному въ тетрадкахъ. Тамбовскій епископъ Игнатій въ проѣздъ свой въ Москву услышалъ о Талицеомъ, призвалъ его къ себѣ, заставилъ его прочитать, пла-

каль слушаая Талицкаго и, принимая тетрадки, поцѣловаль сочинителя и далъ ему пять рублей. Кому ни давалъ Талицкій читать свои тетрадки, всѣ принимали его убѣжденія. Успѣхъ сочиненія подалъ ему мысль напечатать и продать его, а кромѣ того, „бросать въ народъ безденежно“, для возмущенія противъ Петра. Талицкій избралъ особый способъ печатанія: купилъ двѣ грушевыя доски и отправился на площадь отыскивать разстриженнаго попа Гришку Иванова, про котораго ему сказали, что „рѣжетъ кресты“ — т. е. вырѣзываетъ слова. Талицкій отыскалъ распопу Гришку и представилъ ему свои доски съ тѣмъ, чтобъ на одной было вырѣзано: „о исчисленіи лѣтъ“, на другой „о антихристѣ“. Распопъ Гришка объявилъ, что безъ „знаменія“ рѣзать невозможно и „чтобъ онъ, Гришка, ту доску принесъ назнамененную“ — другими словами, чтобъ Талицкій написалъ на нихъ текстъ, который распопъ и брался вырѣзать. Талицкій „назnamenовалъ“ доски, принесъ ихъ къ распопу — но печатаніе не удалось. На Талицкаго донесъ въ Преображенскій приказъ придворный пѣвчій дьякъ Ѳеодоръ Казаѣецъ, и Талицкаго схватили и предали розыску.

Въ пыткахъ, неоднократно повторяемыхъ, сознался Талицкій въ своихъ преступныхъ намѣреніяхъ и разсказалъ кому читалъ, кому продавалъ свои тетрадки, съ кѣмъ разговаривалъ о Петрѣ-антихристѣ, о послѣднемъ времени. Пошли аресты, допросы, пытки. Много привлечено было къ розыску: тамбовскій архіерей Игнатій, иконникъ Ивашка Савинъ, мѣщанской слободы церкви Андріана и Наталіи пономарь Артимошка Ивановъ, сынъ его Ивашко, Варлаамьевской церкви попъ

Лука, бояринъ князь Иванъ Ивановичъ Хованскій, церкви входа въ Іерусалимъ, въ Китаѣ у Троицы на рву попъ Андрей и попадья его Степанида, кадашевецъ Θεоктистка Константиновъ, племянникъ Талицкаго Мишка Талицкій, садовникъ Θεодотка Милюковъ, человекъ Стрѣшнева Андришка Семеновъ, съ Прѣсни церкви Іоанна Богослова распопъ Гришка, хлѣбнаго двorca подеључникъ Пашка Ивановъ, Чудова монастыря чернѣй попъ Матвѣй, Угличскаго Покровскаго монастыря дьячокъ Митька Денисовъ, печатнаго дѣла батырщикъ Митька Кирилловъ, ученикъ Талицкаго Ивашка Савельевъ; вотъ въ какихъ разнородныхъ слояхъ общества распространялъ Талицкій свои тетрадки — и всѣ эти читатели вмѣстѣ съ сочинителемъ понесли наказаніе *).

Талицкій и Савинъ, другъ его, приговорены были къ смертной казни копченіемъ. Во время казни Талицкій не выдержалъ, покался и снятъ былъ съ копченія. Савинъ спросилъ караульщикова, для чего сняли Талицкаго? Тотъ объявилъ, что онъ повинился; тогда и Савинъ просилъ о себѣ и его сняли и по желанію привели къ Талицкому, котораго Савинъ спросилъ: впрямь ли онъ повинился и для чего? Талицкій все подробно сказалъ, что все то ложь, чему училъ. Савинъ раскаялся со слезами и пенялъ на Талицкаго, что онъ ввелъ его въ такое заблужденіе, за которое, вмѣняя себѣ въ истину, онъ страдалъ и готовъ былъ уме-

*) Подробности допросовъ, пытокъ и рѣшенія участи всѣхъ привлеченныхъ къ слѣдствію и самого Талицкаго изложены въ подлинной выпискѣ изъ дѣлъ Преображенскаго приказа, представленной императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ въ 1750 г. Мы ее прилагаемъ въ подлинникѣ.

реть *). Какъ былъ потомъ казнень Талицкій, изъ допросовъ не видно, но въ большей части слѣдственныхъ дѣлъ того времени раскольники, вспоминая о Талицкомъ, повторяли разсказъ, что Талицкій былъ сожженъ.

Такъ кончилъ жизнь первый проповѣдникъ ученія о пришествіи антихриста въ лицѣ Петра Великаго, и, къ сожалѣнію, тетрадки Талицкаго утратились изъ дѣлъ Преображенскаго приказа еще въ царствованіе Елизаветы Петровны и не дошли до насъ. Весьма однакожь вѣроятно, что въ народѣ уцѣлѣли нѣкоторые экземпляры и въ спискахъ ходили по рукамъ между людьми, принадлежавшими къ партіи враждебной Петру и сохранившими убѣжденіе о наступившемъ послѣднемъ времени. Эти убѣжденія значительно были тогда распространены въ народѣ и мы разскажемъ изъ подлиннаго дѣла объ одномъ восторженномъ, даже до безумія, послѣдователѣ ученія Талицкаго.

Въ 1695 г. въ Пензенскомъ уѣздѣ, въ селѣ Левинѣ, проживалъ служилый человѣкъ Андрей Левинъ. У него было два сына. Старшій, Герасимъ, былъ уже на службѣ въ драгунахъ; младшій жилъ при отцѣ, выучился у дьячка читать и, не имѣя никакого дѣла, проводилъ весьма часто время въ бесѣдахъ съ священникомъ своего села, приверженцемъ старины, даже раскольникомъ, потому что крестился по старому, „слагая большой перстъ съ двумя меньшими“, чему научилъ и молодого помѣщика. Въ это время по всей Россіи разнеслись вѣсти о стрѣльцкомъ бунтѣ, о казни стрѣльцовъ со всѣми ея ужасами, поражавшими народъ, о заточеніи

*) Пол. Соб. Зак. Т. VI ст. 3891.

царевны Софьи Алексѣевны въ монастырь. Эти вѣсти переходили въ народную молву, искаженныя противъ истины, съ прибавленіемъ тѣхъ вымысловъ, которые порождаетъ всегда въ этихъ случаяхъ воображеніе, прилаженное къ современному направленію идей и религіозныхъ убѣжденій. Петръ Первый уѣхалъ за границу—въ народѣ разнеслась молва, что прямой царь пошелъ за море и тамъ удержанъ. Петръ возвратился—нѣтъ, это уже не прямой царь, но преобразился въ антихриста. Народу тяжка всегда война, и вотъ послѣ неудачной Азовской кампаніи народъ толкуетъ: ходилъ онъ войною на Азовъ и гдѣ что ни возьметъ, пушки и города, отдаетъ назадъ, а людямъ чинить разоренія, отчего-де стало все государство пусто.

Доходили и въ Левино эти толки. Василия Левина надѣлила природа воображеніемъ пылкимъ, характеромъ впечатлительнымъ, довѣрчивымъ и слабымъ. Въ деревнѣ Левина уже проявлялись нескромные проповѣдники изъ раскольниковъ о томъ, что Петръ антихристъ, и крестьяне часто рассказывали своему молодому барину, какъ ихъ сотоварищи крестьяне, два брата Соболяки, были схвачены изъ деревни и за расколъ сожжены въ Москвѣ. Слушая эти рассказы, Левинъ постепенно все сильнѣе и глубже принималъ къ сердцу заблужденія того времени.

Въ 1701 году, по приказанію отца, поневолѣ онъ принужденъ былъ идти на службу. Бояринъ князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ набиралъ драгунъ. Василій Левинъ, по его назначенію, опредѣленъ былъ въ полкъ полковника Полуэктова. Въ 1709 году его перевели въ гренадерскій полкъ Гаврилы Кропотова и по

разбору свѣтлѣйшаго князя Меншикова онъ записанъ въ поручики. Въ 1711 г., по разбору фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, произведенъ въ томъ же полку капитаномъ. Полеъ ихъ находился въ Малоросіи. Въ это время царевичъ Алексѣй Петровичъ находился въ арміи, и Василью Левину удалось его видѣть очень близко. Царевичъ проѣзжалъ изъ Львова въ Кіевъ. Левинъ назначенъ былъ начальникомъ отряда драгунъ, который сопровождалъ царевича.

Военная служба была не по характеру Левина; мысль объ антихристѣ и что онъ, Левинъ, служить ему въ лицѣ царя Петра угнетала его совѣсть; онъ скучалъ, грустилъ и наконецъ впалъ въ меланхолію; къ этому присоединились припадки падучей болѣзни. Въ 1715 г. Левинъ находился въ Нѣжинѣ. Желаніе постричься въ монахи, или уйти куда нибудь отъ антихриста начало преслѣдовать его. Левинъ обратился съ просьбою къ генералу Рену—позволить ему оставить службу и идти въ монастырь. Рень не соглашался отпустить его „безъ указу“, а въ особенности потому, что Петръ запретилъ увольнять изъ военной службы въ монастыри, а велѣлъ опредѣлять „къ дѣламъ и въ случаѣ болѣзни для освидѣтельствованія отсылать въ Петербургъ“. Левинъ, убитый отказомъ Рена, отправился въ церковь къ обѣднѣ. Въ это время въ Нѣжинъ пріѣхалъ временно Стефанъ Яворскій, митрополитъ рязанскій, блюститель патриаршаго престола, для освященія церкви въ городѣ. Нѣжинъ былъ дорогъ старику воспоминаніями дѣтства. Здѣсь провелъ онъ подъ родительскою сѣнію первые годы своей юности; когда-то бѣдный нѣжинскій житель, теперь митрополитъ, въ алтарѣ новоосвященной имъ

наканунѣ церкви, молился Богу. Василій Левинъ пришелъ также въ эту церковь передать Богу свою печаль, свое отчаяніе... Онъ стоялъ у праваго клироса, горячо молился и горько плакалъ... Изъ алтаря Стефанъ замѣтилъ Левина и выслалъ къ нему послѣ обѣдни пѣвчаго спросить: „какого онъ чина человѣкъ?“

— Капитанъ, отвѣчалъ Левинъ и оставленъ съ прочими больными въ Нѣжинѣ. Пѣвчій опять возвратился къ Левину изъ алтаря: „велѣлъ тебѣ архіерей побывать у себя на квартирѣ“. Левинъ явился черезъ три дня къ Стефану и на его разспросы рассказалъ о службѣ своей, о болѣзни, о желаніи постричься, объ отказѣ генерала Рена. „Здѣсь тебя не отпустятъ, сказалъ Стефанъ Левину,—вась, больныхъ, велѣно для свидѣтельства, присылать въ Петербургъ, и когда ты туда пріѣдешь, ты ни къ кому прежде не являйся, а явись ко мнѣ“.

Это доброе слово запало въ душу Левина и, какъ мы увидимъ, онъ не забылъ приглашенія Стефана.

Левинъ продолжалъ хворать, его перевозили съ полковыми больными изъ города въ городъ, и въ 1716 г. мы его находимъ въ предмѣстьѣ Харькова. Онъ стоялъ на особой квартирѣ; въ одинъ день подѣхали къ его дому три монаха, „всѣ трое образомъ равны, а говорятъ порусски, только на греческую рѣчь походить“. Остановились они противъ его квартиры и стали проситься къ нему. Левинъ съ радостью пріютилъ проѣзжихъ. Монахи угостили привѣтливаго хозяина винными ягодами и изюмомъ. Левинъ пригласилъ ихъ обѣдать съ собою; завязался разговоръ.

— Откуда ѣдете и куда? спросилъ Левинъ.

— Изъ Іерусалима, отъ гроба Господня въ С.-Петербурзь — смотрѣть антихриста.

— Какой тамъ антихристъ?

— Котораго вы называете царь Петръ Алексѣвичъ — тотъ и антихристъ. Прибудетъ онъ въ столицу и недолго тамъ будетъ, отъѣдетъ въ Казань, а въ тѣ времена уже покою не будетъ...

Пришелъ разговоръ и о путяхъ къ спасенію отъ антихриста. Левинъ сообщилъ монахамъ о желаніи своемъ постричься.

Монахи похвалили его намѣреніе и, уѣзжая, благословили на доброе дѣло крестомъ съ мощами. Мощи предварительно показали ему и, завернувъ въ бѣлую бумажку, уложили въ раздвижной ящичекъ, который былъ въ главѣ креста.

Этотъ крестъ не оставлялъ Левина до его смерти.

Убѣжденіе неполное, смутное, въ слабомъ, болѣзненномъ умѣ Левина перешло въ вѣрованіе, и это вѣрованіе еще болѣе укрѣплялось, когда судьба приводила его къ такимъ исповѣдникамъ, которые, увлеченные раскольничьимъ мнѣніемъ того времени, при исповѣди Левина, что онъ считаетъ Петра антихристомъ, отвѣчали ему: „и мы за такого его признаваемъ“. Это повторялось съ нимъ и въ Малороссіи.

Наступилъ 1718 годъ, совершилось страшное дѣло царевича и молва опять разнесла въ народѣ вѣсти, враждебныя для Петра: „Царь не прямой царь, а антихристъ; приводилъ царевича въ свое состояніе и онъ его не послушалъ и за то его и убилъ“. Не одни раскольники и низшее духовенство съ ненавистью говорили о Петрѣ. Товарищи Левина, офицеры Кропотова полка,

въ дружескихъ бесѣдахъ жалѣли о царевичѣ, даже плакали о немъ. Они рассказывали ему: „Государь царевича запыталъ и въ хомутѣ онъ умеръ за то, что онъ, царевичъ, богоискательный человѣкъ и не любилъ нѣмецкой политики“.

Въ началѣ 1719 г. припадки меланхоліи и падучей усилились такъ, что генераль князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой отослалъ Левина въ Петербургъ въ военную коллегію для освидѣтельствованія его болѣзни.

Наконецъ желаніе его сдѣлаться монахомъ могло осуществиться и приглашеніе Стефана Яворскаго, въ 1715 г. въ Нѣжинѣ, обнадеживало въ полномъ успѣхѣ.

Левинъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ письмомъ отъ Трубецкаго къ князю Меншикову объ освидѣльствованіи его въ болѣзни. Ему посовѣтовали адресоваться къ князю черезъ духовника Меншикова, его крестоваго попа, прозваніемъ Лебедка. Крестовый попъ представилъ Левина Меншикову, а князь приказалъ отправить его въ лазаретъ къ коменданту Бахміотову, въ крѣпость. Теперь судьба его зависѣла отъ рѣшенія доктора. Много въ тѣ времена было охотниковъ отбывать отъ военной службы, и на больныхъ смотрѣли съ подозрѣніемъ. Левинъ, для большаго успѣха своего преднамѣренія выйти изъ военной службы, притворился совершенно безумнымъ. Но докторъ не тотчасъ повѣрилъ этому и для лучшаго удостовѣренія началъ жечь ему руку. Левинъ выдержалъ испытаніе и не показалъ, что чувствуетъ боль. Хитрость удалась, ему выдали паспортъ и отставку по болѣзни. Наконецъ онъ свободенъ располагать собою и отправился къ Яворскому.

Набожный митрополитъ сдержалъ свое слово и даль

Левину письмо къ архимандриту соловецкому о постриженіи Левина въ монахи. Кажется и дѣду конецъ; но Левинъ не воспользовался содѣйствіемъ Стефана; его сбили народные слухи о дурномъ житіѣ въ Соловецкомъ монастырѣ; онъ хотѣлъ постричься въ Невскомъ монастырѣ, но и тамъ, рассказывали ему, монахи ѣдятъ мясо и живутъ непорядочно; а между тѣмъ знакомство съ попомъ Лебедкою укрѣпило еще болѣе его убѣжденія объ антихриствѣ. Попъ Лебедка обращенъ былъ самъ въ расколъ случайно такимъ образомъ.

Въ 1707 году, живя въ Новгородѣ, встрѣтился онъ на базарѣ съ прежнимъ своимъ духовнымъ сыномъ, новгородскимъ посадскимъ человѣкомъ, Гаврилою Нечаевымъ. Нечаевъ только-что возвратился изъ Брынскихъ лѣсовъ, гдѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ между раскольниками и сдѣлался ихъ ревностнымъ послѣдователемъ. Прежній духовный сынъ Лебедки совратилъ его съ пути православія и Лебедка принялъ горячо ученіе о пришедшемъ на землю антихриствѣ въ лицѣ Петра. „У насъ въ книгахъ это написано“, говорилъ ему Нечаевъ, и Лебедка вѣрилъ ему безусловно. Живя у Меншикова, Лебедка покровительствовалъ своимъ братьямъ, но велъ себя такъ осторожно, что никто и не подозрѣвалъ въ немъ раскольника. Могъ ли думать Меншиковъ, преданный такъ глубоко Петру, что самое близкое ему лицо въ домѣ, его духовникъ, раскольникъ и заклятый врагъ преобразователя Россіи? Въ Левинѣ Лебедка нашелъ ревностнаго сотоварища и не скрывалъ передъ нимъ своихъ убѣжденій. „Петръ антихриствѣ, говорилъ Лебедка. Онъ и сына своего не пощадилъ, билъ его, и царевичъ не просто умеръ. Знамо-что де государь

его убилъ, понеже онъ, царевичъ, въ городѣ (въ крѣпости) содержался“. Лебедека жалѣлъ царевича, потому что онъ когда-то его, Никифора, берегъ, какъ онъ былъ въ Помераніи.

Левинъ ходилъ часто къ Лебедеѣ, бывалъ у него на исповѣди и на исповѣди сообщалъ Лебедеѣ, что служить нельзя, что государь жестокой и я „признаю его антихристомъ“; Лебедека твердилъ тоже: „Петръ антихристъ, и когда дѣвочку (дочь свою) выдамъ, то, покинувъ и попадью, пойду въ монастырь“.

Еще одна современная болтовня вскружила голову Левину въ его бытность въ Петербургѣ. Когда онъ былъ въ лазаретѣ, отставные солдаты говорили ему: „Привезены изъ за моря клеймы на корабляхъ и кого запечатають, тому и хлѣбъ дадутъ“. Объ этихъ таинственныхъ клеймахъ болтали и не одни солдаты. У Левина были родственники въ Петербургѣ, два двоюродные брата, преображенскаго полка капраль Петръ и солдатъ Иванъ Разстригины. Левинъ послѣ выпуска изъ лазарета жилъ на Петербургскомъ острову у Казанской церкви. Одинъ разъ Иванъ Разстригинъ пришелъ къ Левину и пригласилъ его къ себѣ въ гости. Отправились. На дорогѣ завязался разговоръ о Петрѣ.

— Я не знаю, что дѣлать, говорилъ Разстригинъ;— хочу бѣжать изъ полка; я не признаю, что онъ у насъ государь; онъ антихристъ.

— Какъ ты смѣло говоришь, не опасно... замѣтилъ Левинъ.

— Нѣтъ, ничего! у насъ изъ офицеровъ многіе говорятъ для того, что онъ государь въ одно время училъ

три роты на водѣ лѣтомъ, будто по льду подымаетъ, также и воду въ кровь превращаетъ.....

— Я давно знаю, отвѣчалъ Левинъ, — что онъ не прямой царь, а антихристъ, и для того хочу постричься.

— А вѣдаешь ты, спросилъ Разстригинъ, — что нынѣ привезли на трехъ корабляхъ знаки, чѣмъ людей клеймить, и самъ государь по нимъ ѣздилъ и привезены на Котлинъ островъ, токмо никому не кажутъ и за крѣпкимъ карауломъ содержатъ и солдаты стоятъ безсмѣнно?

Пришли въ домъ къ Ивану. Тутъ былъ и другой братъ, Петръ Разстригинъ, и еще три унтеръ-офицера и капраль. Разговоръ возобновился о Петрѣ и продолжался въ томъ же духѣ. Наконецъ Петръ Разстригинъ, не принимавшій участія въ бессмысленной болтовнѣ, закричалъ на брата: „полно тебѣ врать!“

— А что, отвѣчалъ Иванъ, будто эта тайна! многие говорятъ въ полку, не я одинъ, и признавають также...

„Подобное ли дѣло, еслибы онъ прямой царь былъ, что онъ сына своего убилъ и царицу постригъ... а эту царицу держитъ только подъ видомъ, а съ нею не живетъ“.

Это было въ маѣ 1721 года.

Вскорѣ послѣ этого Левинъ переѣхалъ съ своей квартиры на Московскую сторону, въ приходъ Семіона Богоспріимца, въ домъ императорскаго конюха Кузьмы Теремцеаго. Въ этомъ домѣ онъ пробылъ только одинъ день, но и въ этотъ день опять столкнулся съ солдатами, которые наговорили ему, „что привезены изъ-за моря клеймы, чѣмъ людей клеймить антихристовымъ клеймомъ и у тѣхъ клеймъ стоятъ они на караулѣ мѣсяца по два и больше безперемѣнно, для того чтобъ о тѣхъ клеймахъ никто не вѣдалъ“...

Антихристъ, антихристовы клейма, привезенныя изъ-за моря, убійство царевича, соблазны въ монастыряхъ, все закружилось въ головѣ Левина: что дѣлать? гдѣ спастись? И изъ Соловковъ бѣгутъ въ лѣса и пустыни! Лучше скрыться въ какомъ нибудь отдаленномъ „незнатномъ монастырѣ“, и онъ вспомнилъ, что на родинѣ, въ Пензенскомъ уѣздѣ, есть монастыри, есть и знакомая ему съ дѣтства Жадовская пустынь,—нанялъ подводы и пустился на родину.

Онъ возвращался въ свои края проповѣдывать объ антихристѣ. Живя въ Петербургѣ, „положилъ онъ себѣ это намѣреніе“ и записалъ даже о томъ въ святцахъ своихъ.

Святцы Левина, кіевской печати, была памятная книжка его; онъ отмѣчалъ въ нихъ часто событія своей жизни и свои мысли. Нѣсколько выписокъ могутъ служить очеркомъ его характера и направленія идей.

На первомъ листѣ передъ заглавіемъ:

1719 г. іюня 10 припала меланхолія капитану Левину, у преміеръ-маіора Баранова, при многихъ офицерахъ, сталъ просить у офицеровъ будто въ своей квартирѣ, чтобъ попросить чтобъ выпить офицерамъ и сѣлъ на кресла и перемѣнился въ лицѣ. При томъ были свидѣтели: господа маіоры Барановъ, Воейковъ, капитаны Назаревъ, Кропотовъ, Суромиловъ, поручики Ханыковъ, Михайло Платцовъ и подпоручики.

На оборотѣ листа: 1718 г. мая 6 дня явленіе было на небеси въ полдень: солнце было въ кругу великомъ, темномъ, три часа.

Въ святцахъ противъ чиселъ каждаго мѣсяца:

Сентябрь. 4-го и 5-го въ забвеніи былъ (меланхо-

ли). 6-го въ забвеніе пришелъ; въ день чудо велико было, никого ко мнѣ изъ людей не припустили. 7-го въ забвеніе пришелъ въ полдень. 13-го меланхолія. 18-го изъ полка. Въ лицѣ перемѣнился и разулся въ понедѣльникъ въ домѣ.

Октябрь. 1-го числа †††. Покровъ. Зѣло наказанъ падучей болѣзней; помнить крестъ. (Эту отмѣтку, какъ объяснялъ послѣ въ тайной канцеляріи, онъ сдѣлалъ тремя крестами для того, что прежде крестился онъ слагая большой палецъ къ двумъ послѣднимъ перстамъ, а потомъ тотъ большой палецъ сталъ складывать съ указательнымъ и среднимъ—и оттого означеннаго 1-го октября дня 1721 г. случилась ему падучая болѣзнь тяжче прежняго и онъ-де того ради три креста и назначилъ, чтобъ ему попрежнему креститься).

15 октября. Явленіе было на небеси зѣло дивно и несказанно, намѣреніе было мясо ѣсть, за то зѣло наказанъ отъ Бога; еще хотѣлъ жениться. (Вотъ его объясненіе этой отмѣтки. Въ 1719 г., октября 15 числа, какъ онъ былъ въ С.-Петербургѣ для прошенія о свободѣ отъ службы и въ то время было на небеси явленіе такимъ образомъ: показалось облако черное, изъ котораго вышли три столба огненныхъ и изъ нихъ въ срединѣ стоящій выше ихъ и облака сходились. Когда былъ въ полку въ 1712 г., не ѣлъ мяса, а потомъ сталъ было ѣсть и хотѣлъ жениться, а за то падучею болѣзнею жестоко наказанъ).

16 октября падучая болѣзнь. 17 четыре раза.

28 октября. Поясъ (сталъ носить поясъ).

30 октября (въ Петербургѣ, 1720 г.). Припало забвеніе, платье въ ночи снялъ и положилъ подъ себя.

Декабрь. 3 числа. Отъ пива и меду (чтобъ отъ пива и меду воздержался для болѣзни).

Январь. 10 числа. Въ сенатъ челобитная подана (о постриженіи).

Январь. 21 числа. Ногу ошибъ.

Февраль. 10 числа (въ С.-Петербургѣ). Докторъ смотрѣлъ. 14-го (въ Пензѣ) въ монастырѣ молился. 27 (1722 г.) смирился (постригся въ монахи).

Мартъ. 5 числа. Рука правая отнялась. 6-го въ лазаретѣ отравленъ. 9-го огонь... (Это значило: въ лазаретѣ притворился онъ больнымъ, для того и огонь назначили). 17-го огнемъ жженъ въ лѣвую руку, въ пятокъ (въ лазаретѣ пробовали его болѣзнъ, доктора жгли лѣвую руку). 22-го числа въ лазаретѣ въ полночь учинилось надъ канитаномъ: упалъ на постелю и свѣчу не погася и лежалъ часа два въ болѣзни и какъ образумился при великомъ огнѣ и объявилъ всѣмъ солдатамъ и огонь потушили. 26-го посѣтилъ въ лазаретѣ священникъ Никифоръ Терентьевъ дому свѣтлѣйшаго князя Александра Даниловича Меншикова; въ меланхолю пришелъ передъ вечеромъ; былъ разуть и раздѣтъ и легъ; въ ночь убрался.

Апрѣль. 4-го. Изъ лазарета (изъ лазарета освобожденъ). 12-го упалъ на постелю и лежалъ полчаса. 20-го. Мысль къ добродѣтели (постричься). 24-го. Кромѣ квасу, напитоковъ хмѣльныхъ не пить: въ тѣхъ напиткахъ хмѣлевыхъ причина есть велика; съ постели упалъ и лежалъ два часа безъ памяти.

Май. 9-го. Отъ архіерея указъ взять къ Соловцамъ, постричься. 10-го. Въ путь добрый. (Намѣреніе положилъ постричься).

Июнь. 14-го. Въ Муромскомъ лѣсу (падушая). 27. Бороды не брить.

Июль. 5-го. Отъ мяса воздержаться (отмѣтка въ полку). 9-го. Падушая. 19-го. Обѣщаніе церковь строить въ среду (обѣщаніе церковь строить въ Кіевѣ). 20-го. Псалтырь не оставлять. 23-го Петръ ††. (Въ Петербургѣ въ 1721 положилъ намѣреніе, чтобъ ясно называть государя антихристомъ, а прежде того долго только онъ въ мысляхъ своихъ содержалъ и явно не смѣлъ говорить).

И такъ, съ твердымъ намѣреніемъ проповѣдывать объ антихристѣ, пустился Левинъ въ Пензу—и по дорогѣ рассказывалъ о Петрѣ, о клеймахъ, о послѣднихъ временахъ.

Много пережвѣвъ нашель у себя дома Василій Левинъ послѣ двадцатилѣтняго отсутствія. Отца и матери ужъ не было въ живыхъ. Мачиха хозяйничала въ домѣ, да дядя Петръ Андреевъ лежалъ больной при смерти. Братъ Герасимъ жилъ тутъ же—по возвращеніи изъ службы, но въ немъ Василій не нашель сочувствія къ своимъ идеямъ противъ Петра: Герасимъ не вѣрилъ вздорнымъ слухамъ.

Разстроенное воображеніе, усцвливающіеся припадки падушей болѣзни, которыми онъ началъ страдать еще въ 1712 году въ полку, восторженныя выходки противъ Петра, дѣлали Левина нестерпимымъ, тяжелымъ членомъ его семейства... да и ему самому было грустно. невыносимо... Въ своихъ болѣзненныхъ припадкахъ онъ кричалъ: „нынѣ послѣднее время... пойду на муку и замучусь“.. Разказы о клеймахъ являлись его воображенію. „Вотъ всѣхъ зашь будутъ пятнать, какъ солдатъ“.

Проходилъ припадокъ, онъ не помнилъ что говорилъ. „Для чего ты это болтаешь?“ спрашивалъ его братъ. „Не помню, что говорилъ“, былъ отвѣтъ больнаго умомъ Левина.

Въ концѣ 1721 года, именно въ рождественскій постъ, Левинъ говѣлъ; въ ихъ деревнѣ церкви не было, а простая часовня. 6-го декабря онъ отправился причащаться въ сосѣднее село Конопати. Передъ обѣдней онъ зашелъ къ двоюродному своему брату Герасиму Григорьеву, жившему въ Конопати.

— Что подѣлываешь? спросилъ Василій.

— Былъ въ Саранскѣ—тамъ у меня дѣло о бѣглыхъ крестьянахъ.

— Плюнуть на это дѣло! отвѣчалъ Василій, занятый своими идеями о преставленіи свѣта: „нынѣ послѣднее время и всѣ дѣла надо бросать“....

— Тебѣ плюнуть, а мнѣ оно трудно, говорилъ Герасимъ. — Много уже за этимъ дѣломъ прожилъ денегъ въ Саранскѣ—да еще теперь велѣно ѣхать къ Москвѣ.

— Что ты торопишься... не доѣдешь къ Москвѣ... воротись... Монахи мясо ѣдятъ...

Герасимъ увидѣлъ, что Василій замирается... засмѣялся и прервалъ его: врешь ты это! Василій разсердился, плюнулъ и вышелъ вонъ.

Въ раздраженномъ расположеніи духа пришелъ онъ къ обѣднѣ... Мысли его мѣшались: антихристъ... клейма... мясо... монахи... царь Петръ... послѣднія времена...

Въ церкви много было народа и между прочимъ махича Левина, Агафья Ивановна, знакомые ему сосѣди, помѣщикъ села Конопати, драгунскаго полка капитанъ

Александръ Андреевичъ Саловъ съ женою, комиссаръ саранскій Ѳедоръ Никитичъ Языковъ съ женою и другіе.

Василій Левинъ сталъ на лѣвомъ клиросѣ, возлѣ Салова.

Кончилась обѣдня, священникъ вышелъ изъ алтаря съ крестомъ, народъ началъ приелавываться...

— Смотри! закричалъ громко Василій Салову, — смотри, образъ не такъ написанъ...

— Поди отъ меня прочь, отвѣчалъ Саловъ, — не наше дѣло.

Левинъ уже былъ внѣ себя и закричалъ съ клироса народу: „Послушайте, православные христіане! Слушайте! Нынѣ у насъ преставленіе свѣта скоро будетъ... Государь нынѣ загналъ весь народъ въ Москву и весь его погубить... Вотъ здѣсь, въ этомъ мѣстѣ, говорилъ онъ народу, указывая на свою руку между указательнымъ и большимъ пальцемъ... въ этомъ мѣстѣ царь ихъ будетъ пятнать и стануть они въ него вѣрвать...“

Священникъ закричалъ на Левина:

— Для чего ты такія слова говоришь? Я велю тебя взять твоимъ же крестьянамъ.

Левинъ отвѣчалъ бранью: „Будутъ и вамъ бороды брить и станете табакъ тянуть и будетъ у васъ по двѣ жены и по три, какъ ето хочеть жить“... и съ этими словами выбѣжалъ изъ церкви...

Послѣ этой выходки Левинъ не возвратился домой; доносчиковъ не нашлось въ ту же минуту; крестьяне поболтали, воротясь домой, о баринѣ, объ антихристѣ, а сосѣди и родственники, изъ жалости къ бѣдному сумасброду, не рѣшились донести.

Черезъ нѣсколько дней Левинъ явился въ Жадовскую

пустынь и послѣ вечерни объяснилъ игумену въ кельѣ наединѣ свое положеніе: „отъ службы онъ отставленъ и отпущенъ съ указомъ въ монастырь постричься; дано ему и отъ рязанскаго архіерея письмо въ Соловецкій монастырь къ архимандриту, но архіерей сказалъ ему: туда далеко тебѣ ѣхать, поищи здѣсь монастыря; поэтому онъ и пріѣхалъ посмотрѣть пустынь“.

Игуменъ и братія пригласили его погостить у нихъ и осмотрѣться. Левинъ прожилъ у нихъ нѣсколько времени, ходилъ за трапезу монашескую и велъ себя скромно. Но наконецъ не утерпѣлъ и отправился въ келью къ игумену. „Нынче послѣднее время, говорилъ Левинъ, — антихристово пришествіе... привезены въ С.-Петербургъ печати... хотятъ людей печатать... въ Петербургъ въ Невскомъ монастырѣ монахи мясо ѣдятъ... а все то дѣло не государево, а антихристово... и государь антихристъ“.

Игуменъ не отвѣчалъ ни слова.

Не понравилась почему-то Жадовская пустынь Левину; онъ перешелъ въ пензенскій монастырь, но и здѣсь что-то не показалось; побывалъ у себя въ деревнѣ, у сосѣдей въ селѣ Конопати и потомъ отправился въ Предтеченскій подъ городомъ Пензою монастырь. Его приняли въ бѣльцы.

Поведеніе Левина въ церкви с. Конопати сильно беспокоило родныхъ его. Они видѣли разстройство ума его, усиливавшіеся припадки падучей, и конечно въ этомъ положеніи всего лучше было бы постриженіе Василія въ монахи. Когда братъ его Герасимъ узналъ, что Василій въ Предтеченскомъ монастырѣ, онъ послалъ ему сказать, чтобъ скорѣе постригался, потому что его требуютъ къ смотру въ Москву, „а онъ, Василій, не

ѣдетъ и не постригается; будетъ бѣда, если скоро не пострижется, а-то помѣстья у нихъ отнимутъ“.

Василій, давно желавшій постричься, послѣдовалъ совету брата и поступилъ въ число монаховъ Предтеченскаго монастыря, съ именемъ Варлаама.

При постриженіи, обыкновенно, назначается новопостриженному начальный монахъ, для наставленія въ правилахъ монашеской жизни: Левину былъ назначенъ старецъ Іона.

Выборъ этотъ былъ неудаченъ для Левина. Іона также былъ съ убѣжденіемъ о пришествіи антихриста.

Черезъ недѣлю послѣ постриженія Левинъ бесѣдовалъ уже съ Іоною о своихъ задушевныхъ вѣрованіяхъ.

— Послѣднее время пришло... Нынѣ у насъ не царь, а антихристъ... заставятъ насъ, монаховъ, мясо ѣсть и съ женами жить... въ Невскомъ монастырѣ монахи уже ѣдятъ и привезены въ Петербургъ печати... станутъ всѣхъ печатать... а къ намъ въ монастырь пріѣдетъ старецъ и станетъ онъ намъ давать въ напиткахъ и ѣдѣ и вы всѣ къ нему передадитесь... и этотъ же старецъ станетъ съ образомъ оклады обдирать и будутъ писать только три образа, а именно: Спаса, Богородицы и Іоанна Предтечи, а иныхъ никакихъ образовъ писать не будутъ. Мнѣ все это Богъ всенародно велѣлъ скзывать...

Іона со страхомъ слушалъ предсказаніе Левина.

— Ежели образа станутъ обдирать, отвѣчалъ Іона, мы пойдемъ въ лѣса, а если образъ Казанской Богородицы (велейный образъ Іоны) станутъ обдирать и мы прежде тутъ умремъ съ тобою. Станемъ имъ говорить: насъ прежде побейте, а образа не обдирайте.

Левинъ подружился съ Ионою и жилъ съ нимъ душа въ душу. Одни и тѣ же убѣжденія связывали ихъ, и Иона вѣрилъ о пришествіи антихриста, и Иона хотѣлъ бѣжать въ пустыню.

Игуменъ Θεодосій совсѣмъ другое дѣло: сколько разъ ни начиналъ ему говорить Левинъ о Петрѣ, тотчасъ прекращался разговоръ словами игумена: „все врешь ты!“

12 марта 1722 г. во время богослуженія въ церкви съ Левинымъ случилась падучая. Послѣ припадка Левинъ обыкновенно былъ расположенъ къ своимъ разговорамъ о Петрѣ.

Выходя изъ церкви, онъ не утерпѣлъ и подошелъ къ игумену:

— А вѣдаешь ты, отецъ игуменъ, что нынѣ у насъ не царь, а антихристъ?

Игуменъ разсердился и строго отвѣчалъ:

— Не хорошо ты рѣчь эту говоришь.

Левинъ отошелъ прочь.

Черезъ недѣлю, именно 19 марта, въ Пензѣ былъ большой базаръ. Левинъ отпросился у игумена въ городъ „для подаенія по тюрьмамъ милостыни“. Но онъ сказалъ неправду игумену, у него было въ головѣ совсѣмъ другое, онъ отправился проповѣдывать народу послѣднее время, спасти людей отъ антихриста.

Народъ толпился на базарѣ. Левинъ пробрался къ мяснымъ лавкамъ, взлѣзъ на плоскую крышу одной изъ нихъ, снялъ съ себя клобукъ, поднялъ его на клюкъ вверхъ и закричалъ окружавшей его толпѣ: „Послушайте, христіане, послушайте! Много лѣтъ я служилъ въ арміи у генераль-маіора Гавріилы Семеновича Кропотова въ командѣ... Меня зовутъ Левинъ... Жилъ я

въ Петербургѣ; тамъ монахи и всякіе люди въ посты ѣдятъ мясо и меня ѣсть заставляли. А въ Москву пріѣхалъ царь Петръ Алексѣевичъ... Онъ не царь Петръ Алексѣевичъ, а антихристъ... антихристъ... а въ Москвѣ всѣ мясо ѣсть будутъ сырную недѣлю и въ великій постъ и весь народъ мужеска и женска пола будетъ онъ печатать, а у помѣщиковъ всякой хлѣбъ описывать, и помѣщикамъ будутъ давать хлѣба самое малое число, а изъ остальнаго отписнаго хлѣба будутъ давать только тѣмъ людямъ, которые будутъ запечатаны, а на которыхъ печатей нѣтъ, тѣмъ хлѣба давать не стануть... Бойтесь этихъ печатей, православные!.. бѣгите, скройтесь куда нибудь... Последнее время... антихристъ пришелъ... антихристъ..."

Народъ со страхомъ разбѣжался. Левинъ возвратился въ Предтеченскій монастырь, но не надолго.

Въ толпѣ базарной нашелся одинъ человѣкъ, пензенскій обыватель Ѳедоръ Семеновъ Каменщиковъ, на котораго безумная проповѣдь Левина подѣйствовала совсѣмъ иначе. Онъ побѣжалъ съ базара не со страхомъ, не съ мыслию скрыться куда нибудь отъ антихриста, а прямо въ пензенскую земскую контору объявить о происшествіи...

За Левинымъ послали въ монастырь, схватили его и привезли въ Пензу. Дѣло было слишкомъ важное... Сковали Левина и доносчика Каменщикова и обоихъ отправили съ донесеніемъ въ сенатъ въ Москву.

Сержантъ Арцыбашевъ везъ колодниковъ. Арцыбашеву такъ мало дали денегъ на дорогу, что въ Муромѣ у него не достало на прогоны и ему отказали въ подводахъ, не смотря на важность „государственныхъ пре-

ступниковъ“, которыхъ онъ везъ. Арцыбашеву пришлось занимать деньги у Левина. Онъ выпросилъ у него 14 р... Но подводъ всетаки не давали. Сержантъ принужденъ былъ купить пару лошадей (въ дѣлѣ даже сохранилось описаніе этихъ знаменитыхъ лошадей: одна гнѣдо-пѣгая, другая каурая), телѣгу и сбрую; какъ это все тогда стоило дешево, не болѣе 14 руб.!

Въ Москвѣ, 17 апрѣля, сержантъ сдалъ колодниковъ и лошадей и всѣ дорожныя принадлежности въ распоряженіе тайной канцеляріи. У Варлаама обобрали взятые имъ на дорогу пуховикъ, двѣ подушки, одѣяло лошаковое, остальные деньги 10 алтынъ, печать серебряную, кошелекъ пустой съ замкомъ и посадили закованнаго въ тюрьму. Въ тотъ же день допросили его и онъ разсказалъ какъ проповѣдывалъ народу о Петрѣ, о томъ, какъ онъ получилъ эти убѣжденія съ молодости въ деревнѣ, потомъ въ Малороссіи, въ полку, и наконецъ въ Петербургѣ въ лазаретѣ.

Преступленіе было противу чести монаршей первой важности. Левина предстояло пытать, и поэтому на другой же день, 18 апрѣля, по требованію тайной канцеляріи, синодъ обнажилъ Левина отъ монашескаго чина. Онъ сдѣлался опять отставной капитанъ Василій Левинъ. Много лицъ замѣшалъ онъ въ своихъ показаніяхъ, за всѣми послали нарочныхъ, въ Пензу, въ Жадовскую пустынь и въ деревню его, и въ Петербургъ, и въ Сызрань и Симбирскъ. Предтеченскій монастырь уже былъ арестованъ весь, еще по распоряженію пензенской губернской канцеляріи, на другой день послѣ разглагольствованія Левина на базарѣ... Послали за монахомъ Іоною и игуменомъ...

Попа Лебедку 22 апрѣля отыскали въ Москвѣ въ домѣ князя Меншикова; его также разстригли...

Пошли допросы, пытки. Съ каждымъ допросомъ Левинъ называлъ новыхъ жертвъ тайной канцеляріи. Андрей Ивановичъ Ушаковъ почти ежедневно посылалъ нарочныхъ, съ строгими инструкціями, для отысканія указываемыхъ Левинымъ лицъ...

Ихъ было довольно: 1) попъ крестовый князя Меншикова Никифоръ Терентьевъ Лебедка. 2) Попъ села Конопати Глѣбъ Никитинъ. 3) Попъ деревни Левино, Чирчимъ тожь, Иванъ Григорьевъ. 4) Двоюродные братья Левина, Петръ и Иванъ Разстригины, служившіе въ Преображенскомъ полку. 5) Родственники Левина: Петръ Андреевъ Левинъ. 6) Герасимъ Григорьевъ Левинъ. 7) Иванъ Ѳеодоровъ Левинъ. 8) Драгунскаго полка Александръ Матвѣевъ Саловъ. 9) Саранскій комиссаръ Ѳеодоръ Никитинъ Языковъ. 10) Строитель симбирской Жадовской пустыни. 11) Пензенскаго монастыря игумень. 12) Предтеченскаго въ Пензенскомъ уѣздѣ монастыря игумень Ѳеодосій. 13) Изъ того же монастыря монахъ Іона. 14) Монахъ Александро-Невскаго монастыря князь Прозоровскій. 15) Келейникъ Стефана Яворскаго. 16) Дьякъ дому рязанскаго архіерея Кублицей.

Процедура тайной канцеляріи извѣстна: допросъ — пытка, очная ставка — пытка, заpiresательство — пытка, сознание — пытка; все одно и то же и потому мы не будемъ утомлять читателей изо дня въ день, какъ водили въ застѣнки обвиняемыхъ, а передадимъ только любопытные моменты розыска.

28 апрѣля, при допросѣ, Левинъ разсказалъ о свиданіи

ніи въ Петербургѣ съ Стефаномъ Яворскимъ и съ монахомъ Прозоровскимъ въ Невскомъ монастырѣ. Вотъ краткѣе содержаніе этого разсказа:

Когда онъ явился къ Стефану, архіерей сказалъ ему: „Въ правдѣ ты устоялъ, что ко мнѣ пришелъ. Являлся ли ты въ сенатѣ?“— Явился, отвѣчалъ Левинъ. „А въ синодѣ былъ?“— Синода я не знаю, отвѣчалъ Левинъ.

— Онъ за сенатомъ; спроси, тамъ скажутъ, и если ты хочешь постричься, подай тамъ челобитную. Гдѣ же ты хочешь постричься?

— Хоть здѣсь, въ Невскомъ монастырѣ.

— Поди ты прежде посмотри, понравится ли тебѣ или нѣтъ? А сыщи тамъ старца Прозоровскаго и скажи ему, что отъ меня ты пришелъ.... Онъ тебѣ все скажетъ.

Левинъ отправился въ Невскій монастырь къ обѣднѣ, распросилъ о старцѣ Прозоровскомъ — онъ былъ въ церкви — ему указали его. Послѣ обѣдни Прозоровскій пошелъ въ свою келью, — Левинъ догналъ его и объявилъ, что присланъ къ нему отъ рязанскаго архіерея.

— Дай мнѣ разобратъся, сказалъ ему старецъ, — а ты зайди по переходамъ къ моей кельѣ, я къ тебѣ выду.

Левинъ такъ и сдѣлалъ.

На распросы Прозоровскаго Левинъ разсказалъ ему о себѣ.

— Я уже отставленъ, говорилъ Левинъ, — и есть у меня билетъ, я человекъ свободный, только требую совѣта твоего: хочу я постричься.

— Хорошее дѣло, отвѣчалъ Прозоровскій, — гдѣ же ты хочешь постричься?

— Мое обѣщаніе есть, чтобъ здѣсь, въ Невскомъ, постричься, отвѣчалъ Левинъ.

— Для Бога не сгуби себя, началъ говорить Прозоровскій. — Меня сюда государь поневолѣ взялъ, а я не хотѣлъ. Буде же ты хочешь мясо ѣсть, таеъ постригись здѣсь; здѣсь монахи мясо ѣдятъ и меня принуждаютъ, только я еще не ѣдалъ; не одного закона здѣсь монахи, но разныхъ законовъ; буде не вѣришь, поди на кухню и посмотри: все мясо готовить ѣсть.

Левинъ отправился на кухню и убѣдился въ справедливости словъ Прозоровскаго. Онъ опять пришелъ къ нему въ келью.

— Я и самъ не хочу здѣсь жить, хочу скрыться, говорилъ Прозоровскій, — не въ знатный монастырь, а пустынь.

— И я хочу постричься въ Соловецкомъ монастырѣ, отвѣчалъ Левинъ.

— Да и туда посланы три монаха отсюда, чтобы они тамъ приводили монаховъ мясо ѣсть и учили бы, что-де грѣха дальняго въ томъ нѣтъ. Государь указалъ, а синодъ на себя перенялъ этотъ грѣхъ — тягости въ томъ нѣтъ, что старцамъ мясо ѣсть — если де блудъ дѣлать, то и горче де того. Видѣлъ ли ты здѣсь прядильный дворъ, на которомъ живутъ такія, что если вдова или дѣвка родить ребенка и ихъ на тотъ дворъ ссылаютъ — и въ день онѣ прядутъ, а въ ночи старцы емлютъ ихъ къ себѣ въ монастырь и живутъ съ ними....

Послѣ этой бесѣды Левинъ явился къ Рязанскому.

— Былъ ли ты въ монастырѣ? спросилъ Яворскій.

— Былъ.

— Видѣлъ ли ты монаха?

— Видѣлъ.

— Изъ сената указъ взять?

— Взять.

— А изъ синода?

— Изъ синода не взять.

— Даромъ-де! по этому указу постригутъ, ты вѣдь за болѣзнью отставленъ.

— Мое обѣщаніе — въ Соловецкомъ монастырѣ постричься, сказалъ Левинъ.

По просьбѣ Левина Стефанъ написалъ письмо въ Соловецкій монастырь и далъ ему копію для вѣдома, что въ немъ написано. — Вотъ это письмо, сохранившееся въ подлинномъ слѣдственномъ дѣлѣ о Левинѣ:

„Пречестныя и великія лавры святыя обители Зосимы и Савватія соловецкихъ чудотворцевъ пречестнѣйшему отцу архимандриту Варсонофію, мнѣ же о Христѣ брату и сослужителю и благодѣтелю: благословеніе отъ Господа Бога, миръ, тишина, здравіе, души и тѣлу долгоденствіе, безпечальное и безмятежное пребываніе и многолѣтнее, безболѣзненное да будетъ, всеусердно желаю, а паче спасенія вѣчнаго.

За симъ вашему преподобію въ обнадѣяніе дерзнулъ писать: просилъ насъ о предстательствѣ къ вашему преподобію гренадерскаго коннаго полка капитанъ Василій Савинъ сынъ Левинъ, который въ прошеніи своемъ объявилъ мнѣ, что онъ, будучи въ службѣ великаго Государя многіе годы, пришелъ къ старости и въ скорбь и положилъ себѣ обѣщаніе, чтобъ ему принять монашескій чинъ и постричься въ обители соловецкихъ чудотворцевъ, которое обѣщаніе оной капитанъ объявилъ прошеніемъ въ правительствующемъ духовномъ синодѣ и по указу царскаго величества онъ, Василій, за скорбью отъ службы отставленъ и велѣно изъ правительствую-

шаго духовнаго синода въ святой вашей обители постричь его неотмѣнно.

Прошу вашея святыни для нашего прошенія яви къ нему Василью свою милость и прими его въ святую обитель и прикажите по обѣщанію его исполнить и постричь въ монашескій чинъ безъ всякаго отриновенія и содержать его при своей святыни за его царскому величеству службу неотриновенно, за что вашему преподобію воздатель всемогущій Господь Богъ и наше смиреніе долженствуетъ о вашей святыни Бога молить и всякими образы отслуживать. Вашему преподобію, мнѣ о Христѣ любимому брату, всякихъ благъ временныхъ и вѣчныхъ всеусердный желатель, богомолецъ и слуга низайшій, смиренный Стефанъ, митрополить рязанскій и муромскій. Изъ С.-Петербурга. 1721. Мая 9^а.

— Съ этимъ письмомъ, говорилъ Стефанъ Левину, — хотя въ Соловецкомъ или въ другомъ монастырѣ тебя постригутъ; а лучше бы постригся ты гдѣ не въ значномъ монастырѣ; а буде ты хочешь въ Соловецкомъ монастырѣ постричься, подожди ты съ недѣлю: будутъ оттуда старцы, а ты ко мнѣ чаще являйся.

Черезъ нѣсколько времени, когда Левинъ пришелъ къ Стефану, онъ сказалъ ему:

— Приѣхали старцы, поди у нихъ спроси, — и пославъ его къ нимъ съ своимъ келейникомъ.

Пришли къ старцамъ.

— Приславъ архіерей, что сей капитанъ желаетъ у васъ постричься, скажите ему, все ли у васъ хорошо по старинѣ идетъ?

Одинъ изъ старцевъ, по прозванію Аксентьевъ, обратился къ Левину: „Для Бога! не для чего туда идти! —

Монастырь весь разбѣжался по лѣсамъ и по пустынямъ, а остались только монахи моты, для того, что прислано отсюда монаховъ три человѣка и стали приводить, чтобъ мясо ѣли, а попы бы подбривали усы, чтобъ святая тайна принимать не помѣшательно; а дьяконы бороды и усы въ кружало держали бы; а дьячки-бъ бороды и усы брили, а съ иконъ со всѣхъ оклады и приклады собирали и запечатали и отдали подь сохраненіе“.

Послѣ этого, по увѣренію Левина, онъ еще былъ нѣсколько разъ у Стефана, который рассказывалъ ему, что Петръ иконоборецъ, что принуждалъ его, Стефана, „быть синодомъ“, но что онъ стоялъ передъ нимъ на колѣняхъ и просилъ „не быть синодомъ“ и пр. и пр.

Показаніе Левина завязывало дѣло важное — обвиненіе на Стефана Яворскаго.

30 апрѣля А. И. Ушаковъ послалъ въ Петербургъ нарочнаго, лейбъ-гвардіи солдата Ѳедосея Протопопова, взять въ Невскомъ монастырѣ монаха князя Прозоровскаго и, заковавъ въ ножныя и ручныя желѣзы, привезти „съ поспѣшеніемъ“, только при этомъ наказано посланному: чтобъ у монаха образъ и четки были невредительны. Какъ растолковать эту внимательность?—Вѣроятно при арестованіи такіе были рѣзкіе приемы, что на монахѣ и образъ и четки не держались, или можетъ быть это приказаніе было указаніемъ посланному, чтобъ онъ не отнималъ у монаха образа и четокъ — во всякомъ случаѣ эта предусмотрительность довольно хорошо характеризуетъ то время.

Андрею Ивановичу предстояло очень щекотливое дѣло: Левинъ показывалъ на Стефана Яворскаго, личность вы-

соко поставленную собственными достоинствами и общимъ уваженіемъ — хотя уже не въ милости царя.

Петръ Первый 13-го мая выѣхалъ изъ Москвы въ Астрахань, Андрей Ивановичъ не рѣшался дѣйствовать отъ себя въ такомъ важномъ дѣлѣ и послалъ въ догонку къ императору курьера съ докладомъ по дѣлу Левина.

Донесеніе Ушакова застало Петра въ Коломнѣ, откуда онъ и прислалъ чрезъ П. А. Толстого свои повелѣнія. Ушаковъ спрашивалъ разрѣшенія:

1) Старцу Левину по окончаніи розысковъ какую казнь учинить и гдѣ, въ Москвѣ или на Пензѣ?

Собственноручная резолюція Петра: на Пензѣ.

2) Онъ же, Левинъ, показалъ на родственниковъ своихъ четырехъ человекъ, что при нихъ злыя слова въ домѣ говорилъ, да вышеописанныя же слова говорилъ онъ въ церкви всенародно при капитанѣ да при комиссарѣ.

Резолюція Петра: Слѣдовать и смотрѣть, дабы напрасно кому не пострадать, понеже и временемъ мѣшается и завирается.

3) По его же, Левина, разспросу касается нѣчто до рязанскаго архіерея, токмо нынѣ безъ разспросу старца Прозоровскаго нельзя того явственно признать и ежели по разспросу онаго покажется до него архіерея важность и его допрашивать ли, и гдѣ, въ синодѣ ли, или въ тайной канцеляріи и какъ его содержать? Отмѣтка Петра: когда важность касаться будетъ, тогда сенату придти въ синодъ и тамъ допрашивать и слѣдовать чему подлежить.

19-го мая привезли старца Прозоровскаго. Его нашли въ Невскомъ монастырѣ и, согласно инструкціи, повезли

въ оковахъ. Имущество, состоявшее изъ баула съ письмами, кожаной переметной сумы съ челядинскою рухлядью, нѣсколько священныхъ книгъ, было привезено также въ Москву. Деньги 30 руб., найденныя у монаха, были отданы сержанту на прогоны. Страшное время! еще неосужденный лишился почти всего состоянія.

Въ допросахъ Прозоровскій разсказалъ Андрею Ивановичу свою исторію:

„Отецъ де у него бояринъ, князь Андрей Петровичъ Прозоровскій, а имя ему въ мѣрѣ было Михайлъ, а въ 1716 году посланъ онъ для науки съ прочими въ Италію и въ прошломъ де 1718 году случилися въ Италіи быть монахи изъ области султана турецкаго, изъ горы афонскія; и онъ де Михайло съ тѣми монахами поѣхалъ въ аеонскую гору и тамъ постригся; имя ему въ иноцѣхъ Сергій и учиненъ тамъ іеромонахомъ. И въ 1719 г. изъ аеонской горы пріѣхалъ въ Москвѣ съ тамошнимъ іеромонахомъ Филиппомъ Сербиненомъ для прошенія милости и по письму де изъ С.-Петербурга ближняго стольника князя Ивана Ѳедоровича Ромодановскаго велѣно его, Сергія, выслать въ С.-Петербургъ и явиться у него въ домѣ, а когда его въ С.-Петербургѣ не застанеть, чтобъ онъ явился во дворецъ, а онъ де въ С.-Петербургѣ прибылъ, а его, князя Ивана Ѳедоровича, не засталъ и братъ де его, Сергіевъ, князь Ѳедоръ Прозоровскій донесъ объ немъ великой государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и ея де величество указала ему явиться ея величеству и онъ де явился, а ея величество указала ему явиться Невскаго монастыря архимандриту Ѳеодосію, и являсь жилъ въ домѣ князя Ивана Алексѣевича Голицына до 1720 г. февраля

до 28 ч., а въ ономъ 28 числа по указу императорскаго величества и по приказу Θεодосіа архимандрита опредѣленъ онъ въ С.-Петербургъ въ Александро-Невскомъ монастырѣ, а у рязанскаго архіерея въ С.-Петербургъ на подворьѣ его въ кельѣ былъ онъ, Сергій, однажды въ 1719 г., а въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ, того онъ не упомнить, ради поклона ему, архіерею, и въ то де время разговоръ никакихъ съ нимъ, архіереемъ, онъ, Сергій, не имѣлъ и кромѣ той бытности ни въ которое время у него, архіерея, онъ, Сергій, не бывалъ, токмо де когда онъ архіерей случался служить въ монастырѣ Александро-Невскомъ и въ то де время онъ, Сергій, подходилъ къ нему къ благословенію“.

О знакомствѣ съ Левинымъ Прозоровскій рассказывалъ совершенно иначе, чѣмъ Левинъ.

Въ 1720 г. въ лѣтнее время, котораго мѣсяца и числа не помнить, послѣ обѣдни пришелъ къ нему Левинъ къ кельѣ и, вызвавъ изъ кельи въ сѣни, сталъ ему говорить: „былъ я въ монастырѣ у намѣстника Голенковскаго и въ разговорахъ онъ мнѣ сказалъ, что здѣсь-де въ монастырѣ постриженъ князь Прозоровскій и я де пожелалъ тебя видѣть“. Сергій распросилъ Левина о его чинѣ, о фамиліи, для чего отставленъ; какая у него болѣзнь и зачѣмъ пришелъ къ нему?

— Я уже отъ службы отставленъ, отвѣчалъ Левинъ, — и есть у меня билетъ; я де человекъ свободный, только требую совѣта твоего, хочу постричься.

— Хорошее дѣло, отвѣчалъ Прозоровскій, — гдѣ же хочешь постричься?

— Имѣю я позволеніе отъ рязанскаго архіерея о постриженіи, и платье черное уже у меня готово, только

не знаю, гдѣ постричься; я желаю постричься на Соловахъ, а здѣсь можно ли мнѣ постричься?— и архіерей рязанскій совѣтуетъ мнѣ о постриженіи.

— Поди къ отцу архимандриту, отвѣчалъ Прозоровскій,— я постричь тебя не смѣю безъ воли архимандричьей и по письму рязанскаго архіерея здѣсь не постригутъ.

— Каково монашество, спросилъ Левинъ?— я боюсь постричься, чтобы снестъ.

— Ты искуси себя, отвѣчалъ Прозоровскій,— когда хочешь постричься, а когда не хочешь и въ томъ твоя воля.

— Каково жить въ Невскомъ монастырѣ? спросилъ Левинъ.

— Какъ и въ прочихъ обителяхъ: Тѣмъ и кончился, по увѣренію Прозоровскаго, ихъ разговоръ. Все же прочее, что утверждалъ Левинъ о мясѣ, о прядильномъ дворѣ,— Прозоровскій утверждалъ, „что онъ, Сергій, Левину не говаривалъ и отъ него не слыхалъ, въ чемъ онъ, Сергій, сказываетъ самую истину по монашескому обѣщанію“.

Прозоровскому съ Левинымъ дали очную ставку. Левинъ утверждалъ свое, а Прозоровскій свое.

Послѣ допроса Прозоровскаго оставалось обнаружить истину показанія Левина на Стефана. Предварительно Андрей Ивановичъ испросилъ разрѣшеніе сената разспросить келейника (19 іюня). Бывшій при Стефанѣ въ 1721 г. келейникъ Машкаринъ находился въ это время въ Рязани; его привезли оттуда и, чтобы узнать правду, Ушаковъ употребилъ хитрость. Келейника переодѣли въ преображенскій солдатскій мундиръ и поставили на смотръ

Левина между пятью другими солдатами.— Левинъ тотчасъ узналъ Машкарина. Келейника привели къ допросу; вотъ его показаніе:

„Въ 1721 г., въ лѣтнее время, пришелъ Левинъ въ крестовую къ архіерею рязанскому съ прочими людьми, которые его, архіерея, проводили отъ обѣдни, и сталъ просить, что когда его отъ службы отставятъ, чтобъ онъ, архіерей, приказалъ ему постричься. Стефанъ отвѣчалъ ему: „когда отъ службы будешь отставленъ, тогда и постричь можно. Полно-де, ты не отбываешь ли отъ службы? у насъ былъ такой оказецъ, что человѣкъ постригся, а послѣ и изыскивали его“. Левинъ клялся передъ архіереемъ, что у него падушая болѣзнь и въ доказательство показалъ ему руку, которую „въ той болѣзни жегъ ему докторъ Севастіанъ (?)“. Послѣ этого Левинъ ушелъ и келейникъ Машкаринъ видѣлъ его и въ архіерейской канцеляріи, и у архіерея въ крестовой дважды съ другими просителями. Въ послѣдній разъ Машкаринъ видѣлъ Левина, когда онъ подалъ Стефану челобитную о постриженіи, а наединѣ бывалъ ли Левинъ съ Стефаномъ, онъ, Машкаринъ, не вѣдаетъ. Соловецкіе старцы, три человѣка, дѣйствительно въ то лѣто пріѣзжали въ Петербургъ и поднесли Стефану листъ, на которомъ нарисована ихъ обитель, и просили объ опредѣленіи къ нимъ архимандрита; къ старцамъ съ Левинымъ не ходилъ никогда, да и гдѣ жили старцы, онъ не зналъ.“

Все это Машкаринъ подтвердилъ подъ страхомъ смертной казни.

5-го іюля Левинъ приведенъ былъ на генеральный дворъ передъ сенатъ. Графъ Гаврило Ивановичъ Головкинъ, князь Григорій Ѳеодоровичъ Догоруковъ, Яковъ

Вилимовичъ Брюсъ, Петръ Павловичъ Шафировъ, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, графъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ, генераль прокуроръ Павелъ Ивановичъ Ягужинскій „увѣщевали его многими словами, дабы онъ показалъ самую истину, что на рязанскаго архіерея онъ показаль, и то правда-ли или онъ напрасно тѣ слова на него, архіерея, показаль?“

Левинъ отвѣчалъ, что все сказанное имъ о Стефанѣ истина и прибавилъ еще, что Стефанѣ ему говариваль: „и самъ я желаю въ Польшу отъѣхать“.

Долго увѣщевали сенаторы Левина, онъ оставался неизмѣненъ въ своемъ показаніи. Его повели въ застѣнокъ, раздѣли, поставили къ дыбѣ и положили руки въ хомутъ: палачи ожидали приказанія, чтобъ вздернуть на дыбу и пытать... Сенаторы еще разъ спросили его, говорилъ ли онъ правду о рязанскомъ?

Тяжела минута! Левинъ испугался мученій и объявилъ, что сказаль на архіерея рязанскаго напрасно: „хотѣль-де получить свободу“... Онъ надѣялся избавиться пытки... Но сенаторы подали знакъ и палачи потянули Левина на дыбу: одинъ изъ нихъ придерживаль веревкою за ногу и Левинъ повисъ съ вывернутыми изъ суставовъ руками... Страданія ожесточили старика; подъ ударами палача онъ перемѣнилъ рѣчи. „Суще-де на архіерея право тѣ слова онъ показаль, а сговорилъ съ него, хотя избыть пытки и чтобъ де смерть принять ему, Левину, одному... Онъ же, архіерей, говорилъ, что только будутъ писать три иконы да распятіе, а достальныя-де стануть на воду пускать и жечь, и говорилъ ему: „ѣдучи до Новгорода, въ дорогѣ помолчи, а отъ Новгорода сказывай, чтобъ иконы убирали“.

Левину дали 11 ударовъ и на вискъ висѣлъ онъ три четверти часа.

На другой день, 6-го іюля, сенатъ хотѣлъ еще убѣдиться въ справедливости показанія Левина черезъ келейника. Машкаринъ подняли на дыбу и оставили висѣть полчаса. Въ это время его разспрашивали: не бывалъ ли когда Левинъ наединѣ съ Стефаномъ, и во время этихъ бесѣдъ для уединенія не высылалъ ли вонъ его, келейника, или другихъ?

— Архіерей рязанскій, отвѣчалъ Машкаринъ, — съ Левинымъ наединѣ никогда не сживалъ и его, Машкаринъ, и при немъ другихъ никого для уединенія съ нимъ, Левинымъ, не высылывалъ; одинъ только разъ, когда Левинъ подалъ рязанскому челобитную, Стефанъ послалъ эту челобитную съ нимъ, Машкаринымъ, къ секретарю Кублицкому, и постороннихъ въ то время въ крестовой никого не было, и пока ходилъ онъ, Машкаринъ, къ Кублицкому съ четверть часа и меньше, оставался Левинъ наединѣ съ Стефаномъ, — а кромѣ того никогда онъ, Левинъ, у архіерея наединѣ не бывалъ“.

Чего еще болѣе? Какого доказательства надо было сенаторамъ въ подтвержденіе истины? Полчаса висѣлъ на вискъ келейникъ Машкаринъ, — привезенный изъ Рязани, нежившій уже болѣе при Стефанѣ! Неужели въ страшныхъ мукахъ онъ не проговорился бы? Отвѣтъ его былъ такъ положителенъ.

Но Стефанъ былъ нелюбимъ сенаторами и министрами; здѣсь же былъ въ Москвѣ и врагъ его Теофанъ Прокоповичъ. Сенаторы не удовлетворились показаніями келейника, а пригласили Теофана и присутствовавшихъ въ синодѣ архимандритовъ: чудовскаго, новоспасеяго

и симоновскаго, и отправились всѣ въ домъ Стефана— допрашивать его на дому „ради его болѣзни.“ — Они не пощадили старца, любимаго всею Россією, доживавшаго послѣдніе дни свои. (Онъ скончался въ ноябрѣ 1722 г.).

Стефанъ долженъ былъ выслушать всѣ допросы, произведенные Левину 28 апрѣля, іюня 8, 11, 15, 26, іюля 5-го. Онъ узналъ изъ прочитанныхъ ему бумагъ, сколько пытокъ уже вытерпѣлъ тотъ, которому онъ изъявилъ такое живое участіе въ Нѣжинѣ и Петербургѣ; онъ выслушалъ все взводимое на него Левинымъ и спокойно отвѣчалъ соединенному собранію сената и синода:

„Оннй Левинъ въ Нѣжинѣ у него, архіерея, былъ ли и такія слова, которыя въ разпросѣ его, Левина, показаны, говорилъ ли, — того онъ за много прошедшими годами сказать не упомнить, а въ С.-Петербургѣ въ прошломъ, 1721 году, онъ, Левинъ, къ нему, архіерею, прихаживалъ не однажды и просилъ прилежно его, чтобъ ему дать грамоту о постриженіи его, Левина, и онъ, архіерей, говорилъ ему, чтобъ онъ просилъ въ военной коллегіи объ отставкѣ его отъ службы и когда де свободный отъ службы указъ за руками генераловъ и за печатью ему дадутъ, тогда де онъ, архіерей, и о постриженіи его грамоту дастъ; и потомъ онъ, Левинъ, ему сказалъ, что оннй указъ взялъ и просилъ его, архіерея, чтобъ онъ о постриженіи его, Левина, далъ письмо въ Соловецкій монастырь къ архимандриту, и онъ, архіерей, такое письмо ему далъ. А такихъ де словъ, что, будучи онъ, Левинъ, при немъ, архіерей, назвалъ государя антихристомъ и будто онъ, архіерей, молвилъ, что де онъ, государь, не антихристъ, а иконоборецъ, и будто онъ же,

архіерей, посылалъ его съ келейникомъ своимъ въ сенатъ смотрѣть образы и въ соловецкимъ старцамъ будто для провѣдыванія, каково въ оной обители жить, также и въ Невскій монастырь къ Прозоровскому, о неподписаніи подъ пунктами (о синодѣ) и о царевичѣ и что будто въ Польшу онъ хотѣлъ отъѣхать и такихъ вышеписанныхъ всѣхъ словъ отъ него, Левина, онъ, архіерей, не слыхалъ, и самъ онъ, архіерей, ему Левину не говорилъ, и ничего де того не бывало; да и наединѣ съ нимъ, архіеремъ, онъ, Левинъ, не токмо вышеписанныхъ, но и другихъ никакихъ словъ никогда не говаривалъ, а въ спальнѣ у него не бывалъ, а бывалъ только въ передней или въ крестовой палатахъ, и то при другихъ людяхъ, а не наединѣ; а многожды дожидался его, архіерея, онъ на крыльцѣ и прашивалъ его дорогою о постриженіи же, а къ попу-де Никифору Лебедѣ можетъ быть, что онъ, архіерей, его, Левина, просить о вспомоствованіи у свѣтлѣйшаго князя объ отставкѣ его, Левина, отъ службы и посылалъ, понеже онъ де, попу Лебедѣ, отецъ духовный ему, свѣтлѣйшему князю, и всему дому его былъ и могъ бы ему помощь учинить и о всемъ-де вышеписанномъ предъ Богомъ — и предъ его императорскимъ величествомъ приносить онъ, архіерей, самую истину, такъ какъ явиться ему предъ Богомъ, а ежели онъ, архіерей, въ семъ отвѣтствованіи сказала что не истинно или хотя мыслію къ тѣмъ вышепомннутымъ злымъ словамъ онъ, архіерей, коснулся, то дабы ему во адѣ со Іудею вѣчно мучиться, и во увѣреніе подписуется онъ своею рукою“.

Отвѣтъ Стефана записали; онъ взялся за перо, чтобы подписать и остановился, вспомнивъ еще одно обсто-

ательство. Онъ зналъ приемы тайной канцеляріи, что надо было все припомнить при допросахъ, чтобъ избавиться ихъ повторенія или подозрѣнія отъ слѣдователей.

„Припоминалъ онъ, что помянутый Левинъ въ Нѣжинѣ просилъ его, архіерея, о заступленіи къ генералу Рену, понеже де онъ, Левинъ, въ то время невѣдомо въ какомъ дѣлѣ былъ арестованъ и шпага снята, и по просьбѣ его, архіерейской, шпага ему, Левину, отдана попрежнему“. — Дополнивъ этимъ свои отвѣты, Стефанъ подписалъ ихъ.

Сравнивая по документамъ подпись Стефана, видно, что онъ подписывалъ нетвердо, больной. Но не все было еще кончено. Его терпѣнію предстояло еще испытаніе. Левина привели и поставили передъ Стефаномъ. Это была очная ставка.

Какъ принято было это Стефаномъ, можно только предполагать, зная его самостоятельный, мужественный характеръ. Но о Левинѣ сохранилась въ дѣлѣ отмѣтка:

„А какъ онъ, Левинъ, передъ архіереемъ приведенъ, то въ словахъ весьма смутился“.

Смутился Левинъ потому, что Стефанъ смѣтрѣлъ на него кротко, съ грустью... и что же? Левинъ повторилъ своему благодѣтелю въ глаза все объявленное имъ въ пыткахъ.

Неужели онъ говорилъ правду, а не Стефанъ? — нѣтъ! Тайну своего поведенія передъ Стефаномъ онъ объявилъ на другой же день, безъ допросу, безъ призыву, являсь самъ собою въ тайную канцелярію. — Убѣжденіе, что Петръ антихристъ, сдѣлалось для Левина вѣрою, за которую онъ хотѣлъ умереть и, предполагая въ Стефанѣ ту же вѣру, хотѣлъ, чтобъ и Стефанъ пострадалъ.

„Что государь антихристь, говорилъ онъ въ тайной канцеляріи на другой день, 7-го іюля, — показываетъ онъ его такъ попрежнему, также и иконоборцемъ называетъ для того, что прежній царь пошелъ за море и тамъ остался, и проч. и проч. уже не разъ имъ повторенное“. И чаеть онъ, что и архіерей рязанскій будетъ нашъ, станетъ де одесную Бога, авось де Богъ положить въ сердце его желаніе, если похочетъ онъ пострадать, понеже онъ, архіерей, говорилъ ему, Левинну, что государь де принуждаетъ его, чтобъ онъ былъ синодомъ и онъ де не пожелалъ и за то де стоялъ онъ передъ нимъ на колѣняхъ подъ мечомъ и сіе де сказываетъ онъ, Левинъ, въ цѣломъ умѣ, а не въ безуміи, а прежде сего повинную онъ предъ нимъ, государемъ, принесъ отъ простоты своей, да и для того, что де не видѣлъ онъ архіерея рязанскаго и въ томъ де сомнился, что либо де онъ скажетъ самую истину и когда де увидѣлъ его благую персону и хотя де онъ и заперся, только де плакалъ и онъ де пожелалъ ему царствія небеснаго, а стоитъ онъ, Левинъ, въ первомъ своемъ мнѣніи... На брата своего и на родственниковъ, Левинъ сознался, что показалъ для того, что они можетъ быть пожелаютъ съ нимъ мучиться и они де будутъ съ нимъ въ царствіи небесномъ, для того, что онъ, Левинъ, не отчаявается спасенія отъ Царя небеснаго... и что долѣе де его будутъ держать и тогда онъ будетъ Бога благодарить и о мукѣ де здѣшней онъ не радить и не глядить и ставить де онъ то за даръ отъ Царя небеснаго, а впредь де имъ розыскивать если будутъ, то де онъ уже ни на кого ничего не покажетъ, ни прибавить, ни убавить для того, что довольно и того будетъ, что на кого онъ показалъ“.

Не смотря на это, 9 іюля его повели въ застѣнокъ и разспрашивали при 25 ударахъ. Онъ сдержалъ свое слово—указалъ только на допросъ 7 іюля.—Онъ выдерживалъ уже пятую пытку.

Упорство Левина въ пыткахъ навело слѣдователей на мысль, не подѣйствуетъ ли на него сильнѣе увѣщаніе священника, кроткое, безъ угрозъ и наказаній.

Изъ всѣхъ отвѣтовъ открылось ясно, что Левинъ былъ раскольникъ—и съ дѣтства. 12 іюля прислали въ тюрьму къ Левину іеромонаха Іосифа Рѣшилова увѣщевать его отъ божественнаго писанія. Это былъ тотъ самый Рѣшиловъ, который игралъ важную роль въ 1735 г. во время борьбы Теофана Прокоповича съ Теофилактомъ Лопатинскимъ. Рѣшиловъ самъ былъ прежде раскольникомъ, но послѣ присоединился къ церкви и употребляемъ былъ святѣйшимъ синодомъ по разнымъ порученіямъ въ раскольниковыхъ дѣлахъ.—Первое увѣщаніе Рѣшилова было безъ успѣха. Левинъ твердилъ: „отъ креста слагаемаго въ 3-хъ перстахъ отрицается, а креститься будетъ слагая большой перстъ съ двумя послѣдними; государя антихристомъ называетъ и въ томъ умереть желаетъ и ни на какое увѣщаніе не склонится“. Рѣшиловъ предложилъ ему молитвенникъ курской печати. Левинъ его бросилъ: „не хочу по тому молитвеннику молиться, потому что не написано въ немъ Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй насъ“. На другой день, 13-го іюля, Рѣшиловъ опять явился къ Левину и принесъ ему книгу Кирилла, архіепископа іерусалимскаго, старой печати, въ которой писано объ антихристѣ. Левинъ выслушалъ чтеніе и увѣщаніе Рѣшилова и сдѣлалъ слѣдующее предположеніе. „Ежели

его императорское величество изволить въ винѣ его (что онъ, Левинъ, его, государя, порицалъ злыми словами, называлъ антихристомъ и иконоборцемъ и хулилъ вѣру христіанскую) простить и не укажетъ казнить смертію, то де онъ, Левинъ, нынѣ приноситъ вину свою и кается предъ Богомъ, что онъ порицалъ его императорское величество тѣми злыми словами отъ простоты своей и отъ болѣзни, не разсудя и не чтя божественныхъ книгъ, и мыслилъ о тѣхъ злыхъ словахъ самъ собою въ безуміи и дабы его императорское величество указалъ вмѣсто смерти вмѣнить ему учиненные имъ розыски и за означенныя его согрѣшенія сослать бы его въ дальній монастырь или въ пустыню, въ которой бы онъ могъ спасти душу свою и о грѣхахъ своихъ покаяніе Богу принести и желаетъ онъ вѣру христіанскую честно и невозвратно соблюсти и вѣруетъ онъ нынѣ въ соборную святую апостольскую церковь, такъ, какъ и его императорское величество, и святѣйшій правительствующій синодъ и всѣ православныя христіане вѣруютъ, и впредь его императорское величество никакими злыми словами и мыслию порицать уже не будетъ. А что онъ, Левинъ, показалъ тѣ злыя слова на рязанскаго архіерея и на Разстригина и на свойственниковъ своихъ и на прочихъ и то суще онъ ихъ напрасно оклеветалъ, а желалъ того, чтобъ они съ нимъ мучились.

Кажется, чего еще больше? Раскаяніе полное и обращеніе обратиться изъ раскола. Рѣшиловъ, какъ старый раскольникъ, полагалъ, что убѣдилъ Левина, но это сознание было вынуждено только минутнымъ страхомъ смертной казни и Левинъ не скрылъ этого и прибавилъ: „а ежели де его, Левина, въ винѣ его хотя и про-

стять, да будутъ чинить ему смертную казнь, то де онъ, Левинъ, покаянія требовать не будетъ, а будетъ умирать въ прежнемъ своемъ зломъ мнѣніи и въ порицаніи имени его императорскаго величества, якобы за правду свою онъ, Левинъ, казненъ и сіе сказалъ онъ, Левинъ, не въ безуміи, но въ цѣломъ умѣ и самую истину и подписуется при семъ своею рукою“.

Разумѣется, условія, предлагаемыя Левинымъ, не были приняты и іеромонахъ Рѣшиловъ черезъ два дня, 15-го іюля, пришелъ снова уговаривать его. Въ этотъ разъ Левинъ сослался на свою болѣзнь и безуміе и что во время припадковъ говорилъ тѣ злыя слова и просилъ у его императорскаго величества милостиваго прощенія, а отъ правительствующаго сената и святѣйшаго синода милостиваго разсужденія и отдается имъ, какъ соизволятъ о немъ, убогомъ и скудоумномъ.

Левинъ показалъ такое искреннее раскаяніе, что даже принялъ отъ Рѣшилова просфору и поцѣловалъ ее въ знакъ отреченія отъ раскола „и взялъ молитвенникъ курской печати“. Но не изъ убѣжденія, а изъ страха смертной казни было это раскаяніе и потому, когда Рѣшиловъ ушелъ отъ него, вѣрованія всей жизни не могли такъ быстро исчезнуть изъ этой фанатической души. Левинъ взглянулъ на просфору, на ней былъ крестъ четвероконечный, а не старинный; развернулъ молитвенникъ и встрѣтилъ опять, что въ немъ написано Господи Іисусе Христе Боже нашъ помилуй насъ, а по старинному слѣдуетъ: Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй насъ. Рѣшиловъ оставилъ ему копію съ его покаянія; онъ перечелъ ее и увидѣлъ, что онъ солгалъ, что сказалъ не то, что дѣйствительно думалъ —

и въ бѣшенствѣ бросилъ отъ себя прочь и просфору, и молитвенникъ, а покаяніе свое письменное разорвалъ на клочки. Караульный, сержантъ преображенскій Сафоновъ, былъ свидѣтелемъ этого и донесъ немедленно Андрею Ивановичу Ушакову.

Левина привели въ тайную канцелярію.

Онъ сознался, что предлагалъ условное покаяніе для того, что еслибы его отъ смерти освободили и отпустили бы въ монастырь, то онъ имѣлъ намѣреніе такое, „что во всѣхъ градахъ и на путяхъ кричать и порицать его императорское величество злыми словами и новую христіанскую вѣру оуждать, дабы народъ ужасался“.

„И нынѣ де онъ его императорское величество злыми словами порицаетъ попрежнему и новую вѣру оуждаетъ и тѣло и кровь Христову за истинное тѣло и кровь Его, Спасителю, не приѣмлетъ, а прежде де сего причащался онъ только подъ видомъ для прочаго народа, а иконы де, которыя на генеральномъ дворѣ, называетъ онъ идолами для того, что де у образа Спасителя не написана рука благословляющая, а у образа Пресвятыя Богородицы Младенца не написано, а у образа Иоанна Предтечи благословляющей руки не написано, а прежде сего поклонялся онъ тѣмъ образамъ подъ видомъ, и нынѣ де молится онъ не иконамъ, но на соборную и прочія церкви въ Москвѣ, да и иконамъ де стариннымъ, у которыхъ написано, что большой перстъ сложенъ съ двумя послѣдними перстами, станетъ онъ молиться.—Притомъ же онъ, Левинъ, сказалъ, что де у графа Гаврилы Ивановича Головкина у сына его красная щека, да у Федора Ивановича сына Чемоданова у сына же его пятно черное на щекѣ и на томъ пятнѣ

волосы черные же, а они де, Головкина сынъ и Чемоданова сынъ же, братья двоюродные, а такіе де люди будутъ во время антихристова. Что же прежде показывалъ на архіерея рязанскаго, на родственниковъ своихъ и на прочихъ людей, то все правда“.

Левинъ выходилъ изъ ряду преступниковъ, которые попадали въ застѣнки тайной канцеляріи. Ни жестокія пытки, ни увѣщанія не могли переломить или смирить эту желѣзную натуру. Оставалось еще испытаніе, употреблявшееся въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, — и 18 іюля сенаторы, тѣ же самые, которые допрашивали прежде Левина, — велѣли вывести володника на генеральный дворъ (въ Преображенскомъ) и поставитъ на спицы.

Какъ были устроены эти спицы, желѣзные или деревянные, какой былъ процессъ допроса на спицахъ, въ актахъ того времени указаній не сохранилось. Поставленнаго на спицахъ Левина спрашивали, чтобъ онъ показалъ въ злыхъ своихъ словахъ самую истину и принесъ покаяніе. На спицахъ Левинъ отвѣчалъ, „что прежде сего онъ говорилъ разныя рѣчи для продолженія времени, чтобъ народъ имъ наслушался, и нынѣ стоитъ онъ въ прежнемъ своемъ мнѣніи и въ томъ умереть желаетъ и пожелалъ онъ волею своею пострадать и умереть“.

Страшно твердая воля была у Левина, но страшны были и истязанія. Когда онъ возвратился въ тюрьму, воображеніе рисовало ему повтореніе этихъ мукъ, можетъ быть и еще другія ему неизвѣстныя, тягчайшія — и новое убѣжденіе, убѣжденіе въ безсиліи борьбы противъ его судей, превозмогло надъ фанатизмомъ; физическія страданія убили нравственныя силы. На другой же день,

19-го іюля, Левинъ просилъ привести его въ тайную канцелярію и объявилъ Андрею Ивановичу Ушакову полное раскаяніе: „Императоръ Петръ Алексѣевичъ истинный государь, а не антихристъ, — порицалъ его злыми словами отъ простоты своей и приносить въ томъ теперь истинное покаяніе и болѣе порицать его не будетъ. Рязанскій архіерей говорилъ ему такіа слова: указъ де состоялся, что въ церквахъ никакимъ мелкимъ иконамъ не быть, а стануть писать только мѣстныхъ иконы; онъ же, архіерей, ему говорилъ: государь меня опредѣлялъ въ синодъ и я де не хотѣлъ и за то стоялъ предъ нимъ на колѣняхъ. А называлъ ли рязанскій архіерей Петра иконоборцемъ и говорилъ ли онъ, Левинъ, архіерею, что Петръ антихристъ, онъ не помнитъ, и говорилъ это на архіерея въ безпамятствѣ болѣзни своей. Съ Прозоровскимъ онъ видѣлся и то ли говорилъ съ нимъ, что показывалъ, также и родственникамъ и поцу Ивану и старцу Іонѣ — или другія слова, онъ не упомнитъ, потому что говорилъ въ безпамятствѣ болѣзни своей“. Истинно въ той своей болѣзни я самый безумный человѣкъ и нынѣ предъ Богомъ и предъ его императорскимъ величествомъ вину свою приношу во всякой истинѣ, вышепоказанное все сказываю въ цѣломъ умѣ, а не въ безуміи и желаю исповѣдываться и святыхъ тайнъ причаститься и тѣ святыя тайны приѣмлю за сущее тѣло и кровь Христа Спасителя нашего во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную и образа святые, которые на генеральномъ дворѣ, идолами порицать не буду. — А въ прежнемъ де мнѣніи своемъ, что онъ подъ видомъ тѣ святыя тайны принималъ, приносить вину свою и просить у Бога въ томъ своемъ тяжкомъ грѣхѣ

отпущенія, а ежели де онъ въ семь разпросѣ сказалъ что не истинно или впредь на прежнія свои злыя дѣла будетъ онъ обращаться не токмо словами, но хотя мыслію и не только прежде казни, но хотя при самой казни, то дабы ему въ адѣ со Іудею вѣчно мучиться; только бы не возбранили ему говорить молитву Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй насъ, да и креститься слагая большой палець съ двумя послѣдними“.

26 іюля участь Левина была рѣшена: сенатъ приговорилъ его къ смертной казни—и въ этотъ день въ послѣдній разъ еще допросили Левина. Онъ повторилъ искреннее свое покаяніе: „предъ Богомъ, императорскимъ величествомъ, предъ всѣмъ христіанскимъ народомъ я виновенъ, и кого я оклеветалъ безуміемъ и безпамятствомъ своимъ, желая, чтобъ они со мною страдали, и въ томъ у нихъ, а именно: у архіерея рязанскаго, у Разстригина, у родственниковъ своихъ, у старца Прозоровскаго и у всѣхъ, кого я чѣмъ озлобилъ, прошу прощенія, многогрѣшный Варлаамъ старецъ“.

26 іюля Левинъ казнень въ Москвѣ на болотѣ и нижеслѣдующая подпись у столба свидѣтельствовала о его преступленіи:

„Въ нынѣшнемъ 1722 году іюля въ 26 числѣ, по указу Его Императорскаго Величества и по приговору правительствующаго сената, старецъ Варлаамъ, а по обнаженіи монашества Василій Савинъ сынъ Левинъ, который напредь сего былъ капитаномъ, казнень смертію, для того марта въ 19 числѣ сего-жь году пришедъ онъ, Левинъ, въ городъ Пензу на торгъ кричалъ всенародно злыя слова, касающіяся къ превысокой персонѣ Его Императорскаго Величества и возмутительныя къ бунту,

а въ тайной канцеляріи по разспросамъ его, Левина, и по розыскамъ явилось, что не токмо на Пензѣ, но и прежде того отцамъ своимъ духовнымъ на исповѣди и на Пензѣ въ Предтеченскомъ да въ Симбирску въ Жадовскомъ монастырѣхъ игуменомъ и начальному своему отцу старцу Іонѣ, и въ Саранскомъ уѣздѣ, въ церкви всенародно, также ѣдучи изъ Санетъ - Питербурха въ Пензенскій уѣздъ дорогою всѣмъ тѣ бунтовныя слова онъ, Левинъ, разглашалъ явно, еъ тому жъ показаль онъ разспросомъ, что и впредь-де ежели ему означенную вину отпустить и отъ смерти его освободять, то де имѣль онъ намѣреніе чтобъ во всѣхъ городѣхъ и на путѣхъ народъ еъ бунту возмущать, да онъ же, Левинъ, при разспросѣхъ своихъ показаль, что де вѣру христіанскую православную онъ хулить, и тѣло и кровь Христа Спасителя нашего за истинное тѣло и кровь Его не приѣмлетъ, и святныя иконы называетъ онъ идолами, и ежели де его допустить, то онъ ихъ исколетъ, и тѣмъ онъ, Левинъ, показаль себя не токмо злымъ порицателемъ Его Императорскаго Величества высокія персоны и возмутителемъ народа, но и богохульникомъ и иконоборцемъ, да онъ же нѣкоторыхъ духовныхъ и мірскихъ оклеветаль и напрасно, а потомъ въ повинной своей написалъ, что онъ оклеветаль ихъ напрасно, да онъ же, богохульникъ, и по объявленіи ему смертной казни исповѣдаться и святыхъ тайнъ причаститься не хотѣль, принося на тѣло и кровь Христа Спасителя нашего хулу, токмо уже предъ самую казню сущую свою вышеписанную злобу объявилъ явственно, и предъ Богомъ и предъ Его Императорскимъ Величествомъ и предъ всѣмъ народомъ принесъ вину и чистое покаянiе, написавъ о всемъ своеручно,

исповѣдался и святыхъ тайнъ причастился, и хотя за вышеписанныя его злыя вины достоинъ онъ былъ по указамъ мучительной казни, однакоже для вышеписаннаго его покаянiя учинена ему казнь — отсѣчена голова, а туловище сожжено, и велѣно тое голову послать на Пензу, гдѣ онъ то возмущенiе чинилъ, и поставить на столбъ для страха прочимъ злодѣемъ.

Таковъ указъ выставленъ на болотѣ, гдѣ казненъ старецъ Левинъ, вышеписаннаго 26 числа“.

26 iюля, въ день казни, Андрей Ивановичъ Ушаковъ написалъ доктору Блуменросту: „по указу его императорскаго величества вашему благородiю предлагаю: изволите сочинить спиртъ въ удобномъ сосудѣ, въ которомъ бы можно ту голову Левина довести до означеннаго города (до Пензы), чтобъ она дорогою за дальностию пути не избилась и опый бы сосудъ съ спиртомъ чтобъ изготовленъ былъ сего же числа, а кому изволите приказать оное сочинить, чтобъ онъ былъ въ аптекѣ безотлучно“. Блуменростъ исполнилъ акуратно приказанiе Андрея Ивановича.

4 августа отправили голову Левина подъ карауломъ — и съ нею закованныхъ: попа Глѣба Никитина, попа Ивана Степанова, игумена Михаила и старца Иону. Ихъ велѣно казнить въ Пензѣ, по инструкци, данной отправленному офицеру съ головою Левина и преступниками, осужденными на казнь; велѣно было, между прочимъ, чтобъ при экзекуци солдаты были въ строю съ заряженными ружьями. Послѣ казни приказано было: на каменномъ столбѣ въ срединѣ поставить голову Левина и обстановить ее головами прочихъ. Жестяной листъ, посланный изъ Петербурга, съ надписью, объяснялъ жи-

телямъ Пензы о преступленіяхъ казенныхъ. 4-го же августа, замѣшанные въ дѣлѣ Левина, комиссаръ Языковъ, солдатъ Иванъ Разстригинъ, Петръ, Герасимъ, Иванъ Левины, старецъ Сергій Прозоровскій, секретарь Стефана Яворскаго Кублицкій, келейникъ его Машкаринъ, были освобождены на поруки.

Попъ крестовый князя Меншикова Лебедева былъ казненъ 7 августа въ Москвѣ, у тиунской избы: онъ сознался, что былъ раскольникомъ и считалъ Петра антихристомъ.

Пензенскому посадскому человѣку Федору Каменьщикову, который поднялъ все это дѣло, еще 30 апрѣля 1722 г. за его правое доношеніе на Варлаама Левина дано награжденіе триста рублей — и право торговать его товаромъ безошлинно по его смерти, и при томъ выдано свидѣтельство о его заслугѣ, съ прибавленіемъ въ немъ приказанія по всѣмъ городамъ Россіи командирамъ, «кто какого званія ни есть, его, Каменьщикова, отъ всякихъ обидъ охранять».

Поступокъ Каменьщикова былъ побудительною причиною изданія указа: объ оскорбителяхъ чести государства императора и нарушителяхъ общаго спокойствія и о взысканіи съ тѣхъ, которые по доносамъ о сихъ злодѣяхъ не производятъ слѣдствія. П. С. Зак. Т. VI ст. 3984. Черновой указъ хранится въ подлинномъ дѣлѣ о Левинѣ, съ собственноручными поправками Петра Андреевича Толстаго, члена тайной канцеляріи.

Братъ Василья Левина, Герасимъ, долго содержался въ тюрьмѣ и только 10 августа 1724 года, почти чрезъ два года, рѣшилась судьба его „за то, что онъ слышалъ отъ брата злыя слова про его императорское величество,

да и велѣлъ еще конопатьевскому попу Глѣбу Никитину не доносить“. Герасиму учинено наказанье: битъ кнутомъ и сосланъ на вѣчное житье въ Гилянъ.

Капитанъ Саловъ объявилъ тайной канцеляріи, что онъ глухъ, и этимъ хотѣлъ отдѣлаться отъ наказаній за слышаніе „продерзости“ Левина, говоренной имъ въ церкви села Конопати. Но тайная канцелярія не повѣрила ему и распорядилась собраніемъ справокъ. Сперва послали въ село Конопати разспросить у сосѣдей. Разспросили 48 человекъ: 16 поповъ, 2 дьяконовъ, 3 дьячковъ, 6 помѣщиковъ и 21 крестьянина. Изъ нихъ 14 человекъ сказали, что Салова совсѣмъ не знаютъ; 28 человекъ объявили, что знаютъ его, но глухъ ли онъ или нѣтъ, того не вѣдаютъ, потому что и разговоровъ съ нимъ не имѣли; 2 человека сказали, что о глухотѣ его не извѣстны, а что отецъ его былъ глухъ; 4 утверждали, что онъ на ухо крѣпокъ. 4 марта 1723 г. Салова освободили на поруки, но послали въ Пермскій полкъ, въ которомъ служилъ Саловъ, запросъ, глухъ ли онъ? 24 февраля 1724 получено донесеніе отъ князя Михаила Голицына съ приложеніемъ свидѣтельства, подписаннаго полковникомъ и оберъ-офицерами полка, что Саловъ въ полку глухъ не былъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1724 г. Саловъ былъ лишень чина, битъ кнутомъ и сосланъ въ крѣпость Св. Креста. Послѣ кончины Петра, въ августѣ 1725 ему дозволено было „для поминовенія блаженныя памяти Петра Великаго и для многолѣтняго здравія Екатерины“ возвратиться въ свое помѣстье.

Предтеченскій монастырь, въ которомъ было, какъ видно изъ описи, 24 монаха и 4 бѣльца, былъ арестованъ весь на другой же день, какъ взяли изъ него Ле-

вина, по распоряженію Пензенской губернской канцеляріи. Игуменъ монастыря Θεодосій, вскорѣ послѣ казни Левина, умеръ въ Москвѣ. Монастырь былъ окруженъ часовыми; никого не впускали и не выпускали. Монахи бѣдствовали „безъ пастыря“ и умирали съ голода. Въ январѣ 1723 г. тотъ же Каменьщиковъ, который донесъ на Левина, обратилъ письменнымъ доношеніемъ вниманіе синода на несчастное положеніе монастыря. Синодъ (8 февраля 1723) сообщилъ тайной канцеляріи предположеніе свое, если оно не противно, чтобъ монаховъ изъ-подъ караула освободить и Предтеченскій монастырь разобрать до основанія, а братство перевести и всякую церковную утварь и ризную, казну и прочее что ни есть отдать въ Спасскій Преображенскій монастырь, находящійся близъ Предтечева. Причина уничтоженія монастыря выражалась такъ: „для того въ прошломъ 1722 г. въ томъ Предтеченскомъ монастырѣ явился помянутый злодѣй монахъ Левинъ, котораго ради и донинѣ того монастыря братія содержатся подъ арестомъ въ зѣльномъ гладѣ, а оный злодѣй за лютое свое злодѣйство и казнь лютую воспріялъ, чего для въ оказію и въ страхъ зла, и мѣсто его, гдѣ онъ гнѣздилися, надлежитъ опустошить всеконечно“.

5 марта 1723 года отъ тайной канцеляріи послано въ Пензу предписаніе къ господамъ командирамъ: отъ означеннаго Предтечева монастыря караулъ свести для того, что до нихъ по дѣлу старца Варлаама Левина важности никакой не находилось.

Жена Левина возвратилась изъ-подъ ареста домой въ августѣ 1723 года.

ОСВОБОЖДЕНІЕ ЦАРИЦЫ ЕВДОКІИ ФЕДОРОВНЫ.

(1727).

Разстрига Демидъ съ розыску показаль года съ четыре назадъ: Аврамъ Лопухинъ спрашиваль его, будетъ ли бывшая царица по прежнему царицею съ сыномъ! А буде Государь ее не возьметъ, то, когда онъ умретъ, будетъ ли царицею и съ сыномъ?—Демидъ сказалъ: будетъ!.

(Суздальскій розыскъ. Исторія Петра Великаго. Устр. т. III стр. 218).

Судьба царицы Евдокіи Федоровны замѣчательна неожиданными крутыми переворотами. Избранная въ супруги Петру, противъ его желанія, царицею Натальею Кириловною, при пылкомъ, своенравномъ, ревнивомъ характерѣ своемъ, приверженная къ старинѣ, Евдокія не могла ожидать счастья, и это подтвердилось на самомъ дѣлѣ. Уже около 1697 г. Петръ влюбился въ дѣвицу Монсъ и искалъ случая разлучиться съ Евдокіею. Вспыхнулъ стрѣлецкій бунтъ, подозрѣніе пало на царицу, и Петръ, утомленный ея ревностью, безъ всякаго церков-

наго суда и приговора, сослалъ жену свою въ Суздальскій Покровскій монастырь и велѣлъ постричь въ монахини. Въ горѣ и нищетѣ жила царица въ монастырѣ Суздальскомъ; Петръ забылъ о ней совершенно, даже не назначилъ ей никакого денежнаго содержанія; родные ея, Лопухины, помогали ей кто платьемъ, кто съѣстными припасами; царевна Марья Алексѣевна, царица Прасковья Федоровна изрѣдка вспоминали несчастную своими подарками и заочнымъ привѣтомъ чрезъ приближенныхъ своихъ, а иногда чрезъ нищихъ или юродивыхъ. Евдокія, глубоко оскорбленная несправедливостью Петра, не признала его осужденія и, чрезъ нѣсколько недѣль послѣ постриженія, скинула монашеское платье и надѣла мірское. Молодое сердце кипѣло еще страстями. И вотъ явился Степанъ Глѣбовъ, сострадаетъ ея бѣдствіямъ, ухаживаетъ, льститъ, даритъ ее парчами и соболями, а хитрый духовникъ царицы и корыстолюбивая келейница помогаютъ Глѣбову... Преступная связь царицы не была тайною для всѣхъ монастырскихъ жителей. Скоро ревность царицы надѣла и Глѣбову; онъ бросилъ ее, и сосланной царицѣ осталось въ утѣшеніе развѣзжать и молиться по монастырямъ и селамъ, гдѣ отдавали ей почести царскія. Странно и замѣчательно, что въ эту эпоху изобилія донощиковъ и охотниковъ до подметныхъ писемъ, въ теченіе слишкомъ 15 лѣтъ, никто не донесъ Петру о похиженіяхъ Евдокіи, — все обнаружилось только съ пріѣздомъ царевича Алексѣя Петровича въ Москву, въ февралѣ 1718 года. Кто сдѣлалъ въ это время доносъ Петру, отъ кого онъ узналъ обо всемъ — остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Привезенная Скорняковымъ

Писаревымъ въ Москву, Евдокія доведена была до послѣдней степени униженія, какъ царица и какъ женщина. На генеральномъ дворѣ ей дана очная ставка съ бывшимъ ея любовникомъ Глѣбовымъ; она должна была при всѣхъ сознаться въ связи съ нимъ, и подтвердить это сознание письменно, собственноручно! Въ манифестѣ 5 марта это передано во всеобщее извѣстіе. Петръ не щадилъ ея. Покровский монастырь оказался неблагонадежнымъ мѣстомъ ссылки, рѣшили сослать ее подальше, и 20 марта 1718 года повезли въ Ладожскій Успенскій монастырь; въ дорогѣ велѣно хранить ее за крѣпкимъ присмотромъ, никого къ ней не допускать, чтобы тайно никто съ нею не разговаривалъ, а говорили бы съ нею вслухъ; если будутъ къ ней присланы отъ кого нибудь деньги, то не отдавать, а отбирать. Съ царицею была отправлена изъ прислуги одна только ея карлица. Судьба этой несчастной была неразлучна съ царицною; онъ была сослана съ нею и въ Суздальскій монастырь.

19-го апрѣля 1718 года подпоручикъ Новокшеновъ привезъ Евдокію въ Ладожскій монастырь и помѣстилъ ее въ кельяхъ игуменьи. Монастырь былъ въ жалкомъ положеніи: ни ограды, ни забора; чрезъ монастырь даже проходила проѣзжая дорога. Новокшеновъ не зналъ, какія мѣры принять, чтобы сторожить царицу, и испрашивалъ разрѣшенія; ему приказано дожидаться другого офицера, который пришлется на смѣну. Дѣйствительно, 20 мая 1718 года посланъ былъ капитанъ Семень Масловъ принять отъ Новокшенова царицу; ему дана была слѣдующая инструкція:

„Господину капитану Маслову, будучи въ Старой Ладогѣ, чинить по сему:

1.

„Пріѣхавъ въ Ладугу, пребывающую въ состоящемъ дѣвичьемъ монастырѣ бывшую царицу у присланнаго при ней изъ Москвы отъ гвардіи офицера принять и во всемъ ея содержаніи поступать неоплошно.

2.

„Ради караулу при ней и около всего монастыря употреблять данныхъ шлюссельбургскаго гарнизона капрала и преображенскихъ солдатъ, которые оттуда дадутся, а именно двѣнадцать человѣкъ.

3.

„Потребные ей припасы, безъ которыхъ пребыть невозможно, безъ излишества брать отъ ладожскаго ландрата Подчерткова, о чемъ къ нему указъ посланъ.

4.

„Въ монастырь не токмо мужеска, ни женска пола, никакого состоянія и чина людей, такожь изъ монастыря какъ ее, бывшую царицу, такъ и прочихъ пребывающихъ въ томъ монастырѣ монахинь и опредѣленныхъ для отправленія Божіей службы священниковъ отнюдь не выпускать.

5.

„Имѣть доброе око, чтобы какимъ потаеннымъ образомъ ей царицѣ и сущимъ въ монастырѣ монахинямъ

также и она къ монахинямъ никакихъ, ни къ кому, ни о чемъ писемъ отнюдь не имѣли, чего опасаясь подѣ потерянiемъ живота, смотрѣтъ неусыпно и для лучшей въ томъ осторожности велѣтъ днемъ и ночью вокругъ всего монастыря солдатамъ, сколькоимъ человекамъ возможно, ходить непрестанно, и того чтобы кто тайно не учинилъ смотрѣтъ накрѣпко.

„Во всемъ вышеизложенномъ ея бывшей царицѣ содержанiи поступать неоплошно и дабы отъ несмотрѣнiя чего непотребнаго не учинилось. Данъ въ С.-Петербургѣ мая 20, 1718 года“. Подписалъ Александръ Меншиковъ.

Инструкцiя очень подробная, но при отправленiи съ нею Маслова изъ С.-Петербургской походной канцелярiи, которою управлялъ Меншиковъ, забыли объ одномъ: сообщить Ладѣжскому ландрату, что Маслову велѣно требовать отъ него всѣ припасы, нужные для царицы и монастыря. Черновую бумагу написали, но она осталась при дѣлахъ неподписанною. Въ проектѣ предписанiя ландрату велѣно было для покупки всякихъ съѣстныхъ припасовъ опредѣлить нарочнаго добраго и того дѣла достойнаго дворянина, а на покупку оныхъ припасовъ деньги давать изъ наличныхъ кабацкихъ и таможенныхъ доходовъ. Монаху, священникамъ, дьяконамъ, дьячкамъ, пономарямъ, монастырской наставницѣ и монахинямъ денежное жалованье и прочiе всякiе съѣстные припасы въ годъ велѣно давать по особому росписанiю.

Масловъ, прибывши въ монастырь, не получая ничего изъ Ладogi, расходовалъ свои деньги, но наконецъ, въ июль 1718 года, принужденъ былъ обратиться съ офи-

цѣльнымъ требованіемъ къ ландрату и просилъ его прислать для совершенія Божіей службы свѣтъ, ладону, вина церковнаго, на просфиры муки пшеничной; для нужды и записовъ бумаги да для ея особы крупъ гречневыхъ, уксусу, соли, икры зернистой или пшеничной, луку, стола простаго на поварню, бочекъ, квасныхъ кадокъ, ушатовъ, ведеръ, чашъ хлѣбныхъ, блюдъ деревянныхъ, ставцовъ сидовъ деревянныхъ, горшковъ большихъ и малыхъ и иныхъ хлѣбныхъ и всякихъ столовыхъ припасовъ, а для зимняго времени дровъ, и пр.

Ландратъ Подчертковъ, не имѣя указаннаго предписанія, не могъ исполнить требованія Маслова, и 27 іюля послалъ рапортъ на Высочайшее имя въ С.-Петербургъ, испрашивая указу.

Въ С.-Петербургской походной канцеляріи навели справку и нашли дѣйствительно, что ландрату предписанія не было послано. Прошелъ іюль, половина августа, канцелярія не заботилась отвѣчать Подчерткову: такъ личность Евдокии была тогда ничтожна въ глазахъ даже подъячихъ,—каково же было положеніе всего монастыря, лишеннаго даже средствъ совершать богослуженіе. 25 августа ландратъ повторилъ свое представленіе. Опять принялись за канцелярскія справки и наконецъ отыскали въ дѣлахъ бывшаго подъячаго Ѳедора Зеленаго заготовленный къ подписанію князя Меншикова указъ ландрату. Вѣроятно былъ посланъ указъ ландрату, и монастырь и Масловъ вздохнули наконецъ отъ голода и холода. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не имѣется никакихъ свѣдѣній, какъ жила царица въ Ладожскомъ монастырѣ, какъ сторожилъ ее Масловъ съ полнымъ причтомъ и монахинями. Изъ Старой Ладogi она была

переведена въ Шлюссельбургъ, гдѣ ее видѣль издали камергеръ Берхгольдъ во время посѣщенія крѣпости герцогомъ Голштинскимъ; но когда и почему она переведена въ крѣпость — до сихъ поръ неизвѣстно.

Шли годы, и царица томила въ своемъ заточеніи. Ссылка ея въ Ладожскій монастырь была извѣстна только немногимъ, и въ народѣ не знали, гдѣ она, даже были распространены слухи, что она сожжена въ Петербургѣ во время пожара на Конюшенномъ дворѣ 1721 г. *)

Въ царствованіе Екатерины I участь Евдокии не измѣнилась; наконецъ, 6 мая 1727 года, на престолъ вступилъ Петръ II, сынъ несчастнаго царевича Алексѣя Петровича; пророчество Досифея, пострадавшаго за Евдокию въ 1718 году, могло сбыться: „ты будешь царицею, говорилъ онъ ей: или при жизни, или послѣ смерти Петра“. Съ какимъ трепетомъ должна была ожидать Евдокиа вѣсточки отъ своего внука. Но время летѣло и никто не вспомнилъ о ней! Нетерпѣніе вырваться изъ двадцати семи-лѣтней неволи заставило царицу обратиться къ врагу сына своего, къ своему личному врагу — Князю Меншикову. 19 іюня 1727 г. она писала къ нему:

„Генералиссимусъ, свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ!

„Нынѣ содержусь я въ Шлюссельбургѣ, а имѣю желаніе, чтобы мнѣ быть въ Москвѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, того ради прошу предложить въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, дабы меня повелѣно было въ оный монастырь опредѣлить и опредѣлено бы было мнѣ нескуд-

*) Изъ слѣдственныхъ дѣлъ тайной канцеляріи того времени, хранящихся въ Государственномъ архивѣ.

ное содержаніе въ пищу и въ прочемъ и снабдить бы меня надлежащимъ числомъ служителей, и какъ мнѣ, такъ и опредѣленнымъ ко мнѣ служителямъ опредѣлено бы было жалованье и чтобъ оный монастырь ради меня не запертъ былъ и желающимъ бы ко мнѣ свойственникамъ моимъ и свойственницамъ входъ былъ невозбраненный.

„Вашей Высококняжей свѣтлости богомолица монахиня Елена. Іюля 19-го дня 1728 года“.

Письмо царицы застало Меншикова больнымъ. Звѣзда его уже меркла. Остерманъ и Долгорукій дружно вооружали противъ него молодого императора. Въ 1718 году Меншиковъ не заботился о ежедневномъ пропитаніи царицы и, уѣзжая изъ Петербурга, забывалъ подписать указъ ландрату Подчерткову. Теперь обстоятельства перемѣнились, онъ самъ былъ подъ обвиненіемъ въ преслѣдованіи царевича Алексѣя Петровича; теперь онъ не дожидался канцелярской справки и сѣвшиль отвѣчать царицѣ:

„Государыня моя, святая монахиня!

„Получилъ я отъ вашей милости изъ Шлиссельбурга письмо, по которому за болѣзнію своею не могъ въ верховный совѣтъ придти и для того просилъ гг. министровъ, чтобы пожаловали ко мнѣ и потому они изволили всѣ пожаловать ко мнѣ *). Тогда предложилъ я имъ присланное ко мнѣ отъ вашей милости письмо и просилъ всѣхъ, чтобы вашу милость по желанію вашему опредѣлить въ Москву въ Новодѣвичій мона-

*) Это было 21 іюля записано въ журналѣ верховнаго тайнаго совѣта.

стырь, на что изволили склониться, чтобъ отправить въ Новодѣвичій монастырь и тамо опредѣлить вамъ въ удовольствіе денегъ по 4,500 рублей и людей вамъ по желанію, какъ хлѣбниковъ и поваровъ, такъ и прочихъ служительницъ, для пребыванія вашего кельи дать, кои вамъ понравятся, и приказали васъ проводить до Москвы бригадирю и коменданту Буженинову, чего ради приказали ему быть сюда для приѣма указа въ Москву къ генераль-губернатору и о дачѣ подводъ и подорожной и на проѣздъ денегъ 1,000 руб., о семъ объявля, вашу милость поздравляю и отъ всего моего сердца желаю, дабы вамъ съ помощію Божіею въ добромъ здравіи прибыть въ Москву и тамъ бы ваше монашество видѣть и свой должный отдать вамъ поклонъ.

„P. S. Жена моя и дѣти и обрученная государыня невѣста и свояченица, а ваша Варвара Михайловна *) Вашей милости кланяются“.

Письмо отправлено было 25 іюля съ ординарцемъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка бомбардиромъ Владимиромъ Грушецкимъ, а 31 іюля данъ указъ изъ верховнаго тайнаго совѣта камеръ-коллегіи отпустить на нѣкоторую дачу плюссельбургскому коменданту Буженинову 1,000 рублей. Того-же числа за подписаніемъ Меншикова, Апраксина, Головкина, князя Голицына и Остермана, посланъ указъ московскому губернатору о переѣздѣ царицы въ Новодѣвичій монастырь. При этомъ приказано отвести ей приличныя кельи, опредѣлить къ ней въ услуженіе четырехъ персонъ мужскаго пола, а именно двухъ поваровъ, двухъ хлѣбниковъ и четырехъ

*) Арсеньева, сестра княгини Меншиковой.

женскаго пола, на иждивеніе выдавать ей монахинѣ по полшати тысячъ рублей въ годъ, а изъ Новодѣвичьяго монастыря довольствоваться съѣстными припасами и слугителями безъ всякой нужды; при монастырѣ быть караулу по распоряженію губернатора и впускать въ монастырь всякаго званія людей невозбранно, также по желанію ея бывшей царицы свойственниковъ впускать къ ней невозбранно. 1-го августа Меншиковъ вручилъ лично подписанную имъ слѣдующую инструкцію коменданту Буженинову:

1.

„Въ верховномъ тайномъ совѣтѣ опредѣлили бывшую царицу Евдокію Ѳедоровну, которая нынѣ въ монахиняхъ Елена, по требованію и желанію ея, отправить въ Москву и быть ей тамо въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и послать для препровожденія ея вась, бригадира.

2.

„И господину бригадиру Буженинову по посланному указу въ камеръ-коллегіи взять 1,000 рублей на уборъ и дорожный проѣздъ и, убрався колясками и телѣгами, ѣхать съ нею, бывшею царицею, въ Москву.

3.

„А въ Москву прибывъ, данные ему указы къ дѣйствительному тайному совѣтнику графу Мусину-Пушкину и къ дѣйствительному тайному совѣтнику князю Ромодановскому отдавъ, въ которыхъ съ нимъ о содержаніи ея письма, возвратиться паки въ С.-Петербургъ и по приѣздѣ своемъ въ Москву репортоваться“.

Тотъ же Меншиковъ подписалъ инструкцію Маслову въ 1718 году. Тяжело было для него это воспоминаніе.

2-го сентября 1727 года царица пріѣхала въ Москву и остановилась въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ палатахъ, гдѣ жила царевна Екатерина Алексѣевна, близъ Святыхъ Воротъ, надъ которыми церковь Спаса Преображенія.

5-го сентября Бужениновъ, сопровождавшій царицу, доносилъ князю Меншикову о прибытіи ея въ Москву. Это извѣстіе не дошло до него. 8-го сентября Меншиковъ уже былъ арестованъ, лишенъ чиновъ, орденовъ и княжескаго достоинства.

9-го февраля 1728 года въ журналѣ тайнаго верховнаго совѣта въ Москвѣ записано:

„Его Величество на мѣстѣ своемъ садиться не изволилъ, а изволилъ стоять и объявилъ, что Его Величество, по имѣющейся своей любви и почтенію къ Ея Величеству государынѣ бабушкѣ своей, желаетъ, чтобъ Ея Величество по своему великому достоинству во всякомъ удовольствіи содержана была, того бы ради учинили о томъ опредѣленіе и Его Величеству донесли. И объявляя сіе, изволилъ выдти, а вице-канцлеръ баронъ Остерманъ, оставаясь, объявилъ, что Его Величество желаетъ, чтобы то опредѣленіе нынѣ же сдѣлано было.

„И по общему согласію опредѣленіе о томъ учинено.

„И съ тѣмъ опредѣленіемъ къ Его Величеству ходилъ вице-канцлеръ баронъ Андрей Ивановичъ Остерманъ и пришедъ объявилъ, что Его Величество все то опробовать соизволилъ и повелѣлъ съ точнымъ объявленіемъ къ Ея Величеству отъ верховнаго тайнаго совѣта ѣхать двумъ персонамъ, а именно: князю Василю Лукичу Дол-

горукову и князю Дмитрію Михайловичу Голицыну сего же дня; при томъ Его Величеству донести, что ежели еще и сверхъ того изволить чего требовать, то Его Величество со особливою своею любви и почтенія учинить изволить“.

Такъ сбылось пророчество Досиоея!

ССЫЛКА КНЯЗЯ МЕНШИКОВА.

(1727).

I.

Князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ, при восшествіи на престолъ Петра II, находился на высшей степени могущества, почестей и богатства.

Управленіе государствомъ по всѣмъ частямъ было сосредоточено въ его рукахъ; дочь его, Марія, обручена императору; 14-тилѣтній сынъ, камергеръ и кавалеръ ордана св. Андрея Первозваннаго; помѣщикъ свыше ста тысячъ крестьянъ и обладатель милліоновъ, любимецъ Петра I и Екатерины, съ гордымъ презрѣніемъ смотрѣлъ на своихъ сотоварищей и не подозрѣвалъ, чтобъ когда-нибудь они осмѣлились составить противъ него заговоръ. Ссылка Толстого въ Соловецкій монастырь и наказаніе кнутаомъ Девьера и Скорнякова-Писарева были у всѣхъ свѣжи въ памяти.

Между тѣмъ Долгорукіе и Остерманъ, первые изъ личной ненависти къ Меншикову, а послѣдній изъ честолюбія, согласились погубить его. Они достигли своей цѣли при безпечности и гордомъ ослѣпленіи петровскаго

временщика. 30 августа 1727 г. всѣ еще поклонялись „свѣтлѣйшему“ въ Ораніенбаумѣ, а 8 сентября 1727 г. онъ арестованъ, 9-го лишень чиновъ и орденовъ, а 11-го отправленъ съ военною командою въ ссылку въ Раненбургъ. Наказаніе, столь жестокое и быстрое, послѣдовало безъ обвиненія и суда, по приказанію 12-ти лѣтняго юноши-императора.

Повѣствованія объ этомъ событіи, донинѣ изданныя въ свѣтъ, весьма кратки и притомъ не совсѣмъ согласны съ истинною. Въ настоящей статьѣ происшествія изложены почти буквально изъ архивныхъ документовъ.

I.

ССЫЛКА ВЪ РАНЕНБУРГЪ.

17 августа 1727 года князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ, оправившись отъ опасной и продолжительной болѣзни, поспѣшилъ со всѣмъ своимъ семействомъ отдохнуть въ любимый свой Ораніенбаумъ. Спокойно и беззаботно оставилъ онъ молодого царя на рукахъ враговъ своихъ, убѣжденный въ своемъ непоколебимомъ могуществѣ. Ничто, впрочемъ, и не могло возбудить опасеній: юноша-монархъ твердо хранилъ внушаемыя ему Долгорукими и Остерманомъ тайные планы сверженія Меншикова, и еще 26 августа, въ Петергофѣ, въ день именинъ сестры своей царевны Натальи Алексѣевны, Петръ II оказывалъ князю и его семейству прежнее уваженіе, а придворные, непосвященные въ тайны только нѣкоторыхъ любимцевъ государя, являлись къ Меншикову съ тѣмъ же подобострастіемъ и покорностью, какъ и прежде.

Въ Ораніенбаумѣ Меншиковъ, не оставляя государственныхъ дѣлъ, занимался особенно окончаніемъ строенія домовою своею церквю; въ 3-му сентября она была готова и въ этотъ день назначено освященіе ея. Утромъ съѣхались въ Ораніенбаумъ многіе первые чины двора и приближенные князя. Канцлеръ графъ Головкинъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Голицынъ, генераль-лейтенантъ Волковъ, генераль-кригсъ-коммиссары Чернышевъ и Головинъ, тайные совѣтники Бестужевъ и Макаровъ, генераль-маіоры князь Шаховской, Сенявинъ, сенаторы Нелединскій, Иванъ Львовичъ Нарышкинъ, президенты Голицынъ и Сухотинъ и „прочіе господа штабъ и оберъ-офицеры“.

Въ 12 часу князь съ своими гостями отправился въ церковь. Освященіе ея во имя св. Пантелеймона, при громѣ изъ пушекъ, совершенно Теофаномъ, архіепископомъ новгородскимъ, и Игнатіемъ, епископомъ коломенскимъ и каширскимъ.

Гордость и тщеславіе въ этотъ день погубили Меншикова. Окруженный первыми чинами двора, во время обряда освященія храма, онъ забылъ объ императорѣ и занялъ мѣсто, предназначенное, въ видѣ трона, для государя *). Этого было достаточно для враговъ его.

Послѣ обѣдни князь возвратился съ гостями въ свои покои, гдѣ былъ встрѣченъ генераль-адмираломъ Сиверсомъ, генераль-лейтенантомъ Дмитриевымъ-Мамоновымъ,

*) Объ этомъ ни въ „Поденныхъ запискахъ“, ни въ дѣлахъ верховнаго тайнаго совѣта не упоминается. Мы заимствовали это изъ всѣхъ существующихъ полныхъ исторій и біографій князя Меншикова.

генераль-маіоромъ Нарышкинымъ. Во время обѣденнаго стола опять пальба изъ пушекъ и великая музыка.

Послѣ обѣда нѣкоторые гости совсѣмъ уѣхали изъ Ораніенбаума, а другіе по квартирамъ въ Рамбовѣ разошлись. Дѣйствительно, нѣкоторые придворные, преданные врагамъ Меншикова, поспѣшили въ Петергофъ донести Долгорукимъ и Остерману о неприличной, преступной, по ихъ мнѣнію, выходкѣ Меншикова въ церкви; тогда же передано объ этомъ императору и погребель Меншикова была рѣшена.

На другой день, 4 сентября, генераль-лейтенантъ А. Волковъ *) сообщилъ Меншикову свои опасенія и посоветовалъ ѣхать въ Петергофъ, видѣться съ императоромъ и предупредить грозу. Князь не могъ уѣхать утромъ: у него оставались еще обѣдать гости: дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Голицынъ, Дмитріевъ-Мамоновъ, Чернышевъ, князь Шаховской, Сенявинъ, Иванъ Львовичъ Нарышкинъ, президентъ князь Голицынъ; но послѣ обѣда, въ 5 часу, онъ поспѣшилъ въ Петергофъ со всѣмъ семействомъ. Пушечная пальба провожала князя; это было послѣднее торжество его!

Въ Петергофъ князь пріѣхалъ въ седьмомъ часу и, съ четверть часа побывъ у его императорскаго величества въ большихъ верхнихъ палатахъ, возвратился въ свои комнаты и забавлялся въ шахматы **).

*) Фаворитъ Меншикова. Въ генераль-маіоры и въ члены военной коллегіи назначенъ въ 1725 г., произведенъ въ генераль-лейтенанты 18 мая 1827 г. и въ томъ же году получилъ орденъ св. Александра Невскаго. При ссылкѣ Меншикова лишенъ знаковъ отличія и получилъ ихъ обратно при Антѣ Іоанновѣ.

**) См. въ приложеніяхъ „Поденныя записки Меншикова“. Этимъ

5-го сентября поутру князь Меншиковъ съ полчаса тайно разговаривалъ съ тайнымъ совѣтникомъ вице-канцлеромъ графомъ Остерманомъ. Въ 12 часу, съ семействомъ, сѣлъ кушать и потомъ, послѣ обѣда, побывавъ у его императорскаго величества, поѣхалъ сухимъ путемъ въ Петербургъ, куда и прибылъ въ 5 часу.

Въ чемъ заключался разговоръ Меншикова съ Остерманомъ, съ какими впечатлѣніями и планами снѣшилъ онъ въ С.-Петербургъ—остается для исторіи неизвѣстнымъ. Но враги его дѣйствовали уже рѣшительно: 5-го сентября въ верховной тайный совѣтъ призванъ былъ интендантъ Мошвовъ, и ему приказано исправить немедленно лѣтній и зимній дворцы такъ, чтобъ они готовы были къ возвращенію государя изъ Петергофа. Мошвовъ взялся исправить дворцы въ три дня, если только возвращены будутъ всѣ убранныя, взятые въ покой его величества на Преображенскій островъ *).

По отъѣздѣ Меншикова въ Петербургъ, на другой день, 6-го сентября, государь именнымъ указомъ объявилъ верховному тайному совѣту, что онъ намѣренъ возвратиться въ Петербургъ и жить въ лѣтнемъ дворцѣ, а потому чтобъ лѣтній домъ былъ немедленно къ приѣзду его величества приготовленъ, „къ которому приставить пристойный караулъ, какъ о томъ извѣстно приказано генераль-лейтенанту Салтыкову; верховному же

опровергаются предположенія историковъ, что Меншиковъ послѣ освященія поѣхалъ въ Петергофъ и не нашелъ уже тутъ государя, удаленнаго будто бы изъ Петергофа, для воспрепятствованія свиданія съ Меншиковымъ.

*) Васильевскій островъ, который переименованъ тогда Преображенскимъ. Молодой императоръ жилъ въ домѣ Меншикова.

тайному совѣту повелѣно занять одну палату, въ лѣтнемъ дворцѣ“. До этого времени совѣтъ собирался въ домѣ князя Меншикова, гдѣ жилъ самъ императоръ. Переѣздъ государя въ лѣтній дворецъ былъ уже явнымъ знакомъ немилости къ Меншикову; онъ, вѣроятно, узналъ объ этомъ и, въ надеждѣ видѣть государя, поспѣшилъ въ верховный тайный совѣтъ; но, прождавъ тамъ напрасно полтора часа, возвратился домой*).

7-го сентября Меншиковъ всталъ въ 6-мъ часу утра, вышелъ въ орѣховую залу и просидѣлъ въ ней безъ всякаго дѣла до 9 часовъ одинъ, неодѣтый; этого съ нимъ никогда не бывало. Въ 9 часовъ поѣхалъ опять въ верховный тайный совѣтъ, гдѣ нашелъ только дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Голицына и тайнаго совѣтника Степанова. Въ журналѣ верховнаго тайнаго совѣта записано: „6 и 7 сентября засѣданія не было“. Просидѣвъ съ часъ въ совѣтѣ, онъ возвратился домой и, противъ своего обыкновенія, не отдыхалъ послѣ обѣда.

Въ этотъ день Петръ II возвратился изъ Петергофа и ночевалъ уже въ лѣтнемъ дворцѣ.

8-го сентября князь Меншиковъ, вѣроятно, намѣревался опять ѣхать въ верховный тайный совѣтъ, чтобъ свидѣться съ императоромъ, но враги предупредили его.

Вотъ что происходило въ верховномъ тайномъ совѣтѣ 8 сентября—самъ императоръ пріѣхалъ въ совѣтъ—передъ приходомъ государя посланъ былъ къ князю Меншикову генералъ-лейтенантъ и маіоръ отъ гвардіи Семенъ Салтыковъ съ объявленіемъ ему ареста: „чтобъ

*) „Поденныя записки Меншикова“.

со двора своего никуда не съѣзжалъ“. При полученіи этого приказанія Меншикову сдѣлалось дурно и ему пускали кровь*). Въ этомъ засѣданіи подписаны Петромъ II приготовленные указы:

1) О томъ, что онъ впредь самъ будетъ присутствовать въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, и

2) О не слушаніи указовъ и писемъ князя Меншикова**).

Паденіе Меншикова было такъ внезапно, неожиданно, что онъ совершенно растерялся. Попытка видѣть государя изъ-подъ ареста была невозможна; онъ рѣшился писать Петру II и къ царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ; но письма оставлены безъ вниманія, а верховный тайный совѣтъ слѣшилъ удалить его изъ Петербурга.

9 сентября, передъ приходомъ государя въ совѣтъ, объ Меншиковѣ и его приверженцахъ составлена была Остерманомъ, по соглашенію съ прочими членами совѣта, докладная записка. Она была прочтена императору. Петръ утвердилъ все, „кромѣ рѣшенія объ Алексѣѣ Волковѣ и Варварѣ Арсеневой, о которыхъ отложено впредь“. По уходѣ государя, присутствовавшіе составили указъ о ссылкѣ князя Меншикова въ нижегородскія его деревни, гдѣ велѣно ему жить безвыѣздно и послать съ нимъ офицера и капральство, солдатъ отъ гвардіи, которымъ и быть при немъ, а чиновъ его всѣхъ лишить и кавалерію взять, а имѣнію его быть при немъ. Генераль-лейтенантъ Семень Салтыковъ, посланный къ князю Меншикову для объявленія этого указа, возвра-

*) См. „Поденныя записки“, въ приложеніяхъ.

***) Журналь верховнаго тайнаго совѣта 8 сент. 1727 года.

тился въ совѣтъ съ орденами св. Андрея Первозваннаго и св. Александра Невскаго, снятыми съ Меншикова. По просьбѣ князя, переданной словесно Салтыковымъ, указъ о его ссылке въ тотъ же день былъ измѣненъ императоромъ и мѣстомъ ссылки назначенъ, вмѣсто Нижегородскихъ деревень, городъ Раненбургъ*).

10-го сентября, для сопровожденія князя Меншикова, избранъ верховнымъ тайнымъ совѣтникомъ лейбъ-гвардіи капитанъ Пырскій: ему дано на расходы 500 р. и на 50 подводъ прогонныя деньги; за другія 50 подводъ приказано платить князю Меншикову свои собственныя деньги; Макарову и Мошкову поручено съѣздить къ Меншикову и отобрать у него камень яхонтъ большой**). Оберъ-секретарь Масловъ и секретарь Яковлевъ посланы были въ домъ князя запечатать бывшую при немъ канцелярію. Призывали въ совѣтъ также Новгородскаго архіерея Θεодосія и объявили ему: „чтобъ впредь обрученной невѣсты при отправленіи службы Божіей не упоминать и о томъ во все государство отправить указы изъ синода“***); между тѣмъ Меншиковъ, черезъ канцлера графа Головкина, обратился въ верховный тайный совѣтъ съ просьбою въ четырехъ пунктахъ.

„1) Обрученной невѣсты служители и ея гофмейстеръ просятъ милости уволить въ деревни свои“.

(Резолюція совѣта: „Кто похочетъ съ нею ѣхать, тотъ бы ѣхалъ, а кто хочетъ остаться, тотъ бы оставался“).

*) См. приложение № 1.

***) Мошковъ представилъ 11 сентября верховному тайному совѣту взятый имъ у князя Меншикова „камень большой лаловый“, который Остерманомъ тотчасъ же передалъ императору.

****) Журн. верх. тайн. сов. 10 сентября 1727 г.

„2) Дозволить ея высочеству (т. е. невѣстѣ) вывезти заслуженное ею и служителями ея жалованье 34,000 р.“.

(— „О жалованьяхъ и заслуженныхъ деньгахъ справиться и впредь доложить“).

„3) Просить отпустить доктора и лекаря“.

(— „Доктору и лекарю съ нимъ, княземъ Меншиковымъ, ѣхать позволить“).

„4) Дозволить гетманскому сыну Петру Апостому, который жилъ при князѣ, ѣхать съ ними“.

(— „ѣхать не велѣть, а послать за нимъ, чтобъ явился въ верховный тайный совѣтъ“).

Въ этомъ же засѣданіи его призвали и объявили, чтобъ онъ съ княземъ Меншиковымъ не ѣздилъ, а жилъ безвыѣздно въ С.-Петербургѣ и почаще являлся въ коллегію иностранныхъ дѣлъ*).

Верховный тайный совѣтъ такъ спѣшилъ высылкою Меншикова изъ Петербурга, что не заботился составить инструкціи для капитана Пырсага. Пырскій рѣшился самъ просить объ этомъ совѣтъ и представилъ 10-го сентября слѣдующіе пункты:

1.

Какимъ образомъ содержать князя Меншикова и его семейство, и ежели будутъ присылать къ нему письма или онъ пожелаетъ отправить, то смотрѣть за нимъ?

Резолюція тайнаго совѣта 10-го сентября 1727 года.

Смотрѣть, а безъ осмотра ни къ нему, ни отъ него никакихъ писемъ не пропускать.

2.

Ежели какія усмотрятся противныя письма или его поступки, что чинить?

Противныя письма присылать немедленно сюда, а противныя поступки унимать и требовать вспоможенія въ нужномъ случаѣ отъ Воронежскаго губернатора, къ которому о томъ указъ посланъ.

*) Журналъ верховнаго тайнаго совѣта 10 сентября 1727 г.

3.

Въ пути и по городамъ, также и въ Москвѣ и въ Раненбургѣ прѣзжихъ и прочихъ людей кого къ нему допускать ли?

Вести его мимо Москвы; а пускать къ нему постороннихъ людей только при себѣ.

4.

Ежели случится въ дорогѣ весьма болель, стоять или ѣхать до назначеннаго мѣста, также если пожелаетъ гдѣ отдыхать, въ томъ съ нимъ какъ поступать?

Усмотря по его состоянію, поступать по своему разсужденію.

5.

Ежели въ дорогѣ или въ назначенномъ мѣстѣ умереть, съ фамиліею его что чинить?

Писать и ждать указа.

6.

Буде случится какая необходимая нужда писать мнѣ въ верховный тайный совѣтъ и послать курьера, то подорожныя и прогоны откуда получать?

Посылать и подорожныя давать отъ себя за своею рукою, по которымъ подводы давать велѣно будетъ, и о томъ указъ въ ямскую канцелярію посланъ, а на прогоны 500 р. дано.

7.

Какъ на ямскія, такъ и на уѣздныя подводы потребны послушные указы.

Брать ямскихъ по 50, а на прогоны на тѣ подводы ему денеги даны.

8.

Унтеръ-офицерамъ и солдатамъ, при немъ обрѣтающимся, провиантъ откуда получать?

Получать изъ Воронежской губерніи, а къ губернатору о томъ указъ посланъ.

9.

Къ вице-губернатору воронежскому потребно дать послушный указъ за умаленіемъ со мною солдаты, что понадобится изъ тамошней команды какъ офицеровъ, такъ и солдатъ, по усмотрѣнію того мѣста для содержанія карауловъ и прочаго, чтобъ по требованіямъ моимъ отъ него отправлены были.

Такіе требуемые указы посылаются (приложеніе № 18)

Подлинную резолюцію подписали:

Генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ,

Графъ Гаврило Головкинъ,

Князь Дмитрій Голицынъ.

Сентября 10 дня 1727 года.

11-го сентября Пырскій *) повезъ князя Меншикова и его семейство изъ Петербурга. Поѣздъ состоялъ изъ 5-ти берлиновъ, 16-ти колясовъ, 11-ти фургоновъ и колымажки. Всѣ экипажи были собственные Меншикова, великолѣпно, богато убранные. Прислуги за нимъ слѣдовало 127 человекъ, а именно: маршалкъ (дворецкій), 1 берейторъ, 2 мундшенка, 5 подъячихъ, 2 пѣвчихъ, 8 пажей, 2 карла, 16 лакеевъ, 6 гайдуковъ, 2 истопника, 12 поваровъ, 25 конюховъ, 1 кузнецъ, 2 шорника, 13 собственныхъ его драгуновъ, 1 сапожникъ, 3 портныхъ, 5 приказчиковъ, 20 гребцовъ. Сверхъ того, при нарѣченной невѣстѣ: гофмейстеръ Василиій Арсеньевъ, пажъ Арсеньевъ и 4 конюха. Выѣздъ князя Меншикова не походилъ на отправку ссыльнаго, а на поѣздъ отправляющагося въ свои помѣстья, знатнаго вельможи. Всѣ служители были вооружены ружьями, пистолетами. Верховный тайный совѣтъ пораженъ былъ этою пышностью, и въ тотъ же день послалъ къ Пырскому въ Ижору нарочнаго адъютанта гвардіи Дашкова съ объявленіемъ, „что при князѣ людно: ѣдутъ многіе и съ ружьями; а потому, для предосторожности, отобрать оружіе. Пырскій исполнилъ это приказаніе 12-го сентября въ Тоснѣ*). Здѣсь Меншиковъ сдѣлался нездоровъ (у него

*) Передъ отправленіемъ Пырскаго послано было отъ верховнаго тайнаго совѣта объявленіе во всѣ ямы выборнымъ и ямщикамъ, что Пырскій отправленъ изъ верховнаго тайнаго совѣта для важнаго его императорскаго величества дѣла, и что велѣно ему присылать донесенія къ его императорскому величеству на почтовыхъ и ямскихъ подводахъ, а потому велѣно давать ему подводы по подорожнымъ за его подписаніемъ за указные прогоны безъ всякаго задержанія подъ страхомъ жестокаго наказанія (Дѣло № 79 в. т. с.)

**) Приложение № 3.

по прежнѣму появилась кровь горломъ); онъ обратился чрезъ Пырскаго въ верховный тайный совѣтъ съ просьбою о присылкѣ къ нему назначеннаго доктора Шульца, который въ Петербургѣ взялъ у него на дорогу 200 р. и еще не являлся *).

Изъ Тосны же княгиня Меншикова писала къ женѣ Остермана о ходатайствѣ за нихъ передъ государемъ, чрезъ великую княгиню Наталью Алексѣевну, сестру императора.

„Сіятельная графиня, моя милостивая государыня.

„Покорно прошу Ваше Сіятельство для самого Бога и Пресвятой Богородицы попросить у Ея Высочества нашей Всемилостивѣйшей Государыни Натальи Алексѣевны, чтобъ Ея Высочество соизволила попросить Его Императорское Величество хотя бы намъ малую отраду видѣть, понеже весьма по волѣ Божьей великою болѣзнію отягченъ и нынѣ у Его Свѣтлости изъ гортани руда шла, отчего въ великой печали обрѣтаемся и чуть живы. Также прошу извольте попросить и своего сожителя, нашего милостиваго патрона Андрея Ивановича, чтобъ прислалъ къ намъ лекаря нашего Шульца. Также прошу извольте паки попросить сожителя своего, чтобъ и онъ изволилъ стараніе свое у Его Императорскаго Величества, хотя намъ малую отраду отъ Бога и отъ Его Императорскаго Величества получить. Пожалуй, моя матушка, хотя малое наше служеніе напamатуй къ себѣ, а паче прошу для самого Бога, не презри сего нашего слезнаго прошенія, въ чемъ мы на Ваше Сіятельство, мою истинную благодѣтельницу, благонадежна и остаюсь.

*) Приложение № 4.

„Вашего Сіятельства, истинной моей благодѣтельницы,
всегда послушная

„Дарья Меншикова“ *).

Тосна,

Сентября 13 дня 1727 г.

Письмо это было отослано Пырскимъ къ тайному совѣтнику Степанову **), который представилъ его Остерману; въ тотъ же день отправлено къ Пырскому приказаніе: всѣ письма князя Меншикова доставлять прямо въ верховный тайный совѣтъ; а присланныя остались при дѣлѣ и не были переданы по адресу. Посылая письма черезъ Пырскаго, князь отправилъ въ Петербургъ тайкомъ съ разными порученіями служителя сво-

*) Дарья Михайловна Арсеньева, дочь стольника Михайла Аванасьевича, вышла замужъ за Меншикова 18-го августа 1706 г. Императрица Екатерина I особенно уважала ее и называла ее въ своихъ письмахъ „свѣтомъ своимъ, дорогою невѣстучкою“; благодарила за неоставленіе дѣтей; просила „не оставлять и впредь писаніями“. Ей одной только изъ особъ женскаго пола, непринадлежащихъ императорской фамиліи, пожаловала въ свое царствованіе орденъ св. Екатерины 19-го августа 1726 года. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ Дарья Михайловна отличалась своею красотой, добродѣтелями, кротостью, благочестіемъ и состраданіемъ къ несчастнымъ. Въ замужествѣ она была почитательною матерью и нѣжною супругою; при паденіи, не сожалѣла о почестяхъ и богатствѣ, а грустила о несчастіи мужа и дѣтей. Отъ горя и слезъ въ ссылкѣ въ Рененбургѣ она лишилась зрѣнія, а на дорогѣ въ Березовъ, въ 12 верстахъ отъ Казани, въ селѣ Услоя, на берегу Волги, въ 1728 году, на 46 году отъ рожденія, скончалась. Деревянная церковь, вблизи которой находилась могила несчастной, сгорѣла, но камень надгробный уцѣлѣлъ съ надписью: „Здѣсь погребено тѣло рабы Божіей Д....“ (Бантышъ-Каменскій, „Словарь достопамятныхъ людей“).

**) Приложение № 6.

его, Степана Петрова. Попытка не удалась. Петровъ былъ схваченъ и арестованъ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ.

Сентября 13-го пріѣхали въ Любань. Пырскій послалъ солдата на Соснинскую пристань приготовить суда для проѣзда по Волгѣ водою въ Новгородъ.

Въ это время на пристани грузились полки, возвращавшіеся въ Петербургъ, и въ судахъ былъ недостатокъ. Пырскій принужденъ былъ послать въ Новгородъ нарочнаго для покупки на счетъ Меншикова десяти судовъ, на которыхъ можно было бы всѣмъ умѣститься.

Въ Любань прибыло къ поѣзду ссыльныхъ еще изъ С.-Петербурга для нареченной невѣсты: 1 придворный берлинъ, при немъ конюховъ князя Меншикова 2, а изъ Копорья съ лошадьми 1 писарь и 12 конюховъ; съ прежними служителями число ихъ дошло до 147 человекъ.

Сентября 14-го къ Пырскому прислали еще 14 человекъ солдатъ, одного унтеръ-лейтенанта, сержанта и капрала изъ Преображенскаго полка. Въ тотъ же день пріѣхалъ духовникъ Меншикова, священникъ отъ Воскресенія съ Преображенскаго острова. Синодъ дозволилъ ему сопутствовать князю.

Отъ Соснинской пристани водою ѣхали четверо сутокъ до Новгорода, и здѣсь 19-го сентября, за противнымъ вѣтромъ, остановились.

Изъ Новгорода гофмейстеръ при нареченной невѣстѣ генералъ-лейтенантъ отъ флота Василій Михайловичъ Арсеньевъ просилъ его разрѣшить (прошеніемъ на Высочайшее имя): оставаться-ли ему при нареченной невѣстѣ?—присовокупляя свою покорнѣйшую просьбу уволить его въ деревню.

Съ 19-го по 22-ое сентября поѣздъ стоялъ въ Новгородѣ за противнымъ вѣтромъ, а 22-го отправился водою черезъ озеро и прибылъ 23-го въ Бронницы.

29-го сентября пріѣхали въ Валдай.

1-го октября въ Едрово.

Октября 5-го въ Вышній Волочекъ.

При донесеніи объ этомъ, Пырскій увѣдомлялъ совѣтъ, что 1-го и 2-го октября въ селѣ Березовѣ останавливались за болѣзнью Меншикова и до Вышняго Волочка везли его въ качалѣхъ, устроенной на двухъ осѣдланыхъ лошадяхъ.

Октября 6-го отправились изъ Вышняго Волочка опять водою до Шоши; октября 8-го прибыли въ Торжокъ, 8-го въ Тверь *), 10-го въ Городню, 12-го ночевали въ Шошѣ.

Въ Клину, 14-го октября, нагналъ Пырскаго капитанъ Шуперинъ, посланный изъ Петербурга съ приказаніями: у сына и дочерей его, также и у Василія Арсеньева отобрать ордена; съ этимъ посланнымъ возвращенъ былъ невѣстѣ обручальный перстень, полученный отъ нея императоромъ, а отъ нея велѣно взять обручальный перстень императора **). 15-го октября эти вещи отосланы Пырскимъ въ Петербургъ въ верховный тайный совѣтъ

*) Во всѣхъ исторіяхъ повторяется баснословный разсказъ, что по прибытіи въ Тверь, объявлено ему, что все имѣніе его повелѣно опечатать, а для него, впредь до рѣшенія, оставить только самое необходимое; вслѣдствіе чего богатые его экипажи отобраны, онъ съ семействомъ пересажень въ телѣги и отправленъ въ дальнѣйшій путь съ удвоеннымъ карауломъ и подъ надзоромъ стража, а на самомъ дѣлѣ Меншиковъ преспокойно ѣхалъ водою, а потомъ безъ остановки доѣхалъ въ своихъ богатыхъ экипажахъ до Раненбурга.

***) Приложение № 7.

съ гвардіи унтеръ-лейтенантомъ Дурновымъ, а Шушеринъ въ тотъ же день повезъ Варвару Арсеньеву въ Александровскій монастырь.

16-го октября прѣѣхали черезъ село Пешки въ Чашниковъ, сворота двѣ версты отъ Химокъ съ большой дороги, потому что Пырскому велѣно было объѣхать Москву.

19-го выѣхали на коломенскую дорогу въ селѣ Лебирицы, 24-го прѣѣхали въ Коломну, 26-го въ Зарайскъ, 30-го октября въ Скопинъ и, наконецъ, 3-го ноября въ Раненбургъ*).

Во время переѣзда изъ С.-Петербурга до Раненбурга Меншиковъ, потихоньку отъ Пырскаго, посылалъ нѣсколько разъ въ Москву и Новгородъ къ нѣкоторымъ лицамъ съ просьбою о ходатайствѣ за него; впрочемъ объ этомъ больше хлопотали жена князя и свояченица его, Варвара Арсеньева.

Съ Сосненской пристани дворецкій Меншикова Богданъ Родіоновъ, по приказанію княгини, посылалъ (15-го сентября) служителя Федора Фурсова въ Новгородъ просить о князѣ Меншиковѣ князя Михайла Михайловича Голицына.

Изъ Бронницъ Варвара Арсеньева посылала служителя Федора Фурсова въ Новгородъ провѣдать, нѣтъ ли какихъ вѣстей о князѣ, и велѣла захватить лейбъ-регимента въ прапорщичку Ивану Кондратьеву Воейкову, который былъ въ деньщикахъ при князѣ.

Изъ Крестецъ, по приказанію жены Меншикова, служитель его Федоръ Фурсовъ былъ посланъ въ Москву, будто для покупки платковъ и чулковъ шелковыхъ,

*) Приложение № 9.

а между тѣмъ велѣно ему зайти къ женѣ князя Алексѣя Шаховскаго за ящикою, къ князю Мусину-Пушкину просить, чтобы ходатайствовали о князѣ передъ императоромъ*).

Въ Валдаѣ дворецкій Родіоновъ выпросилъ у Пырскаго дозволеніе, чтобы бабы и дѣвки съ двумя служителями проѣхали впередъ въ Городню. Пырскій согласился; но, пріѣхавъ въ Городню водою, не нашелъ здѣсь отпущенныхъ имъ съ Валдая служителей и дѣвокъ, и потому тотчасъ отправилъ за ними погоню. Ихъ поймали въ Москвѣ и отвезли въ Бронницы. Фурсову въ Москвѣ было поручено княгинею захватить къ княгинѣ Лобановой и княгинѣ Одоевской и просить ихъ съѣздить въ Дѣвичій монастырь просить о помилованіи князя у царицы Евдокии Феодоровны. Фурсовъ при допросѣ показалъ, что не исполнялъ этого приказанія княгини.

Дворецкій Богданъ Родіоновъ былъ въ сильномъ подозрѣніи у Пырскаго, и потому, пріѣхавъ въ Городню, онъ запретилъ ему безъ себя входить къ князю въ спальню и имѣть переговоры. Богданъ началъ на это кричать и „невѣжничать“. Пырскій посадилъ его подъ арестъ и такъ везъ до Раненбурга, не имѣя средствъ и времени производить слѣдствіе въ дорогѣ.

Въ Раненбургѣ Меншиковъ съ семействомъ помѣщенъ Пырскимъ въ собственномъ его домѣ, въ крѣпости, которая, по распоряженію Пырскаго, запиралась по пробитіи вечерней зори и отпиралась съ утреннею.

При комнатахъ Меншикова и его дѣтей поставлены были часовые. Подъ карауломъ содержался дворецкій

*) Приложение № 12.

Меншикова татаринъ Богданъ Родіоновъ и раненбургскій приказчикъ Некрасовъ; за ними въ особенности смотрѣли, чтобъ они не посылали какихъ-нибудь писемъ.

Самому Меншикову позволено было Пырскимъ писать, но только въ его присутствіи. Со всѣхъ писемъ Пырскій снималъ копію и записывалъ въ особую книгу, которую впоследствии представилъ въ тайный совѣтъ *).

Не получивъ никакого положительнаго наставленія, какъ содержать подъ арестомъ Меншикова, Пырскій былъ въ большомъ затрудненіи и рѣшился никуда не выпускать Меншикова, кромѣ церкви, которая была въ слободѣ, а не въ крѣпости**), и то сопровождая его самъ съ 6 солдатами, а противъ церкви, во время обѣдни, ставилъ караулъ изъ 40 человекъ.

Князь Меншиковъ дарилъ Пырскаго и его команду подарками и деньгами какъ на дорогѣ, такъ и въ Раненбургѣ***). Ноября 6-го, въ день своего рожденія, онъ подарилъ солдатамъ, провожавшимъ его, по 1 р. 50 к., а московскимъ по 1 р., капраламъ по 5 р., сержантамъ по 10 р., прапорщику 20 р., подпоручику 30 р., капитану-поручику 50 р., Пырскому алмазный камень и три лошади. Во время дороги въ с. Бронницахъ, которое принадлежало Меншикову, князь подарилъ Пырскому лисій мѣхъ подъ кафтанъ, попу и лекарю по мѣху.

Отъ Бронницъ въ 13 верстахъ у Пырскаго была деревушка—пожалованная ему Екатериною I въ 1727 году. Меншиковъ, проѣзжая Бронницы, подарилъ Пырскому

*) Приложение № 16.

**) Приложение № 9.

***) Приложение № 10.

въ его деревню заводскаго жеребца, 6 кобыль и жеребятъ, сѣна и овса, хлѣба на сѣмена и на пропитаніе мужикамъ, триста бревенъ на постройку дома; еще дорогою подарилъ ему два соболя и иноходца, а солдатамъ въ разныя времена въ дорогѣ далъ по 2 р. 50 к. на человѣка. Въ Раненбургѣ же отпускалось отъ князя солдатамъ на мясо и рыбу по 1 к. въ день.

По приѣздѣ въ Раненбургъ, всѣ окружавшіе Меншикова изъ прислуги начали проситься объ отпускѣ ихъ: лекарь, священникъ, служители. При этомъ случаѣ Меншиковъ въ послѣдній разъ удовлетворилъ своему высокомѣрію, подписавъ оригинальный паспортъ иноземцу Григорію Роппу, служившему при немъ берейторомъ:

„Мы Александръ Меншиковъ, Свѣтлѣйшій Князь Римскій и Россійскаго Государства *).

„Объявляемъ всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что понеже объявитель сего иноземець родомъ голштинецъ Григорій Роппъ служилъ при дворѣ нашемъ берейторомъ пять лѣтъ; три года былъ за конюшаго, а нынѣ, по желанію его, отъ дому нашего уволенъ, а понеже оный Роппъ при дворѣ нашемъ служилъ во всю свою бытность вѣрно и безпорочно, какъ надлежитъ вѣрному и честному человѣку, свое дѣло правилъ, того ради мы сей паспортъ въ увѣреніе своею рукою подписали и нашею княжескою печатью утвердить повелѣли.

„Въ Раненбургѣ. Ноября 1727 года“ **).

Этотъ паспортъ впоследствии послужилъ пунктомъ обвиненія Меншикова, какъ онъ осмѣливался подписы-

*) Приложение № 10.

***) Роппъ остался еще служить, по уговору съ Меншиковымъ, смотрителемъ надъ конными заводами съ 200 р. жалованья.

ваться и титуловаться княземъ, будучи лишень княжескаго достоинства и чиновъ еще императорскимъ указомъ 9-го сентября 1727 года.

28-го ноября Пырскій, по указу верховнаго тайнаго совѣта, отъ 26-го окт., отпустилъ Василия Арсеньева въ деревню его, но съ запрещеніемъ вѣзжать въ Петербургъ. Совѣтъ разрѣшилъ также Пырскому отпустить дамъ, дѣвицъ изъ шляхетства, находившихся при дочери князя Меншикова, но ни одной дамы и дѣвицы при княжнѣ уже не было; оставалась только императорская дворцовая дѣвица, калмычка Марфа, и та просилась, чтобъ ее отпустили во дворецъ. При княжнѣ находился пажъ Александръ Арсеньевъ. Пырскій отпустилъ и его въ деревню, въ Александровскій уѣздъ, но, впредь до указа, на короткое время (не болѣе полутора мѣсяца), взявъ съ него въ томъ подписку*). Верховный тайный совѣтъ опасался постоянно, чтобъ Меншиковъ не задобрилъ солдатъ и драгунъ, которые были въ Раненбургѣ изъ собственныхъ его копорскихъ солдатъ, и потому въ декабрѣ 1727 года размѣстили ихъ въ армейскіе полки и въ гарнизонъ воронежскій. Въ это же время уѣхали отъ Меншикова священникъ его Лука Ивановъ въ Торопецъ, а лекаръ Іоаннъ Шульцъ въ Петербургъ.

23-го декабря, по указу верховнаго тайнаго совѣта, Пырскій отобралъ отъ князя Меншикова и отправилъ въ Москву всѣхъ царскихъ конюховъ, лошадей и сбруи въ Московскій приказъ Большаго дворца**).

Съ декабря Меншикова не выпускали уже и въ цер-

*) Приложение № 11.

***) Приложение № 15.

ковь, а прислали полотняную церковь изъ лефортовскаго дома, а антиминосъ вытребовали отъ воронежскаго архіерея.

Изъ всѣхъ распоряженій и дѣйствій Меншикова во время дороги и въ Раненбургѣ видно, что онъ не терялъ надежды возвратиться ко двору, а до того времени думалъ жить спокойно съ семействомъ въ Раненбургѣ, пользуясь своимъ богатствомъ. Но мечты его не сбылись: 5-го января Пырскій, подозрѣваемый совѣтомъ по сдѣланнымъ ему подаркамъ отъ Меншикова, получилъ указъ *) верховнаго тайнаго совѣта сдать команду и князя Меншикова съ семействомъ присланному изъ С.-Петербурга на его мѣсто гвардіи капитану Петру Мельгунову, которому дана была особая инструкція.

Дѣйствія Мельгунова, допросы Меншикову по пунктамъ черезъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Плещеева, посланнаго верховнымъ совѣтомъ въ Раненбургъ, и наконецъ ссылка въ Березовъ составлять содержаніе второй статьи.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

Божією Милостію Мы Петръ Второй Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и протчая и протчая.

Указали мы князя Меншикова послать въ Нижегородскія деревни ево и велѣть ему жить тамо безвыѣздно, и послать съ нимъ офицера и капральство, солдатъ отъ Гвардіи, которымъ и быть при немъ. А чиновъ его всѣхъ

*) Приложение № 19.

лишить и кавалерію взять, а имению ево быть при немъ. Данъ сентября 9-го 1727 года.

Подлинной, за подписаніемъ Его Императорскаго Величества собственной руки. Стаковымъ подлиннымъ указомъ со объявленіемъ къ нему, князю Меншикову, посланъ генераль-лейтенантъ и отъ гвардіи маіоръ Семенъ Салтыковъ того жъ числа.

А потомъ по прошенію ево князя Меншикова, велѣно ево послать въ Раненбургъ, о чемъ указъ Его Императорское Величество другой закрѣпить изволилъ.

№ 2.

Божіею Милостію Мы Петръ Второй Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и протчая и протчая.

Указали мы князя Меншикова послать во Раненбургъ и велѣть ему жить тамо безвыѣздно, и послать с нимъ офицера и капральство солдатъ отъ гвардіи, которымъ и быть при немъ. Данъ сентября 9 дня 1727 г.

У подлиннаго подписано Его Императорскаго Величества собственною рукою тако:

Петръ.

№ 3

Сіятельнойшій Графъ и Тайный Дѣйствительный Совѣтникъ и кавалеръ

Милостивый Государь Андрей Ивановичъ.

Съ покорностію моею доношу.

По указу из верховнаго тайнаго совѣта чрез присланнаго гвардіи адъютанта Дашкова вчерашняго числа на Ижорѣ объявилъ мнѣ словесно, что при князѣ Меншиковѣ людно едутъ и многие с ружьемъ и в томъ

бы мнѣ имѣть опасность и у людей ево и у ково есть ружье отобрать й сего числа прибывъ на Тосну ружье все отобралъ какъ фузеи такъ и пистолеты и шпаги и кортики и послалъ с Тосны в санктъ питерь бурхъ собознымъ нашего полку, который былъ у рубки лѣсовъ и велѣлъ явить в верховномъ тайномъ совѣте а что чего порознь о томъ при семъ приложенъ реэстръ, просил же князь Меншиковъ о лекаре Шульце которому якобы повелѣно указомъ с нимъ ехать и взялъ у него на дорогу 200 р. и не бывалъ а у него гортанью кровь по прежнему появилась того ради, при семъ послалъ письмо его в верховной тайной совѣтъ да и впередъ о какихъ нуждахъ будетъ требовать писать в верховный совѣтъ повелить ли, тако ж, с покорностію моею-прошу о подячемъ дабы повелѣно было мнѣ от куды дать подячего.

Вашего сиятельства моего премилостиваго государя покорной слуга.

Капитанъ Пырской.

Сентября 12 дня 1727 г.,
Тосна

РЕЭСТРЪ

Коликое число и какова ружья отобрано у служителей князя Меншикова, а имянно:

Фузей 6 пистолеть пар 23 шпагъ и палашей 20 кортиковъ 25.

да у собственныхъ его драгунъ

Фузей 12 пистолеть пар 13 палашей 13 погонныхъ ремней 10 ледунокъ с перевезми 13

Гвардеи капитанъ Пырской

Сентября 12 дня, 1727 г.

№ 4.

В Высокоучрежденный верховный Тайный Совѣтъ
Покорное прошеніе

Понеже по воли всемогущаго Бога приключилась мнѣ прежняя скорбь отхаркивание мокротъ съ кровю от которой нынѣ в пути безъ лекаря ползоватся кѣмъ не имѣю: того ради высокоучрежденнаго верховнаго Тайнаго Совѣта покорнѣйше прошу дабы соизволили явить ко мнѣ Божескую милость и для ползованія меня от оной болѣзни повелѣли прислать ко мнѣ лекаря Шульца, который обрѣтался при мнѣ: и понеже об ономъ от архіатора господина Блюментроста и указъ чрезъ лекаря Павенкама чтобъ онъ ѣхалъ со мною ему объявленъ: чего ради при от ѣздѣ моемъ изъ Санктпитебургха и денегъ ему на дорогу двѣсти рублевъ от меня выдано, о чемъ наки самимъ Богомъ покорнѣйше прошу чтобъ меня во оной болѣзни: паче же и крайней печали в томъ не оставить и при томъ о показаніи ко мнѣ помянутой милости предаю в высоко умное разсужденіе и милость высоко учрежденнаго Верховнаго Тайнаго Совѣта.

О семъ покорнѣйше просить

Александръ Меншиковъ.

Письмо къ Остерману.

Снятельнѣйшій Графъ и Превосходительный Господинъ Тайный Дѣйствительный Совѣтникъ и кавалеръ мой милостивый благодѣтель.

Послано отъ меня в высокоучрежденный верховный Тайный Совѣтъ прошение о присылкѣ ко мнѣ лекаря

Шульца, который былъ при мнѣ понеже по воли Божей имѣю по прежнему мокроту съ кровью: а без онаго ползватися не бѣмъ: того ради уповая на вашу ко мнѣ милость и любовь чрез сие покорно прошу во оно весьма нуждномъ случае меня в болѣзни паче же и печали моей не оставить, о чемъ паки прошу и надѣясь что въ томъ прозбы моей не презрите весьма благонадеженъ остаюсь.

Вашего Сіятельства

покорный слуга

Александръ Меншиковъ

С. Тосны. Сентября 12 дня 1727 г.

P. S.

P. S. Ежели какое в титулѣ високоучрежденнаго верховнаго Тайнаго Совѣта есть погрѣшеніе в томъ покорно прошу не имѣть на меня гнѣва понеже канцелярскихъ служителей при мнѣ ни единого человѣка не обрѣтается кроме что объявлены въ реестрѣ кописты из моихъ служителей которые были у меня в домовоіи моей канцеляріи и то робята которые только могут копии писать.

Письмо къ Блументросту.

Превосходительный Господинъ Архіаторъ мой надежный благодѣтель.

Понеже при от ѣздѣ моемъ присланъ отъ васъ былъ лекаръ Павенкамъ и объявилъ лекарю Шульцу что онъ ѣхалъ со мною по которому объявленію оной ѣхать со мною и хотѣлъ и для того взять отъ меня на дорогу

денегъ двѣсти рублевъ но токмо еще и по нынѣ ко мнѣ не бываль, а понеже в пути приключилась и умножилась у меня мокрота с кровю от которой кѣм пользуются не имѣю; того ради васъ моего всенадежнаго 'благодѣтеля чрезъ самого Бога покорно прошу дабы оной лекарь Шульцъ ко мнѣ былъ присланъ ибо опасаются отъ одного исхожденія крови вящей скорби въ чемъ на васъ моего благодѣтеля весма благонадеженъ есмь и остаюся.

Вашей милости всегдашній слуга
Александръ Меншиковъ.

С. Тосны. Сентября
12 дня 1727 г.

№ 5.

Всепресвѣтлѣйшій Державнѣйшій Великій Государь Императоръ и самодержецъ Всероссійскій Государь Всемиловивѣйшій.

Сего 1727 году Сентября 10 дня объявлено было изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта чрезъ капитана Степана Мартынова сына Пырскаго всей комнате Ея Высочества Маріи Александровны служителемъ при ней кто похочетъ ехали бы где я низайшій и поехалъ—да пажа и четыре конюха а протчіе служители остались все в Санктъ питерь Бурхе.

И дабы указомъ Вашего Императорскаго Величества повелѣно было намъ низайшимъ быть или гдѣ повелите, чтоб в том нам низайшимъ чего не причлось; а особливо Вашего Императорскаго Величества всенижайше прошу чтоб повелѣно было меня низайшаго уволить для всеконечныхъ моихъ нуждъ и осмотрѣнія деревнишекъ до указу. Всемиловивѣйшій Государь прошу Вашего Импе-

раторскаго Величества о семь моемъ прошеніи учинить милостивое решеніе 1727 года сентября въ 19 день. Подписаль по пунктамъ гофмейстеръ и генераль-адъютантъ отъ флота Василій Михайловъ сынъ Арсеньевъ. Получено въ 25 день октября 1727 года.

№ 6.

Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшее доношеніе

Лейбъ гвардіи Преображенскаго полку капитана Степана Пырскова.

По полученнымъ Вашего Императорскаго Величества двумъ указомъ которые я получилъ въ Клину чрезъ капитана Шушерина сего октября 14 дня исполнилъ: князя Меншикова у сына и у дочерей его такожъ и у Василя Арсеньева кавалеріи отобралъ и присланной перстень за печатью Вашего Величества ему Меншикову отдалъ, а которой у дочери ево былъ перстенъ Вашего Величества тотъ взялъ и оной перстенъ и кавалеріи сего октября 15 дня при доношеніи запечатавъ послалъ въ верховный Тайный Совѣтъ гвардіи съ ундеръ лейтенантомъ Дурновымъ все въ цѣлости, а Варнаву Арсеньеву помянутому капитану Шушерину отдалъ и онъ еѣ взявъ и повезъ в Александровъ монастырь сего октября 15 числа, а сего дня прибылъ я с княземъ Меншиковымъ и оамилія ево в село Пешки в добромъ благополучіи и отправился в путь свой до Чашникова.

Вашего Величества низжайшій рабъ капитанъ Степанъ Пырской.

Къ подавію в верховномъ Тайномъ Совѣтѣ октября 16 дня 1727 г.
Изъ Чашникова.

№ 7.

Святѣльнѣйшій Граѣ Тайной Дѣйствительный Совѣтникъ и Кавалеръ.

Милостивый Государь

Со всякою моею рабскою покорностию вашему сиятельству доношу по полученнымъ Его Императорскаго Величества изъ верховнаго тайнаго совѣта указомъ которые получилъ в Клину сего октября 14 дня чрезъ господина гвардіи капитана Шушерина исполнить, по первому князя Меншикова у сына ево и у дочерей також и у Василья Арсеньева данные имъ кавалеріи отобрать и присланной с нимъ обручальной перстень за печатью ево Императорскаго Величества Княжны Меншиковой ему князю Меншикову отдал а которой у дочери ево Меншиковой был перстень Его Императорскаго Величества тотъ взять и оные перстень и кавалеріи сего октября 15 дня при доношеніи въ верховной Тайной Совѣтъ зашѣчатавъ послать гвардіи зъ господиномъ ундер лейтенантомъ Дурновымъ все в цѣлости да у сына ево князя Меншикова осталас пруская кавалерія и оную указомъ Его Императорскаго Величества носить ему до указа запретилъ, по второму указу Варвару Арсеньеву ему капитану Шушерину отдал и он ее от меня взяв по указу и повез в александров монастырь съ Клину на Дмитровъ и в тройцѣ Сергіева монастыря не захватывая Москвы, сего октября 15 числа, а сего дни прибылъ я съ княземъ Меншиковымъ и еамилія

ево в село Пешки в добромъ благополучи и отправился в путь свой до Чашникова.

Вашего Сиятельства моего Милостиваго Государя покорный рабъ и слуга Степанъ Пырской.

Чашники.

Октября 16 дня 1727 году из Чашникова.

№ 8.

Его Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношеніе

Лейбъ Гвардіи Преображенскаго полку капитана Степана Пыркова:

Сего октября 30 дня прибылъ я с Княземъ Меншиковымъ и Ѳамилія ево в Скопинъ в добромъ благополучи а завтра пойду в путь свой, да сего ж октября минувшаго 22 дня писалъ я до вашего Императорскаго Величества в верховной Тайной Совѣтъ из Бронницъ которые служители при князе Меншиковѣ в пажих и в протчихъ службахъ есть иноземцы и только едутъ до Араннѣнъ бурха с ним а из раненъ бурха просятъ чтобъ ихъ отпустить давъ паспорта и онымъ за его рукою паспорта давать повелител, или повелите дать за моею рукою, а ему только даю подписыват писма которые в деревни ево и въ дома Московской и въ Петербургской которые слѣдуютъ ее нуждахъ ево домовыхъ, такъ же когда будетъ просить из Араннѣнъ бурха посылать для какихъ нуждъ людей своихъ в Москву отпускаютъ повелител, да просить же онъ князь Меншиковъ и Ѳамилія ево чтобъ писат им позволено было. в александровъ монастырь к Варварѣ Арсеневой толко о здоровье, такожде и людей к ней посылать ли; еще доношу ко-

торые маестности ево имѣютца в Польше и в Малоросіи туды о надлежащихъ ево домовыхъ нуждахъ писать за ево рукою давать ли и дабы о вышеписанномъ ко мнѣ присланъ былъ Вашего Императорскаго Величества указ, понеже я без указу того учинить не смею и на сие по вторнѣ прошу Милостиваго указу.

Вашего Величества нижайшій рабъ.

Капитанъ Степанъ Пырской

Къ подаію в верховномъ Тайномъ Совѣтѣ Октября 30 дня 727 году.
Скопиръ.

№ 9.

Получено въ 17 день Ноября 1727 г. записавъ написать въ реестръ.

Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшее доношеніе.

Лейбъ Гвардіи Преображенскаго полку Капитана Степана Пырскова.

Сего Ноября 3 дня прибылъ я съ княземъ Меншиковымъ и Фамилія его въ Аранненъ бурхъ въ добромъ благополучіи и команда которая сто человекъ отправленная изъ Москвы Гвардіи из отставнаго баталиона тутъ давно и с ними командированъ Капитанъ Лейтенантъ Щетневъ, и по прибытіи своемъ онъ которые имѣлись ево Князя Меншикова в араннѣнъ бурхе собственные солдаты разослалъ в гарнизоны которые в подушномъ окладе положены тутъ были, а коликое число и буды о томъ при семъ репортъ, такожъ де коликое число нынѣ имѣтца въ араннѣнъ бургской крепости пушекъ медныхъ и чюгунныхъ, пороху и свинцу, о томъ при семъ прилагаю веденіе; только пушекъ росписатъ по калибромъ не можно, того ради что кананера ни какова

не имѣтца для чего нарочно писалъ вчерашняго числа на воронежъ к Господину Генералу Лейтенанту и воронежскому Губернатору Лихареву чтоб прислать конанеровъ человекѣа три или четыре дабы разобрать по калибромъ; такождѣ и под некоторые здѣлать станки и по нужным мѣстам поставит для всякова случая и осторожности какъ по болваркам такъ и к пруду гдѣ есть порозжая линия между болварками к пруду пятьдесятъ сажень и зимнимъ временемъ всегда имѣть опасение, и против того велю окалывать лѣдъ, ибо нынѣшнимъ временемъ полисад тутъ ставит не успѣю, за темъ что лѣсу блиско нѣтъ ездить тридцат верст, однакож старатца буду сколько могу; а в городе содержитца по квартерамъ солдатъ 120 человекъ а пятьдесятъ поставилъ въ слободе, а ежели управлюся в крѣпости квартерами то переведу всех; а на караулѣ имѣтца в сутки оберъ аеицер 1, ундер аеицеров 2, канралов 3, солдат 60, а сколько и с тѣхъ становитца часовыхъ и гдѣ, о том присем ведѣніе; а во оной крѣпости церкви Божіи не имѣтца, а имѣтца за крѣпостью в слободе, ежели когда пожелаетъ князь Меншиковъ и еамилія ево ко обѣдни пуцать повелитель, а до будущего указу нынѣ к церкви святой буду съ крѣпкою осторожностію, ибо которые стоятъ в слободе 50 человекъ, то когда онъ пожелаетъ ехать къ обѣдни и для него изъ техъ в паратѣ съ ружьемъ будетъ всегда на двухъ квартерахъ противъ церкви 40 человекъ, а ис крѣпости со мною за нимъ верховыхъ 6 человекъ; а что по указу Вашего Величества изъ верховного тайного совѣта минувшаго октября 4 дня писано ко мнѣ когда я прибуду в Араннѣнбургъ чтобъ тѣхъ солдатъ которые были при мнѣ

изъ Санктъ питербурха отпустить ихъ к полку в Москву ежели довольно ради караулу будетъ отправленной из Москвы только солдатъ 100 человекъ, а не полная рота, а полная рота состоитъ 144 человекъ солдатъ, да из оных ста человекъ старыхъ и больныхъ не малое число, также и грамотного ни одного солдата кромѣ того что за писаря нѣтъ и капрала ни одного нѣтъ же, а имѣется за капраловъ солдатъ четыре, прошу дабы повелено из оной моей команды которая со мною прибыла чтобъ оставить ундеръ-лейтенанта 1 сержантовъ 2 капраловъ 2 писаря 1 солдатъ 44 человекъ для самой крайнѣй нужды и лутчей осторожности, ибо крѣпость не малая и содержания требуетъ искусова, о чемъ можетъ пространнѣе донести посланной ундеръ аеицер, а город на ночь по пробити зори какъ утреннѣй и вечернѣй запираю и отпираю; еще покорно прошу дабы повелено; къ оной командѣ опредѣлить лекаря из Москвы какова в Араннѣнъ бурхъ хошабъ указали прислать изъ отставнаго гвардіи баталиона лекаря которой въ Москвѣ нынѣ обрѣтаетца, а людей в том баталионѣ надѣюсь не многое число понеже розсылки есть не малые и могутъ отъ другихъ гарнизонныхъ полковъ приказать ихъ смотрѣть и пользоваться, а которой лекарь былъ при князѣ Меншиковѣ также и попъ и тѣ просятца нынѣ прочь и о томъ что повелите ежели отпустить гдѣ повелитъ имъ явитца, а им даны указы от своихъ командъ какъ они пожелаютъ у него сколько быть вольны, а попъ просить во отечество свое в Торопець а лекарь в Петербурхъ, также и прибыли со мною при обозѣ князя Меншикова отъ Санктъ питербурха собственные ево копорские солдаты и драгуны о которыхъ драгунехъ

писал съ Ижоры и ружье ихъ драгунское отобрано и послано в петербурхъ, о которыхъ драгунехъ и копорскихъ солдатехъ сказываетъ онъ князь Меншиковъ, что зачтены за собственной ево полкъ, и оныхъ повелитель куды разослать в полки чего ради при сем послалъ имъ имянной списокъ съ лѣтами, да при немъ же татар 3 чловѣка которые въ полки раздавались в рекруты и денщики и оныхъ повелитель взять и употребить в денщики; еще со всякою моею рабскою покорностию прошу какимъ образомъ ево содержатъ обо и в первомъ пунктѣ при отъездѣ моемъ сентября 10 дня написано ево князя Меншикова и фамилію ево в пути и в назначенномъ мѣстѣ какимъ образомъ содержатъ на то резолюціи на какой не подписано, только в томъ же пунктѣ у меня написано, и ежели куды пожелаетъ писать письма и к нему от куды приходитъ будутъ того за нимъ смотрѣть ли на оное резолюція подписана; и дабы в ономъ в чемъ мнѣ не погрѣшить, ибо какъ в дорогѣ такъ и нынѣ в крѣпости содержи такъ какъ Его Императорскаго Величества указъ и военные нравы повѣлѣвають опасаясь себя отъ Его Императорскаго Величества гнѣва:

1) Ежелижъ онъ князь Меншиковъ, или фамилія ево, изъ крѣпости кромѣ церкви въ слободу и на гостинный дворъ, или летнею порою въ поля просить будутъ проехатца, пущать ли.

2) Ежели случатца какия съ кѣмъ здѣлки крѣпостныя подписывать ему давать ли.

3) Которые маетности имѣеть въ Пруссахъ, въ Польше и въ Малороссіи туды къ управителемъ о домовыхъ его дѣлахъ подписывать ему давать ли.

4) Провіантъ съ Воронѣжа на команду мою на ка-

кихъ подводахъ возить повелитѣ, понеже отъ Раннѣн-
 бурха до Воронѣжа растоянія 180 версть, такождѣ
 для зимняго времени солдатомъ часовымъ, которые на
 болверкахъ и въ протчихъ нужныхъ мѣстахъ стоятъ
 будутъ шубъ десять купить повелитель изъ данныхъ
 мнѣ на нужды денегъ, а посланному ундер-афицеру даны
 на прогоны деньги только до Санетъ питербурха на
 две подводы, а возвратно до Раннѣнбурха, дабы пове-
 лѣно выдать указомъ Вашего Величества изъ верховнаго
 тайнаго совѣта и на вышеписанное мое требованіе прошу
 милостивой резолюціи, а которые во управленіи служи-
 тели дому князя Меншикова маршалкъ татаринъ Бог-
 данъ Родионовъ да прикащикъ раннѣнбургской Некра-
 совъ бывшей холощъ князя Матвѣя Гагарина, и за
 оными имѣтца караулъ дабы куды какихъ бездельныхъ
 писемъ не послали, а какия письма подлежатъ какъ
 въ деревни и въ прочія мѣста отъ нихъ пишутца и
 оныя свидѣтельствую и записываю въ книгу куды и въ
 которое число какое письмо пошлетца, такожь и за кня-
 жею рукою записываетца у меня; при семъ послано¹ отъ
 него князя Меншикова письмо въ домъ ево управителю
 Ивану Борисову, чтобъ ему по зимнему пути собравшись
 со всемъ ехать къ нимъ въ Араннѣнбурхъ и оное письмо
 не запечатано и велѣлъ абъявить въ верховномъ тай-
 номъ совѣтѣ.

Вашего Величества нижайшій рабъ капитанъ Степанъ
 Пырской.

Къ поданію въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, ноября 6 дня 1727 г.

Араннѣнбурхъ.

Вѣдѣніе коликое число имѣетца въ ранинбургской крѣпости пушекъ мѣдныхъ и чугунныхъ на старыхъ ветхихъ станкахъ и безъ станковъ на болваркахъ и въ другихъ мѣстѣхъ и мартиръ и что какой амуниціи и то значить ниже сего.

	пушекъ			басовъ
	мортиръ мѣдныхъ	мѣдныхъ	чугунныхъ	
А. имянно и крепости				
Знамень таяняныхъ лазоревыхъ росписныхъ золотомъ				4.
На нихъ чехловъ красныхъ суконныхъ.				4.
Пушекъ на болварахъ				
на 1		3	4	
на 2		3	4	
на 3		2	4	
на 4		4	4	
на 5		4	4	
Между болварковъ на порож- ней линіи къ озеру.	1	34	2	2
Все на болваркахъ и на порж- ней линіи.	1	50	22	2
Дротиковъ медныхъ.				2
въ томъ числѣ 1 переломленъ.				
Алебарда				1
Оузей солдатскихъ				126
Шпагъ з желѣзными еесы				69
Багинетовъ				31
Палашей съ мѣдными еесы				27

Пистолетовъ парь	48
Копей желѣзныхъ бѣз дротиковъ	148
Сумъ, что пули носятъ	5
Перевезей съ пряжками яловичныхъ	50
Партупелей ветхихъ	76
Перевезей на товарное дѣло	3
Ледунокъ солдатскихъ и драгунскихъ	127
Раговъ, что бывають съ порохомя	2
Нагалиць фюзейныхъ	6
Нагалиць замочныхъ	16
Сиповокъ	33
Олейтовъ	11
Пуль оузейныхъ свинцовыхъ 6 пуд.	
10 ф. кремней 5 четвериковъ.	
Копей съ дротиками	135
Оурма медныхъ, что пули льютъ	2
Оурма желѣзная	1
Ядръ пушечныхъ	1312
Бѣрдышъ	1
Деревянныхъ картечь	103
Ядръ мортирныхъ	18
Ядеръ гренадерскихъ	63
Аполовникъ желѣзной	1
Дротиковъ желѣзныхъ, что бы-	
вають у алебардъ	2
Свинцу свиней	46
Свинцу гиря	1
Барабанъ	1
Чехоль барабанной красный су-	
конной	1
Пороху 40 бочекъ.	

Желѣза ломаннаго с пушечных станков одинадцать пудъ пять фунтовъ. Огитля 12 фунтовъ.

Имѣющихся въ ранненбургской крепости и въ прочихъ мѣстахъ солдатъ, часовыхъ а имянно:

на 5 болваркахъ	5
в дву воротѣхъ	3
У артиллеріи	1
На порожней линіи между болварковъ к озеру	2
У пороховой казны	1
У князя Меншикова и у дѣтей его	5
в канцеляріи ево домовоѣ	1
У капитана	1
У капитана лейтенанта	1

Итого часовыхъ . . 20

Гвардіи капитанъ Пырской

1727 года ноября 6 дня

РАПОРТЪ

Коликое число князя Меншикова собственныхъ солдатъ имѣлось в араннѣнъ бурхе и оныхъ минувшаго сентября 29 дня гвардіи отставнаго баталіона капитанъ лейтенантъ Щетневъ разослал в гварнизонные полки, а сколько куды о томъ значить ниже сего а имянно:

Въ губернію на воронѣж солдатъ 23 человекъ да воронежской губерніи в тамбовскую правинцію капраль 1, барабанщикъ 1, солдатъ 24 человекъ всего 49 человекъ

Гвардіи капитанъ Пырской

Ноября 6 дня 1727 г.

В Ъ Д Ъ Н І Е

Какое число в команде Господина Капитана Пыркова Лейб Гвардіи Преображенскаго полку, также и Гвардіи отставнаго баталіона оберъ и ундеръ оенцеровъ солдатъ и другихъ чиновъ, обретающихся в Ораннентъ бурхе на лицо здоровыхъ и больныхъ такъ же и в послѣдкахъ. Ноября по 6 число 727 году.

Ранги	На лицо и в расходе		Лейбъ гвардіи преображенскаго полку.					гвардіи отставнаго бат.			Всего Лейбъ гвардіи преображенскаго полку и гвардіи отставнаго баталіона на лицо и в расходе всехъ чиновъ.			
			здоровыхъ	больныхъ	в Петеръ бурхъ в Александр. монаст.	Посланы изъ Петеръ бурхъ на Воронежъ	Посланы изъ Клина.	Посланы изъ Ранкенъ бурха.	И Т О Г О	здоровыхъ		больныхъ	посланныхъ	И Т О Г О
Капитанъ	1						1					1	1	
Капит. Лейтенантъ							1	1				1	1	
Ундеръ Лейтенант.			1				1	1				1	2	
Өендрихъ								1				1	1	
Сержантовъ	1				1		2	2				2	4	
Капътенармусъ						1	1					1	1	
Писарь	1						1					1	1	
Капраловъ.	3						3					3	3	
Барабанщиковъ.								1	1			2	2	
За писаря солдатъ								1				1	1	
За капрал. солдатъ								4				4	4	
Солдатъ	62	3	1	3	1		70	92	7	1	100	170	170	
За денщиковъ слушителей.	1		1				2	2		2		4	4	
И т о г о	69	3	3	3	2	1	81	105	8	3	114	195	195	

Гвардіи капитанъ Пырской.

№ 10.

Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшее доношеніе,

Лейб. Гвардіи Преображенскаго полку капитана Степана Пырскова.

Сего ноября 9 дня в Араннѣнъ бурхе князь Меншиковъ и еамилія ево в добромъ благополучіи, а что впредь чинитца будетъ о том до Вашего Величества в верховной тайной совѣтъ писат буду, еще со всякою моею рабскою покорностию доношу в прибытие в араннѣнбурхъ князь Меншиковъ дарил нас такжѣ и дорогую яко бы за трудъ нашъ считая, что мы нужду принимали для него, а сего ноября 6 дня на день рожденія ево, солдатамъ, вторые прибыли со мною, тѣмъ далъ по одному рублю по пяти десятъ копѣекъ, а которые изъ Москвы тѣмъ по рублю, капраломъ по пяти рублевъ, сержантомъ по десяти рублевъ, такожде и аеицерамъ прапорщику двадцать рублевъ, подпоручику тридцать рублевъ, капитану поручику пятьдесятъ рублевъ, мнѣ перстень с олнасцами, да послѣ того три лошади да вдорогѣ едучи в коломенскомъ уездѣ в селѣ ево Бронницахъ мѣхъ лисей подкафтавъ мнѣ, и попу и лекару по меху, да мнѣ жъ тутъ в коломенскомъ уѣздѣ въ деревнишку мою которая отъ Бронницъ тринадцатъ верстъ по большой дорогѣ и пожалова вновъ блаженныя памяти отъ Ея Императорскаго Величества сего 727 году в Марте мѣсяце выморочныя три двориска а наличныхъ пять, в оную прислалъ на заводъ жѣребца одного, кобылъ шесть и жеребятъ молодыхъ, и сена, и овса на зиму велѣлъ дать, также и хлѣба не большое

дѣло на семена и на пропитаніе людемъ да в туж мою деревнишку приказалъ зимою триста бревенъ вывезть на хоромишки, да еще дорогою подмоча соболи розбирали и прислали ко мнѣ двѣ пары и попу двѣж и лекарю и подпоручику Дурнову, да по лошаде по виноходцу в дорогѣ всем дал ѣхать и потомъ отдалъ во все, а солдатамъ тѣ которые со мною шли тѣмъ за трудъ их в разныхъ числѣхъ дал на челоуѣка по два рубли по пятидесять копѣекъ, а которые прибыли в команде ундеръ лейтенанта Дурнова темъ по два рубли, а нынѣ въ Араннѣцъ бурхе приказалъ давать всемъ солдатомъ на мясо и на рыбу по копѣйке на день, и о семъ Ваше Величество всемилостиво что повелите, а что жѣ ему противъ Вашего Императорскаго Величества указомъ ни что не упустица и ни на что не прелстимся какъ нынѣ такъ и впредь

Вашего Величества нижайшій рабъ капитанъ Степанъ Пырской.

Къ подавію в верхномъ тайномъ совѣтѣ ноября 9 дня 727 году изъ Ранинѣ бурха

Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшее доношение

Лейбъ Гвардіи Преображенскаго полку капитана Степана Пырскова.

Сего ноября по 15 число в Аранненбурхе князь Меншиковъ и ѳамилия ево в добромъ благополучіи, со всякою рабскою моею покорностию доношу: по указу Вашего Императорскаго Величества от господина генерала лейтенанта и Воронежскаго губернатора Лихарева присланъ в Араннѣцъ бурхъ от него для раздачи про-

вьянта на команду мою дворянинъ Колобовъ з деньгами чтоб всегда покупая тут отдавал также по требованію моему кананеровъ хотѣлъ прислать не медленно и какъ оные пришлютца и оных во оной крѣпости содержат буду в пред до указу Вашего Императорскаго Величества, а почту от Воронежа до Ранненбурха и от Ранненбурха до Ряска до московской дороги, гдѣ стоятъ почтовые станы по требованію моему выше помянутой губернаторъ поставилъ, да которые иноземцы служатъ при князе Меншикове и из оныхъ нынѣ по прошенію ево одинъ уволенъ от дому ево, родомъ Голштинецъ Григорій Роппъ, которому для уверенія за ево князя Меншикова рукою паспортъ написанъ, только оной паспортъ я удержалъ у себя до будущего Вашего Величества указу, а ему далъ за своею рукою, съ которыхъ паспортовъ при семъ предлагаю точныя копіи, а впред которыя волныя от него иноземцы будутъ уволены то такимъ же образомъ поступать буду до полученнаго к себѣ о томъ указу.

Вашего Величества, низайшій рабъ капитанъ Степанъ Пырской.

Къ поданію в верховномъ Тайномъ Совѣтѣ ноября 15 дня 727 год.
Аранненбурхъ.

КОПИЯ.

1727 году отпущенъ из аранненъ бурха иноземецъ родомъ Голштинецъ Григорей Роппъ, который служилъ при дворѣ бнзя Меншикова берейторомъ пять лѣтъ три года былъ за конюшего а нынѣ по желанію ево от дому ево уволенъ, а понеже оный Роппъ при дворѣ

ево служилъ во всю свою бытность вѣрно и безпорочно какъ надлежитъ вѣрному и честному человѣку свое дѣло правиль, того ради данъ сей паспортъ во увѣреніе

Лейбъ Гвардіи Преображенскаго полку за рукою господина капитана Пырскова, а которой паспортъ ему Роппу данъ за рукою князя Меншикова и оной удержанъ у онаго Гвардіи капитана до будущаго Его Императорскаго Величества указу; данъ въ рангѣнбургѣ Ноября 1727 году. Подлинной данъ за рукою господина капитана Пырскова.

№ 11.

Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшее доношеніе.

Лейбъ Гвардіи Преображенскаго полку капитана Степана Пырскова.

Минувшаго ноября 28 дня получилъ я указъ Вашего Императорскаго Величества изъ верховнаго Тайнаго Совѣта отпущенной изъ Санктъ Питербурха минувшаго октября 26 дня, въ которомъ повелѣваетъ Василія Арсеньева отпустить въ деревню его, а въ Санктъ Питербурхъ ехать ему не велѣтъ, а которые есть при дочери князя Меншикова изъ шляхетства дамы или дѣвицы тѣмъ отлучитца отъ нѣе позволить и отпустить ихъ въ деревни или куда похотятъ, и посему Вашего Величества указу Василія Арсеньева взявъ реверсъ отпущу в деревню ево въ которой онъ пожелаетъ жить, а въ Санктъ Питербурхъ и в Москву когда Его Императорское Величество изволитъ быть въ Москвѣ безъ указу не ездить; а при дочери князя Меншикова дам

и дѣвицъ из шляхетства нѣтъ, только есть Вашего Величества дворцовая дѣвица калмычка Марѳа и та проситъ по прежнему во дворецъ отпустить такожъ при ней княжнѣ есть черкаскіе дѣвушки из Малороссіи которые из своей воли служили чтоб их отпустить да при ней же былъ пажемъ свойственникъ их Александръ Арсеньевъ, и оной проситца такожъ в деревню въ Алексѣйской уѣздѣ, котораго отпушу взявъ реверсъ до будущаго указу на мѣсяцъ или на полтора; а которые Вашего Величества конюхи есть четыре человѣка и оных отпушу в Москву на конюшню по прежнему какъ прибудетъ въ Москву, да при княгинѣ есть дѣвушки шляхѣтския, ежѣли оны будутъ проситца отпущать ли, еще съ покорностию доношу приезжалъ въ араннѣнбургхъ брегадиръ князь Осип Щербатовъ просилъ князя Меншикова словѣсно и меня писмѣнно, что в прошломъ дѣ 1719 году продалъ онъ ему Меншикову вотчины и помѣстья свое что значить в данной от нѣго ему купчей, и при той продажѣ просил ево до исправленія денегъ и какъ де я исправлюс денгами чтобъ ему возвратилъ, а купчую выдать с подпискою, съ котораго того письма при семъ предлагаю точную копию и потому ево письму я князю Меншикову предлагалъ, на что мнѣ отвѣтствовалъ, что де онъ князь Щербатовъ в прошломъ 719 году в октябрѣ мѣсяцѣ продал мнѣ вотчины и помѣстья свои, которыя значить и в данной от него купчей, до исправленія и выкупу помянутой въ крѣпости суммы денегъ, и оныя деньги за отлученіемъ ево князя Щербатова по 727 г. были не плачены, а в нынѣшнемъ 727 году въ апрѣлѣ мѣсяцѣ противъ крѣпости жена ево Щербатова заплатила все

сполна в Санктъ питер бурхе, а помянутая крѣпость за случившимися моими болѣзнями ему не возвращена, которую купчую по прошенію ево для отдачи ему отдал мнѣ и оную, а удержалъ у себя, и бѣз указу Вашего Императорскаго Величества отдать не смею, чего ради съ оной купчей точную копию при сем посладъ, такождѣ и съ отказныхъ грамотъ которыя даны были вотчинной коллегіи и въ города не посланы и оную подлинную купчую и отказныя грамоты удержал я у себя и на сіе прошу Вашего Императорскаго Величества указу.

Вашего Величества низжайшій рабъ капитанъ Степанъ Пырской.

Къ поданію в верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, декабря 1 дня 727 году Араннѣибурхъ.

№ 12.

Его Императорскому Величеству всеподданиѣйшее доношеніе

Лейбъ Гвардіи Преображенскаго полку капитана Степана Пыркова

Сего декабря по 1 число Князь Меншиковъ и Фамиліа ево въ Аранненбурхе в добромъ благополучіи со всякою рабскою моею покорностию доношу: когда едуци в пути с княземъ Меншиковымъ минувшаго октября 10 дня в селѣ ево Городне усмотрѣл я служителя ево Федора Фурсова что послан онъ был в Мосеву тайно без вѣдома моего, которой при насъ попъ объявилъ мнѣ писмо присланное к нему, понѣже о том на пред того от меня всѣмъ объявлено, дабы ни кто ни буды писем без вѣдома моего не писал и не посылал и ни

отково не принимал и ни ктоб ни куды не отъѣзжалъ, а я распѣчатавъ то письмо прочел и оное явилось из Москвы и вышеупомянутой служитель Өурсовъ допросом показал что в Москву, ево посылал Князя Меншикова служитель Богданъ Родионовъ, который правил за маршалка словѣснымъ Княжимъ приказомъ минувшаго де сентября 26 дня ис Ярестецъ и бес паспорта для покупки, а Богданъ Родионовъ в первомъ допросе сказал что онъ ево не посылал а посылалъ, ево Князь и о посылке приказывали Князь и варвара Арсеньева, а во второмъ допросе сказал я де собою не посылалъ, а посылал по приказу Княжескому, да и указу дѣ о запрещеніи что кого куды без вѣдома не посылать я не слышалъ, а потомъ в очной ставкѣ онъ Өурсовъ с нимъ Родионовымъ говорил тожь что отправлялъ ево в Москву онъ Родионовъ, а не Князь, и князя де онъ не видалъ, да и о запрещеніи томъ чтоб ни куды безъ вѣдома не отъезжать от Богдана Родионова объявлено и Богданъ Родионовъ говорил что отправлял ево Өурсова онъ по приказу Княжескому и Варвары Арсеньевой для покупки, а при отправленіи о томъ онъ Өурсовъ Князя де и не видал и приказъ де о запрещеніи какъ о писмахъ такъ чтобъ безвѣдома Капитана Пырскова ни кто ни куды не отъезжалъ, служителемъ Княжимъ онъ Богданъ объявлялъ, а на канунѣ до того отправленія Өурсовъ ему сказывалъ, что хотятъ де меня отправлять в Москву и велѣли заехать къ князю Алексѣю Шеховскому за ящичкомъ; и оной Родионовъ умышленно тайно отправлялъ отъ меня, ибо в походной ихъ Канцеляріи гдѣ караульщики содержатся три человекъ грамотныхъ отъ Санетъ Питербурха и смотреть чтобъ какихъ бездѣльныхъ пи-

семь еуды написав тайно не послали, и онъ пришедъ тут велѣл для виду и указу черной написать об отправленіи ево Өурсова в Москву к управителю дому княжева которой и нынѣ при дѣлѣ обрѣтаетца, а Өурсовъ в допросе показалъ что будучи въ Москвѣ велѣла ему заѣхать Варвара Арсеньева к Князь Алексію Шеховскому за ящиком которой взяла жена ево Шеховскаго будучи въ Питербурхе, и в домѣ князя Шеховскаго он был, а ящика не взял, да еще Варвара велѣла заехать къ Князь Ивану Өедоровичю Ромодановскому и к Ивану Алексѣевичу Мусину и Пушкину просить о Князе дабы к нему показали всякую милость, да он жѣ Богданъ с Волдаю просил у меня чтоб баб и дѣвокъ въ берлинѣ и калясках з двумя служители отпустить на перед в село их Городню о чем и писал письмо на Вышней-Волочевѣ и Михайлѣ Сердюку, а какъ в село Городень мы прибыли водою и оных тутъ не явилось и уехали в Москву, для которых я нарочно посылал на почтѣ солдатъ двух гдѣ наѣхав взять подкараулъ и отвезть в село их Бронницы которое за Москвою, а послѣдстви в допросе тѣ служители показали, что Богданъ велѣлъ имъ ѣхать в Москву и дожидатца и о чемъ и в очной ставкѣ говорили тожъ; да евож Богдана усмотрил я какъ ехали мы водою мимо Торжку севозъ разведенной мостъ, в тѣ поры прапорщикъ Юрневъ которой отправленъ был в бытность князя Меншикова ис Питербурха с писмами или указами в Малороссію и потомъ указомъ возвращень; и в тѣ поры тот прапорщикъ стоялъ на мосту, а Богданъ на суднѣ у нас, и дав знак между собою какъ мы проѣхали монастырь, то Богданъ вышелъ ис каюта со-

шелъ на другое судно къ княжнам и пристал къ бѣрегу и скочил на бѣрегъ бес караульщика и мнѣ не сказался, и я то все видя махнулъ на то судно караульщикамъ которыя были у княженъ и караульщики усмотря то пристали тотчасъ къ бѣрегу и скочил одинъ и пошел за Богданомъ по берегу и сошлись они съ прапорщикомъ Юрѣневымъ и что говорили того не знаю и оныя все усмотря ево бездѣльныя поступки такъ и тайныя посланки в Мосеву так и протчія мѣста с прапорщикомъ Юрѣневымъ свиданье, понеже за ними всегда былъ караульщикъ что какихъ куды бездѣльных писемъ не послалъ и прибывъ в село Городень усмотря что покоевъ много и я запретилъ ему Богдану чтоб он въ спальню без меня къ Князю николи не ходилъ не за чемъ а когда нужда будетъ чтобъ при мнѣ или при поручикѣ а в нѣбытность нашу ежели случитца то при караульномъ сержантѣ приходите и о чемъ надлежитъ говорить и онъ в тѣ поры сталъ кричать и невежничать противъ того объявленія, за что и Князь сталъ на него кричать и я въ тѣ поры взялъ ево подарестъ и прибывъ въ Аранѣнъ бурхъ о всемъ слѣдовалъ, а въ дорогѣ слѣдовать было за одиночествомъ не возможно и при семъ какъ з допросныхъ речей такъ и с выписки посылаю точную копию, а какъ Богданъ Родионовъ такъ и Өурсовъ содержатца подѣ карауломъ, а в присланномъ Вашего Императорскаго Величества изъ верховнаго тайнаго совѣта указу минувшаго Октября 4 дня написано понеже являютца здѣсь князя Меншикова люди, которыя с нимъ поехали с Тосны пришелъ Степанъ Петровъ, а з Бронницъ Алексѣй волковъ которому за то что онъ не являсь пришелъ учинѣно наказанье и сосланъ на годъ на ка-

торгу и надлежит дѣ того тебѣ прилежно смотреть чтобъ изъ людей ево князя Меншикова ни кто не токмо суды но и ни куды инуды не посланы были и не отъезжали не явась тебѣ, и о сем Ваше Императорское Величество что повелишь.

Вашего Величества низжайшій рабъ капитанъ Степанъ Пырской.

Къ поданию в верховномъ тайномъ Совѣтѣ Декабря 1 дня 1727 г.
Арангѣнбургъ.

№ 13.

Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшее доношеніе

Лейбъ Гвардіи Преображенскаго полку капитана Степана Пырскова

Сего декабря 5 дня получилъ я Вашего Императорскаго Величества из верховнаго Тайнаго Совѣта указ и при томъ реэстръ отпущенной минувшаго Октября 31 дня чрез нарочно посланнаго из Москвы из Сенатцкой Канторы въ котором повелѣваетъ, которыя лошади карѣты шоры и протчіе конюшенные уборы взяты были в дом Князя Меншикова с конюшни Вашего Величества, то все у него мнѣ по присланному реэстру отобрать и отослать въ Москву и отдать в приказ большого дворца, и потому Вашего Императорскаго Величества указу не медленно отправлю, а что чего отобрано будет о том Вашему Величеству впряд

доносить буду, а князь Меншиковъ и еамилія ево по отпускъ сего доношенія в добромъ благополучіи.

Вашего Императорскаго Величества низжайшій рабъ капитанъ Степанъ Пырской.

Къ подаaniu в верховномъ Тайномъ Совѣтѣ Декабря 5 дня 727 году.
Араннѣнъ бурхъ

№ 14.

Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшее доношеніе

Лейбъ Гвардіи Преображенскаго полку капитана Степана Пырскова

По присланному Вашего Императорскаго Величества из верховнаго Тайнаго Совѣта указу повелѣно мнѣ в Араннѣнъ-бурхе для князя Меншикова поставить полотняную церковь в палатахъ, и сего Декабря 4 и 12 чисель писал я к Господину Генералу и Московскому Губернатору князю Ромодановскому чтобъ взять в Москвѣ въ леортовскомъ домѣ ево Князя Меншикова полотняную церковь и прислать въ Араннѣнъ бурхъ, таже писал и к воронежскому Епископу о присылке антиминса и ежели имѣтца чтобъ прислалъ и церковь, и оной епископъ Антиминсъ прислалъ а о церквѣ отвѣтствовалъ что у нихъ полотняной не имѣтца и дабы о присылкѣ изъ Москвы оной церкви повелѣли Ваше Величество къ Господинъ Генералу и Московскому Губернатору князю Ромодановскому послать Вашего Величества указъ понѣже оная церковь стоитъ в леортовскомъ ево домѣ праздна, а князь Меншиковъ и еамилія ево по отпускъ сего доношенія в добромъ благо-

получи а по полученіи онаго Вашего Величества указу Князя Меншикова из крѣпости до церкви не выпускалъ.

Вашего Величества низжайши раб Капитанъ Степанъ Пырской.

К подаванію в Верховном Тайном Совѣтѣ Декабря 12 дня 727 году.
Араніѣбургъ

№ 15.

Его Императорскому Величеству всеподаннѣйшее доношеніе

Лейбъ Гвардіи Преображенскаго полку капитана Степана Пыркова

По присланному Вашего Императорскаго Величества из верховнаго Тайнаго Совѣта указу, которые лошади, карѣты, шоры и протчіе конюшенныя уборы взяты были с конюшни Вашего Величества къ Князю Меншикову а оныя отобравъ отправил в Москву в приказъ большого дворца Лейбъ Гвардіи Преображенскаго полку съ капраломъ, придавъ солдатъ четырехъ чело-вѣкъ, а что чего тому при семь предложенъ реэстръ; и в раннѣбургской крепости между болварками на порожней линіи и въ протчихъ нужныхъ мѣстахъ гдѣ нужда требовала полисадъ поставилъ; также по указу Вашего Величества сего декабря 19 дня от Господина Генерала Лейтенанта и Воронежскаго Губернатора Лихарева Воронежскаго Гарнизона Порутчикъ с командою прибылъ а коликое число вакихъ чиновъ и о том при сем предлагаю рапортъ а Лейбъ Гвардіи Преображенскаго полку Ундеръ Аюицеровъ и солдатъ отправлю в Москву къ полку сего Декабря 24 дня; а Князь Меншиковъ и Фамилия ево по ниже писанное число в доб-

и оми благополучи да при Князе Меншиковѣ из Малороссійскихъ разныхъ городовъ жители своею волею: невчихъ пять человекъ, да гайдукъ одинъ и оныя просятъ чтобъ ихъ отпустить въ прежняя ихъ мѣста, а болши у него служить не хотятъ, и о семъ прошу Вашего Величества милостиваго указу.

Вашего Величества нижайшій рабъ Капитанъ Степанъ Пырской.

Къ поданию въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ Декабря 23 дня 1727 году.

РЕЭСТРЪ

Которые лошади корѣты и шоры и протчии конюшенные уборы взяты были съ конюшни Вашего Императорскаго Величества къ Князю Меншикову и оное отобрано и послано въ Москву для отдачи въ приказъ болшаго дворца, а сколько чего о томъ значить ниже сего а имянно:

Отобрано на лицо

Конюховъ 4.

Берлинъ 1 подъ нимъ колеса кованныя в немъ подушекъ на ящикахъ суконныхъ красныхъ съ позументомъ золотнымъ 2, окончинъ стекляныхъ 2, подушекъ стороннихъ суконныхъ красныхъ безъ позументу 2, на козлахъ платъ суконной красной с позументомъ золотымъ 1.

Колясокъ дорожныхъ 2 подъ ними колеса кованныя а коляски обиты кожей и заврыжки коженныя жъ

Оурмановъ подъ зеленой краской 2 подними колеса кованныя

Лошадѣи

Чюбарыхъ 1 цукъ

Подъемныхъ

вороной 1 цуеъ у одной левая нога засечена отъ лошади.

Половой одинъ цуеъ

шоръ съ меднымъ наборомъ 1 цуеъ при нихъ лѣйцы одни и сконтари.

шоръ 1 пара с мѣднымъ наборомъ и при нихъ лѣйцы одни

На 1 цуеъ конторей

Недоусковъ ременныхъ на 2 цуахъ

Попонъ полотнянныхъ обшитыхъ краснымъ кумачемъ 3

Седелъ еорейторскихъ с уборомъ 2.

да сверхъ того сказалъ конюхъ Никифоръ Марковъ оставлено в деревнѣ Василья Арсеньева 1 пара рыжихъ возниковъ с шорами наборъ мѣдный при нихъ лѣйцы 1 и контари да онъ жѣ де арсеньевъ взялъ 3 колеса окованныхъ.

в деревни Химки оставленъ чюбарой возникъ 1.

в селѣ Новопрображенскомъ на 1 цуеъ уборныхъ шоръ наборъ золоченой муштуки с такимъ жѣ наборомъ лѣйцы чюбы и висти и поводы у муштуковъ шелковыя на 1 цуеъ, шоръ черныхъ с меднымъ наборомъ при нихъ лѣйцы, оставлена в бронницахъ одна пара вороныхъ возниковъ на нихъ недоузки.

Гвардіи Капитанъ Пырской

Декабря 23 дня

1727 г.

РЕПОРТЪ.

Коликое число какихъ чиновъ прислано изъ воронеж-

сваго гарнизона в Ранненбурхъ въ команду Гвардіи Капитана Пыркова.

а имянно

Порутчикъ 1 Прапорщикъ 1 Сержантъ 1 Капраловъ 2 писарь 1 барабанщикъ 1 солдатъ 50 Оершал 1 итого 58 человекъ.

Гвардіи Капитанъ Пырской

Декабря 23 дня
1727 г.

№ 15.

Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшее доношеніе

Лейбъ Гвардіи Преображенскаго полку капитана Степана Пыркова

Сего Декабря 24 дня Лейб Гвардіи Преображенскаго полку ундеръ офицеровъ и солдатъ которые были в аранибурхе в командѣ моей и оных в Москву отпустил и велел явитца в полкъ, еще съ покорностию Вашему Величеству доношу въ аранибургской крѣпости в палатахъ Князя Меншикова полотняную церковь поставил и по присланному от воронежскаго Епископа подвижному антимиусу служба отправляется, да сегожь Декабря 23 дня послал я в Москву под карауломъ къ Господину Генералу и Московскому Губернатору Князю Ромодановскому Князя Меншикова аранибургскаго крестьянина которой сказал за собою Вашего Величества слово, да сего же числа послал к нему же Господину Губернатору подъ карауломъ жѣ двухъ бабъ которые сказывали что хотел де Князя Меншикова прикащикъ ево Яковъ Некрасовъ бѣжать и бунтъ заводитъ и донесено

мнѣ объ ономъ чрезъ Ундеръ Лейтенанта Московскаго Гвардіи баталіона Лапинскаго, а ему доносил солдат тогож баталіона которой от одной бабы из оных слышал, и об оном я с афицеромъ слѣдовалъ и оныя от ково то слышали за подлинно не показали, того ради для подлиннаго розыску послал в Москву; а князь Меншиковъ и еамилія ево по ниже означенное число в добромъ благополучіи, а вышеупомянутой Яковъ Некрасовъ содержится у меня под карауломъ.

Вашего Величества нижайшій рабъ Капитанъ Степанъ Пырской.

Къ поданию в Верховном Тайном Совѣтѣ Декабря 27 дня 1727 году

Ораниенбургъ.

№ 16.

Веденіе по отбытіи изъ С.-Петербурга отъ князя Меншикова куды и в которое число и въ какой матеріи письма за его рукою отправлены.

въ Сентябрѣ:

- 1) 11 числа. Изъ Тосны въ Санктпетербургъ къ служителю ево Ивану Борисову объ отдачѣ за дворъ денегъ служителю-жъ его Никифору Струнину
- 2) 11 ч. къ служителю его Василью Думашеву объ отдачѣ серебра Алексѣю Волкову
- 3) 11 ч. къ служителю его Ивану Борисову о присылкѣ лекаря Шульца и пѣвчихъ ево
- 4) 13 ч. копорскому коменданту Кушелеву чтобъ получилъ онъ жалованье изъ копорскихъ доходовъ
- 5) 14 ч. въ Москву служителемъ Гнѣвушеву и Турчанинову о приуготовленіи для проѣзду по московской дорогѣ подводъ и фуража

6) 14 ч. въ Оранненбургъ къ служителю Некрасову о приготавленіи подводъ и о покупке на Покровской ярмаркѣ рыбы и о починкѣ двора

7) 14 ч. въ Петербургъ Ивану Борисову о заплатахъ долговъ за взятые товары купцамъ и о сборѣ долговъ же съ разныхъ чиновъ и людей

8) 14 ч. въ Оранненбургъ бурмистру Панкрату Павлову и Емельяну Новгородову Ивану Болошову о приготавленіи запасовъ

9) 15 ч. въ Копорье къ Коменданту Кушелеву о выдачѣ заслуженнаго жалованья за четыре года служителю Федору Ушакову

10) 15 ч. Ивану Борисову о заплатахъ разныхъ чиновъ людямъ долговъ

11) 20 ч. въ Великолуцкія вотчины прикащику Михайлѣ Баранову о управленіи вотчинныхъ дѣлъ

12) 24 ч. изъ Бронницъ въ С.-Петербургъ Борисову, Думашеву и Голимскому объ отдачѣ посланнаго съ поручикомъ Бердовымъ и взятого у купца Маріота нитянаго кружева ему же Маріоту, съ выключеніемъ изъ поданнаго имъ счета и о выдачѣ поручику Бердову жалованья на 727 г. денегъ 100 р. хлѣба 30 четверт. и о выдачѣ таковаго впредь; маршалка Родіонова женѣ на дорожной проѣздъ денегъ 100 р. и о присылкѣ вянгины шубы собольей, Варварѣ Арсеньевой епанче теплой, такожь купецкимъ людямъ за товары, что заплачено изъ должниковъ за товары что надлежитъ взять прислать въ Оранненбургъ рапортъ

13) 24 ч. въ Петербургъ Борисову, Думашеву и Голимскому о хлѣбѣ тысячи куляхъ отправленныхъ изъ Волова которой лежалъ на боровицкихъ порогахъ, что

оной отправленъ въ Ладогу и писано къ приващику Замятнину чтобъ оной продать въ Ладогѣ, тако жъ что на отправленіе хлѣба изъ Волова отъ полковника господина Невельскаго были взяты триста рублей и что издержано на вышеписанные тысячу кулей 191 р. 81^{1/2} к. здѣсь выданы присланному дворянину Степану Баранову, почему запасъ въ Ладогѣ и въ Петербургѣ будетъ продаваться репортовать

14) 27 ч. изъ Крестецъ полковнику г-ну Невельскому о возвратѣ заемныхъ изъ воловыхъ издержанныхъ на отправленіе запасу денегъ 491 р. 81^{1/2} к. присланному отъ него дворянину Баранову и о присылѣ имѣющихся въ тѣхъ деньгахъ изъ Волова росписовъ.

въ Октябрѣ:

15) 12 ч. изъ Городни въ СПбургъ Борису, Думашеву и Голимскому объ отдачѣ денегъ 2 т. р. Дмитрію Юсифу Соловьевымъ за взятой отъ нихъ серебряной нарътышъ изъ тѣхъ денегъ, которыя подлежатъ взять по счетамъ отъ господъ Графовъ Сапегъ изъ подданныхъ отъ него князя Меншикова въ Верховный Тайный Совѣтъ имѣть стараніе и просить Василья Степанова, у котораго имѣются счеты; и прочимъ должникамъ по подлиннымъ справкамъ платить изъ оныхъ же денегъ а что будетъ чинится о томъ рапортовать.

16) 15 ч. изъ села Демьянова въ С.-Петербургъ Ивану Борису о дачѣ Штабъ Лекаря Шульца женѣ денегъ 100 р. муки ржаной 10, овса 10 четвертей, дровъ 20 сажень и объ отсылѣ въ домъ капитана Пырскаго дѣвки Калмычи.

17) 16 ч. изъ Мошницъ въ Москву Ивану Гнѣвушеву

что Ѳедору Турчанинову велено отправлять и что имѣется письменныхъ на немъ Князѣ Меншиковѣ долговъ то за подлиннымъ свидѣтельствомъ платить и ему Турчанинову быть послушну, Штабъ-Лекарю Шульцу что потребно будетъ денегъ давать записывая на всякія наши расходы.

18) 20 ч. изъ Новопретображенскаго въ Москву Турчанинову и Гнѣвушеву что по двумъ ихъ отпискамъ денежная казна 22 т. р. сполна принята.

19) 22 ч. изъ Бронницъ въ Оранненбургъ Якову Некрасову о починкѣ и убрании въ городѣ каменныхъ палатъ и о приуготовленіи всякихъ запасовъ и о дачѣ посланному повару меду къ варенію и на пива солодовъ хмѣлѣ и прочаго сколько будетъ потребно.

20) 22 ч. изъ Бронницъ въ Москву Ѳедору Турчанинову объ отдачѣ взятыхъ денегъ Дмитрію Гримоловскому 2 т. рублевъ и Евтифею изволу 516 р., тако жъ о выдачѣ Никитѣ Фурсову къ прежнему его окладу къ 25 рублямъ еще опредѣлить по 25 рублевъ и того по 50 р. на годъ, Алексѣю Фурсову опредѣлить по 10 р. муки аржаной по 10 четвертей на годъ и вышеписанному Ѳедору Турчанинову жалованье денегъ по 50 р. муки по 50 чети крупъ по 2 чети на годъ и справясь съ 724 году чего которому въ нынѣшній окладъ въ дачѣ не было дать на всѣ годы; на покупку лекарствъ лекарю Клосинову давать деньги отъ четырехъ до пяти сотъ рублевъ.

21) 22 ч. изъ Бронницъ въ Почепъ Гаврилѣ Лукину о присылѣ столовыхъ припасовъ и прочаго въ Оранненбургъ первымъ зимнимъ путемъ, что прикащикъ Гурьевъ по прежнему посланъ къ командѣ своей въ

Заборье и о присылкѣ съ Заборскихъ заводовъ стеколъ трехъ сотъ круговъ, и о управленіи вотчинныхъ дѣлъ какъ въ Почепѣ такъ въ Шептакахъ и въ Серединной будѣ и о сборѣ доходовъ.

22) 22 ч. На прошеніи Московской Князя Меншикова домовой канцеляріи подъячаго Тихона Тарасова подписано: начетныхъ денегъ 42 р. 45 к., не править и жалованья по овладу его на прошлые годы выдать и впредь выдавать и смотрѣль бы онъ впредь дѣло свое ежели явится неисправенъ наказать.

23) 23 ч. Изъ Бронницъ въ Москву Ѳедору Турчанинову о присылкѣ зимнимъ путемъ столовыхъ запасовъ и стеколъ въ Ораненбургъ и опредѣленіи въ Клинскія вотчины прикащика Михайла Ашаметкова и объ отправленіи по данному реестру къ Варварѣ Арсеньевой и впредь что потребно ей будетъ отправлять.

24) 24 ч. изъ Степаншина въ Мосеву писано Ѳедору Турчанинову о опредѣленіи прикащикомъ въ Бронницкія Гуслицкія и прочія къ нимъ деревни Никиты Ѳурсова и вновь Преображенску быть въ его вѣдѣніи и о дачѣ ему о управленіи вотчинныхъ дѣлъ пунктовъ и о присылкѣ неводовъ и о привозѣ по зимнему пути оставшей въ Бронницахъ Афонасью Кудрину конюшни и о дачѣ конюхамъ мясной дачи и на лошадей овса и сѣна и служителя Манбетева женѣ окладное полугодное хлѣбное жалованье.

25) 25 ч. Изъ села Городни въ Бронницкую и гвоздинскую и гуслинскую волости къ священникамъ, старостамъ выборнымъ и всѣмъ крестьянамъ о опредѣленіи къ нимъ прикащикомъ Никиты Ѳурсова дабы были въ вотчинномъ правленіи послушны.

въ Ноябрьѣ

26) 4 ч. Изъ Ораненбурга въ С.Пбургъ Ивану Борову о забраніи всякихъ канцелярии его Князя Меншикова писемъ и подъячихъ и отъ Думашева и отъ Подвинскаго всякой серебряной и мѣдной посуды, платья и конюшеннаго убору и о прочемъ чтобъ все забравъ ѣхать въ Ораненбургъ по первому зимнему пути, которое письмо послано съ сержантомъ Лаптевымъ и велѣно объявить въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ

27) 10 ч. Изъ Ораненбурга въ низовые вотчины въ Новопречистенское и Новосульскую волости въ Мальсковску Терсу и прочіе. Алексѣю Изъволу старостамъ и выборнымъ и всѣмъ крестьянамъ объ отправленіи Ѳедора изъ волова въ Нижегородскіе и Алаторскіе вотчины и въ прочіе и взятыя тамошней его Князя Меншикова денежной казны и столовыхъ припасахъ и о присылкѣ въ Ораненбургъ изъ рыбы противъ прежняго половину, а остальное продать гдѣ пристойнѣе, при томъ же посланъ малой выблядокъ брукундаловъ? за непотребство чтобъ его тамъ содержать и выучить грамотѣ и давать ему на пропитаніе денежное и хлѣбное жалованье.

28) 10 ч. Изъ Ораненбурга въ Нижегородскіе и Алаторскіе вотчины старостамъ и выборнымъ и всѣмъ крестьянамъ объ отправленіи Ѳедора изъ Волова и взятыя съ нихъ доходовъ и столовыхъ запасовъ и о присылкѣ въ Ораненбургъ, и о дачѣ подводъ ему и женѣ его до Ораненбурга и покупкѣ лысковскаго полотна 300 аршинъ

29) 10 ч. Изъ Ораненбурга въ Ивановское служителью Петру Сапѣгину о привозѣ денежной казны и столовыхъ припасовъ въ Ораненбургъ.

30) 10 ч. изъ Ораненбурга въ Москву Никитѣ Фурсову о подрядѣ 6 человекъ плотниковъ и одного подмастерья помѣстно, и о присылкѣ ихъ въ Ораненбургъ и о прочей покупкѣ.

31) 16 ч. изъ Ораненбурга въ село Городень старостамъ и всѣмъ крестьянамъ что повелѣно выдать вотчину село Городень священнику Ивану Петрову и чтобъ ему были послушны а дворянину Григорью Есипову отказали и вѣдать не вѣдали.

32) 16 ч. изъ Ораненбурга въ Москву Ѳедору Турчанинову о покупкѣ столовыхъ припасовъ и о присылкѣ въ Ораненбургъ и о выдачѣ на оную и на прочіе покупки Никитѣ Фурсову денегъ.

33) 16 ч. изъ Ораненбурга въ низовые вотчины Алексѣю Изволову и привозѣ при себѣ оставшихъ отъ Ѳедора Изволова припасахъ и о покупкѣ и о присылкѣ яицкой и волжской разныхъ засоловъ икры и о присылкѣ наличной описи всѣмъ тамошнимъ конскимъ заводамъ и по травѣ лошадей всѣхъ привести въ Ораненбургъ.

34) 29 ч. изъ Ораненбурга въ Москву Ѳедору Турчанинову объявляю бочка въ два антала верскаго, бѣлаго двѣ, краснаго одна бочка, алексиру витереги дюжина горькаго шесть дюжинъ у разсылщика Крюкова принято, а чтобъ на крестьянскихъ подводахъ впредь не присылать, а присылать на наемныхъ, по письмамъ и реэстрамъ отправлять все безъ удержанія, подъ пять

берлиновъ и подъ коляски купить санные станки или подрадить сдѣлать по показанной мѣрѣ отъ берейтора Роппа и старые какіе станки имѣются и каретные стекла противъ мѣрѣ или вырѣзать изъ порченыхъ зеркаль, а буде нѣтъ купя прислать; Ивану Горскому дана о покупке роспись и на тѣ покупки и на подводы по вѣдомости его выдать деньги, а что будетъ дано писать.

№ 18

Божіею Милостіею Мы Петръ Второй Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и протчая и протчая, и протчая.

Нашему Генералу Лейтенанту и Воронежской Губерніи Губернатору Лихареву.

Понеже по указу Нашему Князь Меншиковъ посланъ въ деревню ево въ Аранибурхъ и велѣно ему жить в ней безъ выѣзду и для того быть при немъ Гвардіи Нашей Капитану Пырскому, и с нимъ одному капралству солдатомъ, а какимъ образомъ, ему поступать, и всмотрѣннн предосторожность имѣть, о томъ даны ему Пырскому пункты, того ради ежели онъ Пырскій в случаи какой нужды будетъ отъ васъ требовать изъ гарнизона людей съ принадлежащимъ ружьемъ и аммуниціею, то вамъ по его требованію отправлять къ нему немедленно, А на вышеозначенныхъ Гвардіи Ундеръ Овицеровъ и солдатъ провиантъ давать по мѣсячно изъ воронежской губерніи, и о протчемъ что в предосторожность того дѣла надлежитъ в томъ по ево требованіямъ чинить вспоможеніе не описываясь, а что будетъ учинено

о томъ в нашия верховный Тайный Совѣтъ репортовать. Данъ в нашемъ верховномъ Тайномъ Совѣтѣ Сентября въ 10 день 1727 г. У подлиннаго указа написано:

Канцлеръ Графъ Головкинъ
 Генераль Адмираль Графъ Апраксинъ
 Князь Дмитрій Голицынъ
 Андрей Остерманъ
 Василий Степановъ

Таковъ указъ отданъ Лейбъ Гвардіи капитану Степану Пырскому тогожъ числа.

№ 19

Его Императорскому Величеству Самодержцу Всероссийскому всеподданѣйшее Лейбъ Гвардіи Преображенскаго полку капитана Степана Пыркова доношеніе.

Сего Генваря 5 дня Вашего Величества изъ верховнаго Тайнаго Совѣта получилъ я указъ, въ которомъ мнѣ повелѣно, какъ прибудетъ Гвардіи капитанъ Петръ Милгуновъ въ араненбургъ тогда бывшихъ въ командѣ моей оберъ и ундеръ афицеровъ и солдатъ отдать въ команду его, и содержаніе караула вѣдомость и о прочемъ: по сему указу команду и Князя Меншикова и фамилію его отдать, а нынѣ еще отдаю ему Мелгунову присылаемыя Вашего Величества изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта указы и прочія письма, какъ входящія такъ и отходящія къ князю Меншикову и къ служителямъ его и ко мнѣ и отъ меня и о содержаніи карауловъ и о прочемъ къ тому содержаніи и осторожности; надле-

жація описывая съ иныхъ копій а инныя и подлинныя, и какъ отдамъ немедленно по указу Вашего Величества поѣду въ Москву

Вашего Величества низжайшій рабъ капитанъ Степанъ Пырской.

Къ поданію надлежитъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ 1728 году Генваря 10 дня.

ПОДЕННЫЯ ЗАПИСКИ КНЯЗЯ МЕНШИКОВА *).

1727.

17 августа т. е. въ четвертокъ Его Свѣтлость изволилъ встать въ 4 часу; въ 6 часу вышелъ въ орѣховую въ 8 одѣвся изволилъ ѣхать съ генераломъ лейтенантомъ Алексѣемъ Волковымъ въ садъ свой, изъ саду выѣхавъ гулялъ по прешпективной и потомъ изволилъ немного быть въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ; въ 11 часу прибылъ въ домъ свой. У его свѣтлости были: генералъ фельдмаршалъ его сіятельство графъ Салѣга съ сыномъ своимъ, камергеромъ графомъ Салѣгою, генераль-кригсъ-коммисары, Головинъ, Чернышевъ, генераль-лейтенанты Михаилъ Волковъ, Алексѣй Волковъ, генераль-

*) „Поденныя записки князя Меншикова“ не были никогда напечатаны, кромѣ незначительнаго отрывка, помѣщеннаго въ „Отеч. Запискахъ“ 1821 г. VI ч., стр. 364, и то съ ошибочнымъ примѣчаніемъ: что записки эти продолжаются до 8 августа, то есть оставлены только за мѣсяцъ до паденія сего знаменитаго вельможи. Это невѣрно: Поденныя записки, начиная съ 1716 г., продолжаются до 8 сентября 1727 г., то есть до того самаго дня, когда Меншиковъ былъ арестованъ. Здѣсь помѣщаются только послѣднія страницы этихъ записокъ, начиная съ 17 августа 1727 года.

майоръ и оберъ-комендантъ Фаминцынъ. Потомъ его свѣтлость изволилъ иттить къ Его Императорскому Величеству, въ 12 часу возвратился въ свои покои и въ передъ спальнѣ изволилъ сѣсть кушать, при столѣ были Головинъ, Чернышевъ, Алексѣй Волковъ, князь Шаховской, Сенявинъ, князь Голицынъ, Фаминцынъ; въ 2 часу пополудни откушавъ изволилъ его свѣтлость лечь опочивать, въ 4 часу встать и одѣться и въ 6 часу путь воспріять съ своею фамиліею изъ С.-Петербурга сухимъ путемъ и въ 9 часу прибылъ на приморское мѣсто генераль-лейтенанта Лопухина, а тутъ покушавъ, изволилъ опочивать; сей день было сіяніе.

Въ 18 день т. е. въ пятокъ, его свѣтлость изволилъ встать въ 5 часу, въ 7 часу уѣхать и въ 10 прибылъ въ фаворитской свой домъ и въ 11 сѣлъ кушать, въ 12 откушавъ опочивать, по опочиваньѣ въ 6 часу ѣхать въ Петергофъ гдѣ прибывъ въ верхнія большія палаты въ 8 часу сѣлъ кушать, въ 9 часу откушавъ изволилъ иттить опочивать, сей день было сіяніе.

Въ 19 день т. е. въ субботу его свѣтлость изволилъ встать въ 6 часу и одѣвся изволилъ гулять въ верхнемъ саду, потомъ изволилъ кушать, а по кушаньѣ путь воспріять въ Аранибомъ (Ораніенбаумъ) куда съ своею фамиліею изволилъ прибыть пополудни въ 6 часу, тогда была пушечная стрѣльба и въ томъ же часу его свѣтлость изволилъ иттить опочивать и въ 9 часу встать въ 10 сѣсть кушать при столѣ былъ генераль-критсъ-коммисаръ Чернышевъ; въ 11 часу откушавъ пошелъ опочивать, сей день было сіяніе.

Въ 20 день то-есть въ недѣлю; его свѣтлость изволилъ встать въ 6 часу и вышедъ въ передспальню изъ

волилъ одѣваться и разговаривать съ бывшими тутъ господами, а именно были генераль-лейтенантъ Алексѣй Волковъ, генераль-кригсъ-коммисаръ Чернышевъ, генераль-майоры: князь Шаховской, Сенявинъ, бригадиръ Блеклой, въ 11 часу его свѣтлость изволилъ иттить слушать литургію, въ 12 возвратился въ свои покои, въ 1 часу пополудни сѣлъ кушать въ передспальнѣ, при столѣ были всѣ вышепомянутые господа, во 2 часу откушавъ его свѣтлость изволилъ опочивать, въ 4 встать; тогда былъ Теофанъ архіепископъ новгородскій, въ 5 часу изволилъ его свѣтлость ѣхать гулять на плотину; въ 8 часу возвратился въ свои покои и покушавъ въ 10 часу изволилъ иттить опочивать, а при столѣ были: Чернышевъ, Волковъ, князь Шаховской, Блеклой, сей день было сіяніе.

Въ 21 день т. е. въ понедѣльникъ; его свѣтлость изволилъ встать въ 6 часу и вышедъ въ передспальню изволилъ разговаривать съ бывшими тутъ господами, а именно были: генераль-лейтенантъ Алексѣй Волковъ, генераль-майоры князь Шаховской, Сенявинъ, бригадиръ Блеклой, въ 10 часу изволилъ его свѣтлость иттить въ новую церковь и смотрѣть работы, оттуда ѣздилъ въ малые палатки, что на каналѣ; въ 1 часу пополудни возвратился въ свои покои, сѣлъ кушать въ передспальнѣ при столѣ были вышепомянутые господа; во 2 часу откушавъ изволилъ опочивать, въ 4 часу встать и въ 5 иттить въ мыльну; изъ мыльни вышелъ въ 7 часу; въ 9 сѣлъ кушать, въ передспальнѣ, при столѣ были, Чернышевъ, Волковъ, князь Шаховской, въ 10 откушавъ и въ 11 часу изволилъ иттить опочивать, сей день было сіяніе.

Въ 22 день т. е. во вторникъ его свѣтлость изволилъ встать въ 7 часу и вышедъ въ предспальню, слушать дѣла, потомъ разговаривать съ господами, въ то время были адмиралъ Сиверсъ, генераль-лейтенантъ князь Юсуповъ, генераль-майоръ князь Шаховской; въ 11 приѣхалъ Ѳеофанъ Архіепископъ Новгородскій, въ 1 часу пополудни въ исходѣ его свѣтлость изволилъ сѣсть кушать въ предспальнѣ, при столѣ были вышереченные господа, въ 3 часу въ началѣ его свѣтлость откушавъ изволилъ итти опочивать, въ 5 часу вставъ вышелъ въ предспальню, тогда были у его свѣтлости, Сиверсъ, князь Юсуповъ, князь Шаховской, по разговорахъ съ оными его свѣтлость изволилъ ѣхать въ Ропшу и съ часъ гулять и паки возвратился въ свои покои въ 9 часу сѣлъ кушать въ предспальнѣ; при столѣ былъ князь Шаховской, въ 10 откушавъ изволилъ итти опочивать; сей день было сіяніе.

Въ 23 день т. е. въ среду его свѣтлость изволилъ встать въ 5 часу, въ 7 часу вышедъ въ предспальню, слушать дѣла, въ то время были генераль-лейтенанты князь Юсуповъ, Алексѣй Волковъ, генераль-крюгсъ-комисаръ Чернышевъ, генераль-майоры: князь Шаховской, Сенявинъ, по выслушаніи дѣлъ его свѣтлость изволилъ выходить на галерею, потомъ въ предспальню разговаривать съ господами, въ 12 часу въ исходѣ сѣлъ кушать; при столѣ были вышеозначенные господа, во 2 часу пополудни его свѣтлость откушавъ изволилъ отпочивать, по отпочивань въ 4 часу вышедъ въ предспальню, тогда были генераль-лейтенантъ Митрѣевъ Мамоновъ, Чернышевъ, князь Шаховской, Сенявинъ, въ 5 часу изволилъ итти въ церковь смотрѣть работы и потомъ гулять

на дворѣ, въ 7 часу возвратился въ свои покои, въ 9 сѣлъ кушать, при столѣ были Митрѣевъ, Мамоновъ, Чернышевъ, въ 10 откушавъ изволилъ его свѣтлость итти опочивать, въ сей день было сіяніе.

Въ 24 день, т. е. въ четвертокъ, его свѣтлость изволилъ встать въ 5 часу въ предспальню выйти въ 7 часу и разговаривать съ господами, въ то время были генераль-лейтенантъ Д. Мамоновъ, генераль-крюгъ-коммисаръ Чернышевъ, генераль-маіоръ князь Шаховской, полковникъ Людвиъ принцъ Гессенъ-Гомбургскій, въ 10 часу его свѣтлость изволилъ въ новой церкви смотрѣть работы, въ исходѣ 12 часовъ въ предспальнѣ сѣлъ кушать, при столѣ были Д. Мамоновъ, Чернышевъ, князь Шаховской; во 2 часу въ началѣ пополудни откушавъ его свѣтлость изволилъ итти опочивать, въ 4 вставъ сидѣть въ предспальнѣ; въ 9 сѣлъ кушать при столѣ были вышереченные господа, въ 10 часу пошелъ опочивать, сей день было сіяніе.

Въ 25 день т. е. въ пятокъ его свѣтлость изволилъ встать въ 6 часу, въ 7 вытти въ передспальню и по слушаніи дѣлъ разговаривать съ господами, тогда были тайный дѣйствительный совѣтникъ князь Долгорукой, генераль - крүгъ - коммисаръ Чернышевъ, генераль - маіоръ князь Шаховской; въ 1 часу пополудни его свѣтлость изволилъ въ передспальнѣ съ вышереченными господами сѣсть кушать, въ то время пріѣхалъ и при столѣ его свѣтлости сѣлъ кушать генераль-лейтенантъ Михайло Волковъ, во 2 часу въ исходѣ его свѣтлость откушавъ изволилъ итти опочивать, въ 4 вставъ вышелъ въ передспальню, тогда были Чернышевъ, князь Шаховской, въ 5 часу его свѣтлость съ своею фамиліею из-

волилъ иттить къ Его Императорскому Величеству въ большія верхнія палаты и тамъ слушалъ заутреню; во 2 часу изволилъ придтить въ свой покои, которые въ тѣхъ же палатахъ; и по кушаньи въ 10 часу пошелъ опочивать. Сей день было пасмурно и не много дожда и вѣтренно.

Въ 26 день т. е. въ субботу его свѣтлость изволилъ встать въ 7 часу и вышелъ въ передспальню, потомъ одѣвся изволилъ идтить къ Его Императорскому Величеству и съ Его Императорскимъ Величествомъ слушалъ литургію въ полковой церкви, которая поставлена была въ верхнемъ саду у палатъ, по литургіи возвратились въ свои покои, въ 1 часу пополудни его свѣтлость вышелъ въ залъ и съ своею фамиліею при торжественномъ Его Императорскаго Величества столѣ кушалъ, при которомъ столѣ были всѣ министры и генералитетъ и сунодъ и сенатъ; въ 3 пополудни откушали, тогда его свѣтлость изволилъ раздѣвся иттить въ спальню свою, въ 5 часу вышелъ въ передспальню и посидя съ полчаса изволилъ ѣхать въ монетуражъ, гдѣ осмотра работы изволилъ возвратиться въ Петергофъ, въ 7 часу изволилъ иттить въ свои покои, въ 8 часу пришли къ его свѣтлости генераль-адмираль его сіятельство графъ Апраксинъ, канцлеръ графъ Головкинъ, тайный дѣйствительный совѣтникъ князь Голицынъ, въ 10 часу его свѣтлость изволилъ съ ихъ сіятельствы въ передспальнѣ сѣсть кушать, при томъ же столѣ были генераль-лейтенантъ Алексѣй Волковъ, генераль-кригсъ-коммисаръ Чернышевъ, тайный совѣтникъ Макаровъ, вице-президентъ Фигъ; въ 11 часу откушали, тогда оные господа разошлись а его свѣтлость иттить опочивать; сей день

было сіяніе съ 10 часа начали люминовать въ Петергофѣ палаты, гротъ каскады и фонтаны и всѣ прешпективы дороги и лѣстницы.

Въ 27 день т. е. въ недѣлю, его свѣтлость изволилъ встать въ 5 часу, въ 7 вышелъ въ передспальню, одѣваться, разговаривать съ господами, тогда были генераль лейтенанты Михаилъ Волковъ, князь Юсуповъ, Дмитрій Мамоновъ, Салтыковъ, генераль-кригсъ-комисаръ Чернышевъ, тайный совѣтникъ Макаровъ, генераль-маіоры Нарышкинъ, Сенявинъ, оберъ-гофмейстеръ Олсуфьевъ; въ 9 часу его свѣтлость изволилъ итти къ Его Императорскому Величеству и потомъ при Его Величествѣ слушать литургію; по литургіи при столѣ Его Величества кушать, въ 4 часу пополудни изволилъ съ своею фамилією путь воспріять въ Аранибамъ куда прибывъ въ 6 часу въ началѣ изволилъ сидѣть въ предспальнѣ и слушать дѣла, потомъ пришли къ его свѣтлости министръ Вольфенбительскій фонъ-деръ Ассбургъ, Бланкенбургской фонъ Крамъ, съ которыми въ 9 часу его свѣтлость въ передспальнѣ сѣлъ кушать, въ 10 откушавъ его свѣтлость изволилъ итти опочивать.

Въ 28 день т. е. въ понедѣльникъ его свѣтлость изволилъ встать въ 6 часу, въ 7 вышелъ въ предспальню и изволилъ разговаривать съ министрами Вольфенбительскимъ и Бланкенбургскимъ, потомъ приѣхали генераль-маіоръ Сенявинъ, гофъ-маршалъ Шенелевъ, шталмейстеръ Кошелевъ, гофъ-мейстеръ Елагинъ, въ 1 часу пополудни его свѣтлость изволилъ въ передспальнѣ сѣсть кушать, при столѣ были вышеозначенные господа, во время кушанья пришли тутъ Теофанъ Архіепископъ Новгородскій, Теоилактъ Тверскій, тогда его свѣтлость

вставъ изъ за стола изволилъ съ ними иттить въ другую палату гдѣ они сѣли кушать, тогда паки его свѣтлость сѣлъ за свой столъ, во 2 часу откушавъ изволилъ иттить опочивать и по немногомъ опочеванъ вышелъ въ передспальню и посидя съ полчаса изволилъ иттить гулять на свой дворъ и въ новую церковь, въ 6 часу возвратился въ свои покои у его свѣтлости были Сенявинъ, Шепелёвъ, Кошелёвъ, Елагинъ, въ 8 часу его свѣтлость сѣлъ кушать въ 9 часу откушавъ пошелъ опочивать. Сей день было сіяніе.

Въ 29 день т. е. во вторникъ его свѣтлость изволилъ встать въ 5 часу, въ 7 вышелъ въ передспальню и слушалъ заутреню, потомъ дѣлъ и вѣршилъ письма, въ 1 часу пополудни сѣлъ кушать въ передспальнѣ, въ 2 откушавъ изволилъ немного опочивать, въ 5 иттить въ новую церковь смотрѣть работы и паки въ 6 часу возвратился въ свои покои и забавлялся въ карты, въ то время былъ генераль-маіоръ князь Шаховской, въ 9 часу изволилъ его свѣтлость иттить опочивать, сей день было сіяніе и кладно.

Въ 30 день т. е. въ среду его свѣтлость изволилъ встать 7 часу и вышелъ въ передспальню вѣршилъ письма, потомъ слушать заутреню, и одѣвался, у его свѣтлости были адмираль Сиверсъ, Гордонъ, генераль-лейтенантъ Алексѣй Волковъ, генераль-маіоры князь Шаховской, Нарышкинъ, Фаминцынъ, Сенявинъ, бригадиръ Блеклой, шталмейстеръ Кошелёвъ, и протчіе господа морскіе офицеры которые его свѣтлость поздравляли съ тезоименитствомъ, въ 12 часу его свѣтлость изволилъ иттить къ литургіи, по литургіи отъ стоящаго въ парадѣ черниговскаго пѣхотнаго полку выстрѣлено изъ мелкаго ружья

по три патрона, потомъ была пушечная стрѣльба изъ собственныхъ пушекъ, въ 2 часу въ началѣ пополудни сѣлъ кушать при столѣ были вышеозначенные господа, въ 3 часу откушавъ его свѣтлость изволилъ иттить опочивать, въ 5 вставъ выттить въ передспальню, тогда были Сиверсъ, Гордонъ, Волковъ, Шаховскій, Сенявинъ, Фаминцынъ, Блеклой, побывъ съ четверть часа Сиверсъ и Гордонъ и Сенявинъ отъѣхали, потомъ его свѣтлость изволилъ забавляться въ карты и въ шахматы; въ 9 часу сѣлъ кушать при столѣ были Волковъ, Шаховской, Блеклой; въ 10 часу откушавъ его свѣтлость изволилъ иттить опочивать, сей день было пасмурно и сіяніе съ перемѣшкою и великій вѣтеръ.

Въ 31 день, то-есть въ четвертокъ его свѣтлость изволилъ встать въ шестомъ часу; и вышедъ въ передспальню крѣпидъ письма и потомъ разговаривать съ господами, въ то время были генераль-лейтенантъ Алексѣй Волковъ, генераль-маіоры князь Шаховской, Фаминцынъ, бригадиръ Блеклой; въ 11 часу его свѣтлость изволилъ ѣхать гулять на дачу графа Головкина, въ 12 возвратился въ Аранибамъ и отслушавъ литургію во 2 часу пополудни въ началѣ сѣлъ кушать въ передспальнѣ при столѣ были: Волковъ, Шаховской, Блеклой, въ 3 откушавъ пошелъ почивать, въ 5 вышелъ въ передспальню изволилъ забавляться въ шахматы; у его свѣтлости были вышереченные господа въ вечеру его свѣтлость съ оными господами въ 9 часу сѣлъ кушать, въ 10 откушавъ изволилъ идти опочивать, сей день было сіяніе.

Сентябрь.

Въ 1 день т. е. пятокъ, его свѣтлость изволилъ встать въ 7 часу и вышедъ въ передспальню слушалъ дѣла,

у его свѣтлости былъ генераль-лейтенантъ Алексѣй Волковъ, въ 1 часу пополудни изволилъ его свѣтлость въ передспальнѣ сѣсть кушать, при столѣ былъ Волковъ; во второмъ часу откушавъ забавлялся въ шахматы, потомъ разговаривалъ съ гольштейнскимъ министромъ Штамкеномъ, по тѣхъ разговорѣхъ изволилъ съ нимъ итти въ новую церковь и возвратясь въ своихъ покояхъ, побывъ съ четверть часа пошелъ въ покои къ Ея Высочеству Государынѣ Маріи Александровнѣ; въ 8 часу изволили идти опочивать, сей день было до 2 часа пополудни дождь, а съ 2-го сіяніе.

Во 2 день, т. е. въ субботу, его свѣтлость изволилъ встать въ 6 часу и вышелъ въ передспальню слушать дѣла, а у его свѣтлости были адмиралъ Сиверсъ, генераль-лейтенантъ Алексѣй Волковъ, генераль-кригсъ-коммисаръ Чернышевъ, генераль-маіоръ князь Шаховской, въ 1 часу пополудни его свѣтлость съ оными господами въ передспальнѣ сѣлъ кушать, во 2 часу откушалъ, въ четвертомъ изволилъ идти въ новую церковь, и тамъ былъ до 6 часа, тогда пріѣхалъ генераль-адмиралъ его сіятельство графъ Апраксинъ, въ 6 часу пошелъ въ мыльню, въ 7 часу изъ мыльни вышелъ изволилъ сидѣть въ передспальнѣ, тогда былъ Иванъ Львовичъ Нарышкинъ; въ 8 часу его свѣтлость сѣлъ кушать, при столѣ были Волковъ, Чернышевъ, Шаховской, Сенявинъ; въ 9 откушавъ его свѣтлость изволилъ идти опочивать, сей день было сіяніе и хладно.

Въ 3 день, т. е. въ недѣлю его свѣтлость изволилъ встать въ 6 часу и вышелъ въ передспальнѣ изволилъ одѣваться и слушать заутреню; у его свѣтлости были канцлеръ графъ Головкинъ, тайный дѣйствительный со-

вѣтникъ князь Голицынъ, генераль-лейтенантъ Алексѣй Волковъ, генераль-кригсъ-коммисары Головинъ, Чернышевъ, тайные совѣтники Бестужевъ, Макаровъ, генераль-маіоръ князь Шаховской, Сенявинъ, сенаторъ Нелединскій, Иванъ Львовичъ Нарышкинъ, президенты: князь Голицынъ, Сухотинъ, и прочіе господа штабъ и оберъ офицеры; въ 12 часу его свѣтлость изволилъ съ оными господами итти въ церковь и когда началось освященіе церкви во имя святаго Пантелеймона, тогда была пушечная стрѣльба, по окончаніи освященія во время начатія литургіи была жъ пушечная стрѣльба, по окончаніи литургіи паки была пушечная стрѣльба, тогда его свѣтлость изволилъ придтти въ свои покои, въ то время были генераль-адмираль его сіятельство графъ Апраксинъ, адмираль Сиверсъ, генераль-лейтенантъ Дмитрій Мамоновъ, генераль-маіоръ Нарышкинъ и прочіе вышеписанные господа во 2 часу пополудни сѣли кушать подлѣ передспальни, у его свѣтлости кушали министры и генералитеть, нѣкоторые изъ сената и изъ штабъ-офицеровъ, въ палатѣ подлѣ передспальни архіереи Теофанъ Архіепископъ Новгородскій, Игнатій Коломенскій и Каширскій и архимандриты и прочіе духовные персоны, во время того кушанья была пушечная стрѣльба и великая музыка, въ 4 откушали тогда нѣкоторые господа а други по квартирамъ разошлись, а его свѣтлость изволилъ идтти опочивать, въ 6 часу вставъ вышелъ въ передспальню и забавлялся въ карты, въ то время были тайный дѣйствительный совѣтникъ князь Голицынъ, генераль-лейтенанты Д. Мамоновъ, Волковъ, генералы Кригъ, К. Головинъ, Чернышевъ, генераль-маіоры князь Шаховской, Сенявинъ, Иванъ Льво-

вичъ Нарышкинъ, президентъ князь Голицынъ, въ 8 часу сѣли кушать въ 9 отеушали, въ 10 его свѣтлость изволилъ идтить опочивать сей день было сіяніе и хладно.

Въ 4 день, т. е. въ понедѣльникъ его свѣтлость изволилъ встать въ 6 часу и вышелъ въ передспальню и по слушаніи дѣлъ забавлялся въ шахматы. У его свѣтлости были тайный дѣйствительный совѣтникъ князь Голицынъ, генераль-лейтенанты Д. Мамоновъ, Волковъ, генераль-кригсъ-коммисаръ Чернышевъ, генераль-маіоры князь Шаховской, Сенявинъ, Иванъ Львовичъ Нарышкинъ, президентъ князь Голицынъ, потомъ его свѣтлость съ четверть часа изволилъ разговаривать тайно съ Волковымъ, въ 12 часу тайный дѣйствительный совѣтникъ князь Голицынъ отѣхалъ, а его свѣтлость съ вышеписанными господами сѣлъ кушать, во 2 часу пополудни отеушавъ изволилъ немного опочивать, и въ 5 часу путь воспріалъ съ своею фамиліею въ Петергофъ, тогда была пушечная стрѣльба, въ Петергофъ прибылъ въ 7 часу и съ четверть часа побывъ у Его Императорскаго Величества въ большихъ верхнихъ палатахъ, изволилъ иттить въ свои покои и забавлялся въ шахматы, у его свѣтлости были генераль-кригсъ-коммисаръ Чернышевъ, генераль-лейтенантъ Волковъ, генераль-маіоръ Нарышкинъ, гофъ-маршалъ Шепелевъ, сталмейстеръ Кошелевъ; въ 9 часу съ оными сѣлъ его свѣтлость въ передспальнѣ кушать, въ 10 часу отеушавъ пошелъ опочивать.

Сей день было сіяніе и хладно.

Въ 5 день, т. е. во вторникъ его свѣтлость изволилъ встать въ 7 часу и вышелъ въ передспальню изволилъ одѣться и разговаривать съ господами, въ то время

были генераль-лейтенантъ Алексѣй Волковъ, генераль-майоръ Нарышкинъ, гофъ-маршалъ Шепелевъ, штал-мейстеръ Кошелевъ, и съ Волковымъ въ особой палатѣ съ полчаса разговаривалъ тайно, потомъ съ часъ тайножъ разговаривалъ съ тайнымъ дѣйствительнымъ совѣтникомъ вице-канцлеромъ графомъ Остерманомъ, въ 12 часу его свѣтлость съ своею фамиліею сѣлъ кушать, въ томъ же часу откушавъ и побывавъ у Его Императорскаго Величества путь воспріялъ сухимъ путемъ въ санктъ-петербургъ, куда прибылъ въ 5 часу и сидѣлъ въ орѣховой, ввечеру покушавъ въ 10 часу пошелъ опочивать. Сей день было сіяніе и хладно.

Въ 6 день, т. е. въ среду его свѣтлость изволилъ встать въ 5 часу и вышелъ въ орѣховую; у его свѣтлости были генераль-лейтенантъ Михаилъ Волковъ, генераль-кригсъ-коммисаръ Чернышевъ, генераль-майоры князь Шаховской, Ѡаминцынъ, по разговорахъ со оными изволилъ его свѣтлость одѣвся въ 9 часу ѣхать въ верховный тайный совѣтъ и сидѣвъ часа полтора изволилъ выѣхать и объѣхавъ кругомъ своего саду прибылъ въ домъ свой въ 12 часу, въ 1 часу пополудни въ передспальнѣ сѣлъ кушать, во 2 откушавъ пошелъ въ орѣховую и тутъ изволилъ быть до вечера, были у его свѣтлости Шаховской, Ѡаминцынъ, ввечеру его свѣтлость покушавъ въ передспальнѣ изволилъ идти опочивать. Сей день по утру и ввечеру былъ дождь а въ день пасмурно и хладно.

Въ 7 день т. е. въ четвертокъ его свѣтлость изволилъ встать въ 6 часу и вышелъ въ орѣховую изволилъ сидѣть до 9 часа, въ 9 вышелъ въ передспальню и одѣвся изволилъ ѣхать въ верховной тайной совѣтъ,

которой въ лѣтнемъ Его Императорскаго Величества домѣ, тогда былъ тутъ тайный дѣйствительный совѣтникъ князь Голицынъ, тайный совѣтникъ Степановъ и съ часъ посидѣвъ поѣхалъ въ домъ свой. У его свѣтлости были генераль-лейтенанты Михаилъ Волковъ, Алексѣй Волковъ, генераль-маіоры князь Шаховской, Ѡаминцынъ, въ 1 часу пополудни сѣлъ его свѣтлость кушать въ передспальнѣ, во 2 откушавъ изволилъ идти въ орѣховую и тутъ былъ до вечера, въ 9 часу покушавъ пошелъ опочивать. Сей день было пасмурно и хладно.

Сего числа Его Императорское Величество изволилъ прибыть въ Санетъ петербургъ и въ новомъ лѣтнемъ домѣ почевалъ и съ сего времени началъ въ томъ домѣ жить.

Въ 8 день то-есть въ пятокъ его свѣтлость изволилъ встать въ 6 часу и вышелъ въ передспальню; у его свѣтлости были генераль-лейтенанты Алексѣй Волковъ, Салтыковъ, тайный совѣтникъ Макаровъ, генераль-маіоры князь Шаховской, Ѡаминцынъ, съ которыми изволилъ его свѣтлость разговаривать, въ 10 часу кровь пущать, во 2 пополудни его свѣтлость сѣлъ кушать въ передспальнѣ, при столѣ были Волковъ Ѡаминцынъ, въ 3 откушали и его свѣтлость до вечера изволилъ быть въ передспальнѣ, въ 10 покушавъ изволилъ идти опочивать. Сей день было пасмурно и дождь съ перемѣжкою.

II.

ССЫЛКА ВЪ БЕРЕЗОВЪ.

Верховный тайный совѣтъ былъ созданъ Меншиковымъ. Только что миновала годовщина кончинѣ Петра Великаго, Меншиковъ, 27-го января 1726 года, подалъ

записку Екатеринѣ о необходимости учредить тайный совѣтъ для обсужденія „чужестранныхъ и внутреннихъ нужнѣйшихъ дѣлъ“. Напередъ увѣренный въ согласіи императрицы, онъ въ этой же докладной запискѣ предложилъ Екатеринѣ кого назначить членами этого совѣта, включивъ, разумѣется, въ то число и себя. Предложеніе было принято императрицею, и 8 февраля 1726 года объявленъ указъ объ учрежденіи верховнаго тайнаго совѣта, съ назначеніемъ въ оный членами: князя А. Д. Меншикова, канцлера графа Головкина, графа П. А. Толстого, князя Дмитрія Михайловича Голицына, графа Апраксина, барона А. И. Остермана, а впоследствии назначенъ и герцогъ Голштинскій. До того времени всѣ дѣла сосредоточены были въ коллегіяхъ; онѣ дѣйствовали самостоятельно и въ сенатъ относились только тогда, когда требовалось разрѣшеніе какого-нибудь государственнаго вопроса; съ учрежденіемъ верховнаго совѣта порядокъ этотъ измѣнился: всѣ части государственнаго управленія сосредоточились въ совѣтѣ, а сенатъ и коллегіи обязаны были испрашивать его разрѣшенія и руководствоваться его указами.

Меншиковъ воспользовался учрежденіемъ совѣта, чтобъ захватить въ свои руки всѣ части управленія.

На обсужденіе совѣта поступали дѣла по указанію Меншикова и оканчивались такъ, какъ ему было угодно; общія внутреннія, секретныя, дворцовыя, а особенно денежныя дѣла большею частью Меншиковъ разрѣшалъ самъ и потомъ объявлялъ указъ отъ имени императрицы изъ своей канцеляріи; нерѣдко же, чтобъ предупредить всякое столкновеніе съ членами совѣта, онъ объявлялъ и самому верховному тайному совѣту высо-

чайшія повелѣнія. Во время болѣзни князя, въ августѣ 1727 года *), въ царствованіе уже Петра II, совѣтъ попробовалъ ослабить самовластіе князя въ распоряженіи суммами, но Меншиковъ не допустилъ такого стѣсненія, и, по выздоровленіи своемъ, 2-го сентября, объявилъ высочайшее повелѣніе, что это распоряженіе до него не относится, почему и предписывалось исполнять все, какъ и прежде, по письменнымъ его указамъ. Въ послѣднее время передъ ссылкой, онъ даже запретилъ оберъ-камердинеру Кайсарову расходовать деньги безъ его приказанія и не велѣлъ исполнять повелѣнія императора или сестры его, великой княжны Натальи Алексѣевны, безъ предварительнаго себѣ доклада.

Удаленіе Меншикова неминуемо повлекло за собою большія хлопоты и неурядицы въ высшемъ кругу администраціи. Верховный тайный совѣтъ, управлявшій государствомъ, принужденъ былъ изучать, что дѣлается въ коллегіяхъ, канцеляріяхъ и разныхъ отдѣльныхъ комиссіяхъ; гдѣ какія суммы, какія дѣла и каково дано имъ направленіе. Къ счастью совѣта, въ эту затруднительную минуту, среди его находился человекъ, который горячо принялся за дѣло, и своею дѣятельностью, трудолюбіемъ, при образованномъ умѣ и опытности, занялся серьезно дѣломъ и, сколько то позволяли обстоятельства и окружавшія его личности, сталъ во главѣ управленія. Это былъ вице-канцлеръ баронъ Андрей Ивановичъ Остерманъ.

*) См. Протоколы верховнаго тайнаго совѣта 1726—1727, въ третьей книжкѣ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“, 2-го авг. 1727 г.

Близкій къ императору, уважаемый и любимый имъ искренно, Остерманъ умѣлъ сохранить хорошія отношенія и съ разнородными партіями придворныхъ. Участвуя во всѣхъ интригахъ, онъ не принадлежалъ исключительно ни къ одной партіи; русскіе вельможи не любили его, но всѣ цѣнили опытность его въ дѣлахъ, трудолюбіе, и дорожили имъ. Послѣ ссылки Меншикова, Остерманъ, какъ видно изъ бумагъ верховнаго тайнаго совѣта, исключительно одинъ занимался дѣлами: Всѣ приказанія и распоряженія отъ имени императора передавалъ совѣту самъ, читалъ всѣ бумаги, дѣлалъ на нихъ собственноручныя замѣчанія, исправлялъ протоколы и указы верховнаго тайнаго совѣта; при слушаніи важнѣйшихъ дѣлъ приводилъ молодого императора въ совѣтъ, заставлялъ его слушать доклады и давать рѣшенія, которыя, вѣроятно, предварительно были продиктованы юношѣ. Остерманъ понялъ, какъ онъ необходимъ былъ даже врагамъ своимъ, и дѣйствовалъ энергически. По предложенію Остермана, на другой же день ссылки Меншикова, 11-го сентября 1727 г., совѣтъ приступилъ къ собранію повсюду свѣдѣній, гдѣ что дѣлалось по приказанію князя. Сенату и коллегіямъ велѣно доставить въ совѣтъ подробныя донесенія о всѣхъ указахъ и предписаніяхъ, полученныхъ ими за подписаніемъ князя Меншикова со времени вступленія на престолъ Петра II. Оберъ-гофмейстеру Олсуфьеву поручено подать вѣдомость о всѣхъ дворцовыхъ волостяхъ, гдѣ сколько дворовъ и сколько съ нихъ доходовъ и расходовъ, кто гдѣ приказчикомъ и какое получаютъ жалованье; то же и оберъ-гофъ-шталмейстеру Алабердѣеву по конюшенной части; Ульяну Сенявину, управлявшему

канцелярію отъ строеній, велѣно донести о строеніяхъ: какими деньгами и гдѣ что строится и какіе у него окладные и необладные расходы. Собственную канцелярію Меншикова велѣно разобрать и привести въ извѣстность всѣ бумаги.

Весь сентябрь совѣтъ преимущественно занимался розысканіемъ дѣйствій Меншикова и преслѣдованіемъ его приверженцевъ. Отъ камеръ-коллегии вытребовали вѣдомость, сколько по письменнымъ приказаніямъ князя Меншикова отпущено какихъ именно товаровъ и кому они отданы; у кабинетнаго секретаря Маварова взяты челобитныя князя Меншикова, которыя онъ подавалъ о награжденіяхъ; въ малороссійскія имѣнія князя послано приказаніе доставить вѣдомости о всѣхъ его тамошнихъ имѣніяхъ и доходахъ; комиссіонеру въ Ригѣ, Исаеву, предписано донести, сколько онъ израсходовалъ по приказанію Меншикова денегъ; всѣмъ комиссіямъ и канцеляріямъ сообщено о доставленіи свѣдѣній, сколько въ 1721 году отпущено денегъ и куда по предписаніямъ князя.

Въ первые дни паденія Меншикова хлопотали только, какъ бы поскорѣе выпроводить его изъ Петербурга; теперь съ каждымъ днемъ придумывали ему различныя наказанія; нарочные безпрестанно, одинъ за другимъ посылались въ Пырскому съ разнородными приказаніями то снять съ дѣтей князя ордена, то лишить ордена Василія Михайловича Арсеньева*), добровольно послѣ-

*) Арсеньевъ, Василій Михайловичъ, родной братъ княгини Дарьи Михайловны Меншиковой, находился въ молодыхъ лѣтахъ въ Голландіи при прусскомъ посольствѣ. Въ царствованіе Петра

довавшего въ должности гофмейстера за невѣстою императора, отобрать у Меншикова царскихъ лошадей и экипажи, отправить Варвару Арсеньеву въ Александровскій монастырь **). Пырскій исполнялъ немедленно приказанія совѣта. Варвару Арсеньеву отправилъ въ монастырь прямо съ дороги и ордена прислалъ въ совѣтъ; орденъ св. Екатерины, снятый съ невѣсты своей, Петръ подарилъ великой княгинѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, а новому любимцу, Ивану Андреевичу Долгорукому, достался орденъ св. Александра Невского съ Василя Михайловича Арсеньева, потому что предъ этимъ, въ день пожалованія, Долгорукому на скорую руку дали чужой орденъ: готовыхъ при дворѣ не было. Указы совѣта во всѣ коллегіи о доставленіи свѣдѣній о дѣйствіяхъ князя Меншикова вызвали донесенія о захватѣ имъ казенной

Великаго, Арсеньевъ не занималъ виднаго мѣста (Бантышъ-Каменскій). При составленіи штата дочери князя Меншикова, Маріи, обрученной невѣсты Петра Второго, Арсеньевъ пожалованъ былъ гофмейстеромъ двора ея.

***) Арсеньева, Варвара Михайловна, родная сестра княгини Меншиковой, одаренная отъ природы необыкновеннымъ умомъ, любившая науки, уважаемая Петромъ I и Екатериною, не имѣла красивой наружности, была малаго роста и горбата, но умомъ своимъ, приятнымъ и занимательнымъ разговоромъ вознаграждала всѣ недостатки. Меншиковъ совѣтовался съ нею въ дѣлахъ семейныхъ и даже въ служебныхъ, слушалъ наставленія умной родственницы, не менѣе его честолюбивой. Когда княгиня Меншикова отлучалась изъ Петербурга съ мужемъ своимъ, Варвара Михайловна заступала ея мѣсто у дѣтей, была второю матерью ихъ, надзирала за воспитаніемъ. По кончинѣ императрицы Екатерины I, 25-го мая 1727 года, пожалована оберъ-гофмейстериною, а 29-го іюня того же года получила орденъ св. великомученицы Екатерины. (Бантышъ-Каменскій. „Словарь достопамятныхъ людей“).

собственности, а тысячи разосланныхъ экземпляровъ указа о его ссылке ободрили многихъ частныхъ лицъ представить жалобы и денежные претензіи на сосланнаго князя *).

Совѣтъ 9-го ноября, имѣя въ виду удовлетвореніе этихъ жалобъ, приказалъ описать всякую движимость Меншикова въ петербургскихъ и московскихъ его домахъ, въ приморскихъ дачахъ, деревняхъ и заводахъ.

Все это были мелочи; самое важное обвиненіе на князя поступило въ совѣтъ 3-го ноября 1727 года отъ графа Головина, нашего посланника въ Стокгольмъ. Графъ Головинъ, еще въ октябрѣ, получивъ увѣдомленіе о ссылке князя Меншикова, писалъ въ императору: „Здѣсь противная партія и недоброжелательная вашему императорскому величеству зѣло князя Меншикова отлученіе отъ двора вашего императорскаго величества сожальютъ и говорятъ явно, что они въ планѣ ихъ намѣренія великаго патрона себѣ потеряли, токмо въ чемъ то ихъ намѣреніе и патронство къ нимъ князя Меншикова состоитъ, о томъ нынѣ еще невѣдомо“. (Донесеніе графа Николая Головина изъ Стокгольма, 29-го сентября 1727 г.).

Съ нетерпѣніемъ ожидали Долгорукіе дальнѣйшихъ, обѣщанныхъ Головинымъ, подробностей, и наконецъ, 3 ноября, получена слѣдующая секретная депеша изъ Стокгольма: „Третьягодня надежной и вѣрной пріятель за высочайшій секретъ мнѣ объявилъ, что предъ нѣсколькимъ временемъ, а именно прежде приступленія короны шведской къ ганноверскому трактату, сенаторъ

*) Впослѣдствіи учреждена была особая комиссія для разбора частныхъ жалобъ по денежнымъ претензіямъ на князя Меншикова.

Дибенъ показывалъ въ секретной комиссіи письмо, которое онъ, князь Меншиковъ, къ нему, Дибену, писалъ на нѣмецкомъ языкѣ, а имя его было подписано по-русски его рукою большими словами, которое едва можно было прочесть *) и въ ономъ письмѣ написано въ такихъ терминахъ, что онъ, князь Меншиковъ, письмо отъ сенатора Дибена получилъ такого числа (котораго тотъ пріятель доподлинно не упомянулъ) и что надлежитъ до пріятельскаго нашего желанія въ службахъ къ коронѣ шведской во свидѣтельство того симъ васъ увѣряю, что хотя министры російскіе нынѣ у васъ стараются всѣми силами противъ приступленія короны шведской къ гановерскому трактату, но токмо дѣлается для одного виду, угождая новой алліанціи и для того тѣхъ угрозъ отъ министровъ нашихъ они бы не принимали за истину и приступленіе къ гановерскому трактату чинить бы изволили, ибо онъ гарантируетъ, что со стороны російской ничего опасаться не надлежитъ, понеже власть въ войскѣ содержится у него въ рукахъ, а наипаче, что здоровье государыни императрицы зѣло нынѣ слабо, и чаеъ онъ, что вѣкъ ея величества долго продолжиться не можетъ, чтобъ въ то время сіе его пріятельское внушеніе Швеціи не было забвенно, ежели ему какая помощь надобна будетъ. Сіе я доношу вашему императорскому величеству отъ слова до слова, какъ мнѣ оной надежной пріятель сказывалъ; сверхъ того, оной же пріятель мнѣ объявилъ,

*) Извѣстно, что Меншиковъ умѣлъ только подписывать свою фамилію.

что онъ, князь Меншиковъ, при многихъ случаяхъ словесно объявлялъ барону Цедеркрейцу о происхожденіи дѣлъ при дворѣ вашего императорскаго величества, понеже онъ *), Цедеркрейцъ, во многихъ своихъ реляціяхъ и партикулярныхъ письмахъ къ графу Горну и къ сенатору Дибену писывалъ именно, что князь Меншиковъ ему, Цедеркрейцу, о томъ сказывалъ, какъ и прежде того князя Меншикова письма онъ, Цедеркрейцъ, къ сенатору Дибену многократно объявлялъ, что изъ разговоръ князя Меншикова онъ выразмѣлъ, что онъ ни мало противнымъ себя въ приступленію короны шведской къ ганOVERскому трактату не кажетъ, но наипаче графа Горна въ томъ поступокѣ похваляетъ, а за вышеозначенное письмо, что онъ князь Меншиковъ писалъ къ сенатору Дибену, графъ Горнъ объявилъ въ секретной комиссіи письмо шведскаго посланника барона Цедеркрейца, что онъ, Цедеркрейцъ, подарилъ ему, князю Меншикову, англійскихъ денегъ пять тысячъ червонныхъ, которыя деньги объявилъ графъ Горнъ, будто король англійскій по его, Горнову, прошенію на то употребленію ему прислалъ. Все сіе мнѣ тотъ надежной пріятель заподлинно объявилъ и что онъ, безъ сомнѣнія, пребываетъ, что въ письмахъ князя Меншикова нѣчто той его корреспонденціи съ сенаторомъ Дибенымъ найдено быть имѣть“. (Реляція чрезвычайнаго посланника графа Николая Головина изъ Стокгольма, писана цифрами).

12-го ноября совѣтъ, не доложивъ императору, составилъ опредѣленіе о допросѣ по пунктамъ князя

*) Посланникъ шведскій въ Петербургѣ.

Меншикова; осторожный Остерманъ не рѣшился исполнить этого опредѣленія и предупредилъ императора. 17-го ноября Петръ II пришелъ въ совѣтъ и объявилъ: чтобы послать къ Меншикову нарочнаго обо всемъ допросить его съ принужденіемъ и угрожая, что поступлено будетъ съ нимъ иначе, если не скажетъ истины. Въ этотъ же день состоялось высочайшее повелѣніе конфисковать на его императорское величество всѣ имѣнія Меншикова, находившіяся въ великороссійскихъ губерніяхъ, въ Лифляндіи, Эстляндіи, въ Украинѣ.

Ссылка Меншикова, имѣвшая вначалѣ характеръ опалы, получила теперь совсѣмъ другое значеніе. Тайное сношеніе съ шведскимъ правительствомъ навлекало подозрѣніе въ верховной измѣнѣ, а слабый присмотръ капитана Пырсаго, получавшаго подарки отъ князя, показался совѣту неблагонадежнымъ *).

Верховный тайный совѣтъ назначилъ отправить къ Меншикову для допроса дѣйствительнаго статскаго со-

*) Послѣ ссылки Меншикова въ Березовъ, въ іюлѣ 1728 года, Пырскій за невнимательное содержаніе Меншикова въ дорогѣ и въ Раненбургѣ и за принятіе подарки былъ отосланъ на военный судъ, въ гвардію. Въ октябрѣ 1728 года генералъ-фельдмаршалъ князь Василій Владиміровичъ Долгоруковъ объявилъ верховному тайному совѣту, что его императорское величество, по челобитью его, Пырсаго, за службы его, суда надъ нимъ производить не указавъ, а повелѣно отобрать у Пырсаго вещи и прочіе подарки Меншикова и, оцѣня ихъ, взять такую же сумму штрафа. (Журн. в. т. с., 21-го октября 1728 года). По оцѣнкѣ оказалось, подарковъ было сдѣлано Пырскому на тысячу двѣсти двадцать восемь рублей 96 коп. Пырскій не долго былъ въ опалѣ и въ ноябрѣ 1728 года получилъ опять порученіе въ Архангельскую губернію.

вѣтника Плещеева, а на смѣну капитана Пырсаго капитана Мельгунова.

13 декабря ихъ призвали въ совѣтъ и вручили инструкцію. Мельгунову было предписано:

- 1) Принять команду отъ Пырсаго.
- 2) Князя Меншикова и фамилію его содержать въ городѣ неисходно.
- 3) Смотрѣть накрѣпко, чтобъ въ крѣпость никто не могъ пройти тайнымъ образомъ и писемъ ни къ князю, ни отъ него не приносили.
- 4) Для князя Меншикова и его фамиліи, церковь поставить въ палатахъ полотняную, а для того взять антиминсъ отъ воронежскаго архіерея, а въ другую церковь, которая за городомъ, князя не пускать *); семейству же его въ церковь или за городъ для прогулки, если выѣхать пожелають, то допускать, но за крѣпкимъ присмотромъ, и только дневнымъ временемъ, а не ночью.
- 5) дозволять Меншикову писать письма къ своимъ управляющимъ имѣніями, но письма эти присылать въ верховный тайный совѣтъ.
- 6) Изъ всѣхъ писемъ, присылаемыхъ къ князю, составлять экстрактъ, который доставлять ежемѣсячно въ верховный тайный совѣтъ.
- 7) Не допускать князя совершать какіе либо крѣпостные акты или сдѣлки по имѣніямъ.
- 8) Отъ князя Меншикова подарковъ не принимать и подчиненныхъ къ тому не допускать, подъ опасеніемъ наказанія по военному артикулу.

***) Церковь была установлена уже Пырскимъ. См. первую статью „Ссылка Меншикова въ Рененбургъ“.

9) Русскихъ, прїѣзжающихъ къ князю Меншикову, допускать, но велѣть имъ говорить вслухъ при караульномъ офицерѣ и солдатахъ, а иноземцевъ не допускать, а арестовать и немедленно доносить совѣту.

Плещееву по инструкціи предписано:

1) Всѣ бумаги отобрать отъ князя Меншикова, запечатать и привезти въ Москву, или прислать съ нарочнымъ.

2) Допросить князя по даннымъ отъ совѣта пунктамъ.

3) Всѣ позитки и вещи князя Меншикова переписать и, запечатавъ, приставить карауль.

4) Отобрать отъ князя Меншикова и его сына всѣ чужестранные ордена съ лентами и звѣздами и прислать ихъ въ Москву.

5) Окончивъ порученіе, допросы, отобранныя бумаги и ордена и описи позиткамъ привезть въ Москву и представить въ верховный тайный совѣтъ.

Живя въ Раненбургѣ подъ строгимъ присмотромъ, не получая ни отъ кого писемъ, Меншиковъ ничего не зналъ объ этомъ и преспокойно предписывалъ своимъ управляющимъ высылать ему изъ деревень деньги и съѣстные припасы, вина и прочее на зиму; предписанія оставались безъ отвѣта; онъ повторялъ съ выговорами за медленность; молчаніе управляющихъ было весьма естественно. Пырскій посылалъ письма не къ управляющимъ, а въ совѣтъ. Занимаясь деревенскими дѣлами изъ-за крѣпостныхъ стѣнъ Раненбурга, Меншиковъ вѣрилъ въ указъ 10-го сентября, по которому онъ сосланъ безъ лишенія имѣній.

Странно, какъ онъ могъ заблуждаться!

Неужели онъ забылъ всѣ ссылки временъ Петра Перваго и Екатерины, съ кажими послѣдствіями были эти ссылки?

Неужели онъ надѣялся, что оставятъ при немъ несмѣтныя его богатства? Примѣры, свѣжіе для памяти, должны были разубѣдить въ этомъ.

Въ тѣ времена, при ссылкѣ кого бы то ни было, являлись сейчасъ челобитчики о пожалованіи имъ имѣнія ссылнаго за службу, за вѣрность, къ престолу. Ссылку знатнаго вельможи, и въ особенности богатаго, сторожили временщики, какъ манну Божию. Казнили Кикина и Авраама Лопухина—имѣнія разлетѣлись быстро въ руки любимцевъ; жены казненныхъ едва могли спасти свое приданое; при ссылкѣ Гагарина, Матюшвина, Шафирова, Толстого, Девьера и др., все это повторялось систематически, и самъ Меншиковъ не одинъ разъ подавалъ прошенія объ отдачѣ ему имѣнія какого нибудь ссылнаго; теперь пришла его очередь, и въ то время, какъ онъ писалъ приказы въ деревни о высылкѣ запасовъ къ нему въ Раненбургъ, совѣтъ уже распорядился его имѣніями; 23-го декабря 1727 года оберъ-кухмистеръ Іоганнъ Фельтонъ, кухмистеръ Петра Великаго, получилъ „по прошенію“ меншиковскую мызу въ Копорскомъ уѣздѣ „Лапала“. Сигналь былъ выброшенъ, за нимъ послѣдовала толпа просителей. Но объ этомъ мы скажемъ подробнѣе послѣ.

5-го января Плещеевъ съ Мельгуновымъ явились въ Раненбургъ. Съ пріѣздомъ ихъ все измѣнилось. Мельгуновъ, строгій исполнитель данныхъ ему приказаній, смѣнивъ Пырсаго, окружилъ князя и все семейство „крѣпкимъ карауломъ“; князь съ женою и сыномъ за-

ключены въ спальнѣ и къ дверямъ поставлены часовые. Княжны отдѣлены въ особую комнату, и также при часовомъ. Мельгуновъ безпокоился даже о томъ, что княжны могутъ ходить въ спальню къ отцу и говорить съ нимъ — „и намъ въ ономъ не безъ сумнѣнія“, писалъ онъ въ верховный тайный совѣтъ. Плещеевъ приступилъ къ описи движимости съ полною оффиціальною, при собраніи всѣхъ наличныхъ офицеровъ, сержантовъ и дворни. Пригласили князя и все его семейство. Въ большой столовой палатѣ, съ одной стороны, сидѣлъ князь съ семействомъ, окруженный дворецкими и людьми, сундуками и собранными изъ разныхъ комнатъ вещами; съ другой, Плещеевъ, Мельгуновъ, офицеры и солдаты. Приступили къ сундукамъ. Толпа съ жаднымъ любопытствомъ ожидала открытія несмѣтныхъ богатствъ, накопленныхъ въ теченіе 27 лѣтъ первымъ сановникомъ Россіи, любимцемъ Петра Великаго; но не золото и брилліанты были любопытны въ эту минуту, а самъ Меншиковъ: какія воспоминанія возобновлялись въ его памяти при передачѣ Плещееву алмазныхъ шпагъ, пожалованныхъ ему Петромъ, перстней, подаренныхъ Екатериною. Что происходило въ душѣ его при разлукѣ съ богатствомъ своимъ? Плещеевъ и Мельгуновъ принимали отъ князя вещи, одну за другою, и печатали ихъ своими печатами.

Два огромные сундука наполнились алмазными, брилліантовыми и золотыми вещами, два съ серебряными, девять съ богатымъ платьемъ и бѣльемъ, три съ деньгами, серебромъ и мѣдью 16 т. р. Вещи супруги Меншикова, дочерей и сына были также описаны и запечатаны; у нихъ особенно много оказалось брилліантовъ

и золотыхъ вещей. Сдѣлавъ опися всему, Плещеевъ оставилъ нѣкоторыя вещи незапечатанными для ежедневнаго употребленія. Старику Меншикову оставили три образа, кресты съ мощами, двое карманныхъ часовъ, двѣ табакерки раковинныя, двѣ пары платья суконнаго, шубу, бешметъ, соболью муфту, четыре пары сапоговъ и 22 рубашки. Все это отдано князю подъ особую росписку, на сохраненіе, какъ имущество, ему уже непринядающееся. Съ княгиней, княжнами и сыномъ Плещеевъ поступилъ благосклоннѣе: онъ оставилъ имъ на рукахъ много платья и бѣлья, а также и другихъ вещей, стараясь выбрать, что попроще, побѣднѣе; но такой выборъ былъ чрезвычайно труденъ: все почти было изъ золота, серебра съ брилліантами и другими драгоценными камнями; платья всѣ были парчевыя, штофныя, бархатныя, шитыя золотомъ и кружевами; даже юбки, чулки, колпаки, галстуки были съ золотомъ, брилліантами и жемчугомъ.

Три дня трудились Плещеевъ съ Мельгуновымъ надъ описаніемъ имущества и постоянно въ присутствіи всей меншиковской дворни.

8-го января опись найденнаго имущества была окончена *). Плещеевъ спросилъ у князя и жены его: не отдадѣли онъ кому нибудь на сохраненіе другихъ вещей своихъ. Князь и княгиня поступили добросовѣстно и объявили, что Василью Арсеньеву отдали подъ сохраненіе 500 червонныхъ, мѣшечекъ съ червонными и слитки золота; женѣ Арсеньевой: двѣ нитки бурмицкихъ зеренъ, одно зерно подъ ручкою, серьги и пер-

*) Опись эта составляетъ толстый томъ in folio.

стенъ брилліантовые; Катеринѣ Зюзиной: два складня брилліантовые, одинъ лаловый; Варварѣ Арсеневой: алмазныя запонки; княгинѣ Татьянѣ Шаховской: ящикъ съ золотыми вещами.

При подобныхъ случаяхъ всегда являются новые доносчики, которые стараются подслужиться и тѣмъ подбавляютъ еще горя несчастнымъ. Такъ и здѣсь: два служителя Меншикова, Струнинъ и Фурсовъ, поспѣшили объявить Плещееву, что не все еще объявлено Меншиковымъ и что Василию Арсеневу Меншиковъ далъ, при отъѣздѣ, на построеніе церкви 1,000 р., Варварѣ Арсеневой послалъ въ монастырь 11,000 р., а что у Шаховской въ ящикахъ золота на сто тысячъ рублей. Меншиковъ и жена его принуждены были оправдываться передъ собственными своими людьми. Подарокъ Василию Арсеневу и Варварѣ Арсеневой подтвердили, о золотѣ у Шаховской объявили, что это ложь и что золота всего въ ящикѣ тысячи на три или на четыре. Плещеевъ заставилъ Меншикова написать къ нимъ письмо о возвратѣ вещей *).

Окончивъ опись имуществу, запечатавъ сундуки, Плещеевъ отобралъ подписку отъ всѣхъ людей князя Меншикова, что болѣе нѣтъ никакого имущества у князя

*) Съ этими письмами посланы были нарочные для отобранія вещей. У Варвары Арсеневой отобрали денегъ 1,124 р., крестъ, 3 пера крупныя брилліантовыя, оцѣненныя въ 2,720 р. У Василия Арсенева отобрано 101 двойныхъ російскихъ червонныхъ, 13 иностранныхъ, медаль золотая коронаціи Петра II, одно зерно (бурмицкое) подъ ручкою съ тремя алмазными искрами, 1000 червонныхъ голландскихъ, 4 слитка золота, 2 витки, 77 бурмицкихъ зеренъ, перстень и серьги брилліантовыя.

и не отдано кому либо въ сохраненіе, и уѣхалъ 25-го января въ Петербургъ. Мельгуновъ остался караулить князя съ семействомъ, по данной ему инструкціи.

Что дѣлалъ Плещеевъ до 25-го января въ Раненбургѣ— изъ бумагъ в. т. с. не видно; вѣроятно, онъ допрашивалъ князя по пунктамъ, потому что въ журналѣ верховнаго тайнаго совѣта отъ 7-го февраля записано: слушаны донесенія Плещеева и допросныя пункты князя; но ни донесенія Плещеева, ни отвѣтовъ Меншикова не сохранилось при дѣлахъ совѣта *).

Въ то время, какъ Плещеевъ съ Мельгуновымъ вѣзжали въ Раненбургъ, члены верховнаго тайнаго совѣта выѣзжали изъ С.-Петербурга въ Москву на коронацію. Графъ Федоръ Матвѣевичъ Апраксинъ отправился прежде всѣхъ, 2-го января, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ 4-го, а графъ Головкинъ, Гаврило Ивановичъ, еще прежде, именно 26-го декабря 1727 года, въ имѣніе свое Ропшу, близъ Петербурга, для погребенія жены своей. 16-го января опять всѣ съѣхались въ Москву. Въ первое же засѣданіе совѣтъ принялся за дѣло о Меншиковѣ. Получены были донесенія Плещеева и Мельгунова объ описи имущества. Мельгуновъ, сверхъ того, просилъ усилить военный карауль, потому что по мѣстному расположенію крѣпости, наличнаго числа солдатъ было недостаточно для содержанія караула—по инструкціи. Совѣтъ не принялъ въ уваженіе представле-

*) Въ запискѣ А. Ѡ. Малиновскаго, хранящейся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, упоминается еще о допросѣ Меншикова чрезъ гвардіи поручика Степана Крюзовскаго уже въ Березовѣ. Это еще новме вопросы и о которыхъ нѣтъ никакого указанія въ дѣлахъ верховнаго тайнаго совѣта.

нія Мельгунова, а ограничился разсужденіемъ, „вмѣсто того, чтобъ въ Раненбургѣ усиливать воинскую команду, по требованію Мельгунова, лучше его, князя Меншикова, послать куда нибудь въ городъ, именно въ Вятку, или въ иной который отдаленный, и содержать при немъ караулъ не такъ великій“.

Усмаатривая же, сверхъ того, изъ донесеній Плещеева, что у князя Меншикова есть дипломы иностранные и російскіе, совѣтъ предписалъ ему отобрать ихъ и привезти въ Москву, а Мельгунову велѣно: шпаги, какъ съ него, князя Меншикова, такъ и съ сына его, снять, порохъ положить въ такое удобное мѣсто, чтобъ не было отъ него опасности; о капралахъ и солдатахъ по требованію Мельгунова „обождать еще посылать, а велѣтъ содержать караулы по указамъ и инструкціи тѣми, которые нынѣ у него въ командѣ, которыхъ по присланной отъ него табели имѣется довольное число“.

3-го февраля 1728 г. въ совѣтъ поступили членами заклятые враги Меншикова: князь Василій Лукичъ и Алексѣй Григорьевичъ Долгорукіе. При ихъ вліяніи, распоряженія совѣта, въ отношеніи Меншикова, сдѣлались гораздо рѣзче, наступательнѣе. Раненбургъ былъ, по мнѣнію Долгорукихъ, мѣсто слишкомъ близкое къ Москвѣ для ссылки князя; они внушали это молодому императору, и наконецъ, 9-го февраля, Остерманъ, возвратясь изъ императорскихъ внутреннихъ покоевъ *), объявилъ, „что его императорское величество изволили о князѣ Меншиковѣ разговаривать, чтобъ его куда нибудь послать, пожитки его взять, а оставить княжнѣ его и дѣтямъ тысячъ по десяти на cadaго да нѣсколько деревень, и приказалъ совѣту

составить объ этомъ опредѣленіе“. Казалась, судьба князя была рѣшена; но совѣтъ не очень торопился исполненіемъ приказанія императора. Въ это время всѣ заняты были предстоящею коронаціею и хлопотали о царскихъ милостяхъ. Кто знаетъ, можетъ быть, для Меншикова было бы лучше, еслибъ повелѣніе императора 9-го февраля было исполнено тогда же? Вятка, Вологда, Архангельскъ, Астрахань могли быть назначены ему мѣстомъ ссылки, а жена и дѣти избѣжали бы тѣхъ страшныхъ бѣдствій, которыя постигли ихъ при ссылкѣ въ Березовъ. 25-го февраля совершилась коронація; прошли празднества, наступилъ мартъ, и Меншикова все оставляли въ покоѣ въ Раненбургѣ. Неожиданное, ничтожное обстоятельство измѣнило въ нѣсколько дней судьбу его. 24-го марта у Спасскихъ воротъ найдено подметное письмо, запечатанное въ обертокѣ, на которой подписано было, что въ письмѣ писано о самомъ важномъ дѣлѣ. Письмо распечатали, но въ немъ никакого важнаго дѣла не явилось, оказалось, „что оно самое плутовское, наполненное всякими плутовскими и лживыми внушеніями, доброхотствуя и заступая за бывшаго князя Меншикова“. (Манифестъ 27-го марта 1728 г. „П. С. Зак.“).

Подметныя письма начали появляться въ изобиліи, преимущественно съ царствованія Петра Великаго.

Этотъ особенный способъ доноса былъ неминуемымъ послѣдствіемъ существовавшаго въ то время порядка изслѣдованія. Доносителя, или сказывающаго за собою „слово и дѣло“, брали за караулъ въ преображенскій приказъ или тайную канцелярію, собирали обвиняемыхъ,

*) Такъ сказано въ „журналѣ совѣта“, 9-го февраля.

давали очную ставку и, въ случаѣ разнорѣчія въ показаніяхъ, доносителю первому приходилось идти на пытку. Виска съ заплечнымъ мастеромъ не очень были привлекательны, и потому безымянный доносъ въ подметномъ письмѣ имѣлъ предпочтеніе. Вотъ почему въ дѣлахъ того времени встрѣчается чрезвычайно много подметныхъ писемъ. Въ іюль 1727 года, во время болѣзни Меншикова, было подкинуто въ Петербургѣ, въ сѣняхъ штатсъ-конторы письмо противъ Меншикова: его называли въ письмѣ воромъ, измѣнникомъ, проклинали его анаѳемой, сравнивали съ жидами, распявшими Христа*), но Меншиковъ былъ тогда въ силѣ, и никто не рѣшался дать какой нибудь ходъ письму; оно пролежало въ канцеляріи верховнаго тайнаго совѣта безъ помѣты, безъ резолюціи. Можетъ быть, Остерманъ передавалъ его тайкомъ Долгорукимъ, чтобъ показать государю; но это сомнительно, потому что въ письмѣ не очень хорошо отзывались о нѣмцахъ.

Теперь явилось письмо въ пользу Меншикова, и оно повредило ему болѣе, нежели то, которое было писано противъ него. Обстоятельства были другія: всякая похвала Меншикову была укоромъ его ссыли.

Долгорукіе и Остерманъ, а слѣдовательно и верховный тайный совѣтъ были убѣждены, что послѣднее письмо было писано, если не подъ диктовку князя Меншикова, то непременно по его наущенію. Это убѣжденіе передавалось всей Россіи и манифестомъ 27-го марта, въ которомъ обѣщано сочинителю, или тому, кто от-

*) „Подлинныя письма“. Оно замѣчательно по его формѣ изложенія и по содержанию.

кроетъ сочинителя, не только прощеніе, но даже значительное денежное награжденіе. Содержаніе подметнаго письма, къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ, потому что оно не сохранилось въ дѣлахъ верховнаго тайнаго совѣта. Современникъ,公爵 Лирійскій, въ запискахъ своихъ говоритъ, что въ письмѣ этомъ оправдывали князя Меншикова, восхваляли его высокій умъ и способности, и оно заключалось тѣмъ, что если не призовутъ Меншикова опять, то дѣла никогда не пойдутъ хорошо. Манштейнъ въ своихъ запискахъ пишетъ, что, сверхъ того, въ письмѣ старались возбудить въ императорѣ недовѣріе къ министрамъ и новымъ любимцамъ его. Весьма вѣроятно, что письмо было слишкомъ оскорбительно для новыхъ временщиковъ, а потому и начались строжайшія изслѣдованія. Первое подозрѣніе пало на жившую въ Москвѣ свояченицу Меншикова, Аксиныю Михайловну Колычеву. Черезъ лазутчиковъ-сыщиковъ открыли, что духовникъ царицы Евдокіи, монахъ Клеоніеъ, получилъ съ Колычевой 1,000 р. за написаніе какаго-то письма. Арестовали Клеоніеа, друга его, Саввинскаго монастыря монаха Евфимія, Аксиныю Колычеву и людей Меншикова; началось слѣдствіе въ самомъ верховномъ тайномъ совѣтѣ, и вотъ что открылось:

Колычева была въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Варварою Михайловною Арсеньевою, сестрою жены Меншикова, которая отвезена была въ Александро-Успенскій монастырь съ дороги во время переѣзда ея съ Меншиковымъ въ Раненбургъ; Варвара Михайловна жила въ монастырѣ не одна, а съ племянницею своею дѣвицею Аксиныею Вареоломеевною Арсеньевою, и при ней, сверхъ того, находилась своя собственная женская

прислуга. Игуменья содержала ее строго, и хотя запретила допускать къ Варварѣ постороннихъ, но ее посѣщали тайкомъ знакомыя и, между прочимъ, одинъ разъ жена Ивана Ивановича Бутурлина, прїѣзжавшая въ монастырь къ одной своей ближайшей родственницѣ. Варвара Михайловна постоянно хлопотала какъ нибудь освободиться изъ незаслуженной ссылки, и писала объ этомъ письма къ царевнамъ Екатеринѣ и Прасковѣ Иоанновнамъ, къ княгинѣ Татьянѣ Кирилловнѣ Голицыной, къ Балкѣ, къ Дарьѣ Матвѣевнѣ, прося ихъ покровительства и содѣйствія къ полученію свободы. Письма эти, писанныя большею частью по ея, порученію, племянницею ея, дѣвицею Акинъею Арсеньевой, она пересылала въ Москву къ сестрѣ своей Акинѣ Колычевой, поручая ей передавать ихъ лично по принадлежности. Колычева, любившая искренно сестру свою, отправлялась къ означеннымъ лицамъ, но возвращалась безъ успѣха: никто даже не принималъ отъ нея писемъ; она складывала ихъ въ сундукъ, или уничтожала. Кромѣ того, Варвара Арсеньева писала письма къ Марьѣ Михайловнѣ Ржевской, къ Ѳедосѣ Андреевнѣ Шереметевой, къ Анисѣ Кирилловнѣ Толстой, къ Аннѣ Ивановнѣ Нарышкиной и къ Марьѣ Максимовнѣ Голицыной; послѣднюю она просила похлопотать чрезъ гвардію поручика Обрескова, чтобъ верховный тайный совѣтъ назначилъ ей какое нибудь денежное содержаніе на пропитаніе. Между тѣмъ оказалось, что она не могла нуждаться въ деньгахъ, потому что вскорѣ послѣ своего прїѣзда въ монастырь она дала сестрѣ своей, Колычевой, 3,000 р. на подарки тѣмъ, кто будетъ хлопотать объ ея освобожденіи, кромѣ того подарила племянницѣ

своей 300 рублей, да людямъ своимъ, кому 20, кому 30 и даже до 100 рублей. Въ сѣстныхъ припасахъ тоже не имѣла недостатка: ей присылали все, что нужно, управляющіе изъ меншиковыхъ имѣній. Колычева, получивъ отъ сестры 3,000 рублей, была въ большомъ затрудненіи, чрезъ кого дѣйствовать. Письма Варвары и личныя просьбы къ высокимъ лицамъ остались безъ успѣха; надо было искать другую дорогу. Сосѣдка, вдова Бердиева, навела ее на эту дорогу: она подала совѣтъ хлопотать чрезъ духовника царицы Евдокіи Ѳеодоровны, монаха Клеоника, жившаго при царицѣ. Совѣтъ Бердиевой показался Колычевой очень благоразумнымъ и обѣщаль успѣхъ. Царица Евдокія Ѳеодоровна, возвращенная изъ ссылки въ Москву, жила въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Внукъ ея, императоръ, отдавалъ ей царскія почести и опредѣлялъ къ ней особый придворный штатъ, назначивъ 60,000 рублей содержанія. Снова обрзовался около царицы-инокини кружокъ преданныхъ ей людей, и всѣ вообще старались угождать бабушкѣ императора; одно слово царицы внуку своему, или Долгорукимъ, могло облегчить заточеніе Варвары, и это слово Колычева надѣялась достать чрезъ духовника Клеоника. Она отправилась къ нему и приступила прямо къ дѣлу подаркомъ лисьей шубы; а просьба Колычевой состояла въ томъ, чтобъ духовникъ упросилъ царицу принять и выслушать ее.

Лисья шуба подѣйствовала. Клеоникъ отправился къ царицѣ, но возвратился съ грустнымъ отвѣтомъ: „царица не изъявила согласія принять Колычеву“. Опять неудача! Колычева рѣшилась дѣйствовать на духовника съ другой стороны. Саввинскій монахъ Евфимій поль-

зовался довѣріемъ и дружбою Клеоника. Колычева подарила Евфимію сто рублей и просила его убѣдить духовника помочь сестрѣ ея; притомъ обѣщала, если Клеоникъ достанетъ отъ царицы письмо къ игуменьѣ объ облегченіи участи Варвары, то получить тысячу рублей. Духовникъ покусился на деньги, но сперва хотѣлъ удостовѣриться, дастъ ли Варвара обѣщанныя деньги, и потому посовѣтовалъ предварительно послать Евфимію къ Варварѣ Арсеньевой для переговоровъ. Колычева съ радостью приняла предложеніе Клеоника и, не теряя времени, въ тотъ же день прислала къ Евфимію на Саввинское подворье, гдѣ онъ жилъ, пару ямскихъ, въ саняхъ, съ довѣреннымъ проводникомъ. Евфимій, перодѣвшись въ нищенское, изорванное платье, отправился изъ Москвы. На дорогѣ свѣхалась съ нимъ вдова Бердяева; она была необходима, потому что у нея въ монастырѣ была знакомая карлица царевны Маріи Алексѣевны, которая могла провести Евфимія къ Варварѣ. Бердяева и Евфимій остановились въ Александровской слободѣ и предварительно послали проводника объявить о своемъ приѣздѣ Варварѣ Арсеньевой. Мужичекъ возвратился и передалъ приказъ Евфимію, чтобъ онъ подождалъ, когда къ Варварѣ Михайловнѣ повезутъ дрова, тогда бы онъ шелъ за тѣми возами и съ ними пройдетъ незамѣченнымъ въ ея келью. Такъ и сдѣлано. Евфимій передалъ Варварѣ Михайловнѣ порученія сестры и обнадежилъ, что Клеоникъ будетъ хлопотать за нее. Варвара уже не надѣялась получить полной свободы, а умоляла объ одномъ, чтобъ Клеоникъ ходатайствовалъ за нее предъ царицею „имѣть хоть какую малую свободу“. Что же касается до вознагражденія, то подарила Евфи-

мию сто рублей и передала ему двѣсти рублей для Клеоника, извиняясь, что у нея теперь денегъ больше нѣтъ, а остальные отдастъ имъ въ Москвѣ сестра ея, Колычева. Евфимій воротился въ слободу и нашелъ свою спутницу вдову Бердяеву въ слезахъ. Она пробовала пробраться въ монастырь, но ее не только туда не впустили, а еще продержали довольно долго подъ карауломъ.

Клеоникъ не совсѣмъ остался доволенъ этими предварительными переговорами; онъ получилъ только 200 рублей и требовалъ остальныхъ. Колычева, съ своей стороны, просила его, по крайней мѣрѣ, достать отъ царицы письмо къ игуменъѣ Александровскаго монастыря, „чтобъ сестрѣ ея изъ того монастыря свободный выѣздъ былъ и къ ней чтобъ можно было кому прѣхать или какого запаса прислать“. Клеоникъ отвѣчалъ, „что если онъ время сыщеть, то о томъ ея величеству предстательствовать будетъ, только не вскорѣ“. Время шло и Колычева денегъ не давала. Клеоникъ рѣшился, наконецъ, отъ себя написать игуменъѣ и продиктовалъ письмо Евфимію въ такомъ смыслѣ, чтобъ игуменья, по просьбамъ Барвары Арсеневой, оказывала ей милость, за что обѣщала ей служить. Письмо чрезъ Евфимія передано Колычевой и съ Бердяевою отправлено въ монастырь. Колычева поручила ей доставить письмо въ руки игуменъѣ; но Бердяевою суждены были неудачи; она не могла исполнить этого порученія: ее не впустили въ монастырь, а приняли письмо въ монастырскихъ воротахъ и при этомъ старица и монастырскія сестры бранили ее и называли „непостоянницею“. За письмо къ игуменъѣ Клеоникъ получилъ остальные деньги, а Евфимію Колычева подарила еще 100 рублей.

Въ этомъ положеніи дѣла застало ихъ слѣдствіе верховнаго тайнаго совѣта. Открытіе сношеній Варвары съ духовникомъ царицы, стараніе ея освободиться изъ заточенія—имѣли нѣкоторую важность для совѣта, но въ настоящую минуту обстоятельство это было второстепенное; нужно было открыть, кто сочинилъ подметное письмо, кто подкинулъ его, кто принималъ такое участіе въ Меншиковѣ и хлопоталъ за него. Не было ли тайной партіи, которая подметнымъ письмомъ открывала свои дѣйствія въ пользу страшнаго временщика, и затѣмъ готовилась возвратить его къ прежнему значенію.

До сихъ поръ слѣдствіе шло тихо; спрашивали и записывали допросы безъ угрозъ, безъ розыску; о подметномъ письмѣ не было и помину. Совѣтъ рѣшился наконецъ приступить къ дѣлу и, призвавъ Колычеву въ присутствіе, спрашивалъ ее: „не слыхала ли она отъ сестры Варвары, что надо о Меншиковѣ просить письмомъ, или подкинуть его. Изъ свойственниковъ, изъ родственниковъ, изъ людей Меншикова, не говорилъ-ли кто изъ нихъ, что надо въ пользу Меншикова подкинуть письмо? Подумай, вспомни: это допросъ тебѣ послѣдній: будешь сказывать да не во время, для того, что другія на тебя показываютъ“. Колычева на всѣ эти вопросы отвѣчала: „о подметномъ письмѣ ни отъ кого не слыхала и никакихъ разговоровъ не имѣла“. Отвѣтъ не удовлетворялъ ожиданіямъ совѣта. Рѣшили пострадать бѣдную вдову пыткой. Акинью привели въ застѣнокъ и спрашивали „прежде съ увѣщаніемъ, потомъ съ пристрастіемъ, чтобы явила всю истину о подметномъ письмѣ, понеже изъ всѣхъ ея поступковъ яв-

ляется подозрительна; и потомъ ставлена въ ремень и владены руки въ хомутъ“. Но Колычева не испугалась грозившихъ ей истязаній и съ твердостью объявила: „про подметное письмо не знаетъ и ни отъ кого не слыхала, и про сообщенія къ тому ни про кого не вѣдаетъ“. Нечего было дѣлать, открытіе сочинителя подметнаго письма чрезъ Колычеву было безнадежно. Ее выпустили изъ хомута и обратились къ Евфимію; онъ уже былъ разстриженъ и назывался Ефремъ. Его вздернули на виску и дали тринадцать ударовъ — все напрасно: Ефремъ объявилъ, что о подметномъ письмѣ не знаетъ и ни отъ кого не слыхалъ. Оставалось допросить вдову Бердяеву. Она на этотъ разъ отдѣлалась счастливо: ее не пытали, а ограничились допросомъ: „По твоимъ необъявленіямъ и разнымъ сказкамъ доходить до того, что уже тебѣ кровь свою проливать; того ради объяви, подлинно знаешь-ли ты про подметное письмо, кто оно подкинулъ, или ты, бываючи у Аксиньи Колычевой, слыхала отъ кого, что хотѣли такое письмо подкинуть — скажи о томъ подлинно; тако-жь, будучи въ монастырѣ, отъ Варвары Арсеньевой или отъ чернеца не слыхала-ль про такое подметное письмо. Скажи, не проливай своей крови“. Бердяева отвѣчала то же, что и Колычева; Бердяеву отпустили на свободу.

Наконецъ совѣтъ рѣшился допросить всѣхъ людей Меншикова, жившихъ въ московскихъ его домахъ. Вотъ ихъ допросъ, каждому порознь: „Найважнѣе всего, вѣдаешь ты, какой указъ Его Императорскаго Величества публикованъ о подметномъ письмѣ и какая въ немъ милость тѣмъ общана, кто о томъ объявитъ и самъ явится; а слѣдъ есть въ тому, что то письмо ты съ

другими сочинялъ, писалъ и подкидывалъ: надлежитъ тебѣ, не допуская до рыску, объявить подлинно, съ кѣмъ ты сочинялъ; и если ты къ тому не причастенъ, то кто другой, вѣдаешь ли, и не утайвай никого“. Всѣ показали одно и то же, что о подметномъ письмѣ ничего не слыхали и не знаютъ.

Такимъ образомъ, указъ 27-го марта 1728 года, въ которомъ такъ жестоко и положительно обвиненъ Меншиковъ, не имѣлъ вѣрнаго основанія, такъ же, какъ рассказы, повторенные впоследствии во всѣхъ сочиненіяхъ, что будто письмо это было написано духовникомъ царицы, за что онъ былъ наказанъ. На дѣлѣ же выходитъ, что духовникъ Клеоникъ согрѣшилъ только въ принятіи благодарности 1,000 рублей отъ Колычевой за письмо къ игуменѣ Александровскаго Успенскаго монастыря, объ оказаніи ея покровительства свояченицѣ Меншикова, Варварѣ Арсеневой*).

Итакъ, авторъ подметнаго письма остался неизвѣ-

*) Изъ указа верховнаго тайнаго совѣта 28-го мая видно, что Колычеву рѣшили послать въ дальнюю деревню неисходно, „деньги 3,000 рублей у нея взять и кому роздала взять“; Колычева отвезена въ деревню 28-го октября. Евфимія сослали въ Каменный монастырь неисходно въ работу, а деньги, данныя ему Колычевой, отобрать. Духовника послали въ Кирилловъ монастырь, въ братствѣ быть неисходно, а деньги, данныя ему, отобрать; людей Меншикова освободить. Июля 5-го данъ другой указъ сенату: Клеоника отослать въ Благовѣщенскій монастырь въ Нижній-Новгородъ, а іюля 2-го, вмѣсто Благовѣщенскаго монастыря, вѣроятно, уже по просьбѣ царицы, Клеоника послали въ Троицко-Сергіевскій монастырь. Изъ дѣлѣ преображенской канцеляріи видно, что во время кончины царицы Евдокіи Теодоровны, 27-го августа 1731 г., Клеоникъ былъ опять ея духовникомъ и уже архимандритомъ московскаго Андроніева монастыря. (Моск. архивъ мин. юст., дѣла преобр. канцеляріи).

стенъ; но оно рѣшило окончательно положеніе Меншикова. До сихъ поръ онъ жилъ въ Раненбургѣ смирно, не беспокоилъ совѣта и не предпринималъ никакихъ мѣръ къ своему оправданію или освобожденію. Совѣтъ былъ доволенъ этою покорностью и, вѣроятно, какъ замѣчаетъ дюкъ де-Лирій, Меншикова оставили бы спокойно жить въ Раненбургѣ; но подметное письмо встревожило и оскорбило Долгорукихъ и Остермана, а обнаруженные при слѣдствіи о письмѣ интриги Варвары Арсеневой изъ-за монастырскихъ стѣнъ чрезъ царицу и другихъ важныхъ лицъ, заставили поспѣшить отправкою Меншикова и Варвары куда нибудь подалѣе, и въ такое мѣсто, откуда ихъ происки и просьбы не могли быть опасными. Изъ журнала верховнаго тайнаго совѣта видно, что еще 28-го марта, на другой день манифеста о подметномъ письмѣ, тайный совѣтникъ Василій Степановъ отвозилъ Остерману указъ, написанный вратцѣмъ о Меншиковѣ и фамиліи его, „чтобъ оный у его императорскаго величества подписать“. Остерманъ отвѣчалъ Степанову, что „указъ у его императорскаго величества можетъ быть подписанъ послѣ, а чтобъ изволили пространно-сочиненный о томъ протоколъ подписать“.

Это понятно: допросы Колычевой, Клеоника, Евфімія и людей Меншикова еще не были окончены, а Остерманъ надѣялся открыть участіе Меншикова въ подкинутіи письма; но ожиданія его не исполнились: допросы, угрозы, наконецъ, самая пытка ничего не обнаружили, и 8-го апрѣля подписанъ императоромъ указъ о ссылке князя Меншикова съ женою, сыномъ и дочерьми въ Березовъ; имущество велѣно все отобрать; прислуги дозволено имъ взять съ собою мужскаго и

женскаго пола десять человекъ; дать ему въ пристава гвардіи поручика Степана Крюковскаго, находившагося въ это время въ Раненбургѣ съ Мельгуновымъ, и для провожанія его въ дорогѣ до Тобольска назначено 20 солдатъ изъ отставныхъ преображенскаго баталіона, находившихся въ Раненбургѣ. „Ѣхать изъ Раненбурга водою до Казани, и до Соликамской, а оттуда до Тобольска; сдать Меншикова съ семействомъ губернатору, а ему отправить ихъ съ добрымъ офицеромъ и солдатами въ Березовъ. Какъ въ дорогѣ, такъ и въ Березовѣ имѣть крѣпкое смотрѣніе, чтобъ ни онъ никуда и ни къ нему никакихъ писемъ и никакой переделки ни съ кѣмъ не имѣлъ; а ежели бы какія письма отъ кого явились и тѣ брать караульному офицеру къ себѣ и присланныхъ къ нему и отъ него посланныхъ держать за карауломъ, и о томъ писать въ верховный тайный совѣтъ безъ замедленія“. На содержаніе Меншикова съ семействомъ назначено по 4 рубля въ день, а служителямъ всѣмъ по 6 руб., всего по 10 рублей изъ тамошнихъ сибирскихъ доходовъ. На дорожные расходы отъ Раненбурга до Березова назначено 1,000 рублей. „Варвару Арсеньеву послать въ Бѣлозерскій уѣздъ, въ Горскій Дѣвичій монастырь, и тамъ ее постричь при унтеръ-офицерѣ, который ее повезетъ въ тотъ монастырь“; содержанія назначено ей по полуполтинѣ въ день, и „велѣтъ ей тамъ потому же быть несходно, а игуменьѣ смотрѣть за нею, чтобъ никто ни къ ней, ни отъ нея не ходилъ и писемъ она не писала“*). Раненбургъ велѣно отписать на государя, и Мель-

*.) 18-го мая посланъ былъ въ Александровскій монастырь унтеръ-офицеръ Веревкинъ съ приказаніемъ взять оттуда Варвару Ар-

гунову поручено сдѣлать этому имѣнію опись и приставить управителей, по своему усмотрѣнію, изъ людей Меншикова.

Такъ кончилось политическое поприще этого необыкновеннаго человѣка, знаменитаго сотрудника Петра Великаго. Не государственныя преступленія, не страшныя лихоимства и самоуправства, въ которыхъ обвиняла его толпа, рѣшили судьбу его такъ жестоко и безвозвратно, а подметное письмо, брошенное кѣмъ-то въ Спасскимъ воротамъ, можетъ быть, человѣкомъ даже незнакомымъ Меншикову.

8-го апрѣля 1728 г., съ подписаніемъ указа о ссылке Меншикова въ Березовъ, отправлены предписанія въ Тобольскъ.

Крюковской выѣхалъ съ ссылкой изъ Раненбурга 16-го апрѣля, во вторникъ на страстной недѣлѣ.

Бывшій другъ Петра Великаго, первый сановникъ Россіи, владѣвшій такъ недавно милліонами, выѣзжалъ изъ Раненбурга, лишенный всѣхъ почестей и богатствъ, въ рогожной кибиткѣ; возлѣ него, несчастная, невинная жертва, вѣрная спутница его жизни, добродѣтельная княгиня Дарья Михайловна; она уже не видала,

сеньеву и отвезти въ Горскій монастырь; 29-го мая при Веревкинѣ Варвара въ Горскомъ монастырѣ пострижена іеромонахомъ Теофаномъ Талужкимъ и наречена Варсонофьею; архимандриту Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря предписано было смотрѣть за нею: „чтобъ никто ни къ ней, ни отъ нея не ходилъ и писемъ она не писала“. Варвара помѣщена въ келью неисходно и къ ней, для наставленія монашескаго чина, приставлена начальная ея мать, монахиня Аванасія, а для присмотра четыре монахини. (Изъ донесенія архимандрита Ирнарха и воеводы Бѣлозерской провинціи князя Вяземскаго).

что происходило вокруг нея; слезы лишили ее зрѣнія. На другой телѣгѣ везли четырнадцати-лѣтняго сына ихъ, бывшаго кавалера св. Андрея и камергера императорскаго двора. За ними ѣхали вмѣстѣ бѣдныя княжны Марія и Александра. Семь мѣсяцевъ назадъ, въ царскихъ покояхъ, въ золотѣ и брилліантахъ, окруженныя толпою придворныхъ, теперь на большой рязанской дорогѣ въ кибиткахъ между солдатами!

При отправленіи изъ Раненбурга верховный тайный совѣтъ приготовилъ несчастнымъ еще одно мелочное, постыдное истязаніе. Не успѣли ссыльные отѣхать 8 верстъ отъ Раненбурга, какъ Мельгуновъ нагналъ ихъ съ военною командою и со всею княжескою дворнею.

Поѣздъ остановился. Мельгуновъ приказалъ выдти всѣмъ изъ повозокъ, а солдатамъ и дворнѣ выбрасывать на дорогу всѣ пожитки ссыльныхъ. Никто не понималъ, въ чемъ дѣло. Скоро объяснилось: нужно было проверить, не увезли ли они съ собою чего нибудь лишняго и непоказаннаго въ описи, составленной Плещеевымъ.

Этотъ внезапный осмотръ на дорогѣ былъ предписанъ Мельгунову верховнымъ тайнымъ совѣтомъ. Онъ съ жестокостью исполнилъ это порученіе. У старика Меншикова нашелся лишнимъ противъ описи изношенный плафрокъ, подбитый бѣличьимъ мѣхомъ, три гребня черепаховые, чулки касторовые ношенные, два волпака бумажные, кошелекъ съ 59 коп., чулки замшевые, двѣ пары нитяныхъ чулокъ, четыре простыя скатерти. Меншикову оставлено только то, что было на немъ, даже не дано другой рубашки. Онъ поѣхалъ въ черномъ суконномъ кафтанѣ, сверху зеленый плафрокъ, подбитый бѣличьимъ мѣхомъ, въ теплыхъ, красныхъ суконныхъ

рукавицахъ, въ бархатной собольей шапкѣ; три подушки пуховыя и простыня составляли все оставленное ему имущество. Княгиня Дарья Михайловна взяла съ собою въ запасъ: соболи на шею ношенныя, подложенныя бархатомъ, старый, камчатный, лазоревый шлафрокъ, два чепца: тафтяной и атласный бѣлый, рубашку съ манжетами. Мельгуновъ не пощадилъ бѣдную большую страдалицу. Штофная лазоревая на лисьемъ мѣху епанечка дана ей вмѣсто шубы: остались на княгинѣ зеленый байберековый подшляфрокъ, юбка штофная черная и канифасовый корсетъ. Юноша князь Александръ набралъ съ собою въ Березовъ много лишняго, запаснаго платья, чулокъ, колпаковъ и разныя мелкія вещицы, какъ-то: инструменты мѣдныя инженерныя, зеркальцо, три гребня, три жестянки съ табакомъ—и для ребенка не было состраданья: все взяли, даже и сбереженный имъ мѣшечекъ съ полупшканы на два рубля. Въ суконномъ зеленомъ кафтанѣ, съ пуховою шляпою на головѣ, обернутый въ шубу изъ мерлушекъ, князь Александръ сѣлъ въ повозку и смотрѣлъ, какъ стали обирать сестеръ его.

Княжны Марія и Александра, отправляясь въ далекій, пустынный, ледяной Березовъ, запаслись на дорогу теплыми епанечками, шапочками, юбками и чулками; для женскихъ работъ своихъ, уложили въ сундучекъ: шелку, лентъ, коробочку съ нитками, лоскутки разныхъ матерій, позументу. Напрасно хлопотали бѣдныя: Мельгуновъ въ точности исполнилъ указъ верховнаго тайнаго совѣта: ленточки, лоскутки, нитки и прочее оказались излишними противъ описей Плещеева: онъ отнял ихъ. На княжнѣ Маріи остались тафтяная зе-

лениа юбка, штофный черныа кафтанъ и бѣлыа корсетъ, на головѣ атласныа бѣлыа чепчикъ; на зимнее время шуба тафтяная, зеленая. Княжна Александра ѣхала въ зеленой тафтяной юбкѣ, сверху бѣлыа штофныа подшляфрокъ и зеленая тафтяная шуба; на головѣ бѣлыа атласныа чепецъ. Изъ посуды съ ссыльными отпустили: мѣдной двѣ лопатки, одинъ котель съ крышкою, три вострюльки; оловянныхъ 12 блюду, 12 тарелокъ, три триноги желѣзныа, ни одного ножа, ни ложки, ни вилки.

Праздникъ св. Пасхи, 21-го апрѣля, ссыльные встрѣтили въ Переяславль-Рязанскомъ и отсюда на другой же день, 22-го числа, на судахъ отправились водою до Соликамска. 2-го мая приплыли въ Муромъ (рапортъ Крюковскаго въ верховный тайныа совѣтъ), 5-го мая въ Нижнй Новгородъ; отсюда Крюковской доносилъ, что 6-го числа, выѣзжая изъ Нижняго Новгорода, князь и семейство его въ добромъ состоянйи; но это была только форменная фраза рапорта: семейство Меншикова было уже не въ добромъ состоянйи; 10-го мая караванъ ссыльныхъ, причаливъ къ Услону, въ 12-ти верстахъ отъ Казани, принужденъ былъ остановиться: несчастная княгиня Дарья Михайловна не могла ѣхать дальше. Больною вывезли ее изъ Раненбурга; ѣзда на телѣгѣ, безъ шубы, скудная арестантская пища, отсутствйе медицинскаго пособйа привели ее къ смерти. Любимица Петра и Еватерины скончалась въ крестьянской избѣ, какъ праведница, на рукахъ семейства своего, окруженная солдатами. Ее похоронили въ селѣ Услонѣ, возлѣ сельской церкви. Верховный тайныа совѣтъ, получивъ объ этомъ донесенйе, 28-го юня, предписалъ Крюковскому: по случаю смерти

княгини, выдать Меншикову опредѣленныя ей кормовыя деньги за годъ впередъ. Супругу и дѣтямъ дали бросить послѣднюю горсть земли въ могилу жены и матери, а 11-го повезли далѣе, вверхъ по р. Камѣ. 18-го мая приплыли въ Лаишевъ, 5-го іюня въ дворцовое село Саранпуль, 24-го іюня въ Соликамскъ и отсюда 25-го отправились сухимъ путемъ.

Въ Tobольскѣ уже знали о ссылке Меншикова; жители каждый день собирались на берега Иртыша, спрашивая приѣзжихъ: „скоро ли онъ будетъ? Не его ли везутъ?“ *) Наконецъ 15-го іюля барки съ знаменитыми ссыльными причалили къ берегу. Толпа окружила его и комки грязи полетѣли въ сына и дочерей Меншикова. „Въ меня бросайте!“ сказалъ Меншиковъ, „пускай мщеніе обнаруживается на одномъ мнѣ, но оставьте въ покоѣ бѣдныхъ, невинныхъ дѣтей моихъ“. (Бантышъ-Каменскій. Словарь достоп. люд., стр. 412). Окруженный солдатами, Меншиковъ приведенъ былъ къ сибирскому губернатору, князю Михаилу Владиміровичу Долгорукову. Какъ тяжела была Меншикову встрѣча съ Долгорукиимъ, личнымъ врагомъ своимъ! Судьба привела теперь его подъ власть тому, кого онъ такъ постоянно преслѣдовалъ въ царствованіе Петра и едва не погубилъ во время слѣдствія надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Самое назначеніе Долгорукова въ Tobольскъ губернаторомъ было нѣкоторымъ образомъ ссылка, удаленіе отъ двора, по распоряженію Меншикова. Сохранилъ ли Долгорукий при этой встрѣчѣ то безмолвное уваженіе къ несчастью, которое невольно овладѣваетъ при видѣ чловѣка, пад-

*) Бантышъ-Каменскій. Словарь.

шаго съ такого страшнаго величія? Онъ велѣлъ отвести ссыльныхъ въ тюрьму — вотъ все, что мы знаемъ.

Въ Tobольскѣ дали ссыльнымъ два дня отдыха, и 17-го іюля отправили въ Березовъ съ капитаномъ сибирскаго гарнизона Миклашевскимъ, двумя урядниками и двадцатью солдатами *).

На берегу р. Сосвы, въ двадцати верстахъ отъ впаденія ея въ Обь, среди болотъ и лѣсовъ расположенъ небольшой городъ Березовъ, построенный, въ 1593 г., воеводою Никифоромъ Траханіотовымъ. Еще съ 1660 г. Березовъ, отдаленный слишеомъ на 3,000 верстъ отъ Москвы, былъ уже пунктомъ ссылки государственныхъ преступниковъ. Въ этомъ году бояринъ князь Дмитрій Ромодановскій посланъ былъ на житье въ Березовъ; но, пробывъ здѣсь не долго, отвезенъ въ Соловецкій монастырь, подъ начало. Не одно удаленіе отъ людей служило наказаніемъ для посылаемыхъ въ этотъ край; климатъ березовскій увеличивалъ страданія. Лѣтомъ, при 27° жары, болотистыя испаренія поднимаются надъ городомъ, и солнце краснымъ ядромъ багрово свѣтитъ надъ пустыннымъ мѣстомъ. Душно и тяжело дышать. Въ половинѣ августа температура падаетъ до 7°, а въ декабрѣ, январѣ и февралѣ морозы доходятъ до 45°, ртуть въ термометрѣ свертывается и лежитъ по нѣскольку дней безъ дѣйствія; иногда морозъ и копотъ въ дынной избѣ захватываютъ дыханіе человѣка, а при выходѣ на чистый воздухъ, выдыхаемый паръ превращается мгновенно въ иней, стекла въ окнахъ лопаются, стѣны домовъ шелкаютъ, ледъ и земля растрескиваются. Теперь, по по-

*) Донесеніе Долгорукаго изъ Tobольска.

казаніямъ старожиловъ, климатъ улучшился; но, въ то время, въ семисотыхъ годахъ, лошади и коровы въ Березовѣ не проживали больше года". (Тобольск. Губ. Вѣд.). Въ эту ледяную пустыню привезли Меншикова съ семействомъ и помѣстили въ острогъ, построенный въ 1724 году для государственныхъ преступниковъ. Этотъ острогъ находился въ 20-ти саженьяхъ на западъ отъ нынѣшней каменной Богородице-Рождественской церкви. По близости его Меншиковъ построилъ деревянную церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы съ придѣломъ св. Іліи пророка. Онъ работалъ съ плотниками самъ, своими руками копалъ землю, рубилъ бревна и устраивалъ внутреннія украшенія. Въ эту церковь ходилъ князь съ дѣтьми своими, звонилъ въ колоколъ, исправлялъ должность дьячка, пѣлъ на клиросѣ и, по окончаніи богослуженія, бесѣдовалъ съ жителями города. Возвращаясь домой, онъ заставлялъ дѣтей читать священныя книги или диктовалъ имъ замѣчательныя происшествія своей жизни. Драгоцѣнная рукопись не дошла до насъ. Березовскій мѣщанинъ Матвѣй Бажановъ, умершій въ 1727 г., на 107 году отъ рожденія, часто заставлялъ семейство Меншикова въ этихъ занятіяхъ и рассказывалъ объ этомъ дочери своей, умершей въ Обдорскѣ въ 1833 г. въ маститой старости; отъ нея слышалъ объ этомъ бывшій въ Березовѣ исправникъ Скорняковъ и передалъ Баятышъ-Каменскому, бывшему тобольскому губернатору. Меншиковъ любилъ бесѣдовать съ Бажановымъ и, между прочимъ, признавался ему, что „смерть въ ссылкѣ не была ему страшна, между тѣмъ, какъ на высотѣ величія онъ боялся ея". (Баятышъ-Каменскій).

Въ смірненіи, трудахъ и молитвѣ проводилъ знамени-

тый изгнанникъ остальные дни свои, и 12-го ноября 1729 года, 56 лѣтъ отъ роду *), скончался на рукахъ дѣтей своихъ. Тобольская губернская канцелярія, получивъ объ этомъ увѣдомленіе капитана Миклашевскаго, 25-го ноября донесла верховному тайному совѣту. Меншиковъ былъ похороненъ близъ алтаря построенной имъ церкви, и надъ могилою его устроена была часовня, куда сироты, его дѣти, собирались молиться объ упокоеніи души его. Имъ было позволено жить внѣ острога, въ домикѣ, построенномъ ихъ отцомъ, и ходить по городу, но караулъ за ними не былъ отмѣненъ и имъ было запрещено вести съ кѣмъ бы то ни было переписку. (Тоб. Губ. Вѣд. 1856 г.).

26-го декабря 1728 года скончалась въ Березовѣ старшая его дочь, Марія, бывшая невѣста императора **) (донесеніе тобольск. губерн. канцеляріи, отъ 13-го января 1730 года). Княжна Марія родилась 26-го декабря 1711 года и отличалась своею красотой; десяти лѣтъ она была уже невѣстою сына старосты бобруйскаго, Яна Сапеги, графа Петра. 13-го февраля 1726 г., императрица Екатерина присутствовала со всею императорскою фамиліею на сговорѣ 15-ти-лѣтней княжны. Обрядъ обрученія совершалъ архіепископъ Теофанъ Прокоповичъ, 5-го апрѣля 1727 года. За мѣсяць до кончины, Екатерина пожаловала княжнѣ Маріи портретъ

*) Меншиковъ родился 5-го ноября 1674 г. Бергманъ.

**) До сихъ поръ во всѣхъ сочиненіяхъ показано, что княжна Марія скончалась прежде Меншикова, и по этому случаю рассказываютъ цѣлый эпизодъ о послѣднихъ минутахъ княжны, повторенный въ словарѣ Бантышъ-Каменскаго и въ другихъ сочиненіяхъ.

свой, осыпанный бриллиантами. Свадьба была отстро-чена и не состоялась. Императрица, 6-го мая 1727 г., скончалась и въ завѣщаніи своемъ объявила волю, чтобъ одну изъ дочерей князя Меншикова соединить бракомъ съ императоромъ Петромъ II. Меншиковъ уничтожилъ контрактъ о бракѣ съ Сапегою, и 25-го мая 1727 года Теофанъ Прокоповичъ благословлялъ обру-ченіе Маріи съ императоромъ. Княжнѣ данъ титулъ ея высочества, обрученной невѣсты и на-значенъ при ней особенный штатъ: гофмейстеромъ Ва-силій Михайловичъ Арсеньевъ, родной дядя ея, братъ Дарьи Михайловны, жены Меншикова, оберъ-гофмей-стериной Варвара Михайловна Арсеньева, сестра жены Меншикова; камергеры: князь Алексѣй Дмитриевичъ Голицынъ, камеръ-юнкеры: Алексѣй Гастъ, Семень Нарышкинъ, Юрій Ливенъ; гофъ-юнкеры: князь Ѳеодоръ Голицынъ, князь Алексѣй Голицынъ, Василий Дурной, камеръ-пажъ Кошелевъ; пажи: Александръ Арсеньевъ, князь Александръ Волконскій, Иванъ Самаринъ, статсъ-фрейлина Анна Алексѣевна Нарышкина. На содержа-ніе ея двора назначено 30 т. рублей, между тѣмъ какъ на дворы царевенъ Натальи Алексѣевны и Ели-саветы Петровны назначено было по 32 т. Княжна Марія и Петръ не любили другъ друга и, слѣдуя за отцомъ въ ссылку въ Раненбургъ, Марія утѣшалась, можетъ быть, тѣмъ, что избавилась отъ насильствен-наго замужества. Она любила Сапегу, но его заста-вили жениться на Скавронской. Нѣжная, чувствитель-ная Марія не перенесла потери матери и отца и же-стокаго березовскаго влимата.

За десять дней до кончины своей Петръ II вспо-

нилъ о бывшей невѣстѣ своей. Молодое сердце императора пожалѣло безвинно за отца пострадавшихъ дѣтей, и онъ отдалъ чрезъ Остермана приказаніе верховному тайному совѣту освободить изъ ссылки дѣтей князя Меншикова съ позволеніемъ жить, не вѣзжая въ Москву, въ деревнѣ дяди ихъ, Василія Арсеньева, „и дать имъ на прокормленіе по 100 дворовъ, приславъ изъ нижегородскихъ меншиковыхъ деревень, а сына написать въ полкъ и отдать для обученія доброму офицеру“ *). Еслибы это приказаніе и было исполнено, то милость царская для Маріи была уже бесполезна: воля умиравшаго императора была исполнена только при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, въ іюль 1730 г., послѣ удаленія Долгорукихъ. (Мин. юстиц. архивъ, каб. дѣла).

Послѣ ссылки Меншикова въ Березовъ, богатство и имѣніе его были конфискованы. Драгоценныя вещи, платье отданы въ мастерскую палату**), деньги, найденныя въ московскомъ его домѣ въ Мясницкой 72,570 р. 41 к. и 2 талера поступили въ рентерею***), деньги, привезенныя изъ Рененбурга Мельгуновымъ поступили къ надворному интенданту Мошкову на дворцовые расходы. Двѣсти лавокъ въ Москвѣ, бани

*) Журн. верховн. тайн. сов. 9-го января 1730 г.

**) Для любопытства прилагаемъ опись бриллиантовыхъ вещамъ Меншикова и его семейства.

***) Эти деньги израсходованы слѣдующимъ образомъ: 20,000 отданы царицѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ, 5,000 въ дворцовую канцелярію; 47,507 р. 41 к. употреблены на чрезвычайныя расходы по коронаціи, и 2 талера отосланы для передѣлки въ монетную контору.

и дома отданы въ вѣдомство камеръ-коллегіи. Изъ домовъ его особенно замѣчательный былъ слободской домъ, въ которомъ всѣ комнаты были обиты китайскими штофными обоями, мебель вся китайская, комнаты съ бронзою и зеркалами огромнаго размѣра; въ погребѣ найдено 75 бочекъ простого вина *). Во всѣхъ деревенскихъ домахъ комнаты были обиты штофомъ, бархатомъ и вызолоченною кожею. Во вкусѣ князя замѣчательно было пристрастіе къ красному цвѣту: всѣ гардеробныя вещи были краснаго цвѣта, обойка экипажей была красная, а двери во всѣхъ домахъ были обиты краснымъ суеномъ, не взирая на цвѣтъ штофной и бархатной обойки; дома князя на Яузѣ и на Хопиловкѣ отданы въ вѣдомство дворцовой канцеляріи; домъ на Мясницкой улицѣ, близъ церкви Архангела Гавриила, отданъ 31-го мая 1728 г. царевнѣ Прасковѣ Иоанновнѣ, домъ у Боровицкаго моста — царевнѣ Екатеринѣ Иоанновнѣ. Кареты и лошади были отданы царицѣ Евдокии. Дома и сады въ С.-Петербургѣ, пильныя мельницы отданы подъ вѣдѣніе канцеляріи отъ строеній **).

*) Мебель и всѣ вещи изъ слободскаго дома были переданы частью въ слободскій императорскій дворецъ, а частью царевнамъ Екатеринѣ и Прасковѣ Иоанновнамъ.

**) Дома въ Петербургѣ и окрестностяхъ его: на Васильевскомъ Острову большой домъ; на Адмиралтейскомъ Острову, близъ церкви Исаакія Далмацкаго, мазанка; скотный деревянный домъ на Преображенскомъ Острову съ садомъ, мучная мельница и деревянный домъ на берегу р. Невы; домъ на Преображенскомъ Острову, на взморьѣ на прешпективѣ; домъ на Крестовскомъ Острову, домъ на Адмиралтейскомъ Острову, бывший Девіера, домъ, купленный у Чернышева; домъ въ Ораніенбаумѣ; домъ въ Фаворитѣ; домъ въ Монъ-Куражѣ; домъ въ Иржевской и Чернышевской да-

Недвижимыя имѣнія князя, кромѣ малороссійскихъ, какъ-то: Батурина *), Почепа и др., и польскихъ и ижорскихъ земель, расположены были въ 36 великороссійскихъ уѣздахъ. По количеству земли, въ нихъ находилось 152,356 четвертей одной только пахатной земли. Число лѣсныхъ угодій и сѣнокосовъ не было приведено въ извѣстность, но, вѣроятно, также не мало, потому что въ Казани у него было 53 т. десятинъ и въ Клинскомъ уѣздѣ въ дворцовомъ селѣ Копятовѣ (пожалованы Петромъ еще въ 1700 г.), считалось лѣсу длиннику 40 верстъ, поперечнику 30 верстъ. Всѣ имѣнія, пожалованныя Меншикову изъ дворцовыхъ волостей, купленныя имъ, или приобрѣтенныя другимъ образомъ, взяты ко дворцу, малороссійскія, лифляндскія и эстляндскія — въ казну; монастырскія, отданныя въ оброкъ Меншикову, возвращены монастырямъ. По существовавшему тогда обыкновенію, тотчасъ по ссылкѣ Меншикова явились челобитчики „объ отдачѣ имъ за вѣрную службу изъ имѣнья князя. Первый, какъ мы видѣли, получилъ кукхистеръ Петра I Фельтенъ мызу „Лопалу“, 5-го января 1728 года. Пожалованы камеръ - юнкеру Федоту Каменскому меншиковская деревня въ Орловскомъ уѣздѣ, село Андроново, сельцо Звягинцево, деревня Хмѣлевы-Верхи, село Горки и деревня Мѣшково; въ Карачевскомъ уѣздѣ деревня Анненково; потомъ генералу

чахъ; домъ въ Нарвѣ; домъ въ Ямбургѣ; домъ въ Копорьѣ, домъ на Ижорѣ.

*) Въ Малороссіи князь имѣлъ 4 города, 88 селъ, 99 деревень, 14 слободъ, 1 волость. Рыбныхъ ловель 87. Въ Ингерманландіи у князя было 16 мызъ, 98 деревень и 50 пустошей. Въ Копорьѣ 4 мызы и 14 пустошей. Дѣла верховн. тайн. сов.

Левашеву въ Сибирскомъ уѣздѣ Ново-Александровская слобода; царицѣ Евдокии пожаловано село Рождественское. Мастеру де-гардеробу Петру Бему село Городня. Степану Лопухину отдана въ Московскомъ уѣздѣ Гуслицкая волость. Пожалованія продолжались во все время царствованія Петра II.

Такъ разрушились страшное могущество и страшныя богатства сильнаго временщика Петра Великаго! Арестъ и ссылка его въ Раненбургъ, безъ всякаго суда, были послѣдствія удачной придворной интриги; подметное письмо привело его къ ссылкѣ въ Березовъ. Меншиковъ послѣ кончины Петра одинъ управлялъ государствомъ безучастно, безотчетно. Его власть раздѣлили между собою Долгорукіе, Остерманъ и Голицыны. Ссылка Меншикова была первый актъ той драмы, которая продолжалась до восшествія на престоль Елисаветы Петровны. Долгорукіе, Анна Леопольдовна, Биронъ, Остерманъ были дѣйствующія лица послѣдующихъ актовъ.

ОБА ВИНОВАТЫ.

(Изъ судебной практики XVIII столѣтія).

Въ самыя древнія времена пытка существовала какъ средство для достиженія наиболѣе вѣрнаго юридическаго доказательства о виновности преступника, т. е. признанія самого преступника. Она существовала у грековъ и у римлянъ въ наиболѣе блестящія эпохи ихъ историческаго развитія. Цицеронъ имѣлъ убѣжденіе и высказывалъ, что только страданія отъ пытки могутъ заставить человѣка рассказать все, что онъ знаетъ, и что пытка есть самое вѣрное средство заставить говорить правду. (*Traité de l'instruction criminelle, par F. Halié. Bruxelles, 1863, стр. 24*). Въ юридической практикѣ пытка вошла повсемѣстно въ большое употребленіе только въ XII-мъ столѣтіи. Аббатъ Маблі (*Observations sur l'histoire de France, livre IV, chap. II. Preuves*) говоритъ, что это было послѣдствіемъ изученія римскихъ законовъ, на изученіе которыхъ всѣ бросились и прилагали ихъ къ своимъ собственнымъ. Въ римскихъ законахъ законодатели почерпнули убѣжденіе, что признаніе подъ пыткою есть неоспоримое юридическое доказательство. Откуда пы-

тка пришла на святую Русь — объ этомъ молчить исторія, но убѣжденіе, что пытка необходима для вынужденія признанія у преступника въ виновности или свидѣтеля въ подтвержденіи факта, — это убѣжденіе сдѣлалось сперва закономъ обычнымъ, а съ уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича (1649 г.) — закономъ письменнымъ. Судьи и народъ требовали пытки и не оцѣняли ея несправедливости, не чувствовали ея жестокости, не понимали ея бесполезности. Бывали случаи, когда обвинители, послѣ трехъ пытокъ обвиняемаго, сознавались, что его оклеветали — за что же вытерпѣлъ истязанія обвиняемый? Этотъ фактъ не затрогивалъ чувства справедливости и состраданія въ нашихъ предкахъ. Другой случай: преступленіе совершено безъ свидѣтелей — передъ судомъ только обвинитель и обвиняемый. Обоихъ пытаютъ и оба не измѣняютъ своихъ показаній — пытка не вызвала признанія въ виновности обвиняемаго. Что было дѣлать и что дѣлали судьи въ этомъ случаѣ? — Чтонибудь изъ двухъ и совершенно притомъ произвольно: или обоихъ оправдывали, или обоихъ обвиняли. Послѣдній случай бесполезнаго варварскаго истязанія на пыткѣ въ нашей отечественной юридической практикѣ встрѣчался нерѣдко и особенно при рѣшеніи такихъ дѣлъ, въ которыхъ преступленія являлись только въ словахъ, говоренныхъ съ глазъ на глазъ, безъ свидѣтелей — въ словахъ непристойныхъ по 1-му и 2-му пункту, а именно въ дѣлахъ о словѣ и дѣлѣ. Законъ о доносѣ въ слыханіи непристойныхъ словъ и о наказаніи за недоношеніе былъ развитъ Петромъ Великимъ до такого совершенства, что священники обязаны были доносить о непристойныхъ словахъ, сказанныхъ имъ на исповѣди. Народъ бессо-

знательно и обязательно развращался доносомъ, а судьи преображенскаго приказа и тайной канцеляріи очень усердно добивались признанія истязаніемъ на висѣхъ, подъ ударомъ кнута. Это были наши доморощенныя Цицероны, убѣжденные, что пытка есть самое вѣрное средство заставить человѣка говорить правду. Если же пытка не дала желаемаго результата—кто правъ? кто виноватъ?—бывали рѣшенія, что оба виноваты, и мы расскажемъ одинъ изъ такихъ случаевъ:

31-го мая 1732 года въ Петербургѣ по Малой Морской улицѣ бродили трое нищихъ; то просили они милостыни у проходящихъ, то останавливались передъ окнами съ поклонами и съ молитвенными возгласами, но все неудачно,—время близилось уже къ полудню, а христолобивыхъ подателей не оказалось и ни одной полушки еще не упало въ шапки, протянутыя къ каждому проходящему. Всѣ трое были, повидимому, крестьяне, въ лохмотьяхъ, босикомъ; у каждаго мѣшокъ за спиною.

— Что, Насѣткинъ? не сбылось твое пророчество! жатва, говорилъ ты, намъ будетъ сегодня хорошая! Вотъ ужъ сколько часовъ ходимъ мы съ тобою, а кошма и брюхо пустыя.

Слова эти были сказаны однимъ изъ нищихъ старику, котораго, повидимому, распорядился походомъ своими двухъ товарищей.

— Ты Ома невѣрующій! отвѣчалъ старикъ.— Говорилъ я вамъ и теперь говорю: будетъ жатва! Вѣдь не отъ себя говорилъ вамъ! Въ ночь было сновидѣніе: иди, говорить мнѣ невидимый гласъ, иди въ Малую Морскую—

получишь желаемое, а получишь, возвратись съ молитвою благодарственною въ свой уголь, и добро тебѣ будетъ, а не воротишься, зло тебѣ будетъ! Вѣрю, сбудется желаемое! А что желаемое—и ваше и мое? Копѣйку набрать на хлѣбъ насущный, да за здравіе подателей въ кабацѣ выпить...

— Пророчишь ты сладко, а во рту-то горько, отвѣчали въ одинъ голосъ оба товарища. Не слушаться бы тебя, а пойти бы намъ на рынокъ: тамъ и купецкіе люди, да и народъ помилостивѣе, что нибудь да перепало бы.

Въ это время они подошли къ небольшой мазанкѣ, въ которой раздавалась зауспокойная пѣснь.

— Вотъ тебѣ и набрели... вотъ тебѣ и жатва! Зауспокойныя пѣсни! сказалъ съ насмѣшкою одинъ изъ нищихъ.

— Глупая ты голова, отвѣчалъ Насѣткинъ!— Коли по русскомъ человѣкѣ поють, а не по нѣмцѣ, такъ нищему-то отъ покойника больше поживы, чѣмъ отъ нѣмца или отъ живаго человѣка. Глядь! вонъ кто-то стучить намъ въ окошко, манить...

Нищие бросились съ поклонами къ окну; оно отворилось, и изъ мазанки человѣкъ въ матросскомъ платьѣ закричалъ имъ: „Ступайте сюда, бѣдные люди! Помолитесь за покойнаго!“ Оказалось, что въ мазанкѣ жилъ флотскій мастеровой человѣкъ и справлялъ поминки по умершемъ отцѣ своемъ.

Нищихъ посадили за столъ и угостили виномъ и пивомъ на славу... Всѣ трое вышли пошатываясь на улицу...

— Ну, Степанъ! закричалъ нищій Насѣткинъ,— ну,

Степанъ! а! что, голубчикъ? правду я говорилъ... Обними меня, Степанъ! обними... и опьянѣвшій старикъ почти повалился на Степана.—А теперь уже пойдѣмъ въ вольный домъ, выпьемъ за милостивцевъ, за подателей, на свои гроши... да и за покойнаго... Господи! упокой раба Божія! ай да сынокъ... вотъ сынокъ...

— Пойдемъ въ вольный домъ... отвѣчалъ Степанъ. Мнѣ любо, а тебѣ-то? развѣ не боишься? а глась-то тебѣ вѣщаль: Насѣткинъ, будетъ де тебѣ добро, ступай де домой, а не пойдешь—зло де будетъ...

Насѣткинъ не слушалъ Степана, а, размахивая руками, то снималъ, то надѣвалъ шапку и пѣлъ, но, точнѣе сказать, не пѣлъ, а горланилъ на всю улицу: упокой раба! раба Минхена!.. Насѣткинъ былъ мертвецки пьянъ.

— Это еще какой рабъ Минхенъ? спросилъ Степанъ.

— Минхенъ! злодѣй, кровопіецъ! онъ живъ еще и теперь. Былъ я работникомъ на Ладожскомъ каналѣ... такъ диралъ нашу братью... Такъ вотъ и упокой его, Господи!

Наступилъ уже вечеръ... Караульные ставили по улицамъ рогатки...

— Не горлань, Насѣткинъ, подъ караулъ возьмуть, говорили ему товарищи, подходя къ рогаткѣ у Мытнаго двора.

— А буду пѣть! Любо! Упокой, Господи, Минхена!..

— Кто идетъ? закричалъ караульный.

— Крестьяне! Христіане! Божіе люди! отвѣчали нищіе.

— Ну, проходите вы, крестьяне! христіане! закричалъ караульный.

Насѣткинъ остановился передъ караульнымъ и за пѣлъ: „упокой“...

— Ты что горлаишь? безчинно врешь? Подъ караулъ возьму...

— Подъ караулъ! а! а! подъ караулъ? а я и передъ Минихенъ кричалъ караулъ! караулъ!

— Какой Минихенъ? спросилъ караульный.

— А вотъ Минихенъ, что былъ министръ, а министрами при первомъ императорѣ гнушались, а нынѣ фонъ-Минихенъ государынею гнушается... вотъ тебѣ! закричалъ Насѣткинъ.

— Ахъ ты, безмозглый противникъ! закричалъ караульный.

Въ это время подходилъ къ рогатѣмъ полицейскій дозоръ; караульный закричалъ:

— Возьмите этого бродягу, противныя слова говорить.

Товарищи Насѣткина во время этой суматохи исчезли...

Дозорные отвели Насѣткина въ полиціймейстерскую канцелярію.

Было уже поздно. Въ канцеляріи изъ начальствующихъ никого не было, впрочемъ и допрашивать Насѣткина не только было бесполезно, но и невозможно. Отъ Насѣткина нельзя было бы добиться ни слова; онъ заснулъ мертвымъ сномъ.

Рано по утру на другой день дали знать служившему при полиціймейстерской канцеляріи подполковнику Исакову, что ночью въ полицію приведенъ дозоромъ человекъ, говорившій противныя слова по 1-му пункту.

Исаковъ поторопился приѣхать, а къ этому времени проспался и Насѣткинъ.

Непристойныя слова по 1-му пункту—это, по тогдашнему, слово и дѣло. Исаковъ послалъ за караульнымъ

у рогатки, который задержалъ Насѣткина; его скоро отыскали и, какъ оказалось, онъ былъ деньщикъ адмирала Гордона, по прозванію Иванъ Крутынинъ.

Подполковникъ Исаковъ распросилъ Крутынина, какъ было дѣло; караульный рассказывалъ, что у рогатки, послѣ оклика приведеннаго крестьянина, этотъ крестьянинъ, очень пьяный, говорилъ: „при первомъ императорѣ министрами гнушались, а нынѣ фонтъ-Минихенъ государынею гнушается“, и за эти непристойныя слова онъ, Крутынинъ, велѣлъ проходившему въ то время дозору отвести крестьянина въ полиціймейстерскую канцелярію.

— Говорилъ ты эти слова? спросилъ подполковникъ Насѣткина.

— Слово этихъ никогда не говорилъ, да и говорить мнѣ такихъ словъ не для чего, ничего этого не знаю и отъ другихъ ни отъ кого такихъ словъ не слыхалъ, и для чего караульщикъ на меня показываетъ ложно — не знаю.

Подполковникъ Исаковъ былъ человѣкъ осторожный и боявшійся сильныхъ міра сего; хотя по указу и слѣдовало отправить Насѣткина прямо въ тайную канцелярію, но Исаковъ нашелъ не бесполезнымъ предварительно представить его Миниху и потому тотчасъ же отправился съ караульнымъ-доносчикомъ и съ крестьяниномъ къ фельдмаршалу.

Безмысленныя слова, говоренныя крестьяниномъ, что фонтъ-Минихъ гнушается императрицею, не обратили на себя вниманія фельдмаршала: онъ приказалъ Исакову передать Насѣткина въ руки тайной канцеляріи.

Такъ и было сдѣлано, а Крутынина отпустили домой.

Пророчество сбылось — гласъ, слышанный во снѣ

Насѣткиномъ, сказалъ вѣрно: не воротисьъ домой, зло де тебѣ будетъ.

Передъ грознымъ Андреемъ Ивановичемъ Ушаковымъ начался допросъ Насѣткина.

„Крестьянинъ я Троицкаго-Сергіева монастыря, Ростовскаго уѣзда, приселка Никольскаго, что сльвѣтъ Талицы, деревни Филипповой“, отвѣчалъ Насѣткинъ: „въ прошлыхъ годахъ, за скудостью моею, отнущенъ я былъ изъ того приселка отъ старосты съ покормѣжнымъ письмомъ для работы и съ онымъ письмомъ былъ на работѣ на Ладожскомъ каналѣ, а потомъ пришелъ въ Санкт-Петербургъ и, наймуясь у разныхъ людей, работалъ черную работу; въ прошлыхъ же годахъ, въ бытность въ Петербургѣ далъ мнѣ стряпчій Троицкаго-Сергіева монастыря паспортъ, который у меня невѣдомо какимъ случаемъ утратился, и съ того времени я жилъ все въ Петербургѣ, кормился работою своею, а когда отъ дряхлости своей работать не могъ, то кормился мірскимъ подаянїемъ, а жительство имѣлъ у разныхъ чиновъ людей, наймуясь понедѣльно и поденно.

„Прошедшаго мая 31 дня, съ постоялаго двора, на которомъ я ночевалъ, пошелъ я для собранія себѣ милостыни, и какъ былъ въ Малой Морской улицѣ и морскаго де флота мастеровой звалъ меня, Насѣткина, съ прочими нищими въ домъ къ себѣ для поминовенія родителя обѣдать; я у него обѣдалъ и во время обѣда мастеровой человекъ поилъ насъ виномъ и пивомъ, отчего весьма были мы пьяны, и послѣ обѣда пошелъ я, Насѣткинъ, на постоянный дворъ для ночеванья и, будучи въ Малой Морской улицѣ, отъ пьянства своего зашелъ въ вольный домъ и, куя на три копѣйки вина,

выпилъ, отчего и болѣе сталъ я пьянъ, и пошелъ было для ночеванья на постоялый дворъ, и какъ пришелъ близъ подъемнаго мосту, что противъ Мытнаго двора, тутъ на караулѣ у рогатокъ незнаемо какого чину человекъ меня спросилъ: кто идетъ? я отвѣчалъ о себѣ: крестьянинъ. И караульный, не говоря ничего, взялъ меня подъ караулъ и невѣдомо съ какими людьми отвелъ меня въ полиціймейстерскую канцелярію и отдали подъ караулъ, а для чего, того я не знаю и словъ такихъ: при первомъ де императорѣ министрами гнушались, а теперь де фонъ-Минихенъ государынею гнушается, я не говорилъ, да и говорить мнѣ такихъ словъ не для чего; о томъ ничего не знаю и отъ другихъ ни отъ кого не слыхалъ и для чего караульщикъ показываетъ на меня ложно, не знаю“.

— А во время взятья тебя подъ караулъ, спросилъ Насѣткина Андрей Ивановичъ, не было ли ссоры у тебя съ караульщикомъ?

— Никакой ссоры съ караульщикомъ не было, да и напередъ сего я караульщика не зналъ и нигдѣ никогда не видалъ. А по приводѣ меня въ полиціймейстерскую канцелярію, сегодня утромъ, когда я проспался, приѣхалъ въ полицію подполковникъ Исаковъ и позвалъ меня къ себѣ; тутъ ужъ былъ и караульщикъ; подполковникъ спрашивалъ о словахъ, будто говоренныхъ мною караульщику. Я сказалъ ему, что не говорилъ этихъ словъ. Послѣ того подполковникъ самъ повелъ меня и караульщика къ генералу-фельдмаршалу фонъ-Минихену; фельдмаршалъ спрашивалъ меня также о словахъ; я то же ему сказалъ, что и въ полиціи. Фельдмаршалъ махнулъ рукою и сказалъ подполковнику: ведите его,

куда хотите. Меня повели опять въ полицію, а оттуда сюда, въ тайную канцелярію, а караульщика освободили.

Послѣ разспроса, по принятому порядку, Насѣткину было объявлено, чтобы онъ о своемъ показаніи, будучи въ тайной канцеляріи подѣ карауломъ или на свободѣ, никогда ни съ кѣмъ разговоровъ бы не имѣлъ, а ежели съ кѣмъ нибудь будетъ имѣть разговоры и въ томъ будетъ изобличенъ и за то ему учинена будетъ смертная казнь.

Какія тяжелыя и грустныя времена! Смертная казнь за то, что человѣкъ, даже состоя подѣ карауломъ, проболтается о томъ, что его допрашивали! Съ какимъ пренебреженіемъ относился тогда законъ къ огражденію жизни, самому драгоценному дару человѣка! И зачѣмъ эта угроза, когда вслѣдъ за нею допрошеннаго передавали опять въ тюрьму и караульному офицеру приказывали никого къ колоднику не допускать и разговоровъ ему съ прочими колодниками не дозволять и смотрѣть, чтобы онъ какимъ способомъ себя не умертвилъ и утечки бы себѣ не учинилъ.

Насѣткина, со всѣми этими формальностями, отвели снова въ „колодничью“.

Въ этотъ день Андрей Ивановичъ былъ что-то не въ духѣ, и послѣ допроса Насѣткина онъ обратился къ секретарю тайной канцеляріи съ вопросомъ: „а караульщика развѣ не прислали изъ полиціи“?

— Не прислали: по словамъ крестьянина, какъ онъ сказалъ въ допросѣ, караульщика изъ полиціи освободили.

— Освободили? а какъ смѣли освободить! закричалъ Андрей Ивановичъ.— Пошли приказъ подполковнику Исакову явиться въ тайную канцелярію. Вотъ самовласт-

ники! Развѣ порядковъ они въ полиціи не знаютъ. Ужъ и указовъ перестали слушать! Пошли за Исаковымъ!

Когда Андрей Ивановичъ сердился на полицію, это очень было пріятно и выгодно секретарю и его сотрудникамъ тайной канцеляріи.

Секретарь громогласно закричалъ канцеляристу:

— Петръ Ивановъ! посылай солдата за Исаковымъ, да накажи сказать, что его превосходительство требуетъ по службѣ—очень нужно—завтра, чѣмъ-свѣтъ, чтобъ явился въ канцелярію.

На другой день рано утромъ, еще только что разсвѣло, явился Исаковъ въ тайную. Сторожъ, по наставленію канцеляриста, передавая ему приказаніе явиться, рассказалъ, что генераль такъ осерчалъ на полицію, что рвалъ бумаги, кричалъ, стучалъ — ну просто страхъ всѣхъ взялъ. Подполковникъ отъ страха и ожиданія предстать предъ разгнѣваннаго Андрея Ивановича глазъ не смыкалъ во всю ночь — все грезились какъ на яву застѣжки да кнуты, плети и другія современныя гадости. Въ тайной канцеляріи у Исакова былъ пріятель, канцеляристъ Петръ Ивановичъ; къ нему онъ тотчасъ и обратился.

— Петръ Ивановичъ! дружище! За что осерчалъ его превосходительство? Для чего его превосходительство прислалъ за мною? Скажи, голубчикъ, знаешь вѣрно—всегда тебѣ вѣдь благодарень! и съ этими словами Исаковъ сунулъ рублѣвикъ въ руку Петру Ивановичу.

— Осерчалъ! больно осерчалъ генераль, что вы не въ свое дѣло вмѣшались; да, говорить, и указы не исполняете.

— Какіе указы не исполняёмъ?

— А зачѣмъ, говорить, караульщика, который донесъ на крестьянина, что на фельдмаршала Минихена показываль, не представили въ канцелярію. При мнѣ генераль говорилъ секретарю: а зачѣмъ Исаковъ къ Миниху водилъ мужика? Развѣ Минихъ заправляетъ „слово и дѣло“? Прислужиться, видно, хотѣлъ, а забылъ указы, чтобъ не допрашивать самому о непристойныхъ словахъ, а забылъ, что и доносчика и виноватаго велѣно немедленно присылать подъ караулъ въ тайную канцелярію?

Исаковъ поблѣднѣлъ отъ страха; Андрей Ивановичъ — человекъ опасный, особенно когда разсердится.

— Неладно! больно неладно! прошепталъ Исаковъ. Какъ бытъ! — прѣсто бѣда. Помоги, голубчикъ, выручи, посовѣтуй — вѣдь у васъ, чай, бывали такіе казусы?

И новый рублѣвикъ перешелъ въ руки Петра Ивановича.

— А вотъ что! отвѣчалъ канцеляристъ. — Ступай скорѣе, приведи караульщика, и какъ потребуетъ тебя генераль, ты прямо, безъ обиняковъ — принеси ему повинную. Коли, въ добрый часъ, пріѣдетъ не сердитый — простить безъ наказанія.

— А коли не успѣю воротиться къ пріѣзду генерала?

— А пожалуй еще лучше будетъ! Мы ему расскажем, что ты пріѣзжалъ, что со страху плакалъ, дрожалъ, метался, обезпамятѣлъ... Это ему любо! больно любить, чтобъ его боялись! Только, я благодаренъ, а вотъ секретаря-то надо умиловитить — въ немъ вся суть, онъ ему начнетъ говорить, а потомъ уже и вмѣстѣ будемъ радѣть о тебѣ. — Ты хоть рублѣвиковъ пять дай ему.

— Да гдѣ же его видѣть? Вѣдь надо спѣшить за

караульщикомъ.—Ужь сослужи, голубчикъ Петръ Ивановичъ, отдай ему, и пять рублёвиковъ перешли въ руки Петра Ивановича.

— Ладно, отвѣчалъ Петръ Ивановичъ,—выручимъ! Только веди караульщика.

— Чортъ бы побралъ этого болтуна-пьяницу!—говорилъ Исаковъ, выбѣгая изъ тайной канцеляріи. Семь рублёвъ стоитъ онъ мнѣ, да еще пройдетъ ли гроза?

Отыскать караульщика Исакову было нетрудно. При допросѣ въ полиціи, караульщикъ назвался деньщикомъ адмирала Гордона, домъ котораго былъ возлѣ Мытнаго двора. Исаковъ прискакалъ въ домъ адмирала, но на бѣду деньщикъ-караульщикъ былъ посланъ по какому-то порученію въ Кронштадтъ. Исаковъ пустился за нимъ въ Кронштадтъ. Въ этихъ переѣздахъ прошло два дня и только 6-го іюня явился Исаковъ въ тайную канцелярію съ караульщикомъ. Въ эти два дня секретарь и Петръ Ивановичъ вполне заслужили полученные ими семь рублёвиковъ, и генераль Андрей Ивановичъ уже былъ подготовленъ секретаремъ и канцеляристомъ къ оказанію милостиваго снисхожденія полиціи въ лицѣ Исакова; Андрей Ивановичъ очень былъ доволенъ, что Исаковъ, по рассказамъ секретаря и канцеляриста, обезпаматѣлъ, одурѣлъ отъ страха...

Андрей Ивановичъ улыбнулся.

— Виновать, ваше превосходительство! виновать! повинную голову приношу, промедлилъ представить доносчика-караульщика,—привезъ только сегодня.

Андрей Ивановичъ еще улыбнулся.

— То-то же виновать! Забыли указы: о непристойныхъ словахъ, помни и задолби себѣ на лбу: по первому пунк-

ту имянно запрещено выпрашивать, а ты выпрашивалъ, да водилъ еще къ фельдмаршалу Миниху? а?

— Виновать! и опять до земли поклонъ.

— Ну, виновать! такъ Богъ проститъ, а впредь коли допросишь извѣтчика и тотчасъ его не представишь самъ, знаешь, что будетъ. Ну, ступай, до тебя болѣе теперь дѣла нѣтъ, а ты, обратился Андрей Ивановичъ къ секретарю, ты запиши въ дѣлѣ, что я призывалъ и выговаривалъ Исакову. На память пригодится.

Исаковъ вышелъ. Привели къ допросу деньщика-караульщика.

„Отецъ мой, Савинъ Федоровъ Крутынинъ (показывалъ деньщикъ), былъ Симонова монастыря, что въ Москвѣ, крестьянинъ Устюжскаго уѣзда деревни Селища; послѣ смерти отца моего жилъ я у людей разныхъ чиновъ изъ найму и тому нынѣ другой годъ за крестьянъ этой деревни отдали въ матросы и съ прочими матросами отосланъ въ Петербургъ, и по разбору судей адмиралтейской коллегіи отданъ къ адмиралу Гордону въ деньщики и съ того времени и понынѣ въ деньщикахъ у адмирала“.

Затѣмъ Крутынинъ повторялъ то же, что онъ показывалъ и при допросѣ въ полиціи, какъ говорилъ крестьянинъ Насѣткинъ непристойныя слова, какъ онъ, Крутынинъ, передалъ Насѣткина въ руки проходившаго у рогатки полицейскаго дозора. „И для чего (прибавилъ Крутынинъ) крестьянинъ теперь запирается, не вѣдаю“.

— Приведите крестьянина, приказалъ Андрей Ивановичъ.

— Говорилъ ли ты вотъ этому караульщику непристойныя слова, что при первомъ императорѣ министрами

гнушались, а теперь фельдмаршалъ фонъ-Минихъ государынею гнушается.

— Не говорилъ такихъ словъ, отвѣчалъ крестьянинъ.

— Неправду говоришь, отвѣчалъ Крутынинъ, — ты мнѣ говорилъ такія слова.

— Нѣтъ! не говорилъ, повторилъ крестьянинъ.

Очная ставка была кончена. Повели въ застѣнокъ. Чудное дѣло!

Два человѣка, Насѣткинъ и Крутынинъ, никогда не видавшіе другъ друга до несчастной встрѣчи у рогатки, дѣлаются заклятыми врагами въ застѣнкѣ, у дыбы, возлѣ которой съ засученными рукавами палачъ смотритъ на нихъ равнодушно и бессмысленно; здѣсь теперь, защищая свое собственное тѣло отъ страданій на вискѣ, съ ожесточеніемъ и злобою губятъ другъ друга, какъ несчастныя жертвы современныхъ законовъ о словѣ и дѣлѣ.

Кто ихъ привелъ въ это ужасное мѣсто, обогренное снизу до верху человѣческою кровью? Что заставило караульщика Крутынина донести на Насѣткина, а Насѣткина отпираться отъ этихъ словъ? Какое преступленіе по 1 или 2 пункту заключалось въ словахъ, сказанныхъ Насѣткинымъ, что фельдмаршалъ Минихъ государынею гнушается? И наконецъ, кто говорилъ эти слова?—кто? Пьяный нищій изъ крестьянъ. Для насъ теперь это дико, странно, безчеловѣчно, но тогда это было совершенно законно: Насѣткинъ говоритъ, что Минихъ государынею гнушается, — эта рѣчь принадлежала, по уложенію царя Алексѣя Михайловича, къ оскорбленію чести государевой. Тотъ, кто говорилъ или слышалъ эти слова, подлежалъ тайной канцеляріи. Насѣткинъ го-

вориль, а Крутынинъ слышалъ, — оба были отвѣтственны передъ закономъ, и слышавшій (Крутынинъ) обязанъ былъ донести; иначе, если бы впослѣдствіи открылось, что онъ слышалъ эти слова и не донесъ, то за недонесеніе онъ подвергся бы той же карѣ, какъ и говорившій. Но вотъ вопросъ: вѣдь Минихъ обвиненъ крестьяниномъ въ оскорбленіи чести государевой, но его не привлекли къ суду, и нѣтъ сомнѣній, что если бы напрасныя слова говорилъ кто либо изъ подлыхъ людей, то, конечно, его отыскали бы на днѣ морскомъ и угостили бы застѣнками. Миниха не тронули и остался одинъ виноватымъ несчастный пьяница-нищій.

Итакъ, Насѣткинъ и Крутынинъ въ застѣнкѣ; ихъ раздѣли и поставили у дыбы.

Андрей Ивановичъ Ушаковъ разспрашивалъ ихъ лично, сперва доносчика Крутынина.

— Подлинно-ли ты слышалъ отъ крестьянина Насѣткина непристойныя слова? Не затѣваешь-ли напрасно на него? Можетъ быть слыхалъ тѣ слова отъ другихъ?

— Подлино тѣ слова говорилъ, отвѣчалъ Крутынинъ, а для чего Насѣткинъ запирается — не знаю: развѣ отъ пьянства своего припомнить не можетъ, потому что въ то время онъ, Насѣткинъ, былъ весьма пьянъ.

— Ну, а ты, Насѣткинъ, что скажешь на это объясненіе?

— Никогда этихъ словъ не говорилъ и отъ другаго ни отъ кого тѣхъ словъ не слыхалъ и не знаю, для чего караульщикъ о такихъ словахъ на меня показываетъ; а былъ я въ то время весьма пьянъ, только ежели бы означенныя слова въ своемъ пьянствѣ говорилъ, то помнить бы о томъ могъ.

— Оба вы упрямые дураки! закричалъ Андрей Ивановичъ.— Поднимите ихъ обоихъ на дыбу.

Черезъ нѣсколько секундъ передъ Андреемъ Ивановичемъ висѣли рядомъ на дыбѣ и стонали два человѣка съ выгнутыми изъ суставовъ руками.

— Ну! кто изъ васъ вретъ? который правду говорить?

Оба страдальца повторили съ дыбы свое прежнее показаніе, и секретарь тайной канцеляріи записалъ о каждомъ изъ нихъ отдѣльно одну и ту же отмѣту.

„А съ подъему говорилъ прежнія свои рѣчи, что въ разпросѣ и въ очныхъ ставкахъ. При ономъ присутствовалъ его превосходительство генераль и кавалеръ и лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка подполковникъ и Ея Императорскаго Величества генераль-адъютантъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ“.

Подъемъ на дыбу не считался еще тогда въ юридическомъ значеніи собственно пыткой; пытка или, какъ тогда называли ее, розыскъ состоялъ въ разпросѣ на дыбѣ подъ ударами кнута.

По закону (изъ котораго родилась пословица: доносчику первый кнутъ) 9-го и 20-го іюня пытали карульщика Крутынина. На пыткѣ онъ подтверждалъ свой доносъ.

Пытать или не пытать Крутынина въ третій разъ? Андрей Ивановичъ задумался. А что если послѣ трехъ пытокъ Крутынина Насѣткинъ не будетъ сознаваться? Свидѣтелей нѣтъ—только признаніемъ на пыткѣ можетъ разрѣшиться дѣло, и вотъ Андрей Ивановичъ придумалъ слѣдующее:

Насѣткина пытать и при розыскѣ спрашивать, под-

линно-ли онъ не говорилъ непристойныя слова или говорилъ, да не сознается, боясь себѣ за то истязанія? Не слыхаль-ли отъ другихъ кого этихъ словъ? А что Насѣткинъ съ подъему хотя и утверждалъ, что онъ этихъ словъ не говариваль, но тому вѣрить никакъ невозможно, потому что Крутынинъ съ двухъ розысковъ показываетъ, что Насѣткинъ подлинно говорилъ тѣ непристойныя слова. Если же Насѣткинъ на пыткѣ будетъ утверждать, что не говорилъ тѣхъ непристойныхъ словъ, то Крутынина пытать въ третій разъ, а если Крутынинъ будетъ утверждать, что Насѣткинъ говорилъ непристойныя слова, то Насѣткина пытать еще два раза.

Предчувствія Андрей Ивановича сбылись — передъ его глазами терпѣли страшныя истязанія люди не рядовые.

Насѣткинъ на первой пыткѣ отпирался отъ непристойныхъ словъ; попытали въ третій разъ Крутынина: онъ подтвердилъ свое показаніе; попытали еще два раза Насѣткина, — онъ продолжалъ отпираться; только на второй и на третьей пыткѣ, записано въ дѣлѣ секретаремъ, Насѣткинъ объяснилъ: „развѣ де я Крутынину говорилъ такія слова, что жалуются на фонъ-Миниха солдаты, что онъ имъ жалованье задерживаетъ, а слова эти слышалъ я въ нынѣшнемъ году послѣ святой недѣли въ Питербурхѣ на Морскомъ рынкѣ въ разговорахъ отъ солдатъ, а котораго полку и какъ ихъ зовутъ, не знаю, а сперва не сказалъ о томъ забвеніемъ, а словъ, которыя показываетъ караульщикъ, подлинно не говорилъ“.

И вотъ результатъ безчеловѣчнаго, бессмысленнаго юридическаго обряда о доказательствѣ истины пыткою.

Впрочемъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, передъ которымъ на практикѣ встрѣчались подобные случаи, не задумался и рѣшилъ такъ:

„Въ спорѣ между Насѣткинымъ и Крутынинымъ болѣе не розыскивать (т. е. не пытаться), понеже, какъ Крутынинъ съ подъему и съ трехъ розысковъ, такъ и Насѣткинъ съ подъему и съ трехъ розысковъ всякой утверждается на своемъ показаніи и правды, кто изъ нихъ виновенъ, не сыскано, только, что Насѣткинъ со вторичнаго и третьяго розысковъ показалъ, что развѣ де онъ, Насѣткинъ, Крутынину говорилъ такія слова, что жалуются на фонъ-Миниха солдаты, что ихъ жалованье задерживаетъ, почему видно, что Насѣткинъ означенное затѣваетъ, не хотя противъ показанія Крутынина объявить истины, и за то послать его, Насѣткина, въ Сибирь на серебряные заводы въ работу, также и Крутынину свободы учинить не надлежитъ, понеже въ спорѣ съ Насѣткинымъ былъ розыскиванъ.

Итакъ, правды, кто изъ двоихъ виновенъ, по закону не сыскано, а оба наказаны, — оба виноваты!

2-го сентября 1732 г. Насѣткина отправили въ Сибирь на серебряные заводы, а Крутынина въ Охотскій острогъ.

ЯГАННА ПЕТРОВА,

камеръ-медхенъ Екатерины I-й.

Дворъ императрицы Екатерины I-й при жизни Петра Великаго отличался особенною простотою и отсутствіемъ всякой роскоши. Причинъ этому было много. Находясь въ постоянныхъ разъѣздахъ — то на войнѣ, то на марціальныхъ водахъ, то за границую, Петръ не любилъ брать съ собою большой свиты и былъ скупъ на пустые расходы. Екатерина, сопровождая его всюду, должна была, по необходимости, держаться того же правила. Кромѣ того, около Екатерины не группировались жены бояръ и стольниковъ, не было при ней и дворцовыхъ боярышенъ. Весь ея придворный женскій штатъ состоялъ изъ нѣсколькихъ нѣмокъ-прислужницъ, носившихъ прозванія камеръ-медхенъ и камеръ-фрау, а изъ русскихъ приближенныхъ были неотлучно при Екатеринѣ только двѣ женскія персоны: старая дворцовая боярышня дѣвица Анисья Толстая, и новая дворцовая боярыня, а къ тому и шутиха, княгиня Настасья Петровна Голицына. Обѣ онѣ пользовались особеннымъ расположеніемъ императрицы, но не имѣли никакого особеннаго вліянія ни лично на государыню, ни на ея домашнее

хозяйство. Ни Толстая, ни Голицына не вмѣшивались въ придворныя интриги и не ловили рыбы въ мутной водѣ, пользуясь вліяніемъ Екатерины на Петра Великаго. Но зато нѣмки, особенно три: дѣвица Крамеръ, Устинья Петровна Гринвальдъ и Яганна Петрова широко эксплуатировали расположеніе къ себѣ Екатерины и были вліятельными личностями. Дѣвица Крамеръ занималась придворными интригами въ высшемъ кругу тогдашняго общества, а Гринвальдъ и Яганна втихомолку, черезъ Екатерину, помогали тѣмъ, кому грозила какая нибудь бѣда отъ гнѣва или неудовольствія Петра. Сверхъ того, Яганна Петрова распоряжалась карманными деньгами Екатерины, а такъ какъ Петръ не давалъ ихъ много, то случалось, что Яганна платила свои деньги за императрицу. Изъ этого тріо Анна Крамеръ поплатилась дорого за свои интриги: еще при жизни Петра была сослана; а Устинья и Яганна, послѣ кончины Екатерины, перешли съ прочею прислугою императрицы къ цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Судьба Устиньи Гринвальдъ остается неизвѣстною, а Яганна Петрова испытала въ царствованіе Анны Иоанновны бѣду нежданную, о которой сохранилось извѣстіе въ архивныхъ документахъ.

Возведеніе на престолъ Анны Иоанновны партією Голицыныхъ и Долгорукихъ, въ видахъ ограниченія самодержавія, было встрѣчено большинствомъ русскихъ во всѣхъ слояхъ народа не сочувственно. Большинство общества и особенно народъ желали видѣть императрицею дочь Петра Великаго, Елисавету. Мечты эти не осущест-

ствились, и Анна Иоанновна, уничтоживъ условія ограниченія самодержавія, подарила Россію Бирономъ. Понимая очень хорошо, что русскіе люди не могли добровольно и искренно подчиниться ему, нѣмцу, сомнительнаго происхожденія, Биронъ смотрѣлъ на всѣхъ и на все подозрительно и только въ жестокихъ мѣрахъ и преслѣдованіяхъ находилъ возможность удерживать за собою власть. Началась та эпоха, которая сохранилась въ преданіяхъ подъ названіемъ „бионовщины“. Тайная канцелярія, учрежденная Бирономъ въ 1732 году и отданная подъ начальство прежняго дѣятеля по этой части, Андрея Ивановича Ушакова, была завалена дѣлами, въ которыхъ ясно выражались негодованіе и презрѣніе русскаго народа къ пришельцу-временщику. Сверхъ того, въ этихъ преступныхъ, по мнѣнію Бирона, толкахъ, безпрестанно проговаривался русскій народъ о своемъ сочувствіи къ Елисаветѣ. Биронъ съ Ушаковымъ, немилосердно пытая, ссылая и казня „преступниковъ“, въ то же время старались возстановлять императрицу противъ Елисаветы.

Началось ссылкой въ Сибирь прапорщика Шубина, перваго, по преданіямъ, любимца Елисаветы — его сослали такъ ловко, что когда Елисавета вступила на престолъ, то посланные за нимъ курьеры два года отыскивали его въ Сибири и наконецъ нашли гдѣ-то около Камчатки. Биронъ слѣдилъ зорко не только за самою Елисаветою, но и за ея прислугою. Вездѣ были посланы шпіоны, доносчики... Въ ихъ руки попала и преданная Екатеринѣ, старая ея камеръ-медхенъ, Яганна Петрова.

27-го іюня 1735 года, въ тайную канцелярію приве-

дена была неизвѣстная женщина, съ приказаніемъ отъ Андрея Ивановича Ушакова содержать ее подъ карауломъ до его пріѣзда.

Андрей Ивановичъ не заставилъ себя долго ждать и, пріѣхавши, тотчасъ приступилъ къ допросу. Секретарь тайной канцеляріи, въ присутствіи Ушакова, записывалъ показанія неизвѣстной женщины:

„Зовуть ее Мете Вестенгардта, вольная дѣвка, иноземка, лютеранской вѣры; прежде сего жила при домѣ Меншикова, а тому назадъ два года и семь мѣсяцевъ, передъ праздникомъ св. Андрея Первозваннаго, за два дня, была въ гостяхъ у мадамъ Яганны Петровой, которая при домѣ государыни цесаревны Елисаветы Петровны, и въ то время у Яганны была дѣвица Лизаветъ, которая государыню цесаревну убираетъ, и она, Яганна, говорила дѣвицѣ Лизаветъ о ея императорскомъ величествѣ, да про оберъ-камергера графа фонъ-Бирона нѣкоторыя великія непристойныя слова и дѣвица Лизаветъ говорила Яганнѣ: „Пожалуй, для Бога, о томъ помолчи“. Долго она, Вестенгардта, не доносила, потому что не знала кому, а наконецъ рѣшилась рассказать подполковнику Траутфетеру, который послалъ ее къ Андрею Ивановичу Ушакову, а отъ него прислана въ тайную канцелярію; по-русски не умѣетъ рассказать, какія именно слова говорила тогда Яганна Петрова“.

Андрею Ивановичу было ясно, что Траутфетеръ, любимецъ и крестуря Бирона, вывѣдалъ уже все отъ вольной дѣвки иноземки Вестенгардтъ, пересказалъ все герцогу и конечно герцогъ имѣетъ въ виду особенную цѣль, враждебную Елисаветѣ Петровнѣ, поручивъ Траутфетеру передать доносчицу въ руки тайной канцеляріи. Уклон-

чивость Вестенгардтъ разсказать свой доносъ по-русски не затруднила нисколько Андрея Ивановича. Онъ могъ, какъ это обыкновенно дѣлалось, прямо пострадать вольную дѣвку пыткой и развязать ей языкъ. Но Вестенгардтъ принадлежала къ средѣ придворной прислуги, можетъ пересказать со страху что нибудь такое, что хотя и извѣстно было Андрею Ивановичу, старому хранителю придворныхъ тайныхъ сплетенъ и интригъ, но что неудобно записывать въ лѣтописи тайной канцеляріи, и Андрей Ивановичъ приказалъ отвести Вестенгардтъ подъ караулъ и очень кротко посовѣтовалъ ей подумать, не вспомнить-ли она русскими словами разсказать, что говорила Яганна Петрова.

Совѣтъ и подкараульное содержаніе подѣйствовали. Въ 8 часовъ вечера Вестенгардтъ объявила секретно секретарю тайной канцеляріи „что теперь припомнила она о словахъ мадамъ Яганны Петровой объявить по-русски“.

Секретарь послалъ сказать объ этомъ Андрею Ивановичу, и онъ пріѣхалъ въ тайную канцелярію въ 10 часовъ вечера, — такъ нетерпѣливо желалъ узнать Ушаковъ, что поразскажетъ Вестенгардтъ о довѣренномъ лицѣ Елисаветы Петровны.

Вестенгардтъ разсказала Андрею Ивановичу:

„Яганна Петрова говорила по-нѣмецки слова такія: перваго де императора одна и есть дочь, да мало ей чѣмъ жить, а коли-бъ государыня императрица изволила ей отдать которыя императоръ первый прибавилъ земли, то бы де довольно ей было чѣмъ жить. А послѣ того Яганна говорила: что оберъ-камергеръ очень не фамилный человекъ и жена де его еще просто не фамилная, а государыня де императрица хотѣла его курляндскимъ

герцогомъ сдѣлать и я де тому дивилась. И она де, Вестенгардтъ, на то сказала: какой де князь Меншиковъ былъ фамилный человѣкъ, да Богъ де сдѣлалъ его великимъ человѣкомъ, а объ оберъ-камергерѣ и объ женѣ его слышала она, Вестенгардтъ, что они оба фамилные и коли де Богъ изволить имъ что дать, то де всѣмъ намъ на свѣтѣ надобно почитать и радоваться. Яганна на это отвѣчала ей: что де за него ты стоишь? И она, Вестенгардтъ, сказала: дай де Богъ, чтобъ былъ онъ герцогъ курляндскій и что онъ отъ Бога желаетъ; ко мнѣ де онъ въ Москвѣ показалъ великую милость, по поданному государынѣ императрицѣ прошенію о жалованьѣ моемъ. А Яганна на это ей сказала: а достала де ты жалованье? И она, Вестенгардтъ, отвѣчала: я могу вѣрить, что императрица можетъ меня пожаловать! Яганна говорила еще: когда де онъ будетъ герцогомъ курляндскимъ, то де жену свою отдастъ въ кляшторъ, а государыню де императрицу возьметъ за себя. И она, Вестенгардтъ, сказала Яганнѣ: это неправда и не можно того сдѣлать и не могу о томъ вѣрить, что это у насъ не манерь. При всѣхъ этихъ словахъ была и слышала дѣвица Лизабетъ, которая трижды говорила Яганнѣ: ради Христа, о томъ ты не говори, окны де низки, могутъ люди услышать. Еще припомнила, что Яганна говорила, будто ея императорское величество въ Москвѣ говорила, что не хочетъ фаворитовъ у себя держать, а она, Вестенгардтъ, отвѣчала: всякій де цезарь и король фаворитовъ у себя держитъ“.

Разсказавши всю эту сплетню, Вестенгардтъ просила Андрея Ивановича, въ случаѣ заpiresательства Яганны — поставить ее на очную ставку съ дѣвицею Лизабетъ.

Какая причина побудила Вестенгардтъ сдѣлать слишкомъ черезъ два года доносъ на Яганну? Личная ли вражда, или неудача, можетъ быть, пристроиться къ Елисаветѣ Петровнѣ, или она хитро направлена была на это агентами Бирона — остается неизвѣстнымъ, потому что Андрей Ивановичъ не нашелъ нужнымъ очень преслѣдовать Вестенгардтъ допросами. Ему, для угожденія Бирону, нужна была Яганна, бывшая при Елисаветѣ Петровнѣ съ ея дѣтства, старуха, передъ глазами которой, съ первыхъ годовъ связи Екатерины съ Петромъ, прошла вся эта вереница людей, подслуживавшихъ и Екатеринѣ и цесаревнѣ Елисаветѣ, особенно когда къ послѣдней такъ расположенъ былъ покойный молодой императоръ Петръ II; подслуживался тогда къ цесаревнѣ и Андрей Ивановичъ, а теперь онъ обернулся къ ней спиною, и конечно Яганна Петрова должна была быть непріятна не одному Бирону, но и самому Андрею Ивановичу.

Бѣдная Яганна! старая и преданная слуга Екатерины и Елисаветы. Въ своемъ скромномъ, одноэтажномъ домикѣ, на Адмиралтейской площади, недалеко отъ дворца, подаренномъ ей Екатериною, забытая всѣмъ настоящимъ придворнымъ кружкомъ, она не ожидала висѣвшей надъ ея головою бѣды.

На другой день, 28-го іюня 1735 г., въ домъ Яганны явились солдаты и подъячій тайной канцеляріи. Бѣдную старуху повели въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ помѣщалась тогда тайная канцелярія. Андрей Ивановичъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ своей жертвы. Онъ удостоилъ ее допрашивать лично.

Первый вопросъ, и для чего, непонятно: какой вѣры мадамъ Яганна?

— Католической вѣры.

— Какъ знакома съ дѣвицею Вестенгардтъ?

— Тому слишкомъ два года, жила она у меня въ домѣ, нанимала для себя комнату.

Затѣмъ секретарь прочелъ Яганнѣ доносъ Вестенгардтъ.

— Ни одного такого слова, какъ показываетъ Вестенгардтъ, ни наединѣ, ни при Лизабетѣ не говорила, — былъ отвѣтъ Яганны.

Андрей Ивановичъ послалъ за дѣвицею Лизабетъ, которая убирала цесаревну въ ея дворцѣ. Какое униженіе для бѣдной, загнанной цесаревны — въ ея домѣ явились солдаты и увели въ тайную канцелярію дрожавшую отъ страха и стыда дѣвушку.

Опять странный вопросъ о религіи.

— Лютеранской вѣры, отвѣчала Лизабетъ.

Прочли ей доносъ вольной дѣвки.

— Ничего никогда не слыхала такихъ словъ отъ Яганны, отвѣчала честная нѣмка.

Андрей Ивановичъ поставилъ „очи на очи“ Лизабету съ Яганною.

Объ не подтвердили доносъ.

Съ другими подсудимыми Андрей Ивановичъ не церемонился бы и прямо приступилъ бы къ пыткамъ, но въ настоящемъ случаѣ, какъ ни преслѣдовала бироновская шайка цесаревну, извѣстная Ушакову привязанность народная къ цесаревнѣ и еще неохладѣвшее уваженіе къ памяти Петра Великаго въ лицѣ его дочери заставили Андрея Ивановича измѣнить обыкновенные приемы тайной канцеляріи: дѣвицу Лизабетъ отпустили въ домъ цесаревны, но обязали ее подпискою: что если

она кому нибудь скажетъ о чемъ ее спрашивали въ тайной канцеляріи, то она будетъ казнена смертью.

Трудное и опасное дѣло для Андрея Ивановича. По закону надо пытатъ сперва Вестенгардтъ, а потомъ Яганну. Въ подобныхъ дѣлахъ съ другими онъ не стѣснялся, и безъ доклада императрицѣ тайная канцелярія дѣлала свое дѣло. Но теперь приходилось пытатъ сперва Вестенгардтъ, выказавшую такую преданность Бирону, а потомъ старую слугу и довѣренное лицо Екатерины. Поэтому Ушаковъ счелъ нужнымъ прежде передать императрицѣ существо доноса Вестенгардтъ.

По докладу Ушакова, императрица приказала:

„Объявить Вестенгардтъ и Яганнѣ, что онѣ по государственнымъ правамъ дошли до розыску; того ради чтобъ, не допуская себя до того, сказали сущую правду, а ежели и потомъ будутъ утверждаться каждая на своемъ показаніи, то привести ихъ въ застѣнокъ и разспросить объ ономъ на-крѣпко, и буде въ застѣнкѣ утвердятся на прежнемъ своемъ показаніи, то для увѣщанія и изысканія правды допустить ихъ вѣры пасторовъ, которые бы ихъ, а также и дѣвицу Лизаветъ увѣщевали на-крѣпко, чтобъ объявили истину, не скрывая ничего, только имянно о непристойныхъ словахъ ихъ пасторамъ не спрашивать и имъ, Вестенгардтъ и Яганнѣ и Лизаветѣ, пасторамъ говорить не велѣтъ, и что потомъ будетъ учинено, о томъ доложить ея величеству“.

Нѣтъ сомнѣнія, что это рѣшеніе, нарушавшее въ тайной канцеляріи порядокъ для разслѣдованія подобнаго рода дѣлъ, было продиктовано Ушаковымъ, по совѣту съ Бирономъ; это рѣшеніе объясняетъ странные вопросы Ушакова подсудимымъ о томъ, какой они вѣры,

и доказываетъ всю изворотливость и хитрость этого придворнаго палача первой половины XVIII столѣтія. Только благодаря этой хитрости, Ушаковъ выплылъ безвредно изъ того омута ссылокъ, которымъ подверглись Толстой, Девіеръ, Скорняковъ-Писаревъ, Меншиковъ, Остерманъ, Бестужевъ-Рюминъ, Минихъ и др. Неспособный и неумѣлый въ дѣлахъ государственнаго управленія, Ушаковъ, подъ всѣми грозами придворныхъ интригъ, съумѣлъ однако же сберечь свое положеніе начальника страшной тайной канцеляріи почти до Екатерины Великой...

30-го іюня Андрей Ивановичъ пріѣхалъ изъ дворца въ тайную канцелярію и объявилъ Вестенгардтъ и Яганнѣ рѣшеніе императрицы.

Вестенгардтъ поддерживала свой доносъ, Яганна не признавалась, а только сказала Андрею Ивановичу, „что она теперь припоминаетъ, что она слышала отъ кого-то, но отъ кого — не помнитъ, что послѣ коронаціи императрица говорила, что все управлять будетъ сама и фаворитовъ при себѣ имѣть не будетъ“.

— Ну, вотъ и память понемногу приходитъ, отвѣчалъ съ улыбкою Андрей Ивановичъ, — вспомнишь и побольше, мадамъ Яганна. Отведите-ка ихъ въ застѣнокъ! прибавилъ онъ.

Страшное дѣло—допросъ нѣ-крѣпко въ застѣнкѣ, у дыбы, возлѣ которой стоитъ палачъ, готовый по мановенію руки Ушакова вздернуть на виску...

— Говори правду, мадамъ Яганна, говори: не вспомнишь-ли еще чего? спросилъ Ушаковъ старуху.

Секретарь тайной канцеляріи записывалъ показаніе Яганны.

„Говорила она Вестенгардтшѣ, но когда—не упомнитъ,

что въ домѣ у нея, Яганны, поставлено было много солдатъ и какъ де фельдмаршалъ фонъ-Минихъ былъ у государыни цесаревны, то она де, Яганна, просила его, чтобы со двора ея солдатъ свести, и оной фонъ-Минихъ приказалъ подать челобитную, и она де, Яганна, какъ съ челобитною къ тому фонъ-Миниху пришла, то де ее передъ собою не пустилъ и притомъ де она, Яганна, про того фонъ-Миниха говорила: „въ старыя де годы я фонъ-Миниху служила и онъ де называлъ меня благодѣтельницею, а онъ де не очень изъ великой фамилии, а нынѣ де великъ, и фельдмаршалъ сталъ, и спѣсивъ и нынѣ де меня, бѣдной, не знаетъ“. Вестенгардтша когда-то ей, Яганнѣ, говорила, что слышала, будто государыня императрица пожаловала цесаревнѣ тридцать тысячъ рублевъ и теперь цесаревнѣ есть чѣмъ жить, а на это она, Яганна, говорила Вестенгардтшѣ, что отъ государыни императрицы цесаревнѣ такихъ денегъ не пожаловано, а цесаревнѣ было бы де чѣмъ не жить, когда бы де покойная императрица Екатерина Алексѣевна собственныхъ своихъ деревень не отдала фамилии своей“.

— Больше ничего не помнишь? спросилъ Андрей Ивановичъ.

— Больше ничего не помню, отвѣчала старуха.

— Говорила бы ужъ все сразу, мадажъ Яганна, сказалъ съ досадою Андрей Ивановичъ, — время только тянешь. — Смотри, попадешь къ нему въ руки, прибавилъ онъ, указывая на заплечнаго мастера.

На другой день, 1-го іюля, вызвали опять изъ дома цесаревны дѣвицу Лизаветъ и пригласили въ тайную канцелярію лютеранскаго пастора Націуса. Андрей Ива-

новичъ объявилъ ему приказаніе императрицы, чтобъ онъ увѣщеваль Вестенгардтъ и дѣвицу Лизабеть сказать правду, но чтобъ при увѣщаніи онъ отъхъ дѣлахъ, о чемъ Вестенгардтъ доносить, ихъ не выспрашиваль.

„И потомъ оной пасторъ Націусъ (такъ записано въ дѣлѣ), съ означенною Лизabetою говорилъ по-нѣмцеи довольно, и послѣ того оной пасторъ Націусъ его превосходительству донесъ словесно по-русски, что онъ помянутую Лизабеть, какъ по ихъ вѣрѣ надлежитъ, въ означенномъ увѣщеваль на-крѣпко. И оная де Лизабеть сказала, что о чемъ была она, Лизабеть, допрашивана, о томъ де ни о чемъ отъ Яганны Петровой никогда она не слыхала, также и сама она, Лизабеть, словъ, какъ показываеъ Вестенгардтша, никогда ни къ чему оной Яганнѣ не говорила и въ томъ де передъ нимъ, Націусомъ, на-крѣпко утверждаетъ“.

Лизабету отпустили.

Принялся пасторъ увѣщевать Вестенгардтъ; она подтвердила, что говорила истинную правду.

Андрей Ивановичъ послалъ секретаря объявить Яганнѣ, что Вестенгардтъ утверждается въ своемъ доносѣ, и внушить ей, что она можетъ довести себя до пытки.

Секретарь возвратился и доложилъ Андрею Ивановичу, что Яганна желаетъ говорить съ его превосходительствомъ секретно.

— Какой тутъ секретъ? закричалъ Андрей Ивановичъ, приведите ее и пусть она при Вестенгардтшѣ говорить всю правду, — а то еще очныя ставки, бабѣ вранье, да запирательство. Приведите ее!

Андрей Ивановичъ, видимо, щадилъ Вестенгардтъ въ угоду Бирону.

Бѣдная старуха Яганна, измученная страхомъ, изнуренная трехдневнымъ содержаніемъ подь карауломъ, предстала предъ грознаго Андрея Ивановича и начала рассказывать все, что только могла вспомнить изъ своихъ разговоровъ съ Вестенгардтъ.

„Когда въ домѣ у нея жила Вестенгардтша, то когда-то, не упомнить, Вестенгардтша ей говорила: слышала она, что Варвару Арсеньеву велѣно взять сюда въ Санкт-петербургъ *). И она, Яганна, спросила, почему она о томъ вѣдаетъ? и Вестенгардтша отвѣчала, что императрица писала, чтобъ ей быть, „чаю де, что скоро будетъ“. Яганна спросила: а гдѣ будетъ она жить? Вестенгардтша отвѣчала: „можетъ де быть, что будетъ де при государынѣ или при княжнѣ Меншиковой жить **). На это Яганна говорила: „Вотъ де какія вины были, да прощены; что хотѣла де оная Варвара, чтобы князь Меншиковъ былъ герцогомъ. „Теперь де можно и оберъ-камергера сдѣлать герцогомъ и можетъ де онъ на императрицѣ жениться“. Вестенгардтша отвѣчала: „У него де жена есть“. Яганна на это сказала: „Жена его больна и можетъ ее въ кляшторъ отдать“. Но, одумавшись, что она, Яганна, дурно говорила, тотчасъ сказала Вестенгардтшѣ, „Теперь-де можешь мнѣ бѣду сдѣлать!“ А Вестенгардтша божилась и говорила, что о томъ никому не скажетъ. А во время этихъ разговоровъ дѣвицы Лизаветъ и дру-

*) Варвара Арсеньева, свояченица князя Александра Даниловича Меншикова, при его ссылкѣ въ Березовъ, была заключена въ монастырь.

***) Дѣти Меншикова были возвращены изъ ссылки, послѣ его смерти, императрицею Авною Иоанновною.

гихъ никого не было, а говорили онѣ между собою однѣ“.

Старуха замолчала.

— Только и всего? спросилъ Андрей Ивановичъ, а объ цесаревнѣ-то, что нечѣмъ ей жить? а объ оберъ-камергерѣ?

— Не помню, отвѣчала Яганна.

— Авось вспомнишь, сказалъ Андрей Ивановичъ — отведите подѣ караулѣ!

Опытъ научилъ Андрея Ивановича, что подкараульное содержаніе, въ виду застѣнка, часто развязывало языки людей, попадавшихъ въ тайную канцелярію.

Прошло два дня, томительныхъ для старухи. Чего отъ нея хотятъ? За что преслѣдуютъ? Она не понимала, что въ ея болтовнѣ Андрею Ивановичу нужно было уловить то, что могло усилить нерасположеніе императрицы и Бирона къ цесаревнѣ.

3-го іюля Андрей Ивановичъ опять потребовалъ Яганну къ допросу.

— Что же? вспомнила о цесаревнѣ? спросилъ онѣ.

— Чего вспоминать? почти вскрикнула на Ушакова преданная цесаревнѣ старуха. Говорила я всегда, говорю и теперь, что государыня цесаревна немного упряма, а когда бы у государыни императрицы искала, то бы оставлена не была. И когда Вестенгардтша мнѣ говорила, что императрица пожаловала цесаревнѣ тридцать тысячъ рублей, я говорила ей: „Это де не великое дѣло! батюшка де цесаревичъ, императоръ Петръ Первый, многія земли прибавилъ и много де сдѣлалъ, можно ей земли дать“!

Какъ много въ этихъ словахъ раздраженной старухи

теплой преданности и высокаго уваженія къ Петру Великому! Онъ многія земли прибавилъ, онъ много сдѣлалъ, — можно его дочери земли дать! Нѣмка бросила этотъ страшный упрекъ человѣку, и притомъ русскому, обязанному всѣмъ своимъ счастьемъ Петру. Сконфузился Андрей Ивановичъ, но глаза его сверкнули зловѣщимъ огнемъ.

Старуха испугалась своей смѣлости и поспѣшила огорвориться:

— Не о земляхъ, чтобъ дать цесаревнѣ говорила, а говорила, что деньгами или другимъ чѣмъ можно бы государынѣ императрицѣ цесаревну пожаловать... ну да не упомяну, какъ и что объ этомъ говорила.

— Ну, а объ оберъ-камергерѣ что ты говорила? спросилъ Ушаковъ.

— Что оберъ-камергеръ очень нефамильный человѣкъ и жена де его еще просто нефамильная—я не говорила, а только говорила Вестенгардтшѣ, что оберъ-камергеръ бѣдный былъ дворянинъ, да и жена де его не изъ богатой фамилии была.

На другой день, 4-го іюля, Андрей Ивановичъ, довольный, что можетъ угодить Бирону, доложилъ императрицѣ всѣ показанія Яганны, подтверждавшія справедливость на нее доноса вольной дѣвки иноземки Вестенгардтъ. Въ тотъ же день императрица приказала „за правый доносъ Вестенгардтши на Яганну дать ей награжденіе двѣсти рублей“.

По установленному и законному тогда порядку, Яганна подлежала сперва пыткѣ, а потомъ смертной казни. — Но заговорила ли въ Андрей Ивановичъ совѣсть, или подѣйствовала на него вспышка Яганны и убѣжденіе,

что въ ея лицѣ, въ сообщничествѣ съ Бирономъ, онъ преслѣдуетъ дочь своего благодѣтеля, того, который такъ много сдѣлалъ,—только онъ, предварительно составленія экстракта изъ всего дѣла и заключенія по немъ, подалъ императрицѣ слѣдующее мнѣніе:

„Не благоугодно ли будетъ, по милосердію вашего величества, вмѣсто пытки и смертной казни учинить оной Яганнѣ жестокое наказаніе кнutomъ и сослать въ Сибирь, въ дальній монастырь, и содержать ее въ томъ монастырѣ неисходно и пищу давать противъ того монастыря монахинь“.

12-го іюля, изготовленный экстрактъ, при письмѣ отъ себя на имя императрицы, въ запечатанномъ пакетѣ, Андрей Ивановичъ послалъ съ секретаремъ тайной канцеляріи Хрущовымъ въ Петергофъ и велѣлъ отдать оберъ-камергеру Бирону.

Двѣ недѣли не было отвѣта; наконецъ 26-го іюля экстрактъ былъ возвращенъ Андрею Ивановичу съ слѣдующею резолюціею за собственноручнымъ подписаніемъ императрицы:

„Вмѣсто кнута бить плетью, а въ прочемъ быть по вашему мнѣнію“.

„Анна“.

2-го августа 1735 года, Яганна Петрова, по учиненіи наказанія, отправлена была въ Енисейскій Рождественскій монастырь.

Прошло шесть лѣтъ: Биронъ сошелъ со сцены, со всѣми своими клеветами, но Андрей Ивановичъ Ушаковъ уцѣлѣлъ, и по приказанію правительницы Анны Леопольдовны, желавшей угодить цесаревнѣ Елисаветѣ

Петровнѣ, 17-го февраля 1741 года, онъ же, Андрей Ивановичъ, подписалъ указы въ Сибирскую губернскую канцелярію и въ Синодъ о возвращеніи изъ ссылки Яганны Петровой въ Санктпетербургъ.

Въ списокѣ женской прислуги двора императрицы Елисаветы Петровны 1742 года мы находимъ опять мадамъ Яганну Петрову; ей назначено въ годъ жалованья 200 руб. Въ 1746 году она жила въ Зимнемъ дворцѣ; съ нею жили двѣ фрейлины: Авдотья Разумовская и Ефимовская, малолѣтнія дѣвицы Будакова и Козлова и четыре племянника графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго. Мадамъ Яганна получала столъ отъ двора наравнѣ съ фрейлинами и сверхъ того ежедневно: полпива по 6 бутылокъ, меду и пива по 4 бутылки, рейнвейну и краснаго по 1 бутылкѣ; каждыя два дня: водки поддѣльной изъ простаго вина по $\frac{1}{2}$ кружки; каждыя двѣ недѣли: водки гданской по одному штофу; ежемѣсячно: чаю четверть фунта, кофе три фунта, сахару венарскаго десять фунтовъ. Мадамъ Яганна доживала спокойно остатокъ своихъ дней при своей благодѣтельницахъ Елисаветѣ Петровнѣ.

СУЛТАНСКОЕ ПИСЬМО.

(Изъ дѣлъ тайной канцеляріи).

I.

Въ 1736 году въ Нижнемъ-Новгородѣ, у одного подъячаго, по прозванію Петра Максимова, въ дому его поставленъ былъ военный постой въ лицѣ солдата Федора Щербакова. Солдатъ пришелся не по-душѣ подъячему, какой-то строптивый, сварливый, смотрѣлъ все изъ подлобья, говорилъ мало, уходилъ рано на весь день и приходилъ часто очень поздно вечеромъ.

— Не ладно, говаривалъ подъячій женѣ своей,—не ладно, такъ вотъ сердце и говоритъ, что не миновать намъ бѣды съ этимъ солдатомъ.

И дѣйствительно предчувствіе не обмануло Максимова...

Въ одно прекрасное утро, жена подъячаго заявила мужу, что солдатъ укралъ у нея изъ подголовка 2 р. 25 к. денегъ, два креста съ цѣпочкою и двѣ серебряныя запонки. Наканунѣ вечеромъ она сама положила деньги въ подголовокъ, ходила ночью къ заутрени, поутру вернулась рано и не нашла ни денегъ, ни креста,

ни запонокъ, а въ домѣ кромѣ солдата да мужа постороннихъ съ вечера и до утра никого не было.

Подъячій отправился къ ротному командиру солдата Щербакова и заявилъ ему о воровствѣ.

Привели Щербакова и ротный началъ допросъ.

— На тебя, Щербаковъ, показываетъ подъячій, что ты укралъ у жены его деньги, крестъ съ цѣпочкою и запонки?

— Никакъ нѣтъ! ваше благородіе, и не видѣлъ, и не слыхалъ, и не воровалъ; клевететь онъ на меня.

— Въ домѣ постороннихъ съ вечера и до утра... началъ говорить подъячій.

— Какое мнѣ дѣло до твоихъ постороннихъ? кто видѣлъ, что Щербаковъ воровалъ?

— Съ вечера и до утра постороннихъ въ домѣ... началъ опять подъячій.

— Убирайся ты къ чорту съ твоими посторонними! закричалъ ротный командиръ. Отвѣчай, кто видѣлъ...

— Да что ты орешь на меня? въ свою очередь закричалъ подъячій, я тебѣ не команда! защищать что ли хочешь своего...

— Ахъ ты, канцелярская крыса! закричалъ ротный. Вотъ я тебѣ покажу команду. Въ полковую его избу! ведите его! въ полковую...

Подъячій барахтался, но куда же ему было справиться съ солдатами; его привели въ полковую избу и здѣсь ротный началъ потѣшаться надъ нимъ батогами, съ приговоркою: я не команда? а? не команда? Солдаты били съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ канцелярскую крысу. Подъячій сперва кричалъ: ай! ай! батюшки! караулъ! злодѣи! и наконецъ закричалъ: слово и дѣло!

Никакой командиръ въ свѣтѣ не остановилъ бы такъ быстро экзекуцію расходившихся солдатъ, какъ эти страшныя два слова!

Подъячаго, по приказанію ротнаго, отвели въ губернскую канцелярію.

II.

Извѣстно, что побои и истязанія вынуждали многихъ несчастныхъ кричать слово и дѣло, и въ монастыряхъ, и въ селахъ, и въ деревняхъ, и въ городскихъ тюрьмахъ, и въ полковыхъ избахъ, и даже на улицахъ и на площадяхъ... побои и истязанія прекращались, но послѣ побитымъ и истерзаннымъ было не легче. За ложное говореніе слова и дѣла законъ опредѣлялъ внуть, плети или батоги.

При такой обстановкѣ дѣла находился и подъячій Петръ Максимовъ; его привели въ губернскую канцелярію и здѣсь немедленно начался допросъ.

— Сказывалъ-ли ты государево слово и дѣло?

— Сказывалъ не стерпя побой, а слова и дѣла за мною нѣтъ никакого...

— Такъ ложно сказывалъ?

Вопросъ очень неприятный. Подъячій зналъ, какого рода удовольствіе ему предстоитъ за ложное сказываніе слова и дѣла, нужно было вывертываться! но какъ?

Подъячій призадумался и отвѣчалъ:

— Только вотъ видалъ я у писца Ивана Анофріева списокъ съ письма, писаннаго отъ салтана турецкаго...

— А что въ письмѣ? къ кому? до какой причины?

Опять бѣда подъячему. Читалъ онъ это письмо у

Ивана Анофріева, а подробности запомнилъ — вспомнилъ только нѣчто:

— Всего запомнилъ, отвѣчалъ онъ, — а помню написано отъ салтана турецкаго, что онъ царь русскій, что онъ наслѣдникъ московскій... что священниковъ псамъ отдастъ на съѣденіе... пишетъ салтанъ, чтобъ вѣру его приняли... а болѣе не помню.

Губернская канцелярія отыскала писца Ивана Анофріева.

— Откуда взялъ письмо салтана турецкаго? гдѣ оно?

Предъявилъ Анофріевъ списокъ съ письма салтана турецкаго.

— А у кого списалъ?

— У Аванасья Осипова, пономаря Николаевской церкви.

Отыскали пономаря.

— Отъ кого получилъ письмо?

— Отъ школьника Василья Иванова.

Отыскали школьника; онъ получилъ письмо отъ сына нижегородскаго ямщика Дмитрія Моисѣева; Моисѣевъ отъ крестьянина нижегородской Благовѣщенской слободы Ивана Кондратьева; Кондратьевъ отъ крестьянина же Макурина; Макуринъ отъ дьячка Федора Михайлова; дьячокъ — отъ брата своего Бориса; Борисъ отъ Нижегородскаго ямщика Ивана Красносельцева, а Красносельцевъ прекратилъ наконецъ эту скачку губернской канцелярії за переписчиками салтанскаго письма, объявивъ, что получилъ его въ городѣ Романовѣ отъ невѣдомаго человѣка.

— Какія примѣты? какого званія, или чина невѣдомый человѣкъ? гдѣ живетъ?

На эти вопросы Красносельцевъ отвѣчалъ:

— Не вѣдаю, былъ невѣдомый для меня человекъ!

Губернская канцелярія отпустила на свободу всѣхъ любознательныхъ переписчиковъ султанскаго письма, а оставила у себя подъ арестомъ „въ тюрьмѣ“ подъячаго Петра Максимова и ямщика Красносельцева, и списокъ съ письма султана турецкаго послала въ московскую контору тайной канцелярії, испрашивая разрѣшенія, какъ поступить съ арестантами.

Вотъ это письмо, сохранившееся въ дѣлахъ тайной канцелярії:

„Махмедъ сынъ прехвальныя славы и надъ всѣми повелитель, сынъ Божій, монархъ турецкій, маведонскій и волжскій, царь арменскій и антиохійскій, царь великаго и малаго Египта, царь вселенныя и славнѣйшій между всѣми нами махомедами и наслѣдникъ венгерскій, русскій, царь всѣхъ царей и государей, держава жизни и наслѣдникъ московской земли и обѣтованныя, великій гонитель христіанскаго Бога, цареву цвѣту блюститель, великія надежды повелитель. Поздравляю тебе Леопанде цесарю, аще хочеши и желаеши быти между нами безъ всякія обиды не сотворенно тебѣ идти на насъ дѣломъ или войною; догадываемся яко со онымъ нѣкоторымъ съ королемъ покусился еси внити въ совѣтъ, да противъ моей силы ратоборствовать, и то ты ничего не ожидай себѣ, токмо жди себѣ совершенной погибели своей во истинну волею ты поискалъ аще и сіе объявлю тебѣ, что я изыду на погубленіе твое къ тебѣ отъ востока даже и до запада и покажу тебѣ силы моя крѣпости съ великимъ наказаніемъ, да познаеши и узриши сколько силы государства моего, а что на-

дѣешься ты на свои городки, будто крѣпки; и я конечно пораждѣю ихъ въ конецъ искоренити и испровергнути, якобы ихъ на свѣтѣ никогда не бывало; сверхъ сего объявляю вамъ выщее истовая исполненія, яко Богу попускающу вся, твоя земли и грады и страны никогда не будетъ мирнаго покоя; яко уставивъ мысли моя погубить тебя съ людьми твоими въ маломъ времени и нѣмецкую землю подщусь разорити и искоренити и ничего въ ней оставить, а твоему государству страхомъ моимъ и саблю мою пролитіе крове вѣчную память сотворю, воистинну то все и сбудется, чтобъ моя слава явная была повсюду и чтобъ вѣра наша вездѣ широту воспріяла, а Богъ вашъ ко кресту пригвожденъ вѣчно и крѣпости никогда же возможенъ сотворити тебѣ помощь отъ моихъ рукъ освободити. Паче же священники твои уставихомъ псамъ на съѣденіе отдать. И совершенно и то будетъ добро бы ты сотворилъ аще бы — и ты вѣру свою оставилъ и видѣлъ бы я подлинное ко мнѣ твое обращеніе, а то довольно ти буди для познанія тѣхъ яко же къ тебѣ писано“.

Не смотря на полное безмысліе этого памфлета и на то, что онъ написанъ въ Леопанду (Леопольду цесарю Римскому), тайная контора рѣшила о переписчикахъ и читателяхъ султанскаго письма такъ: „чтобъ впредь они такихъ не дѣльныхъ писемъ при себѣ не имѣли учинить имъ наказаніе битъ батогами нещадно и освободить“.

Впрочемъ, можетъ быть, это письмо имѣло какое нибудь современное значеніе, потому что въ запискахъ Желябужскаго мы встрѣтили варіантъ этого письма, къ сожалѣнію, помѣщенный безъ всякаго объясненія.

ВАНЬКА КАИНЪ.

Въ первой половинѣ XVIII столѣтія, воровство и мошенничество развились въ Москвѣ въ огромныхъ размѣрахъ; со всѣхъ сторонъ, зимою и лѣтомъ, собиралось въ Бѣлокаменную то особенное народонаселеніе, которое встрѣчается во всѣхъ большихъ городахъ и существуетъ на счетъ ближняго, обманомъ, воровствомъ и насильственнымъ отнятіемъ собственности. Москва, въ окружавшихъ ее слободахъ, населенныхъ тяглецами, людьми обѣднѣвшими, давала безопасный пріютъ всѣмъ бѣглымъ и безпаспортнымъ; а такихъ было много, потому что бѣгство было единственнымъ средствомъ избавиться отъ тягостей крѣпостнаго состоянія, существовавшего въ полномъ его развитіи и поддержаннаго законами. Бѣгали много и отъ рекрутства, которое было ненавистно русскому народу. Днемъ бродили „гулящіе“ люди по Красной площади, въ Охотномъ ряду, на Крестцахъ, въ рядахъ, по торговымъ банямъ. Ночью они грабили шайками; темные, неосвѣщенные улицы и переулки, съ деревянными полусгнившими мостовыми, а большая часть и совсѣмъ безъ мостовыхъ, грязные пустыри, дворы, разрушенные и покинутые послѣ пожаровъ, облегчали

дерзкіе разбои ночные, давая легкое средство скрываться, а полное неустройство полицейскаго надзора ободряло грабителей. Ворами и мошенникамъ нужны тѣсныя мѣстности и толпа, а эти условія въ нѣкоторыхъ пунктахъ Москвы исторически сложились со всѣми удобствами для промышляющихъ чужою собственностью. На Красной площади съ ранняго утра толпился народъ между беспорядочно построенными лавками и шалапами; здѣсь и на Крестцахъ производилась главная народная торговля; здѣсь бѣдный и расчетливый человекъ могъ купить все, что ему было нужно, и за дешевую цѣну, начиная съ състныхъ припасовъ, одежды и до драгоценныхъ камней, жемчуга, золота и серебра. Въ уменьшенномъ видѣ это продолжается и теперь на толкучкѣ у Пролома. Вглядитесь въ эту сплошную толпу и перенесите ее въ своемъ воображеніи къ Лобному мѣсту и къ монументу Пожарскаго и Минина, тогда не существовавшего, но вообразите толпу въ десять разъ болѣе, и вотъ вамъ Красная площадь. То же, но въ меньшемъ размѣрѣ, происходило около Охотнаго ряда и по Неглинной, которая въ этомъ мѣстѣ давала еще воду мельницѣ у Воскресенскихъ воротъ. Торговня бани собирали къ себѣ, по русскому необходимому обычаю, также много народа: но они были на окраинахъ тогдашняго города въ слободахъ. Внутри же города въ харчевняхъ, въ пирожныхъ, народъ толпился съ утра до ночи, а въ фортинахъ (кабаки) въ продолженіе всей ночи сидѣли пьяные. Харчевни и выносные очаги существовали не только вблизи рядовъ и гостиннаго двора, но и между рядовъ, въ самыхъ тѣсныхъ мѣстахъ, и внутри гостиннаго двора, отчего не одинъ разъ случались пожары.

Такъ въ 1735 г. отъ одного выноснаго очага едва не сгорѣлъ весь гостинный дворъ. Въ харчевняхъ печи большею частію устраивались безъ трубъ, а дымъ выходилъ въ окна. На Красной площади, противъ комедіантскаго дома, было три очага, на которыхъ жарилась для проходящихъ рыба; въ Зарядьѣ, въ рядахъ и около гостиннаго двора существовала 61 харчевня и 16 выносныхъ очаговъ. Особенно было много харчевень и шалашей около Василия Блаженнаго, внизъ въ Москвѣ рѣкѣ, противъ щепетильнаго и игольнаго рядовъ: тутъ отъ нихъ была тѣснота для проѣзда (д. камеръ-коллегіи, св. 77, № 50). Вообще тѣснота въ этой части города была особенная и еще въ 1728 году полиція усмотрѣла, что въ Китаѣ, по Ильинской большой улицѣ, становилось завсегда межъ рядовъ многое число каретъ и колясокъ и извозчичьихъ роспусковъ, также и верховыхъ лошадей, отчего народу въ проходѣ и въ проѣздѣ „не безъ тягости“. Вслѣдствіе этого сдѣлано распоряженіе: „смотрѣть на-ерѣвко, чтобы по оной улицѣ, межъ рядовъ, оныхъ каретъ и колясокъ и верховыхъ лошадей и извозчичьихъ роспусковъ въ поставкѣ отнюдь не было, дабы проѣздъ и проходъ народу былъ свободенъ“, а каретамъ, коляскамъ и съ лошадьми велѣно становиться на Красной площади и извозчикамъ въ другихъ свободныхъ мѣстахъ, „гдѣ имѣется малонародно“ (дѣла полиц. канц.). Для наблюденія за исполненіемъ этого распоряженія назначенъ былъ полицейскій сержантъ и 10 человекъ солдатъ.

Ряды въ Китай-городѣ расположены были по предметамъ торговли и удовлетворяли всѣмъ разнообразнымъ требованіямъ тогдашняго народнаго хозяйства: икон-

ный, сѣдельный, котельный, желѣзный, коробейный, бумаженный, манатейный *), сайдашный (отъ слова саадакъ — здѣсь продавалось оружіе), кожаный, лапотный, крашенинный, ирошный **), плетной, овощной, завязочный, кружевной, золотной, красильный, шапочный, суконный смоленскій, суконный московскій, скорнячный, серебряной,-ветошный, покровный, хлѣбный и калачный, сурожскій шелковый, мыльный, сапожный, скобяной, рыбный просольный, самопальный, медовой, москотильный, машинный, фонарный, вандышной ***) судовой, пушной, подошевный, свѣчной, юхвенный ****), восковой, замочный, щепетильный, игольный, селедный, луковый, чесноковый, шерстяной, сѣмянной, орѣшный, рыбный живой, масляный, кисейный, холщевый. Кромя того торговля производилась на ларяхъ, рундукахъ, въ коробкахъ, на скамьяхъ, на ящикахъ. По Никольской улицѣ, идучи изъ Кремля, по лѣвой сторонѣ отъ Казанскаго собора, вдоль по улицѣ, на протяженіи 32 сажень тянулись шалаши. Любимый народный напитокъ, квасъ, продавался въ квасныхъ кадахъ, разсѣянныхъ между рядами и шалашами, на углахъ и крестцахъ. Брдобритіе, съ которымъ такъ боролся народъ въ началѣ XVIII столѣтія, привилось скоро. Въ 1736 году

*) Манатя: мантія монаха — накладка, зипуль, подержанная верхняя одежда. Слов. Даля.

**) Ирга или ирка — козлиная или овечья шкура, выдѣланная въ родѣ замши. Слов. Даля.

***) Ванда: родъ большой верши, морды изъ лозы, для ловли рыбы въ ярахъ и омутахъ. Слов. Даля.

****) Юфть или юхъ — кожа рослаго быка или коровы, выдѣланная по русскому способу на чистомъ дегтю. Слов. Даля.

существовали въ Москвѣ цирюльни: одна на Варварскомъ крестцѣ, идучи изъ города направо, другая въ каданномъ ряду; двѣ идучи отъ Варварскаго крестца къ Москворѣцкимъ воротамъ, по правую сторону; пять на каменномъ Всесвятскомъ мосту, и 14 въ Землянномъ городѣ. Собирался еще народъ на Болотѣ; здѣсь исключительно зимою торговали на салазкахъ — голицами*), щепетильнымъ товаромъ, мясомъ и съѣстными харчами; чрезъ Болото шель мостъ. (Изъ дѣлъ архива м. ю. камеръ-коллегіи св. 9 д. н. 3.). Питейные погреба находились только въ Китай-городѣ; ихъ было 100, изъ которыхъ 53 помѣщались идучи съ Ильинскаго крестца къ Варварскому. Кабаки или фортины были не въ значительномъ числѣ; также вино покупалось на кружалахъ на выносъ. Кабаки устроены были очень просто: стойка и лавка; подъ поломъ обыкновенно былъ ледникъ; надъ дверьми кабака на доскѣ нарисованъ былъ гербъ, а у табачныхъ лавокъ были доски, на которыхъ нарисованы были офицеры съ курительными трубками; надъ нѣкоторыми кабаками, въ праздники, выставляли знамена, флаги и вымпела. Въ 1749-г. камеръ-коллегія запретила эти рисунки и велѣла надъ кабаками выставить только надписи: въ семъ домѣ питейная продажа; а надъ табачными лавками: въ семъ домѣ табачная продажа, а другихъ никакихъ непристойныхъ знаковъ не выставлять (Д. а. м. ю. камеръ-коллегіи св. 91, № 14).

*) Голица — кожаная рукавица по себѣ, т. е. безъ вареги. Слов. Даля.

„Люди всякаго чина и подлый народъ“ толпились на Красной площади, въ рядахъ, на крестцахъ, въ харчевняхъ, а между ними промысломъ своимъ занимались вору и мошенники: воровали изъ кармановъ, изъ лавокъ и палашей и тутъ же торговали украденнымъ. Присмотръ полицейскій былъ ничтоженъ, а московская губернская канцелярія и полиціймейстерская были такъ обременены судными и розыскными дѣлами, что судопроизводство шло медленно и безпорядочно, не говоря уже о злоупотребленіяхъ. Въ виду этихъ затрудненій, въ 1730 г. 19-го марта, сенатъ представилъ императрицѣ слѣдующій докладъ:

„До состоянія губерній на Москвѣ были приказы и въ нихъ дѣла: 1) Судной Московской, судимы были всѣ московскихъ чиновъ люди; 2) Судной Володимирской, судимы были городовые дворяне и подьячіе и другихъ нижнихъ чиновъ люди; 3) Разбойной или Сыскной, разбойныя и убійственныя, которыя чинились въ Московскомъ уѣздѣ и въ городѣхъ и въ уѣздѣхъ; 4) Земской, татинныя же и разбойныя и убійственныя дѣла, которыя чинились на одной Москвѣ; 5) Казанской Дворецъ, вѣдомы были какъ судныя, такъ и земляныя дѣла помѣщиковъ низовыхъ городовъ, также и московскихъ чиновъ людей по подписнымъ челобитнымъ. 6) Приказъ Княжества Смоленскаго, всякія дѣла, какъ судныя, такъ и земляныя, Смоленской шляхты. 7) Сверхъ тѣхъ приказовъ производились судныя дѣла въ Судномъ Дворцовомъ и въ Новгородскомъ приказахъ. Въ тѣхъ приказахъ были судьями изъ бояръ и изъ другихъ знатныхъ чиновъ и фамилій по одному и съ ними въ товарищахъ по одному же и

по два человѣка и по нѣскольку дьяковъ. А на неправоe рѣшеніе били челомъ въ Раѣсправной палатѣ. Такимъ образомъ, въ каждомъ приказѣ были особливья дѣла, и по мнѣнію Сената продолженія и волокиты челобитчикомъ не было. Съ 1710 года, по росписаніи губерній, для всѣхъ тѣхъ дѣлъ Московской губерніи былъ одинъ земскій приказъ и въ немъ особливые судьи, подъ вѣдомствомъ губернаторскимъ; въ 1719 году, для суда и расправы учреждены были надворные суды, въ томъ числѣ и на Москвѣ. Въ 1727 году надворные суды отмѣнены, а судъ и расправа возложены на губернаторовъ и воеводъ, а изъ приказовъ судныя и розыскныя дѣла взяты въ Московскую губернскую канцелярію, въ томъ числѣ невершенныхъ прежнихъ лѣтъ 21,388 дѣлъ. А понеже нынѣ въ Москвѣ Вашего Императорскаго Величества резиденція, и губернія Московская противъ другихъ губерній весьма превосходить (докладывалъ сенатъ), еъ тому же какъ высшихъ, такъ и нижнихъ чиновъ людей большая часть живетъ на Москвѣ, и за тѣмъ не токмо въ судныхъ и розыскныхъ дѣлахъ, но и въ одномъ губернскомъ правленіи исправиться никакъ невозможно и челобитчики долговременно волочатся, того ради Сенатъ предлагалъ учредить:

1) Судный приказъ, въ которомъ всякаго чина людей, которые обрѣтаться будутъ на Москвѣ, судъ давать и рѣшенія чинить.

2) Сыскной приказъ, въ которомъ быть татиннымъ, разбойнымъ и убійственнымъ дѣламъ и которые воры и разбойники пойманы будутъ въ Москвѣ и приведены въ полицмейстерскую канцелярію, тѣхъ записавъ того

же времени отсылать въ Сыскной приказъ, а въ той канцеляріи никакимъ розыскамъ не быть.

3) Для вершенія старыхъ дѣлъ выбрать на время особливыхъ судей, дабы судному и Сыскному приказу въ настоящихъ новыхъ дѣлахъ помѣшательства и остановки не было.

4) На неправое вершеніе вышеписанныхъ приказовъ, такожь и на провинціальныхъ и городовыхъ воеводъ всей Московской губерніи въ правомъ же вершеніи однихъ судныхъ и розыскныхъ дѣлъ бить челомъ въ Юстицъ-Коллегію, а на Юстицъ-Коллегію въ Сенатъ, а въ Московской губернской канцеляріи, также ни въ которой коллегіи и канцеляріи тѣхъ судныхъ и розыскныхъ дѣлъ ничѣмъ не вѣдать; въ прочихъ же губерніяхъ о тѣхъ дѣлахъ поступать по выданной въ прошломъ, 1728 г., губернаторской и воеводской инструкціи, и о томъ требуется Вашего Императорскаго Величества указу". На этомъ докладѣ состоялась резолюція 20-го марта, подписанная императрицею:

„По сему представленію учинить по первому, второму и четвертому пунктамъ, а по третьему старья дѣла для рѣшенія разобрать судныя въ Судный, а розыскныя въ Сыскной приказъ. Анна“.

На основаніи этого предварительнаго сенатскаго доклада состоялся указъ 22-го іюля 1730 г. объ учрежденіи Сыскаго приказа. Приказъ учредили, но дѣла не пошли лучше, а воры и мошенники, съ увеличеніемъ числа подъячихъ, приобрѣли новыхъ покровителей; а подъячіе были для народа особо важны, особенно въ воровскихъ дѣлахъ, потому что они были въ родѣ слѣдователей, которымъ поручались изслѣдованія многихъ татинныхъ

и убійственныхъ дѣлъ. Сверхъ того, дѣла слѣдственныя или розыскныя нисколько не сосредоточивались въ Сыскомъ приказѣ или въ полиціи: Московская губернская канцелярія не выпускала также изъ своихъ рукъ такія хлѣбныя дѣла. Слѣдствія производились любопытнымъ порядкомъ. Въ 1745 году дворовый человѣкъ одного московскаго помѣщика Неронова, въ подмосковной его деревнѣ, по прозванію Соболевскій, пошелъ осматривать лѣсъ, нѣтъ ли порубокъ, и нашелъ на дорогѣ чучелу тетеревиную, поднялъ ее и, выходя изъ лѣса, наткнулся на драгунъ, разѣзжавшихъ около подмосковныхъ лѣсовъ для наблюденія, чтобы не стрѣляли птицъ и вообще чтобы не охотиться въ 50 верстахъ разстоянія около Москвы, на основаніи особеннаго высочайшаго указа 1742 года. Драгуны остановили полѣсовщика, обвиняя его, что онъ ходилъ въ лѣсъ стрѣлять, и представили его апрѣля 24-го въ егермейстерскую канцелярію; отсюда его отправили на судъ московской губернской канцеляріи. Полѣсовщика посадили въ тюрьму, потомъ допрашивали и не удовлетворились его откровеннымъ показаніемъ, что чучелу онъ дѣйствительно нашелъ на дорогѣ. Московская губернская канцелярія послала своего подканцеляриста въ имѣніе Неронова изслѣдовать: точно ли полѣсовщикъ ходилъ въ лѣсъ для осмотра лѣса? Не стрѣлялъ ли онъ птицъ? Не представлялъ ли онъ для этого чучель? Въ какомъ мѣсяцѣ и числѣ и изъ какого села ходилъ онъ для осмотра лѣса? Были ли при немъ въ это время чучелы? Не видѣлъ ли кто нибудь, что Соболевскій стрѣлялъ птицъ? Кто его видѣлъ, когда онъ шелъ обратно изъ лѣса въ деревню съ чучелой? Не ходилъ ли онъ въ другія

лѣсныя дачи, не принадлежащія его помѣщику? Если ходилъ, то въ чьи дачи? Какъ далеко эти дачи отъ Москвы? И всѣ эти вопросы по случаю найденной на дорогѣ тетеревиной чучелы! Бѣднаго полѣсовщика и крестьянъ сосѣднихъ деревень тормозили допросами, сажали въ тюрьмы; а между тѣмъ въ одно и то же время богатые помѣщики, развѣзжая съ псовой охотою, не боялись ни драгунъ, ни подъяческихъ изслѣдованій; и не помѣщикамъ страшны были объѣзжіе драгуны, а помѣщики драгунамъ, которыхъ они часто били, съ содѣйствіемъ своихъ охотниковъ, смертнымъ боемъ. (Архивъ м. ю. Дѣла москов. губ. кан. Вязка 1686. д. № 39. Вязка 1678. д. 32).

Полиція дѣйствовала по большей части не удачливѣе губернской канцеляріи. Въ ея распоряженіи были дѣла: о пьянствѣ, о воровствѣ, о корчемствѣ, поимка бродягъ, нищихъ, бѣглыхъ, жидовъ, по жалобамъ о кричаніи караула, наблюденіе о взысканіи за хожденіе въ указные ночные часы безъ фонаря, за ложное кричаніе слово и дѣло, о топкѣ лѣтомъ печей, драки и побои, наблюденіе за правильною постройкою домовъ. Столновенія съ полиціею, если не оканчивались они взыскою, были очень тяжелы для народа.

12-го мая 1737 года представленъ былъ въ полицію крестьянинъ Боевъ и при немъ курица. Крестьянинъ объяснилъ въ допросѣ, что шелъ онъ изъ дому своего помѣщика и несъ съ собою курицу рабую по Пречистенской улицѣ для продажи и принесъ ее изъ села своего Бирѣва. Полиція постановила: Коштантинова допросить подъ кошками, не поймалъ ли онъ или не укралъ ли онъ гдѣ нибудь курицы и не было ли съ

нимъ кого нибудь въ согласіи; а если не извинится, то отдать его помѣщику съ роспискою.

Вотчины Спасоарoslavскаго монастыря крестьянинъ Максимъ Лукьяновъ заявилъ полиціимейстерской канцеляріи, что 30-го сентября онъ былъ въ гостяхъ въ Ямской Коломенской слободѣ у ямщика Клима Кондратьева, по свойству; возвращаясь отъ него домой, часу въ другомъ ночи, едва успѣлъ онъ отойти сажень съ 6-ть отъ дома Кондратьева, напали на него человѣка съ четыре воровскихъ людей и сняли съ него грабежомъ кафтанъ смурострой, шубу нагольную, камзолъ съ штанами, суконныя лазоревыя, фуфайку китайчатую, сапоги, шляпу, кушакъ яицвой, рукавицы возловыя и денегъ 40 алтынъ; когда его грабили, онъ не смѣлъ кричать подъ угрозами грабителей. Спустя послѣ того два дня, онъ нашель свой кафтанъ смурострой въ одной лавкѣ въ Бѣломъ городѣ на Неглинной, но уже распоротый и лежавшій для продажи. Во время споровъ съ хозяйкою лавки, при требованіи своего кафтана, онъ оторвалъ одинъ рукавъ и съ этимъ рукавомъ отправился на Съѣзжій дворъ для объявленія, но за отсутствіемъ подъячачаго не объявилъ никому, возвратился домой, а на другой день снова пошелъ на Съѣзжій дворъ и объявилъ какъ о грабежѣ, такъ и о найденномъ кафтанѣ. По этому извѣту, взяли въ полицію хозяйку лавки, потому что хозяинъ былъ въ отъѣздѣ. Лавочница ни въ чемъ не повинилась, а между тѣмъ, при осмотрѣ Максима, онъ оказался подозрителенъ, т. е. на тѣлѣ его нашли знаки наказанія внучомъ. Максимъ объяснилъ, что въ 1727 г. онъ содержался въ полиціи по обвине-

нію въ сорваніи замка у одной лавки въ ветошномъ ряду и при слѣдствіи былъ два раза пытанъ.

Полиціймейстерская канцелярія, принимая въ руководство 53 главу генеральнаго регламента о шельмованныхъ, по которой такимъ лицамъ запрещено давать судъ, приговорила: „по силѣ онаго регламента, оному Максиму въ вышеписанномъ его искѣ отказать, того ради по всему видно, что означенной приводецъ такимъ поличнымъ ополчилъ и оклеветалъ ту жену напрасно, понеже какъ въ вышеписанный кафтанъ поимался, а караула не кричалъ и съ тѣмъ поличнымъ вышеписаннаго приводной женки мужа ея, куда надлежить, не привелъ, а и взятое будто бы поличное принесъ на съѣзжій дворъ на другой день съ собою безъ всякаго свидѣтельства, да и о грабежѣ о себѣ показалъ, какъ его грабили, въ то время караула не кричалъ; и за такія его, Максимова, продерзости, что онъ въ народѣ чинить нападки и разоренія, чинить ему наказаніе при барабанномъ боѣ, бить морскими кошками нещадно, дабы впредь, какъ ему, такъ и другимъ такимъ же подобнымъ ему, Максиму, дѣлать было не повадно...“

Полицейскій капитанъ Пазухинъ представилъ въ полиціймейстерскую канцелярію двороваго челоуѣка придворнаго стряпчаго Завьялова, Ивана Васильева, обвиняя его въ нарушеніи общественнаго спокойствія. Пазухинъ доносилъ: „26-го ноября, въ 8 часу пополудни, полиціймейстерской часовой, рогаточный, дворовый челоуѣкъ графа Гаврилы Ивановича Головкина, Григорій Еремѣевъ, привелъ на съѣзжій дворъ означеннаго Ивана Васильева, а съ нимъ лошадь буланую, съ саньми, съ

хомутомъ наборнымъ, съ полостью медвѣжьей, покрытою зеленымъ сукномъ, и плащъ суконный васильковаго цвѣта. Еремѣевъ объявлялъ, что когда онъ окликалъ Васильева: кто ѣдетъ? Васильевъ отвѣчалъ: чортъ ѣдетъ! За это онъ его и привелъ на Съѣзжій дворъ“. Васильевъ оправдывался такъ: „26-го ноября, въ 3-мъ часу ночи, помѣщикъ его, дворцовый стряпчій Завьяловъ, бралъ во дворецъ свѣжую рыбу съ рыбныхъ садковъ за Москворѣцкими воротами, на Москвѣ рѣкѣ, и въ то время послалъ его, Васильева, домой за ключами и печатью, въ саняхъ на лошади Его Императорскаго Величества. При возвращеніи Васильева опять къ садкамъ съ ключами и печатью, у Арбатскихъ воротъ, въ Вѣдомъ городѣ у рогатки, часовой началъ его окликать. Васильевъ отвѣчалъ, что ѣдетъ дворцовый служитель, но караульщикъ, невѣдомо за что, отвелъ на Съѣзжій дворъ; а отклика чортъ ѣдетъ не давалъ, и караульщикъ клеплетъ его напрасно“. Рѣшеніе полиціи состоялось такое: Ивану Васильеву учинить наказанье бить при барабанномъ боѣ морскими кошками, для того „хотя онъ въ распросѣ сказалъ, что чортомъ не назывался, и тому вѣрить не можно, а увѣряются болѣе караульными солдаты, въ чемъ и вѣрность чинится; а лошадь съ убогомъ отдать помѣщику...“

Въ ноябрѣ 1741 года, въ одной изъ Московскихъ слободъ, у крестьянки загорѣлась изба. Хозяйка при допросѣ объявила, „что она усмотрѣла дымъ изъ чулана, хотѣла взойти, но при отвореніи двери ее отшибло ломемъ“, и она выбѣжала изъ дому. По рѣшенію полиціи, она была наказана кошками, за небреженіе отъ пожарнаго случая: „понеже оная женка и сама пова-

зала, что тотъ пожаръ учинился въ чуланѣ и видимо (?), что она въ тотъ чуланъ ходила за чѣмъ съ огнемъ и уронила“. (Прот. пол. канц.).

Если полиція дѣйствовала часто произвольно, жестоко и несправедливо, то и народъ, при случаѣ, боролся съ нею также произволомъ, жестокостію и неуваженіемъ закона.

Маіоръ Губаревъ, завѣдывавшій полицейскими дѣлами въ Нѣмецкой и въ другихъ сосѣднихъ слободахъ, доносилъ полиціямейстерской канцеляріи: „Изъ дому грека Саввы Иванова шла дѣвка вдовы маіорши Авдотьи Ивановой Кобелевой и несла хрустальный кувшинчикъ съ виномъ, напрімѣръ, алтына на два; пятидесятскій съ товарищами, поймавъ дѣвку, повели ее на Съѣзжій дворъ, но когда поровнялись съ домомъ означенной маіорши Кобелевой, то изъ дому вышла маіорша съ зятемъ своимъ, тяглицомъ Огородной слободы, Леонтьемъ Матвѣвымъ и, нанявъ солдатъ, ту дѣвку отбили, а пятидесятскій явился на Съѣзжій дворъ съ хрустальнымъ кувшинчикомъ вина, и привели еще грека Савву Иванова, обвиняя его въ корчемной продажѣ вина дѣвкѣ“. Грекъ объявилъ, что онъ вина никакого не продавалъ, да и дѣвки не видѣлъ, а вышелъ на шумъ, который происходилъ на улицѣ, противъ дома Кобелевой, а въ это время пятидесятскіе его арестовали... Грека отпустили, и дѣло оставлено безъ послѣдствій.

30-го октября 1728 г., по полуночи въ 10-мъ часу, въ Кожевнической слободѣ загорѣлся домъ тяглица Малыхъ Лужниковъ Ивана Корешва. Жена его вынесла на улицу сундукъ съ деньгами и просила полицейскаго поручика Спѣшнева покараулить этотъ сундукъ. Спѣш-

невѣ сталъ у сундука и не позволялъ никому близко подходить. Въ это время вышелъ изъ толпы гренадеръ Щербатовъ и объявилъ, что онъ хочетъ сторожить сундукъ. Спѣшневъ велѣлъ ему отойти прочь; гренадеръ схватилъ Спѣшнева за воротъ и разорвалъ кафтанъ. Полицейскій поручикъ крикнулъ сотскимъ и десятскимъ, чтобъ схватили гренадера и отвели бы на Съѣзжій дворъ; гренадеръ вступилъ въ бой съ ними, разбилъ одному десятскому носъ до крови и ушелъ. Полиціейстерская канцелярія потребовала его къ допросу, но гренадеръ и въ полиціейстерскую канцелярію не пошелъ. О сужденіи гренадера полиція все что могла сдѣлать — это сообщить объ его поступкѣ въ полковую канцелярію Семеновскаго полка, въ которомъ служилъ гренадеръ.

Нравы того времени вообще были несдержанны, и на этомъ поприщѣ особенно отличались военные люди.

Императорскій камердинеръ Козьма Ивановъ съ женою своею, 29-го ноября (1728), ѣхалъ Басманною слободою въ Нѣмецкую слободу, часу въ 6-мъ ночи; впереди ѣхалъ сержантъ Семеновскаго полка Козьма Рудаковъ, и съ нимъ было человекъ съ шесть людей, изъ которыхъ двое верхомъ. Камердинеръ хотѣлъ ихъ объѣхать, сержантъ обидѣлся и бросился съ своими людьми на камердинера; его и жену били плетью и вулаками. По показанію камердинера въ полиціи, „сбили съ него парикъ русой натуральной (?) съ косою и съ лентою черною, съ человекъ его сорвали кортикъ, картузь голубой суконный, козловыя рукавицы, а съ жены шапку соболью съ бархатнымъ верхомъ. Жена слегла въ больницу отъ побоевъ....“

У кушца 1-й гильдіи Силина былъ въ услуженіи

калмыченоекъ. 8-го сентября 1741 г. калмыченоекъ отпра-
вился гулять къ Рождественскому монастырю; на Куз-
нецкомъ мосту на него наѣхалъ солдатъ, схватилъ его,
посадилъ въ телѣгу и отвезъ по Троицкой дорогѣ въ
село Мытищи, а здѣсь продалъ его архимандриту Ан-
дреевскаго монастыря за три рубля. Архимандритъ
отвезъ калмыченеа къ себѣ въ монастырь, но онъ вскорѣ
бѣжалъ отъ него....

Неурядица была въ средѣ самой полиціи, какъ по
малочисленности ея, такъ и по самой организаціи. Глав-
ные дѣятели полиціи, особенно ночью, были рогаточ-
ные караульные, сотскіе и пятидесятскіе; всѣ они пре-
имущественно были выбираемы и назначаемы полиціею
изъ дворовыхъ людей и крестьянъ помѣщиковъ, имѣв-
шихъ свои дома на улицѣ. Полицейскія избы или будки
существовали только на главныхъ улицахъ и то не при
всякой рогаткѣ; въ холодѣ, въ дождикъ, рогаточный
караульный спокойно уходилъ себѣ спать на свой дворъ;
дисциплины же между рогаточными и сотскими и пяти-
десятскими не существовало: они дрались и вологли
другъ друга на каждому шагу. Вотъ примѣры. Оброч-
ный крестьянинъ шталмейстера Полянскаго, Ѳома Яков-
левъ, жаловался полиціимейстерской канцеляріи, что
сотскій и десятскій били его у рогатки палкою и про-
били ему голову; товарищи Ѳомы, рогаточные, унимали
сотскаго и десятскаго, говоря имъ, что они бьютъ Ѳому
невинно и хотѣли было бить въ трещетку, но сот-
скій запретилъ имъ, а поколотившіе Ѳому бросили его
въ караульную избу. Сотскій, оброчный крестьянинъ
Ипатскаго монастыря Ѳедоръ Рѣткинъ, при допросѣ въ
канцеляріи, въ побояхъ не отрицался и объяснялъ такъ:

„Когда они, сотскій и десятскій, съ нимъ, Омою, шли къ рогаткѣ, у которой ему, Омѣ, надлежало по очереди стоять на караулѣ, въ то время Ома спросилъ ихъ, куда они его ведутъ? не на воровство ли? И они де, сотскій и десятскій, ему, Омѣ; сказали: развѣ де мы воры? На это Ома отвѣчалъ: не хуже де воровъ и вы! За это онъ, Рѣткинъ, приведя Ому къ рогаткѣ, ударилъ его палкою по спинѣ раза три, а головы ему въ то время не проламывалъ, и въ караульню не бросалъ, и караульщикамъ въ трещетку бить не запрещалъ“. Десятскій тяглець Еватерининской слободы Семень Ипатовъ подтвердилъ показаніе сотскаго. Прочіе рогаточные караульщики — свидѣтели происшествія — по заповѣди св. Евангелія, спрошенные порознь, показали: „февраля 28 (1728) стояли они у рогатки, на Большой Хорошей улицѣ на караулѣ, и въ то время, часу въ 4-мъ ночи, пришли къ рогаткѣ сотской Федоръ Рѣткинъ и десятскій Семень Ипатовъ и привели съ собою незнаемо какого чину человѣка, объявивъ имъ, что онъ взять со двора купецкаго человѣка Ивана Шорина, зовуть его Ома Климовъ. Приведя къ рогаткѣ Ому, сотскій велѣлъ десятскому Ому наклонить; десятскій, взявъ Ому за волосы, наклонилъ, и сотскій Рѣткинъ Ому билъ палкою по спинѣ и по бокамъ и прошибъ Омѣ голову до крови и во время битья десятскій говорилъ сотскому: бей его гораздо! Онъ, Ома, жирентъ!“ Караульщики, видя такой безвинный бой, уговаривали десятскаго и сотскаго, чтобъ они напрасно Ому не били, и хотѣли ударить въ трещетку, но десятскій и сотскій запретили имъ, угрожая и ихъ побить“.

Полиціймейстерская канцелярія рѣшила: „Въ показан-

номъ мѣстѣ у рогатен, собравъ той команды сотскихъ и десятскихъ, учинить сотскому наказанье бить кнутомъ, а десятскаго морскими кошками нещадно, а Оомъ въ бою и увѣчь и въ безчестьѣ съ ними, сотскимъ и десятскимъ, по уложенью вѣдаться судомъ, гдѣ надлежитъ". (Прот. пол. канц.).

Рогаточные караульные, какъ мы выше упомянули, назначались изъ дворовыхъ людей и крестьянъ тѣхъ помѣщиковъ, чьи дома были на улицѣ; благонадежность ихъ зависѣла преимущественно отъ большей или меньшей наклонности къ пьянству, такъ сильно тогда распространенному въ народѣ. Воры ночные и грабители пользовались часто слабостью русскаго человѣка къ вину, и чтобы свободно пройти черезъ рогатку, они брали съ собою боченокъ съ виномъ. „Кто идетъ? что несешь?“... окликалъ рогаточный. — Вино! былъ отвѣтъ, а затѣмъ предложеніе выпить вмѣстѣ; послѣ угощенія рогаточные пропускали вора.... (Прот. полиц. канц.). Изъ дѣлъ полиціймейстерской канцеляріи видно, что сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе большею частію были малолѣтныя, старыя и дряхлыя, не имѣвшіе физическихъ силъ бороться съ дерзкими ночными грабителями; сверхъ того, въ эти должности назначались по росписанію подъячіе и канцелярскіе чиновники изъ разныхъ коллегій, но они весьма рѣдко являлись для исправленія своихъ обязанностей, или по нерадѣнію, или отговариваясь службою въ канцеляріи....

Наконецъ въ 1728 г. уничтожены были будки или караульныя избы при рогаткахъ. Полиціймейстерская канцелярія въ ноябрѣ сдѣлала распоряженіе: „у рогатокъ караульны, гдѣ имѣются, всё сломать немедленно и

раздать хозяевамъ попрежнему, понеже, по усмотрѣнію полиціи, въ тѣхъ караульняхъ чинится пришлымъ людямъ пристань, отъ чего является всякое непотребство, а караульщикамъ, которые будутъ стоять у тѣхъ рогатокъ, близъ тѣхъ рогатокъ для теплоты отвесь дворы, а гдѣ отведены будутъ, о томъ въ полицію репортовать, понеже оное вмѣнено имъ будетъ въ постой“.

Наблюденіе было и безъ того слабо, а теперь, при такомъ пріятномъ для рогаточныхъ распоряженіи, они преспокойно уходили на ночь отъ рогатокъ... Воры, бѣглые и пьяные свободно стали бродить по улицамъ. Смѣлость воровъ доходила до того, что въ 1741 г., въ домѣ генераль-полиціймейстера ободранъ и украденъ былъ въ спальной комнатѣ атласъ, которымъ обиты были стѣны. (Прот. полиц. канц. Ноябрь 1741. Стр. 54).

Возстановленіе Сыскаго приказа еще болѣе замутило ту воду, въ которой полиція ловила рыбу: вмѣсто одной инстанціи явились двѣ,—Полицейское управленіе и Сыскаго приказъ. Обворованные, ограбленные кидались и туда и сюда и не только нигдѣ не находили содѣйствія, но часто не получали обратно своихъ вещей, хотя воръ и пойманъ былъ съ поличнымъ. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ подъячій съ полицейскимъ офицеромъ выбирали себѣ изъ поличнаго то, что имъ нравилось, а остальное дѣлили съ секретаремъ и ассесорами; мошенника же и грабителя отпускали на поруки—и дѣлу конецъ! Русскій народъ и правительство доживали ту эпоху, которую можно назвать эпохою отсутствія сознанія законности. Мало кто тогда вѣрилъ или надѣялся на силу закона... Боялись лицъ, облеченныхъ правительственною властью, безъ всякаго къ нимъ внутренняго

уваженія, и то только тѣхъ, которыя заявляли о себѣ какими нибудь энергическими дѣйствіями, хотя бы и не вполне законными... Убѣжденіе существовало полное, что произволь и сила личности выше всякаго закона. Невозможно предполагать, чтобы общество не боролось со зломъ, которое окружало его со всѣхъ сторонъ, чтобы оно не искало средства ослабить то насиліе, которое тяготѣло надъ нимъ. И дѣйствительно, общество заявляло себя, но тѣми же незаконными путями: насиліемъ, произволомъ и подкупомъ. Подъячимъ и полицейскимъ платили взятки, а съ мошенниками расправлялись часто сами ограбленные: били ихъ и нерѣдко убивали. Полицейскихъ не допускали до обысковъ, тоже били, иногда до полусмерти; при допросахъ не говорили правды изъ боязни волокиты въ судъ. Это грустное явленіе существовало во всей Россіи, особенно же въ Москвѣ, гдѣ сосредоточивалась жизнь народная, торговля и остатки центрального суда и расправы. Петербургъ въ то время все болѣе и болѣе стягивалъ къ себѣ всѣ умственные и дѣятельныя силы; на берегахъ Невы развивалось что-то похожее на европейскую жизнь, а съ нею и администрація принимала другія формы. Петербургъ строился, учился, торговалъ съ иностранцами,—все кипѣло тамъ новою жизнью, а старушка-Москва была забыта, какъ деревня богатого помѣщика, выѣхавшаго изъ нея навсегда и вспоминающаго о ней иногда, при случаѣ, когда приказчикъ напомнитъ. При такомъ неблагоприятномъ положеніи, произволь личный, отъ большого чиновника до малаго, развивался до невѣроятія: взяточничество признавалось какъ формальность законная, неизбѣжная, и безнаказанность служителей правосудія была полная.

Воровство и грабительство дошли въ Москвѣ до высшаго развитія и, наконецъ, выразились появленіемъ доносителя Сыскаго приказа Ивана Каина. Онъ соединялъ въ своей личности два типа того времени: сущика-грабителя и народнаго мошенника.

Иванъ Осиповъ Каинъ, сынъ крестьянина Ростовскаго уѣзда села Иванова, принадлежавшаго гостинной сотни купцу Петру Дмитріеву Филатьеву, родился въ 1718 году. Тринадцати лѣтъ отъ роду Ванька былъ привезенъ въ Москву на господскій дворъ. Съ дѣтскихъ лѣтъ въ Ванькѣ обнаружилась склонность къ воровству; что плохо лежало у господина его или у сосѣдей, все попадало въ руки расторопнаго и наблюдательнаго Ваньки. Подвигались лѣта, съ каждымъ годомъ совершенствовался Ванька въ своемъ прибыточномъ ремеслѣ. Дѣйствительно, воровство разныхъ мелочныхъ вещей, одежду, посуду, легко доставляло Ванькѣ прибыль и поощряло его къ дальнѣйшему воровству, — въ особенности потому, что сбытъ ворованныхъ вещей былъ легокъ. Продавая краденныя вещи, Ванька скоро свелъ знакомство съ кружкомъ людей, отчетливо и серьезно занимавшихся исключительно приобрѣтеніемъ чужой собственности. Первымъ его наставникомъ и другомъ сдѣлался солдатскій сынъ Петръ Романовъ Камчатка. Познакомились они, какъ водится по русскому обычаю, въ кабакѣ; выпили по стакану, по два, разговорились о своемъ житьѣ-бытьѣ. Ванька рассказывалъ, какъ плохо жить ему у господина, который хотя и богатъ, но очень строгъ; кормить скверно, одѣваетъ плохо, нерѣдко жалуетъ побоями; воровство же съ рукъ никогда не сходитъ: все побои, да побои. Жаловаться некому: въ судѣ

не послушаютъ, да еще выдерутъ плетями или кнутомъ, и опять къ господину. Что дѣлать? не лучше ли бѣжать на вольный воздухъ? Камчатка одобрилъ намѣреніе, а Ванька недолго думалъ: въ ту же ночь обокралъ своего господина и съ новымъ другомъ, который ждалъ его у воротъ господскаго дома, отправились еще на промыслъ къ сосѣду-попу *). Ванька перелѣзъ черезъ заборъ, отперъ калитку и впустилъ Камчатку. Сторожъ на дворѣ закричалъ имъ: „что вы за люди и не воры ли, самовольно на дворъ взошли?“ Камчатка ударилъ сторожа „лозой, чѣмъ воду носить“,—сторожъ примолкъ, и они взошли къ попу въ домъ. Пожива была небольшая: попады сарафанъ, да поповскій кафтанъ. Каинъ надѣлъ на себя кафтанъ, и друзья пошли далѣе. Улицы московскія тогда были совсѣмъ другаго вида, нежели теперь: тротуаровъ не было, мостовая была деревянная, и по улицамъ съ вечера разставляли рогатки, такъ какъ ночью никому не дозволено было ходить и ѣздить, кромѣ полицейскихъ и духовныхъ. На первой же рогаткѣ сторожъ хотѣлъ было остановить Ваньку и его товарища, но поповскій кафтанъ ввелъ сторожа въ заблужденіе: онъ принялъ Ваньку за попа, а Камчатку за дьячка и пропустилъ. Это повторилось и на прочихъ рогаткахъ. Камчатка привелъ Каина къ Каменному мосту. Подъ темнымъ сводомъ этого моста, въ чуланѣ изъ забранныхъ досокъ къ стѣнѣ,

*) Въ автобіографіи Ванька говоритъ, что, при побѣгѣ, онъ написалъ на воротахъ своего господина: „Пей воду, какъ гусь, ѣшь хлѣбъ, какъ свинья, а работой чортъ, а не я“. Это едва ли могло быть, потому что, какъ по архивнымъ дѣламъ оказывается, Ванька Каинъ не умѣлъ даже подписывать своего имени.

собирались всякую ночь шайки мошенниковъ, не имѣвшихъ приюта. Здѣсь они дѣлились имуществомъ, сговаривались на походы слѣдующаго дня или ночи, угощали другъ друга и потомъ спокойно отдыхали отъ трудовъ своихъ. Полиція не заботилась о прекращеніи этихъ сходокъ—это было не въ ея выгодахъ. Полиція ловила рыбку въ мутной водѣ... Камчатка представилъ новаго члена: Ваньку Каина. Прежде всего потребовали отъ Ваньки денегъ. На отрицательный отвѣтъ Ваньки, заявленія требованій повторились, съ примѣскою угрозъ; поднялись вулаки. Что дѣлать? Ванька запустилъ руки въ карманы: шарилъ и отыскалъ нехотя 20 копѣекъ. Находка эта вызвала въ новыхъ сотоварищахъ различные возгласы, и одинъ изъ нихъ счелъ необходимымъ сказать Ванькѣ спичъ, въ которомъ объяснилъ на мошенническомъ языкѣ всю суть ихъ общества: „поль да середъ сами съѣли, печь да палати въ наемъ отдаемъ, а идущимъ по мосту милости подаемъ (т. е. мошенничаемъ) и ты будешь, братъ, нашего суена епанча (т. е. такой же воръ). Поживи здѣсь въ нашемъ домѣ, въ которомъ всего довольно: наготы и босоты изнавѣшены мѣсты, а голоду и холоду—анбары стоятъ. Пыль да копоть, при томъ нечего и лопать“ *). Потомъ всѣ разошлись на работу. Ванька остался подъ мостомъ, ждалъ ихъ до разсвѣта, но соскучился и отправился одинъ въ Китай-городъ погулять на свободѣ. Вышло иначе: на встрѣчу ему попался дворовый человѣкъ Филатѣева, узналъ бѣглеца и, схвативъ его, отвелъ къ помѣщику въ домъ. Филатѣевъ, человѣкъ строгій и кру-

*) Изъ автобіографіи Ваньки Каина.

таго права, выдумалъ для Ваньки наказанье довольно оригинальное. Какъ богатый человѣкъ, по обычаямъ своего времени, Филатьевъ держалъ у себя въ дворѣ на цѣпи медвѣдя. По приказанію Филатьева, Ваньку приковали къ медвѣдю и не велѣли кормить въ теченіе двухъ дней. Сотоварищество бѣднаго Ваньки съ такимъ сильнымъ звѣремъ, съ глазу на глазъ, было не только непріятное, но и довольно опасное. Но судьба послала Ванькѣ покровительницу въ лицѣ дворовой дѣвки, на которой лежала обязанность ежедневно кормить медвѣдя. Она приняла участіе въ Ванькѣ и потихоньку удѣляла ему что нибудь отъ медвѣжьей пищи; этого мало, она утѣшала Ваньку разказами разныхъ домашнихъ сплетней и между прочимъ передала ему новость, которой радовались всѣ дворовые, что хозяинокъ въ бѣдѣ: „У него ландмилиціи солдатъ мертвый брошенъ въ колодезь“. Ванька принялъ это къ свѣдѣнію, и когда, черезъ нѣсколько времени, Филатьевъ, неудовлетворенный вполне бесѣдою Ваньки съ медвѣдемъ, приказалъ его постычь, Ванька закричалъ: „Слово и дѣло!“ Эти два слова теперь для насъ не имѣютъ никакого значенія: память въ народѣ о нихъ совершенно изгладилась; но въ тѣ времена эти два слова были гибельны. Страшно было выговорить эти два слова, страшно было и слышать ихъ. Всякій, при комъ выкрикивались эти два слова, гдѣ бы то ни было— на улицѣ ли, въ домѣ ли, въ церкви ли,—всякій обязанъ былъ тотчасъ доносить тайной канцеляріи; за недонесеніе, если впоследствии это обнаружилось, виновный наказывался кнутомъ. Крѣпостные люди старались подслушивать за своими господами какія нибудь противныя рѣчи о государѣ,

о правительствѣ и, при тѣлесныхъ наказаніяхъ или побояхъ, спѣшили избавиться отъ истязанія крикомъ слово и дѣло! Они спасались отъ помѣщиковъ, но переходили въ руки неумолимой тайной канцеляріи.

Ваньку отвели въ тайную канцелярію и послѣ допроса выдали для жительства вольное письмо *), съ которымъ онъ отправился въ Нѣмецкую слободу и здѣсь въ кабакѣ снова сошелся съ Камчаткою и съ знакомыми изъ-подъ Каменнаго моста.

Эта компанія днемъ и ночью занималась на Москвѣ грабежомъ и воровствомъ. Потомъ Ванька съ шестью товарищами отправился промыслять на Макарьевскую ярмарку. Здѣсь обворовываніе армянъ-кунцовъ шло довольно успѣшно, но въ одинъ день торговка пряниками увидѣла, какъ Ванька кралъ въ колокольномъ ряду деньги, и подняла крикъ, хозяева лавки принялись бить Ваньку желѣзной сутугой. Онъ опять закричалъ слово и дѣло, его отправили въ канцелярію полковника Рѣдвина, командированнаго тогда съ командою въ Нижній и въ окрестности для поимки разбойниковъ. Отъ Рѣдвина Ванька избавился побѣгомъ, съ содѣйствіемъ товарища своего Камчатки, доставившаго ему въ двухъ калачахъ ключи для отпиранія цѣпи, въ которую былъ закованъ другъ его. Изъ Нижняго шайба воротилась въ Москву. Поворовавши, отправились въ городъ Кашинъ, а оттуда къ Макарью на Волгу. Здѣсь въ Пѣсошномъ кабакѣ сошлись они съ шайкой разбойниковъ подъ начальствомъ атамана Михаила Зари. По-

*) Изъ автобіографіи. Вѣроятно, паспортъ.

хождение съ этою шайкою рассказываетъ подробно самъ Каинъ въ автобіографіи своей.

„Случилось *) въ то же время быть (въ кабагѣ) челобѣкъ до 70-ти, и при нихъ атаманъ Михайло Заря, которымъ присовокуплены и мы были къ нимъ въ товарищи. Купили у Макарья ружья и пороху, пошли на тотъ винный заводъ и, нѣсколько не дошедъ, сѣли на три круга, стали варить кашу, а на заводъ послали огневица для провѣдыванія, который, по приходѣ, привязанъ былъ къ столбу. Мы ждали часа съ два. Атаманъ послалъ еще есаула Камчатку и притомъ приказалъ, чтобъ въ случаѣ его несчастія даль знать. Есауль, по приходѣ на заводъ, говорилъ заводскимъ людямъ: для чего они безъ резону къ столбу вьжутъ? Тогда того заводу наибольшій, смотря съ голдереи, приказалъ и онаго есаула Камчатку привязать къ тому же столбу.

„Есауль, то видя, засвисталъ, чтобъ товарищамъ своимъ голось подать. Атаманъ, услыша, закричалъ, чтобъ къ ружьямъ скоро бросались и на заводъ метались; тотчасъ ружья и сабли похватили и на тотъ заводъ побѣжали. Атаманъ пошелъ въ солодовой амбаръ, въ которомъ захватили нѣсколько народу, и въ томъ амбарѣ заперли. Тогда наибольшій стрѣлялъ въ насъ изъ ружей, токмо тѣмъ никакого вреда намъ не учинилъ; напоследокъ заперся въ своихъ покояхъ. Мы, схватавъ отъ воротъ бревно, ударили онымъ въ тѣхъ покояхъ дверь, которую расшибли въ щепы, вошли въ покой. Тогда случившійся у того наибольшаго князея задѣлъ

*) Изъ автобіографіи Ваньки Каина, изд. Григорія Книжника.

по шеѣ нашего огневщика саблей, отъ чего огневщикъ упалъ. Мы тотчасъ онаго князька схвата заперли въ заходъ, притомъ ему сказали: тебѣ опослѣ честь будетъ. Атаманъ взошелъ къ наибольшему въ покой и, видя у него на кафтанѣ звѣзду, говорилъ ему, что „честь твоя съ тобой, а теперъ попалъ въ мои руки, то раздѣлайся со мной: торгъ яма, стой прямо! Видя яму, не вались, а съ ворами не водись, не званъ въ пиръ не ходи; т. е. для чего такъ нечестно поступилъ и хотя грамотѣ и гораздъ, тоѣмо и опять не думай, чтобъ въ наши руки не попасть“, т. е. не далъ бы погони. Взяли у него денегъ безъ счету, а посуды безъ вѣсу, которое отослали въ лѣсу, потомъ вывели изъ заходу прежняго князька, котораго атаманъ спросилъ, кто онъ подлинно таковъ, и онъ о себѣ объявилъ, что онъ грузинскій знатный князь. И болѣе не мѣшкая, поѣхали мы Керженскимъ лѣсомъ и, избравъ мѣсто, стояли на ономъ съ мѣсяцъ“.

„Поѣхали изъ того лѣсу въ село Работки, въ которое дни черезъ три приѣхали. Тогда онаго села управитель спросилъ, какіе мы люди? Мы о себѣ объявили, что „мы донскіе казаки; а какъ увидимъ деньги, такъ не подержутъ ихъ никакіе замки“, и болѣе не бывъ, изъ того села поѣхали, при томъ спросили бывшаго тутъ калмыка, чьего оное господина; онъ объявилъ, что генерала Алексѣя Яковлевича Шубина. „Неужели у него, сказали мы, лѣтней одежды нѣтъ, а всегда ходитъ въ шубѣ? Почему будутъ къ вамъ портные для шитья лѣтнихъ кафтановъ“. И побывъ поѣхали изъ того села и приѣхали на Оку на Лосенскій перевозъ, и переѣзжали на паромѣ, гдѣ случился въ то-жъ время ѣдущій офицеръ,

и спрашивалъ насъ: какіе мы люди? А какъ съѣхали съ того парому, атаманъ, предупредя его, останонилъ и говорилъ ему: „ты спрашивалъ насъ на водѣ, а мы спрашиваемъ тебя на землѣ; лучше бы ты въ деревнѣ жилъ, да овины жегъ, а не проѣзжающихъ спрашивалъ!“ приказалъ у него отобрать шарфъ, знакъ и шпагу, за что велѣлъ заплатить нѣсколько денегъ и, оставя его, поѣхали въ Москву.

„По приѣздѣ, стали на двѣ партіи въ Ямской Переславской, на постоянныхъ дворахъ, и жили болѣе полу-года, токмо всегда спрашивали проѣзжихъ, не скажется ли кто генерала Шубина. Въ одно время сказался намъ одинъ служителемъ того Шубина, и при томъ объявилъ, что оный Шубинъ въ то село ѣздитъ лѣтомъ; почему, дождавшись весны, поѣхали мы къ оному Шубину. Атаманъ отправилъ къ селу Избыльцу меня съ двумя товарищами впередъ, для осмотра къ приѣзду партіи мѣста, и велѣлъ дожидаться оной. Мы, какъ вышли изъ Москвы, стали подходить къ Звѣринцу, отъ коего, поворотили къ Лефортову, гдѣ усмотрѣли незнаемо какого званія двухъ человекъ, которые вели женщину, у коей обернута была голова и лицо простынею по самую шею; изъ нихъ, впереди ея, шелъ одинъ съ мѣшкомъ. Камчатка спросилъ ихъ: кого они ведутъ? Они сказали, что они ведутъ бабушку на повой *); напротивъ чего Камчатка сказалъ: видно, что въ воду головой, и, остановя, сталъ ее смотрѣть. Между тѣмъ, сдѣлалась ссора. Одинъ изъ нихъ думалъ выхватить ножъ, однако до того не былъ допущенъ. Камчатка ударилъ его гостинцемъ,

*) Т. е. бабушку-повитушку, повивальную.

т. е. кистенемъ, что видя другой его товарищъ, оставя ихъ, бѣжалъ въ лѣсъ, а оставшаго съ тою женщиною взяли, отвезли въ Лефортово и отдали у рогатки часовымъ. Женщина показала о себѣ, что она дѣвка, дому господина Лихарева, сманена оними людьми. Изъ чего видно, что они намѣреніе имѣли въ тотъ мѣшокъ ее спрятать, чтобъ никто ее не нашель, т. е. утопить. Оставя ихъ, пошли мы по Владимірской дорогѣ, въ село Избыльцу, и, по приходѣ, дождались своей артели. Потомъ всѣ вѣхали въ то село къ знакомому мужику, у коего приготовлено было мною, до прибытія партіи, четыре лодки, на которыхъ мы отправились водой и пріѣхали въ село Работки, въ которомъ случился въ то время торгъ, только того Шубина въ селѣ тогда не застали: онъ ѣздилъ за охотой. Мы поставили въ управительскомъ и приказчиковомъ дворахъ караулы, взошли въ того Шубина покои, взяли нѣсколько денегъ и пожитковъ и, взявъ съ собой управителя и приказчика да прежде реченнаго калмыка, сѣли обратно въ лодки и поѣхали. И какъ нѣсколько стали отъ села въ разстояніи, усмотрѣли за собой погоню и приказали оному управителю и приказчику ту погоню остановить; они кричали, чтобъ болѣе погони не чинили, почему тотъ народъ остановился. Потомъ мы управителя, приказчика и калмыка оставили на берегу связанныхъ. Въ то-жъ время по обѣимъ сторонамъ Волги была великая тревога, въ селахъ били въ набатъ, при чемъ, для поимки, Редькина команда послана была за нами. Мы, оставя лодки и въ нихъ нѣсколько пожитковъ, а достальныя взяли съ собой и, пробираясь лѣсами трое сутки, пришли въ городъ Муромъ, стояли въ ономъ два дня и какъ объ насъ знать

дано, то мы пришли до объявленнаго села Избыльца, гдѣ наши оставлены были лошади, послали напередъ къ тому-жъ знакомому мужику спросить о бывшей тревогѣ, и онъ сказалъ: что для васъ оставленъ на кабакѣ бургомистръ и при немъ пять человекъ солдатъ. Пришли мы въ тотъ кабакъ, въ которомъ по приходѣ закричали: „Шастъ на кабакъ, дома ли чумакъ?“ Атаманъ сказалъ: „Когда масъ на хасъ, таеъ и дулясъ погасъ“, т. е. никто не шевелись. Пили вино и пиво и, взявъ у объявленнаго мужика своихъ лошадей, поѣхали къ городу Гороховцу. Атаманъ сталъ говорить, чтобъ избрать мѣсто для отдыха; почему пріѣхали въ село Языково, въ которомъ жили въ смирномъ образѣ мѣсяца съ три. Въ томъ же селѣ, на рѣкѣ Сурѣ, стояло торговое-армянское судно, на которое ночью пришли. Того судна хозяинъ палилъ въ насъ изъ ружей, только тѣмъ спасенія никакого себѣ не получилъ. Когда мы взбѣжали на его судно, то онъ, чтобъ его не нашли, заклался въ товарахъ; однако, по указанію его водолива, былъ найденъ, и по несыску у него денегъ, которыя онъ думалъ утаить, перевязали его поперегъ тонкой бичевою и, ухватя за руки и ноги, бросили въ рѣку Суру, въ которой подержавъ, вытащили обратно на судно, вздули виногоръ, т. е. огонь, хотѣли его сушить; почему, что было у него денегъ и пожитковъ, отдалъ и при томъ нѣсколько товаровъ. Потомъ пошли на село Борятино. Тогда-жъ мы, свѣдавъ, что сдѣлалась за нами погоня, пришли къ рѣкѣ Пяной, гдѣ живутъ мордва и татары, зошли на дворъ къ татарскому обозу, взяли у него лошадей, на которыхъ поѣхали къ монастырю Боголюбову, что близъ города Володимира. По пріѣздѣ стали на знакомый дворъ, гдѣ жили съ

недѣлю, откуда я отъ товарищей своихъ отправленъ былъ въ Москву, для пріисканія квартиры. Я, взявъ съ собою Камчатку, поѣхалъ напередъ; по пріѣздѣ въ Москву стали въ Кожевникахъ. Камчатка отъ меня пошелъ на парусную фабрику, ибо онъ былъ матросъ; а я пошелъ въ ямскую Рогожскую къ ямщику, у коего напередъ сего стояли, и жилъ у онаго до осени“.

Это было въ 1741-мъ году. Чтò дѣлалъ Ванька до рождественскихъ праздниковъ, осталось неизвѣстнымъ; но, въ это время, внутреннее ли сознаніе порочной прошедшей жизни привело его къ раскаянію и возбудило въ немъ желаніе быть полезнымъ обществу, или онъ обдумалъ и рѣшился привести въ исполненіе особенный способъ мошенничать и воровать—только, побуждаемый тою или другою причиною, онъ явился 27 декабря 1741 года въ Сыскной приказъ и предложилъ себя въ сыщики.

Сыскной приказъ, уничтоженный въ 1701 г., былъ восстановленъ, какъ мы видѣли выше, въ 1730 г. Онъ помѣщался въ Китай-городѣ, подъ горою, возлѣ церкви Василя Блаженнаго, тамъ, гдѣ прежде былъ Разбойный приказъ. При зданіи устроено было нѣсколько острововъ для колодниковъ, а пыточные инструменты, цѣпи, кандалы, мастерскіе топоры (палачъ*) звался заплечнымъ мастеромъ) достались приказу по наслѣдству отъ бывшаго Преображенскаго приказа. О дѣятельности и обширности занятій Сыскаго приказа можно судить по числу колодниковъ, которые поступали въ его вѣ-

*) См. статью о Заплечномъ мастерѣ въ Р. Архивѣ 1868, стр. 1064.

домство: съ учрежденія приказа въ 1730 г., т. е. съ августа по 1-е января 1731 г., пытано было 425 чел. колодниковъ, казнено 11 человекъ, послано въ Сибирь и въ Тару 57 чел., умерло 18 ч., освобождено 479 ч., отослано въ разныя команды 44 ч., бѣжало 3 человекъ; а въ теченіе 1731 года пытано 1151 ч., казнено 47 ч., послано въ Сибирь 54 ч., на поселеніе въ Тару 101 ч., въ ссылку въ Охотскъ 155 ч., умерло 58 ч., освобождено 1260 ч., отослано въ разныя команды 213 ч., бѣжало 7 ч. Соображая существовавшіе тогда порядки или, точнѣе сказать, безпорядки дѣлопроизводства и судопроизводства, возможность подвергать пыткѣ за всякій оговоръ, по всякому маловажному проступку, склонность къ доносу (развившюся такъ сильно между народомъ въ царствованіе Петра), можно себѣ представить, какое страшное вліяніе судьи и подъячіе Сыскаго приказа имѣли на общество и народъ.

Этому грозному судилищу Кайнъ предложилъ свои услуги.

27-го декабря 1741 года онъ явился на квартиру къ князю Крапоткину, первоприсутствовавшему въ Сыскомъ приказѣ, и объявилъ ему, что онъ, Ванька, самъ—воръ, знаетъ другихъ воровъ и разбойниковъ, не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ, и предлагаетъ свою готовность ловить ихъ. Крапоткинъ отослалъ его въ Сыскаго приказа, гдѣ Ванька подалъ слѣдующую челобитную на Высочайшее имя:

„Въ началѣ, какъ Всемогущему Богу, такъ и Вашему Императорскому Величеству, повинную я симъ о себѣ доношеніемъ приношу, что я забылъ страхъ Божій и смертный часъ и впалъ въ немалое прегрѣшеніе. Будучи

на Москвѣ и въ прочихъ городахъ во многихъ прошедшихъ годахъ, мошенничествовалъ денно и ночно; будучи въ церквахъ и въ разныхъ мѣстахъ, у господъ и у привазныхъ людей, у кушцовъ и всякаго званія у людей, изъ кармановъ деньги, платки всякіе, кошельки, часы, ножи и прочее вынималъ“.

„А нынѣ я отъ оныхъ непорядочныхъ своихъ поступковъ, запаматовавъ страхъ Божій и смертный часъ, и уничтожилъ, и желаю запретить нынѣ и впредь, какъ мнѣ, такъ и товарищамъ моимъ, которые со мною въ тѣхъ погрѣшеніяхъ обще были, а кто именно товарищи и какаго званія и чина люди, того я не знаю, а имена ихъ объявляю при семъ въ реэстрѣ“.

„По сему моему всемірному предъ Богомъ и Вашимъ Императорскимъ Величествомъ покаянію отъ того прегрѣшенія престалъ, а товарищи мои, которыхъ имена значать ниже сего въ реэстрѣ, не только что мошенничаютъ и изъ кармановъ деньги и прочее вынимаютъ, но уже я увѣдомлялъ, что и вѣще воруютъ и ѣздятъ по улицамъ и по разнымъ мѣстамъ, всякихъ чиновъ людей грабятъ и платье и прочее снимаютъ, которыхъ я желаю нынѣ искоренить, дабы въ Москвѣ оныя мои товарищи вышенисаннахъ продерзостей не чинили, а я—какаго чина человекъ и товарищи мои и гдѣ и за кѣмъ въ подушномъ окладѣ не писаны, о томъ всякъ покажетъ о себѣ самъ“.

„И дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе мое доношеніе въ Сыскномъ приказѣ принять, а для сыску и поимки означенныхъ моихъ товарищѣй по реэстру дать конвой, сколько надлежитъ, дабы оныя мои товарищи впредь

какъ господамъ офицерамъ и приказнымъ и вупцамъ, такъ и всякаго чина людямъ такихъ продерзостей и грабежа не чинили, а паче всего опасень-я, чтобъ отъ оныхъ моихъ товарищей не учинилось смертоубійства, и въ томъ бы мнѣ отъ того паче не пострадать“.

Въ реэстрѣ Ванька Каинъ поименовалъ 32-хъ мошенниковъ, въ томъ числѣ и своего друга, Петра Камчатку.

Въ разспросѣ Каинъ разсказалъ о своемъ происхожденіи, о побѣгѣ отъ помѣщика, о воровствахъ въ Москвѣ, также, что для мошенничества былъ онъ на Маварьевской ярмаркѣ 4 раза, въ Троицко-Сергіевой Лаврѣ 5 разъ, въ Дмитровѣ 2 раза, и по одному разу: въ Кашинѣ, въ Устюжнѣ, въ Гороховцѣ, въ Вязникахъ, въ Нижнемъ Новгородѣ и во Владимірѣ. Ворованныя вещи продавалъ въ городахъ и по дорогамъ. „На разбояхъ нигдѣ не бывалъ и убійствъ не чинивалъ“.

Просьба и предложеніе Ваньки Каина были чрезвычайно по вкусу всѣмъ подъячимъ и секретарямъ Сыскаго приказа. До этого времени, съ самаго своего возобновленія, т. е. съ 1730 г., Сыскаго приказа заботился постоянно о приобрѣтеніи выгоднаго для себя вліянія надъ мошенниками и ворами, но встрѣчалъ неудобства, потому что многое было въ рукахъ полиціи: она ловила воровъ и мошенниковъ, она захватывала поличное, она отыскивала украденное имущество. Сыскаго приказу доставались „голь“, или закоренѣлые преступники, которые не боялись ни пытки, ни Сибири.

Въ 1740 г. приказъ жаловался даже Сенату, что полиція не ограничивается поимкою воровъ, но производитъ сама слѣдствія, возвращаетъ нерѣдко поличное

и пойманныхъ освобождаетъ. Все это не имѣло тогда успѣха. Каково же было торжество Сыскаго приказа при заявленіи Ваньки Каина? У нихъ является свой сыщикъ, будетъ доходъ отъ него!

Въ тотъ же день, 27-го декабря 1741 г., Ивану Каину дали 14 солдатъ и подъячаго Петра Донскаго. Съ наступленіемъ ночи, эта толпа отправилась по указанію Ваньки забирать мошенниковъ; только запрещено было входить въ знатные господскіе дома. Но не въ господскіе хоромы, не въ знатные дома повель Ванька военную команду — онъ повель ее въ такое мѣстечко, гдѣ и въ настоящее время, говорятъ, не совсѣмъ безопасно идти ночью одному....

Заряде, темный и грязный московскій уголь въ Китай-городѣ, было мѣстомъ поисковъ первой ночи Ваньки Каина. Онъ самъ тутъ жилъ когда-то у заплечнаго мастера Алексѣя Иванова; нетрудно было ему отыскивать вчерашнихъ друзей и сотоварищей-мошенниковъ; онъ шелъ всюду на вѣрное. Въ эту ночь захватили 32 человѣка.

Возвращаясь съ поиска, у самыхъ Москворѣцкихъ воротъ, Ванька велѣлъ идти подъячему и солдатамъ къ отверстію въ берегу или, какъ тогда называли, къ печурѣ. Въ этой печурѣ нашли какого-то человѣка, въ лохмотьяхъ, блѣднаго, худаго, на плечахъ былъ накинута нагольный тулупъ. Онъ сидѣлъ на полу, передъ нимъ на скамьѣ лежала какая-то бумага; нищій что-то писалъ при свѣтѣ зажженной лучины. Этотъ нищій былъ изъ старыхъ товарищей Ваньки и имѣлъ страсть вести ежедневно журналъ своей воровской дѣятельности. Въ тетрадеѣ, писанной имъ, значилось: въ понедѣльникъ

взято въ Всесвятской банѣ ввечеру 7 гривенъ.... въ четвергъ 50 коп., штаны васильковые; въ кузнецкой банѣ взялъ въ четвергъ рубаху тафтяную, штаны, камзолъ китайчатой, крестъ серебряной; на Каменномъ мосту 16 алтынъ....

— Берите его! — закричалъ Ванька солдатамъ.

— Эхъ, Ванька! грѣхъ тебѣ! — отвѣчалъ жалецъ пещуры.

Пещурный житель, какъ оказалось, былъ бѣглый солдатъ Алексѣй Ивановъ Соловьевъ; между его журналами нашли списки мошенниковъ, и въ числѣ ихъ были написаны Ванька Каинъ и Камчатка. Кто знаетъ? можетъ быть, этотъ списокъ былъ подготовленъ Соловьевымъ для доноса; можетъ быть, Ванька, провѣдавъ объ этомъ и спасая себя, поспѣшилъ выдать своихъ товарищей.

Въ пещурѣ кто-то еще зашевелился на палаткахъ. Ванька закричалъ солдатамъ: Берите ужь и Степана кстати! Съ палатей стащили человека лѣтъ 40 въ одной рубахѣ. Всю толпу мошенниковъ, окруженную солдатами, связанныхъ веревками, отвели въ тюрьму Сыскаго приказа.

На другой день, передъ присутствующими, Ванька Каинъ представлялъ выданныхъ товарищей. Какой все это былъ сбродъ! Вотъ купеческій сынокъ Иванъ Елисеѣвъ Бухановъ, — онъ остался сиротою въ малыхъ годахъ, не зналъ, чѣмъ кормиться, пошелъ въ солдаты, но не выдержалъ и двухъ лѣтъ: бѣжалъ и пріютился въ общество мошенниковъ. Ему только еще 16 лѣтъ, а за расторопность получилъ прозваніе хорь-хорька. Вотъ еще мальчишка 14 лѣтъ, Иванъ Михайловъ, тоже купеческій сынъ, остался послѣ отца малолѣтнимъ. Былъ

у него старшій братъ; они кормились вмѣстѣ, работая женскія серьги, мѣдныя и желѣзныя; умираетъ братъ, оставляя его безъ помощи. Въ счастію, ратуша пришла на помощь: за неплатежъ подушныхъ 12-ти лѣтняго Ивана посадили въ тюрьму; по крайней мѣрѣ, ходя на цѣпи съ колодниками по улицамъ, для мірскаго подавнїя, хоть какъ нибудь и чѣмъ нибудь кормился бѣдный мальчишка. Продержали его два года и выпустили. Куда дѣваться? Судьба наткнула его на Красной площади на слѣпаго, который нанялъ Ивашку водить себя. Оказалось, что у слѣпаго Андрея Одулова былъ сборъ мошенниковъ. Ивашка получилъ должность вожаго и выучился воровству. Вотъ еще мальчикъ 14 лѣтъ, Леонтиій Васильевъ Юдинъ, сынъ матроса; отецъ умеръ давно, Левку отдали въ гарнизонную школу, у Варварскихъ воротъ. Эта школа была разсадникомъ мальчишекъ-ворисшекъ. Присмотръ былъ плохой; Красная площадь и Крестцы подъ боконъ; мальчишки, вмѣсто ученья, убѣгали на площадь и тутъ знакомились съ другими мальчишками, пособниками взрослыхъ мошенниковъ; они получали за ловкость награжденіе, бросали ученье и наконецъ дѣлались полными мошенниками. Мальчишки эти пробивались во всякой толпѣ и, пользуясь тѣснотою, вынимали вещи и деньги изъ кармановъ и тутъ же, за пряники и орѣхи, сбывали краденое бабамъ и торгашамъ площаднымъ. Особенно благоприятны были для нихъ крестные ходы; въ эти дни, въ толпѣ особенно, являлось много мальчишекъ-мошенниковъ Варварской гарнизонной школы. Между ними были свои учителя, обучавшіе, напимѣръ, какъ воровать изъ кармановъ; они показывали ученикамъ

своимъ тутъ же, съ какою ловкостью надо это дѣлать: вынимали у проходящаго изъ кармана табакерку, нюхали табакъ и клали ее опять назадъ въ карманъ проходящему, а этотъ шель, ничего не замѣчая.

Но въ числѣ захваченныхъ Каиномъ были не одни мальчишки; были также люди, испытавшіе не одинъ разъ нѣкоторыя непріятныя послѣдствія своего ремесла, но не покидавшіе его или по любви къ искусству, или по необходимости кормиться на счетъ чужой собственности. Такъ взятый у Москворѣцкихъ воротъ, на палатахъ въ печурѣ, Степанъ Ивановичъ Болховитиновъ былъ, какъ оказалось, уже нѣсколько разъ пытанъ въ Сыскномъ приказѣ, обвиненный въ покупкѣ краденыхъ вещей. Одна изъ бабъ, приведенныхъ Ванькою, была также по нѣскольку разъ подъ кнутомъ за скупку воровскихъ вещей. Каинъ не пожалѣлъ въ эту ночь ногихъ старыхъ друзей своихъ, бывшихъ съ нимъ разбояхъ на Волгѣ, какъ-то: Тимофѣя Чигова, бѣглаго солдата Жузлу, Куваева, Криворотова, Семенникова, по прозванію Голага, и другихъ.

Послѣ этой первой поимки, Ванька Каинъ или, какъ назывался онъ официально въ бумагахъ Сыскаго приказа, доноситель Иванъ Каинъ, ежедневно ходилъ по площадямъ, по церквамъ, по рядамъ и, съ содѣйствіемъ данныхъ ему въ распоряженіе солдатъ, ловилъ мошенниковъ и представлялъ ихъ въ Сыскаго приказа.

Прошло три мѣсяца. Сыскаго приказъ призналъ, что Ванька заслуживаетъ поощренія и выдалъ ему 5 рублей награды. Но такая награда не могла удовлетворить Каина, и въ 1743 г. онъ обратился самъ съ просьбой о выдачѣ ему денегъ. Просьбу свою онъ подерѣвлялъ

слѣдующими аргументами: „поймалъ онъ разбойника Якова Иванова. Яковъ Ивановъ далъ ему 15 рублей, чтобы онъ его выпустилъ, но онъ, Каинъ, не хотя воспользоваться, привелъ его и деньги 15 р. отдалъ въ Сыскномъ приказѣ. А теперь (ноябрь 1743 г.) онъ, Каинъ, для пропитанія, забралъ по разнымъ харчевнямъ всякаго харча и хлѣба на 12 р. 40 к., а потому и просилъ Сыскной приказъ, чтобы ему дали денегъ на расплату долговъ и впередъ на пропитаніе“.

Въ Сыскномъ приказѣ навели справку. Оказалось, что съ 28-го декабря 1741 г. по ноябрь 1743 г. Ванька Каинъ поймалъ и представилъ: мошенниковъ 109 человекъ, воровъ 37 человекъ, становщиковъ 50 человекъ, покушниковъ 60 человекъ, разныхъ бѣглыхъ солдатъ 42 человекъ. Результатъ, кажется, довольно удовлетворительный. Но, не смотря на это, денегъ Ванькѣ Каину не дали.

Этотъ отказъ заставилъ его перейти на другую дорогу, хотя и опасную, но болѣе выгодную. Онъ обдумалъ свое положеніе: ежедневно ходитъ онъ съ солдатами по улицамъ и площадямъ, ловить мошенниковъ, разбойниковъ и бѣглыхъ, выдаетъ своихъ товарищей и друзей, подвергается иногда побоямъ, и какая же награда? Даже 12 руб. 40 к., затраченныхъ на эти служебные поиски, и тѣхъ не выдали! Можетъ быть, это происходило оттого, что Ванька Каинъ не доставлялъ хлѣбца подъячимъ. Ванька задумался. Пройдя черезъ огонь и воду, съ головою свѣжею, съ знаніемъ современнаго народнаго быта, смѣтливый, молодой (ему было тогда 25 лѣтъ), онъ обсудилъ свое положеніе и принялся

выработывать его такъ, чтобы оно было и почетно, и выгодно. Началь съ того, что женился.

Когда еще онъ жилъ въ Зарядьѣ у заплочнаго мастера на квартирѣ, до поступленія въ сыщики, по сосѣдству жила солдатская вдова, женка Арина Иванова. Въ то время еще приглядѣлась она Ванькѣ, и онъ предложилъ ей выдти за него замужъ. Арина Иванова отказала начисто и закрѣпила свой отказъ бранью и укоромъ, что за мошенника и за разбойника никогда не выйдетъ. Ванька не забылъ этого и въ первую же ночь своихъ официальныхъ поисковъ 28-го декабря 1741 года захватилъ ее, подъ предлогомъ, что она знакома съ мошенниками, имъ пойманными, и участвуетъ съ ними въ воровствѣ. Арину Иванову засадили въ тюрьму и допрашивали подъ плетью. Она не сознавалась. Кантъ подсылалъ къ ней нѣсколько разъ опять съ предложениемъ о бракѣ — все тотъ же отказъ. Теперь (1743) Ванька подослалъ къ ней въ тюрьму женщину съ объявлениемъ, что ее будутъ непременно пытать, но если она согласится выдти за него, то онъ избавить ее отъ пытки. Арина Иванова испугалась пытки и изъявила согласие. Ванька подкупилъ подъячихъ и уговорилъ присутствующихъ Сысенаго приказа до дальняго дѣла ее не доводить, а наказать кнутомъ и выпустить на волю потому, что сколоченная посуда два вѣка живетъ *). Заплочнаго мастера также подкупилъ; Арину Иванову взялъ подъ свою росписку; изъ-подъ кнута отдалъ ее лечиться просвирницѣ, а потомъ и женился на ней въ церкви Варвары Мученицы. На другой день

*) Автобіогр. издан. Григорія Книжника, стр. 56.

послѣ свадьбы, Ванька велѣлъ своей военной командѣ забирать къ нему на дворъ всѣхъ идущихъ мимо купцовъ. Ихъ собрали до 40 человекъ. Потомъ велѣлъ женѣ насыпать мѣшокъ гороху, вышелъ съ нею къ купцамъ и каждаго купца подчивалъ горохомъ. За это они ему сдѣлали денежные подарки *).

Обзаведясь женою, Ванька Каинъ рѣшился дѣйствовать иначе: снова свелъ дружбу съ своими прежними оставшимися товарищами; сблизился и объяснился съ секретарями и подъячими полиціимейстерской канцеляріи и Сыскаго приказа и пустился на свой прежній промыселъ смѣло, дѣятельно, прикрываясь и устрашая всѣхъ своимъ званіемъ доносителя Сыскаго приказа.

Дѣла Ваньки Каина пошли чрезвычайно успѣшно. Въ короткое время онъ накопилъ довольно денегъ, купилъ себѣ домъ въ Китай-городѣ, на церковной землѣ, принадлежавшій діакону церкви Великомученицы Варвары, и переѣхалъ туда съ своей наемной квартиры, бывшей въ Зарядѣ на Воронежскомъ подворьѣ. Домъ этотъ состоялъ изъ двухъ свѣтлицъ на улицу, съ каморкою. Въ одной свѣтлицѣ печь съ уступомъ украшена была зелеными изразцами; потолокъ штукатурный, полъ выстланъ каменною лещадью. Въ каморкѣ полъ былъ деревянный. Свѣтлица эта была о 4-хъ большихъ окнахъ. Въ другой свѣтлицѣ печь кирпичная, потолокъ и полъ досчатые. Между свѣтлицами сѣни бревенчатая съ двумя чуланами. На дворѣ блинная изба и конюшня, а на улицу выходила лавка. Все строеніе было крыто тесомъ. Сверхъ того, на дворѣ еще была изба

*) Автоб. ст. 57.

съ особыми чуланами. Въ домѣ явились образа въ серебряныхъ и золоченыхъ окладахъ; въ спальнѣ (въ каморѣ) въ кіотѣ стоялъ образъ Св. Іоанна Милостиваго, съ серебряными гривенками, съ убрусомъ, низаннымъ жемчугомъ и дорогими каменьями. (Описание дома сохранилось въ дѣлахъ канцеляріи конфискаціи, въ распоряженіе которой домъ отданъ былъ въ 1750 г.). На стѣнахъ, обитыхъ клеенною травчатую, висѣли зеркала въ золоченныхъ рамахъ, печатныя картины и портретъ Петра I. Вдоль стѣнъ стояли стулья, обитые чернымъ трипомъ. Два дубовыхъ стола покрыты были персидскими коврами, на одномъ — коверъ шелковый, на другомъ — триповый. Въ домѣ всего было довольно и посуды оловянной и фарфоровой (однихъ тарелокъ было 18 дюжинъ), были въ кладовой и запасы сахару „канарскаго и чаю жулярскаго“. У жены завелись юбки и балахоны тафтяныя, объяринныя; душегрѣйки гарнитуровыя съ городками серебряными и съ позументомъ золотымъ. Самъ Ванька щеголялъ дома въ суконномъ сюртукѣ то маковаго цвѣта, то зеленаго цвѣта, въ туфляхъ зеленыхъ гризетовыхъ, шитыхъ серебромъ. Въ сундукахъ хранились золотыя и серебряныя вещи: стоны, подносы, чайники; также часы карманные, серьги и проч.

Съ утра рано Ванька выходилъ съ своею военною командою для прогулокъ по городу. Обыкновенно прогулки эти производились на Красной площади, на Крестцахъ, на Москвѣ-рѣвѣ, на стругахъ, или около кабаковъ. Изъ старыхъ друзей Ванька составилъ около себя кружокъ людей разгульныхъ, рѣшительныхъ. Они, старые воры, знали Москву, какъ свои пять пальцевъ; знали всѣ воровскіе притоны и безъ промаху шли на

ноискъ. Пойманнаго Ванька Каинъ приводилъ прежде къ себѣ, а не въ приказъ; здѣсь у него была своя расправа и свои палачи. Вору предлагались разныя условия: если онъ не соглашался, то его отводили въ приказъ или принуждали къ согласію побоями. Ежедневно, Ванька, побывавши въ присутствіи Сыскаго приказа и въ полиціи, отправлялся въ какую нибудь харчевню. Здѣсь онъ угощаль подъячихъ, ложныхъ подставныхъ свидѣтелей по дѣламъ, и съ ними здѣсь расплачивался. Вечеромъ или гулялъ у своихъ знакомыхъ, или чаще собирались у него на вечеринку и попойку. Вечеринки происходили преимущественно въ избѣ, которая была на дворѣ. Тутъ почти всякій вечеръ сходились играть въ карты, и нерѣдко, во время игры, Ванька выпускалъ на столъ фальшивыя деньги. Кто проигрывался до послѣдней копѣйки, тому оказывалась помощь закладомъ вещей и платья. Жена Каина принимала вещи, прятала ихъ въ чуланъ, а Ванька выдавалъ деньги.

Такъ продолжалъ онъ до сентября 1744 г. Въ это время онъ смекнулъ, что наконецъ можетъ случиться, что кто нибудь изъ его друзей - мошенниковъ донесетъ на него, и вотъ Каинъ изобрѣтаетъ замѣчательное средство. 25-го сентября 1744 г. онъ является въ Сенатъ и проситъ, чтобъ ему дозволили предстать передъ сенаторами. Его впустили въ присутствіе, и Ванька Каинъ предъявляетъ гг. сенаторамъ слѣдующее: „Онъ, Каинъ, въ поимкѣ воровъ и разбойниковъ крайнѣйше всегда стараніе прилагаетъ и впредь имѣть будетъ, и о таковыхъ злодѣяхъ, гдѣ они жительство и пристань въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ имѣютъ, провѣдываетъ онъ чрезъ таковыхъ же воровъ и съ ними знакомство

имѣть, и для того онъ, Каинъ, съ ними принужденъ знаться, подь видомъ, дабы они въ томъ отъ него по-таены не были, а не имѣя съ ними такого обхожденія, такихъ злодѣевъ сыскивать невозможно. При томъ онъ, Каинъ, такое опасеніе имѣть, что когда таковыя злодѣи по поимкѣ гдѣ будутъ на него, Каина, о чемъ показывать, не приведенъ бы былъ по оговорамъ ихъ къ каковому истязанію“.

Сенатъ, выслушавъ Каина, объявилъ ему: чтобъ онъ продолжалъ отыскивать мошенниковъ безъ всякаго опасенія; а что если они и покажутъ на него, „то оное показаніе за истинное принято не будетъ и къ нему, яко изыскателю тѣхъ воровъ, не токмо какое подозрѣніе причтено быть можетъ, но что онъ за отысканіе воровъ будетъ награжденъ; токмо бы онъ, Каинъ, съ таковыми злодѣями въ томъ, что до ихъ воровства и злодѣйства касается, ни подь какимъ видомъ не мѣшался и никакого къ тому умыслу къ тѣмъ злодѣямъ совѣту и наставленія въ такихъ злодѣйствахъ не имѣлъ и не чинилъ, и неповинныхъ къ тому злодѣйству не привлекалъ: ибо ежели онъ, Каинъ, въ томъ подлинно явится и доказано будетъ, то съ нимъ, Каиномъ, яко съ злодѣемъ, поступлено будетъ“. И въ заключеніе всего Сенатъ послалъ указъ въ Сыскной приказъ: что ежели въ томъ приказѣ кто изъ содержащихся колодниковъ или впредь пойманныхъ злодѣевъ будетъ на него, Каина, что показывать, того кромѣ важныхъ дѣлъ не принимать и имъ, Каиномъ, по тому не слѣдовать*).

*) Указъ Сената Сыскному приказу отъ 3 октября 1744 г., за № 11.491.

Такимъ образомъ Каинъ оградила себя отъ доносовъ своихъ сотоварищей, а всего важнѣе было для него то, что онъ далъ законное право своимъ друзьямъ-подъячимъ не давать хода никакому доносу на него. Выраженіе „кромѣ важныхъ дѣлъ“ было такъ неопредѣленно, что подъячій всегда могъ оправдаться неуразумѣніемъ. Но Каинъ и этимъ еще не удовольствовался: ему надо было сдѣлаться вполнѣ официальнымъ лицомъ, съ бумагою въ рукахъ отъ Сената; и вотъ въ ноябрѣ онъ подаетъ новое прошеніе въ Сенатъ, что съ 1741 г. онъ поймалъ болѣе 500 человѣкъ воровъ и мошенниковъ, что въ Москвѣ ихъ еще много, но, по неимѣнію инструкціи о поимѣхъ и сыску тѣхъ воровъ, ему чинится немалое препятствіе и изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ оныя злодѣи имѣютъ свои воровскія пристани, а отъ командующихъ вспоможенія не имѣется. На этомъ основаніи, Каинъ просилъ Сенатъ дать ему инструкцію и объявить о томъ въ Москвѣ по командамъ, какъ полицейскаго вѣдѣнія, такъ и въ прочихъ, „чтобы въ сыскѣ и поимкѣ воровъ ему препятствія не чинили“.

И эта просьба удалась!

Сенатъ рѣшилъ: „Донositелю Каину для безпрепятственнаго въ поискѣ и въ поимкѣ имъ воровъ и разбойниковъ и другихъ тому подобныхъ злодѣевъ дать изъ Правительствующаго Сената съ прочѣтомъ указъ, въ которомъ написать, что ежели гдѣ въ Москвѣ случай допустить ему, Каину, помянутыхъ злодѣевъ ловить и въ той ихъ поимкѣ будетъ требовать отъ кого вспоможенія, то въ такомъ случаѣ всякаго чина и достоинства людямъ, яко вѣрноподаннымъ Ея Императорскаго Величества, въ поимкѣ тѣхъ злодѣевъ чинить

всякое вспоможеніе, дабы оныя злодѣи, чрезъ такой его смыслъ, вовсе могли быть искоренены, и всѣ подданные Его Императорскому Величеству, по искорененіи такихъ злодѣевъ съ покоемъ безъ всякой опасности и раззоренія впредь остаться могли; а ежели кто при поимкѣ такихъ злодѣевъ, ему, доносителю Каину, по требованію его вспоможенія не учинить и чрезъ то такіе злодѣи упущены и ко умноженію ихъ воровства поводъ подастся и сыщется про то до-пряма, таковыя, яко преступники, жестоко истязаны будутъ по указамъ безъ всякаго упущенія; о томъ же въ Военную коллегію, въ Главную полиціейстерскую канцелярію и въ Сыскной приказъ подтвердить, и чтобъ по командамъ въ поимкѣ такихъ злодѣевъ помянутому доносителю Каину всякое вспоможеніе чинено было, напротиву же того и ему, Каину, въ поимкѣ подъ видомъ таковыхъ злодѣевъ никому постороннимъ обидѣ не чинить и напрасно не клеветать подъ такимъ же истязаніемъ, а военной коллегіи учинить о томъ по сему Его Императорскому Величеству указу“.

Инструкція изъ Сената выдана Каину съ прочетомъ (т. е. съ прочтеніемъ) 9-го декабря 1744 г. Она состояла изъ копій съ этого рѣшенія слово въ слово. Это распоряженіе Сената, такъ ловко вызванное Каиномъ, поставило его выше всѣхъ полицейскихъ властей и предоставило ему страшную возможность брать подъ арестъ всякаго, кого ему вздумается. Военныя и полицейскія команды поступали, при первомъ его требованіи, въ его зависимость. Сенатская угроза, выраженная такъ строго въ указѣ: „а ежели кто при поимкѣ такихъ злодѣевъ ему, доносителю Каину, по требованію его

вспоможенія не учинить.... таковыя, яко преступники, жестоко истязаны будутъ безъ всякаго упущенія—давала Каину средства расправляться самовластно въ низшихъ классахъ народонаселенія московскаго. Къ этому времени еще одно обстоятельство расширило кругъ противузаконныхъ дѣйствій Ваньки Каина. Въ Ивановскомъ монастырѣ открыта была особая раскольничья секта. Преслѣдованіе раскольниковъ усилилось; Ванька тотчасъ же этимъ воспользовался и въ своихъ поискахъ по городу заходилъ къ богатымъ раскольникамъ и забиралъ у нихъ къ себѣ въ домъ дѣтей; отцы и матери приходили къ нему и за деньги выручали ихъ. Объ этомъ дошло до свѣдѣнія раскольнической комиссіи. Комиссія постановила журналомъ вытребовать Каина для допроса изъ Сыскаго приказа, но Каинъ заплатилъ подъячимъ—и бумага въ Сыскаго приказъ отправлена была изъ комиссіи только черезъ 3 года, а именно въ ноябрѣ 1748 г.!

Безсиліе всѣхъ полицейскихъ властей противъ Каина и стачка съ подъячими и полицейскими командирами ободрили Каина такъ, что онъ дѣйствовалъ иногда, какъ совершенно отдѣльное официальное лицо. Въ подобныхъ дѣлахъ его помощниками были два крестьянина: Ѳедоръ Парыгинъ и Тарасъ Ѳедоровъ. Каинъ, вмѣстѣ съ ними и съ другими преданными ему солдатами, отправлялся къ какому-нибудь богатому посадскому чловѣку или крестьянину и объявлялъ, что они—сыщики отъ тайной конторы; требовалъ денегъ и, въ случаѣ отказа, стращалъ ночнымъ прїѣздомъ „гостей“ изъ тайной конторы.

У одного богатаго крестьянина, Еремѣя Иванова, по

слухамъ, племянница была раскольница. Каинъ явился къ нему днемъ съ своими товарищами и требовалъ денегъ. Крестьянинъ отказалъ. Каинъ и товарищи побили его порядочно, разбили лавочный ящикъ, нашли въ немъ 11 р., захватили всякой рухляди на 21 р. 34 к. и увели съ собою племянницу его, приставивъ къ дому караулъ, подъ предлогомъ, что нашли раскольницу. Дѣву отвели не въ раскольничью комиссію, а къ Каину на домъ. Здѣсь Каинъ терзалъ несчастную ударами плети, добываясь отъ нея признанія, что она раскольница, или что дядя ея, Еремѣй, придерживается раскола. Жена Каина тутъ же присутствовала и приговаривала: „бейте еѣ гораздо“, а потомъ совѣтовала дѣвкѣ повиниться или показать на дядю что нибудь. „Скажешь — легче будетъ и бить не стануть“, говорила жена Каина. Дѣвка только кричала и ни въ чемъ не созналась. На другой день Каинъ съ своими товарищами опять пріѣхалъ въ домъ Еремѣя и свелъ караулъ, говоря: „Молись Богу — я племянницу твою Афросинью освобожу“. Еремѣй понесъ Каину 20 р. Каинъ отпустилъ племянницу, а съ Еремѣемъ отправился разсчитываться въ харчевню; получивъ деньги при харчевникѣ, Каинъ успокоивалъ Еремѣя: „Молись Богу, а то я бы свелъ твою племянницу и тебя въ тайную контору.“ Но Каинъ ошибся въ расчетѣ. Еремѣй и харчевникъ донесли тайной конторѣ, и Каинъ съ своими двумя товарищами былъ арестованъ. Парыгинъ и Тарасъ Ѳедоровъ подъ пыткою во всемъ сознались, Каинъ ни въ чемъ. По рѣшенію тайной конторы Парыгинъ, съ вырѣзаніемъ ноздрей, сосланъ былъ въ Сибирь, въ дальній городъ, а Тарасовъ — въ Оренбургъ въ работы. Каинъ и тутъ высочилъ. Объ

немъ тайная контора рѣшила: „хотя бы онъ и подлежалъ жесточайшему наказанію кнутомъ и дальней ссылкой, однакоже, дабы впредь въ сыскѣ разбойниковъ и воровъ и прочихъ подозрительныхъ людей имѣлъ онъ крѣпкое стараніе, того для, оное ему нынѣ оставить; а дабы тѣ его воровства вовсе ему упущены не были и впредь бы отъ такого воровства и отъ прочихъ тому подобныхъ продерзостей имѣлъ онъ воздержаніе и предосторожность, учинить ему, Каину, въ тайной конторѣ наказаніе: бить плетью нещадно, и по учиненіи того наказанія объявить ему подѣ страхомъ смертной казни съ подпискою, ежели впредь сверхъ должности своей явится въ какихъ либо хотя наималѣйшихъ воровствахъ и взяткахъ, то уже поступлено съ нимъ будетъ по силѣ указовъ Ея Императорскаго Величества, безъ всякаго упущенія, а чтобъ впредь къ воздержанію его отъ всякаго воровства и въ сыску подозрительныхъ людей невиннымъ разоренія не имѣло быть, имѣть надъ нимъ, Каиномъ, наблюдательство“.

Для наблюденія за Каиномъ сообщено въ московскую полицію 12-го сентября 1745 года.

Какъ же подѣйствовали на него внушенія тайной конторы? Какъ съ гуся вода! Онъ отлежался, полегилъ и взялся за прежнее: въ Сыскной приказъ водилъ ежедневно пойманныхъ мелкихъ воровъ и мошенниковъ, а самъ, между тѣмъ, съ своими товарищами занимался крупнымъ воровствомъ.

Въ 1747 г., передъ Рождествомъ Христовымъ, Каинъ пришелъ въ гости на Москву-рѣву на стругъ къ приказчику одного орловскаго купца, Осипу Тимофѣеву; попили они чаю, поболтали, вышли изъ-подъ палубы и

начали прощаться. Въ это время черезъ стругъ проходилъ на сосѣдную барку купецъ 1-й гильдіи Степанъ Григорьевъ Клепиковъ. — Вотъ онъ, Клепиковъ, говорилъ приказчикъ Каину, и въ худомъ платьѣ ходитъ, а богатъ. У него денегъ пять тысячъ, болѣе, а кромѣ пива ничего не пьетъ!

— А гдѣ у него деньги? спросилъ Каинъ.

— Держитъ на своемъ стругу, что съ хлѣбомъ.

Каинъ возвратился домой и задумалъ обворовать Клепикова. Одному трудно было пуститься на это дѣло. Каинъ пригласилъ въ участники воровства жившаго у него въ домѣ товарища Шинкарку, и сталъ съ нимъ совѣтъ держать. Положили пригласить къ дѣлу еще со товарища, цѣловальника Якова Колобова, посѣщавшаго часто Каина въ игорные вечера.

Думали, передумывали и наконецъ рѣшили, по совѣту Колобова: опить Клепикова пивомъ съ дурманомъ, но прежде испробовать, сколько надо положить дурману.

Всѣ трое: Каинъ, Шинкарка и Колобовъ отправились въ погребокъ, купили по дорогѣ кувшинъ, а въ погребѣ полведра пива и возвратились къ Каину. Насыпали въ пиво дурману съ фунтъ, замазали кувшинъ тѣстомъ и поставили въ печь. Когда, по ихъ соображенію, снадобье было готово, раскупорили кувшинъ и выпили каждый по стакану. Наблюдали другъ за другомъ: дѣйствія никакого не оказалось — всѣ были въ памяти. Опять принялись за новый опытъ: купили еще четверть пива и вылили въ него оставшееся пиво съ дурманомъ. Колобовъ и Шинкарка выпили по три стакана и разошлись. Вечеромъ, въ тотъ же день, Шинкарка привелъ Колобова въ домъ Каина „въ безуміи“, да и самъ едва

дошелъ до дому. Каинъ уложилъ ихъ спать; они проспались и встали совершенно здоровые. Положили не отступать отъ своего плана и дожидаться удобнаго случая, чтобъ опить Клепикова снадобьемъ. Случай не представлялся, а между тѣмъ Колобовъ по своимъ дѣламъ долженъ былъ уѣхать изъ Москвы. Каинъ и Шинкарка приговорили на это дѣло другаго сотоварища: матроса парусной фабрики Антона Коврова. Ковровъ посовѣтоваль приступить къ дѣлу другимъ порядкомъ, менѣе сложнымъ: прямо въ удобное время разграбить стругъ. Но для этого надо было воспользоваться такимъ временемъ, когда Клепиковъ былъ бы не на стругѣ. У матроса Коврова былъ 14-лѣтній сынъ — ему поручили слѣдить за Клепиковымъ и за стругомъ, а къ дѣлу пригласили еще двухъ фабричныхъ: Крылова (14 лѣтъ) и Соколова. Въ одинъ день мальчишки эти дали знать, что Клепиковъ, возвратившійся въ Москву, съ женою отправился со струга къ обѣднѣ въ церковь Георгія, что въ Ендовѣ. Каинъ пошелъ за нимъ въ церковь, чтобы прослѣдить, куда онъ пойдетъ послѣ обѣдни. Клепиковъ изъ церкви отправился на Болото: по соображеніямъ Каина, для закупки хлѣба и, вѣроятно, онъ останется тамъ довольно долго. Каинъ далъ знать объ этомъ своимъ товарищамъ; и эти на саняхъ съ ломами и топорами подсакали къ стругу. Самъ Каинъ наблюдалъ издали въ „дранишномъ ряду“. Возшли на стругъ, постучались въ двери. Работникъ отскочилъ. — Что за стужь? Ему отвѣчали: „Письмо нужное изъ Орда“. Дверь отворилась; мошенники бросили работнику въ глаза золы съ солью и повалили подъ лавку. Мигомъ разломали сундукъ, гдѣ были деньги, и наполнили ими мѣшки,

привезенные съ собою. Все это сдѣлано было живо и, что любопытно, грабили стругъ среди бѣлаго дня: у Москворѣцкихъ воротъ. Съ добычею своею мошенники поскакали въ Преображенское къ матросу Коврову, спрятали у него деньги и разошлись по домамъ; вечеромъ опять собрались у Коврова и принялись дѣлать „поживу“.

Каину, конечно, дали больше всѣхъ: 450 р. рублевиками, полуполтинниками и гривенниками. Антону Коврову и Крылову 200 р., сыну Антона, Ивану 50 р., Соколову 100 р. Алексѣю Шиньваркѣ дали немного, но онъ вознаградилъ себя самъ: пока товарищи пересчитывали деньги, онъ тутъ же укралъ изъ ворованныхъ вещей связку низаннаго жемчуга и серьги съ жемчугомъ. Каинъ, возвратясь домой, на первые дни спряталъ деньги на чердакъ, а потомъ употребилъ ихъ на уплату долговъ за разные товары, взятые имъ въ рѣдахъ.

Нѣтъ сомнѣнiя, что подъ покровительствомъ Ваньки Каина число бѣглыхъ крестьянъ и дворовыхъ людей, воровъ, мошенниковъ, грабителей увеличивалось въ Москвѣ съ каждымъ днѣмъ. Это стеченiе огромнаго числа людей, жившихъ воровствомъ, грабежемъ, а иногда и убiйствами, должно было наконецъ выразиться проявленiемъ какого нибудь общественнаго бѣдствiя. И дѣйствительно, весной 1748 г. начала ходить по Москвѣ молва о грабежахъ, о предстоящихъ пожарахъ; по обыкновенiю, явились подметныя письма, угрожавшiя пожарами, и наконецъ страшное бѣдствiе постигло Москву.

10-го мая, во 2-мъ часу по полудни, загорѣлось въ Бѣломъ городѣ между Ильинскими и Никольскими воротами въ домѣ княжны Куракиной; сильнымъ вѣтромъ

огонь перебросило на обывательскіе дома къ Златоустовскому монастырю, къ церкви Всѣхъ Святыхъ, что на Кулинкахъ, потомъ къ Яузскимъ воротамъ, вспыхнулъ Яузскій мостъ, и по Николе-Ямской улицѣ пожаръ разлился до Андроньевскаго монастыря и Ямскихъ слободъ; съ другой стороны: отъ церкви Всѣхъ Святыхъ горѣли дома по направленію къ городской стѣнѣ, вѣтромъ перебросило черезъ стѣну на домъ президента Кисловскаго и до церкви Ильи Пророка, что на Воронцовомъ полѣ. Сгорѣли: отъ Китая-города правая сторона Покровской улицы по Яузскія ворота, Алексѣевская, Рогожская и Ямскія слободы, Андроньевъ монастырь. При сильномъ ураганѣ огонь распространялся такъ быстро, что обыватели спасали только свою жизнь: имущество погибало; не смотря на это, сгорѣло 96 человекъ. Церквей обгорѣло 25, между ними церковь Архидіакана Стефана, ц. Сумеона Столпника, ц. Покрова Богородицы, ц. Николая Чудотворца, что на Ямахъ, ц. Мартына Исповѣдника, что въ Большой Алексѣевской, ц. Алексѣя Митрополита, что въ Малой Алексѣевской, ц. Сергія Чудотворца, что въ Рогожской; дворовъ и домовъ сгорѣло 1,202, въ нихъ считали покоевъ 2,417. Въ слѣдующіе дни ежедневно были пожары, и народъ былъ въ страшномъ волненіи... загорались нежилые дворы, дома и заборы... Появились подметныя письма съ объявленіемъ, что тамъ-то загорится... поймано было нѣсколько поджигателей...

23-го мая, въ 8-мъ часу утра, снова тревога... пожаръ въ селѣ Покровскомъ, отсюда перебросило въ Нѣмецкую слободу, горѣло по Язу, по Гороховое поле до Ъхаловскаго моста. Лефортовскій и Головинскій дворцы

были спасены; въ Покровской слободѣ сгорѣло 260 дворовъ, на Нѣмецкомъ рынкѣ 117 торговыхъ лавокъ и шалашей, 16 кузницъ, 3 цирюльни, 12 харчевень, 1 вѣтреная мельница, 10 лѣсныхъ лавокъ, 11 пивоваренныхъ заводовъ, 3 кабака.

24-го мая пострадала другая часть города: въ 5-мъ часу по полудни огонь показался за Пречистенскими воротами въ домѣ статскаго совѣтника Чебышева у Зачатейскаго монастыря, горѣли обѣ стороны Остоженской улицы до Пречистенскихъ воротъ, по Москву-рѣку. Сгорѣли церкви: Воскресенія Христова, что слыветъ Старое, Ильи Пророка, что слыветъ Обыденного, Покровъ Пресвятыя Богородицы, что на Грязяхъ близъ Пречистенскихъ воротъ; обывательскихъ домовъ 72, одинъ кабакъ у Пречистенскихъ воротъ и 14 круглыхъ качелей у Алексѣевской башни *)

Жители и полиція упали духомъ... Толпы бездомныхъ, обнищавшихъ, бродили по улицамъ, грабежи и ночныя воровства усилились, бѣдствіе не прекращалось. 25-го мая въ 4 часу по полудни загорѣлось въ Земляномъ городѣ, не доѣзжая Красныхъ воротъ на Мясницкой улицѣ въ домѣ князя Михаила Мещерскаго; горѣли обѣ стороны Покровской улицы до двора дѣйствительнаго статскаго совѣтника князя Бориса Григорьевича Юсупова и до двора Степана Васильевича Демидова; съ дома Мещерскаго перекинуло огонь въ Земляной городъ, на Красныя ворота, на комедію, на лавки... Пожаръ кончился въ 9-мъ часу вечера; сгорѣло: 1 церковь, 62 дома обы-

*) На мѣстѣ нынѣшняго Храма Спасителя, гдѣ прежде былъ Алексѣевскій монастырь.

вательскихъ, 1 цирюльня, двѣ богадѣльни, Триумфальныя ворота, комедіальный домъ, 2 кабака. Во всѣ четыре пожара 10-го, 23-го, 24-го и 25-го мая истреблено пожаромъ 1,883 дома и въ нихъ 4,793 покоевъ. (Дѣла полиц. канц).

Московскіе пожары и разбои такъ напугали Петербургъ, что тамъ разставили пикеты изъ гвардейскихъ полковъ около императорскихъ дворцовъ на площадяхъ, на улицахъ по Московской сторонѣ, съ приказаніемъ имѣть крѣпкую осторожность и прилежное смотрѣніе, чтобы никакой злодѣй върасться и такое же зло (т. е. пожаръ и грабежъ) учинить не могъ“. Злодѣевъ и подозрительныхъ людей приказано было ловить и отсылать въ главную полиціимейстерскую канцелярію (П. С. З. Т. XII ст. 9503 іюня 3). Въ Москву же, въ первыхъ числахъ іюня, посланъ былъ генераль-маіоръ и премьер-маіоръ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка Ѳедоръ Ушаковъ, подъ предсѣдательствомъ котораго была учреждена особая комиссія для изслѣдованія о пожарахъ. Между тѣмъ, жителей Москвы охватилъ паническій страхъ: они выбирались изъ домовъ, со всѣмъ имуществомъ выѣзжали изъ города и ночевали въ полѣ. Нужны были неотлагательныя, строгія мѣры. Правительству предлежало не только предупреждать, преслѣдовать и наказывать поджигательство, но надо было защищать отъ воровъ и грабителей. Въ Москву введено было войско, на погорѣлыхъ мѣстахъ поставили пикеты; по всей Москвѣ днемъ и ночью учреждены военные разѣзды, караулы солдатскіе усилены введеніемъ въ городъ трехъ батальоновъ, расположенныхъ около Москвы; въ караулы ночные наряжались и го-

родскіе обыватели. Всѣ городскіе жители приглашались комиссією ловить злодѣевъ и воровъ и, съ пойманными вещами, представлять въ комиссію. Личный составъ полицейскаго управленія усиленъ опредѣленіемъ, временно, лишняго совѣтника при полиціи.

Комиссія для изслѣдованія о пожарахъ помѣстилась на подворьѣ Рязанскомъ на Мясницеой; здѣсь же было и помѣщеніе для арестантовъ.

Для успокоенія жителей, Ушаковъ обо всѣхъ этихъ распоряженіяхъ разослалъ по городу печатныя объявленія, которыя сверхъ того были прибиты на площадяхъ, у кремлевскихъ и городскихъ воротъ, на перекресткахъ, у нѣкоторыхъ церквей и монастырей.

Комиссія исполняла свои обязанности дѣятельно, и Ушаковъ 9-го іюня доносилъ, что съ 31-го мая никакихъ колодниковъ въ приводѣ уже не было и что все обстоитъ благополучно. Жители, съ полей, перебирались опять въ городъ; 8-го сентября 1748 г. Комиссія прекратила свои дѣйствія. Москвой тогда управлялъ генераль-аншефъ, сенаторъ и кавалеръ Василій Яковлевичъ Левашовъ.

Во время трехмѣсячнаго существованія этой комиссіи, Каинъ продолжалъ мошенничать и грабить, но уже авторитетъ его былъ подорванъ, потому что онъ не могъ такъ спокойно, какъ прежде, распоряжаться въ Москвѣ съ своими мошенниками. Послѣ пожаровъ, команда Ушакова, предупреждая поджоги, ловила всѣхъ подозрительныхъ людей и приводила ихъ не въ Сысеной приказъ, а въ комиссію. Здѣсь судъ и расправа были коротки, и вліяніе Каина ничтожно. До пожаровъ малочисленная московская команда, и полицейская и

военная, вся была ему знакома, вся была имъ подкуплена; теперь явились новые дѣятели. Въ іюнѣ же 1748 г., во время существованія комиссіи, одинъ случай доказалъ Каину, что новая военная команда не обращала на него большого вниманія.

10-го іюня, утромъ, въ 10 часовъ, онъ шелъ мимо Мытнаго двора у Москворѣцкихъ воротъ. Тутъ была фортина (кабакъ). Въ то время, какъ проходилъ Каинъ, цѣловальникъ кричалъ въ окно: караулъ! караулъ! грабятъ казну! Иванъ вбѣжалъ въ кабакъ и увидѣлъ, что солдаты ломаютъ стойбу, въ которой хранились сборныя деньги. Каинъ началъ ихъ унимать, а солдаты принялись его бить, Каинъ спасся только тѣмъ, что выхватилъ у одного солдата шпагу и, защищаясь ею, выбѣжалъ изъ двери. Онъ побѣжалъ въ караульню и заявилъ о происшествіи караульному офицеру Вологодскаго батальона, прапорщику Ивану Головину. Головинъ выхватилъ у Каина изъ рукъ шпагу, велѣлъ солдатамъ наклонить Каина за волосы и билъ его шпагою по синиѣ; потомъ завязалъ ему руки назадъ, прикрѣпилъ веревкою за ноги у приказнаго крыльца, и велѣлъ въ продолженіе часа бить его батогами. Наконецъ, какъ-то Каинъ вырвался отъ Головина и подалъ прошеніе въ Сыскной приказъ. Въ приказѣ его осмотрѣли: „оказалось, онъ избитъ былъ порядочно, спина вся синяя и багровая; плечи, руки всё въ синихъ пятнахъ“. На другой же день Сыскной приказъ сообщалъ о Головинѣ въ военно-походную канцелярію, къ генералъ-аншефу сенатору Василию Яковлевичу Левашову.

Чѣмъ кончилось дѣло Головина, изъ дѣла Сыскаго

приказа не видно; но Каинъ вѣроятно сталъ осмотри-
тельнѣе.

8-го августа 1748 г. Каинъ сдѣлалъ большой подвижъ: поймалъ своего стариннаго друга и перваго сотоварища своихъ мошенничествъ, Петра Камчатку (см. стр. 2 автобіографіи). Вотъ біографія Камчатки, рассказанная имъ самимъ въ допросѣ: Петръ Романовъ сынъ, прозваніемъ Смирной Закутинъ, да по мирскому званію Камчатка, 37-ми лѣтъ; отецъ его, Романъ Герасимовъ Смирной, былъ Бутырскаго пѣхотнаго полка солдатъ. Давно умеръ. А мать его вышла замужъ за матроса парусной фабрики Степана Лукьянова сына Закутина. Мать его умерла давно, а Закутинъ въ богадѣльнѣ. Онъ, Петръ, учился на фабрикѣ. Тому назадъ 20 лѣтъ, пойманъ былъ въ мошенничествѣ, въ Сыскномъ приказѣ наказанъ плетьюми и опредѣленъ въ солдаты въ Ярославскій пѣхотный полкъ, который былъ на линіи. Изъ Казани бѣжалъ въ Москву, жилъ въ землянкахъ близъ Лафертовскаго каналу, въ Лафертовской слободѣ; кормился: рылъ каналъ. Одинъ разъ, за Воскресемскими воротами близъ Неглинной, началъ его бить незнакомый человѣкъ; Камчатка закричалъ караулъ: его отвели въ полиціймейстерскую канцелярію. Здѣсь онъ сказался матросомъ парусной фабрики. Его отослали изъ полиціи въ адмиралтейскую контору, а отсюда на работу на фабрику. Работалъ Камчатка всего съ годъ; надоѣла ему работа; онъ бѣжалъ съ фабрики и началъ кормиться мошенничествомъ: кралъ въ торговыхъ баняхъ платья, таскалъ изъ кармановъ деньги и вещи и проч. Потомъ отправился въ Нижній-Новгородъ. Здѣсь онъ сошелся съ крестьянами: Савельемъ Плохимъ, да съ Григорьемъ

Степановымъ Мазинымъ, съ учениками суконной московской фабрики Иваномъ Куваевымъ и Михайломъ Денисовымъ и съ Иваномъ Каиномъ. Последняго онъ зналъ и прежде, потому что мошенничали вмѣстѣ въ Москвѣ. Въ Нижнемъ пробыли 5 дней; больше воровали все въ баняхъ: утромъ и вечеромъ крали у бурлаковъ платье и деньги. Потомъ изъ Нижняго всѣ вмѣстѣ пришли на Макарьевскую ярмарку; тутъ жили 10 дней, занимались тѣмъ же, чѣмъ и въ Нижнемъ. Возвращаясь въ Москву, раздѣлили деньги; пришлось на пай рублей по 10 и болѣе, а платье бросили на дорогѣ въ той же ярмаркѣ „чтобы на нихъ не было по тому какой прилики“. Въ Москвѣ, Петръ Камчатка явился опять на фабрику, гдѣ и оставался до Великаго поста 1748 г. На третьей недѣлѣ поста бѣжалъ въ Калужскій уѣздъ на желѣзные заводы Абинфія Демидова, работалъ недѣли съ двѣ, безъ пачпорта; опять возвратился въ Москву, проночевалъ въ Ямской Дрогомилловской слободѣ одну ночь, а потомъ работалъ „на бережкахъ“, таскалъ на берегъ Москвы рѣки лѣсъ недѣли съ двѣ; потомъ жилъ за Срѣтенскими воротами въ приходѣ Всемиловскаго Спаса, что въ Пушкаряхъ, у коломенскаго солдата Семена Семенова Ворнопѣгова; кормился тѣмъ, что скупалъ въ лавкахъ кресты мѣдные и иглы и продавалъ ихъ по деревнямъ въ Московскомъ уѣздѣ. Потомъ жилъ въ Переяславской Ямской слободѣ въ домѣ Милютинскій фабрики ученика Ивана Ланского, и 8-го августа пошелъ было къ празднику въ Новоспасскій монастырь, что слыветъ въ Новомъ, шель по мосту, на Бальчугѣ встрѣтился ему Иванъ Каинъ, взялъ его и привелъ въ Сыскной приказъ.

Послѣ допроса, по принятому тогда порядку, Петра Камчатку допрашивали подѣ пыткой. Первый допросъ былъ 21-го октября 1748 г. Камчатка прибавилъ къ первому показанію слѣдующее: прежде Нижняго ходилъ онъ, съ товарищами и съ Ванькой Каиномъ, въ Троицкую Лавру.

Декабря 18-го 1748 г. судьба Камчатки была рѣшена: наказанъ кнотомъ и сосланъ въ ссылку въ Оренбургъ, въ вѣчную работу.

Выдача Камчатки въ руки правительства очень повредила Каину, какъ въ обществѣ его товарищей-мошенниковъ, — они потеряли къ нему довѣріе, — такъ и въ чиновникахъ Сыскаго приказа и полиціи, подкупленныхъ Каиномъ и судьба которыхъ зависѣла отъ скромности Каина. Сыскаго приказъ началъ принимать разныя мѣры противъ нахальства и дерзкаго поведенія Ваньки Каина. Въ инструкціи 11-го ноября 1748 г. дежурному оберъ-офицеру о содержаніи колодниковъ приказа въ § 15 сказано:

„Оберъ-офицеру, изъ команды своей, никому караульныхъ не давать и самому не отпускать, ни зачѣмъ не отсылать, никуда подѣ опасеніемъ военнаго суда, а посылать по требованіямъ отъ секретарей, по наказамъ и сыскнымъ, и сколько потребно посылать безъ задержанія; тако-жѣ, если доноситель Каинъ будетъ объявлять, что ему надлежитъ для поимки сколько солдатъ, то спрося присутствующихъ, а не въ бытность ихъ, дежурнаго секретаря, и дежурному секретарю спросить тайно доносителя, куда идтить и въ какіе дома и за какими людьми, чтобы въ томъ отъ него, доносителя, знатнымъ людямъ какихъ страховъ и безчинства не

нанесено было и не вѣ-ли Москвы; а ежели подле-
жить той посылкѣ быть, того часу потребное число
солдатъ посылать и съ ними унтеръ-офицера или ка-
прапа, съ такимъ наставленіемъ, чтобъ на которыхъ
онъ, доноситель Каинъ, будетъ показывать, тѣхъ брать
и содержать, чтобъ ихъ не упустить, и приводить прямо
въ Сыскной приказъ, а окромъ Сыскаго приказу тѣхъ
колодниковъ по домамъ никуда не водить и въ доно-
сителю Каину въ домъ не водить же, ибо отъ онаго
доносителя многія продерзости явились, и что
онъ перво въ себѣ водить и то оказывается; въ чемъ,
въ Сыскномъ приказѣ въ томъ, что ему, доносителю
Каину, того не чѣнить, взята подписка. Посланному съ
доносителемъ команды оберъ-офицеру приказывать ун-
теръ-офицеру, чтобъ его унтеръ-офицера команда, бу-
дучи ему и командѣ, при взятѣ тѣхъ по указыванію
доносителемъ колодниковъ въ которыхъ домахъ взяты
будутъ, обидъ и разоренія и грабежа никакого не учи-
нить и доноситель бы во взятыхъ домахъ гра-
бежа не учинилъ же; и въ тѣхъ домахъ, гдѣ взяты
будутъ подозрительные люди, велѣтъ оставлять карауль
по два человѣка солдатъ и смотрѣть, чтобъ изъ того
дому чего не вывезено было, также и доносителю
какъ во взяткахъ и въ грабежахъ и въ разоре-
ніяхъ не быть послушнымъ, ибо отъ онаго доно-
сителя изъ дому его караульной явился въ поддорож-
номъ намѣреніи отбоѣ подозрительнаго человѣка, и о
томъ по слѣдствію въ Сыскномъ приказѣ, по повинѣ
его, отосланъ на военный судъ, изъ чего видно онаго
доносителя неправдивые поступки, за что и
прежде учинено съ нимъ по указамъ“...

Сыскной приказъ, какъ ни покровительствовалъ Каину, но принужденъ былъ принимать мѣры предосторожности противъ его самовольства, особенно имѣя въ виду слѣдующіе факты.

Въ Москвѣ существовала адмиралтейская парусная фабрика; матросы, работавшіе на ней, были особенные воры и мошенники и часто бѣгали. Каинъ давалъ у себя пріютъ этимъ бѣглецамъ.

Начальство фабрики, узнавъ, что Каинъ скрылъ у себя бѣглаго матроса Осипа Соколова съ товарищами, послало сперва приглашеніе Каину прибыть въ контору для допросовъ; но Каинъ не счелъ нужнымъ явиться. 22-го апрѣля 1748 года отъ начальства фабрики послали военную команду, схватить Каина въ его домъ въ Зарядьѣ и привести силою. Посланные: подканцеляристъ и капралъ возвратились съ пустыми руками; они донесли слѣдующее: Застали Каина дома, прочли ему указъ и повели было въ контору парусной фабрики, но какъ отошли отъ двора Каина сажень съ пять, то онъ, Каинъ, вырвался, сброся съ себя сюртукъ и шляпу и ушелъ, и бѣжавъ кричалъ незнаемо какимъ людямъ: дай дубья! По этому зову набѣжало неизвѣстныхъ людей человекъ съ 20-ть въ сѣрыхъ кафтанахъ, и подъячаго и капрала и солдатъ били смертнымъ боемъ: двумъ солдатамъ дубинами пробивали головы, Каина отбили и съ нимъ исчезли.

Контора парусной фабрики донесла объ этомъ происшествіи въ сенатскую контору 15-го сентября, въ государственную адмиралтейскую коллегію 21-го мая, а въ главную полиціймейстерскую канцелярію только 17-го февраля 1749 года.

Хотя послѣдствій неприятныхъ для Каина по этому дѣлу не произошло, но со всѣмъ тѣмъ служебная его слава, какъ сыщика, постепенно затемнилась слухами объ участіи его въ городскихъ воровствахъ и грабежахъ; кромѣ того, на поступки Каина имѣла большое влияние страсть его къ женщинамъ—эта страсть и привела его къ гибели.

За Ниеитскими воротами, въ своемъ домѣ, жилъ Коломенскаго полка солдатъ Ѳедоръ Тарасовъ, по фамиліи Зѣвакинъ. У него была хорошенькая, 15 лѣтняя дочка; Каинъ познакомился съ нею въ домѣ солдатики Ѳедосьи Савельевой; съ каждымъ днемъ, или, точнѣе сказать, съ каждою вечеринкою, которыя бывали у Ѳедосьи, Каинъ влюблялся въ дѣвочку все сильнѣе и сильнѣе, носилъ ей лакомства, а чаще всего старался угостить её пивомъ или виномъ; на эти два напитка, съ содѣйствіемъ хозяйки-Ѳедосьи, Каинъ возлагалъ всѣ свои надежды въ безнравственныхъ своихъ видахъ. Но дѣвочка отказывалась отъ всѣхъ предложеній, а отецъ ея началъ замѣчать за Каиномъ.

17-го января 1749 года явилась въ домъ къ Тарасову знакомая его семейству женка Авдотья Степанова (одна изъ бывшихъ когда-то любовницъ Каина), переговорила что-то тайно съ дочерью Тарасова, и въ этотъ день дѣвушка пропала изъ дома. Отецъ бросился къ своимъ знакомымъ—никакого слуха. Онъ вспомнилъ вечеринки Ѳедосьи Савельевой, вспомнилъ ухаживанье Каина, и старикъ кинулся узнавать о немъ. Двѣ женщины, подсланныя Тарасовымъ къ женѣ Каина и знакомыя съ нею, старались допытаться, гдѣ былъ Каинъ наканунѣ, что дѣлалъ, куда ѣздилъ... Женскій языкъ

болтливъ, и какъ ни осторожна была жена Каина, но проговорилась, что она слышала, будто мужъ ее увезъ какую-то солдатскую дочь отъ Нивитскихъ воротъ, но куда, — не знаетъ. Шпіонка Тарасова поразспросила и прислугу: работница Каина рассказала, что солдатскую дочь Каинъ, да банщикъ Иванъ Готовцевъ, увезли въ село Павилено. Тарасовъ объявилъ письменно полиціи о бѣгствѣ дочери, указывая на Каина, какъ на похитителя.

Въ это время, на бѣду Каина, въ Москву пріѣхалъ изъ Петербурга генераль-полиціймейстеръ Татищевъ. Человѣкъ рѣшительный и строгій, онъ не обратилъ вниманія на предыдущіе Высочайшіе указы сената, которые такъ хорошо ограждали Каина, велѣлъ арестовать Каина и допросить. На первыхъ допросахъ Каинъ отвѣчалъ разный вздоръ и хотѣлъ поскорѣе отдѣлаться, надѣясь на свои связи съ чиновниками полиціи, но, въ его несчастію, они были уже безсильны. Татищевъ приказалъ посадить Каина подъ караулъ въ погребъ, кормить очень мало и никого не допускать. Какъ избавиться отъ Татищева? Оставался общепринятый тогда способъ закричать слово и дѣло. 1-го февраля, Ванька закричалъ въ погребѣ слово и дѣло, и его въ тотъ же часъ отправили въ контору тайной канцеляріи. При допросѣ онъ сознался, что слова и дѣла по 1-му пункту за нимъ нѣтъ никакого, а закричалъ его изъ страха умереть отъ изнуренія въ сыромъ и холодномъ погребу, въ который посаженъ былъ Татищевымъ.

Тайная канцелярія, по принятому порядку, опредѣлила: „за ложное сказываніе слова и дѣла, Каина бить нещадно плетью и по учиненіи наказанья, для слѣдо-

ванія и рѣшенія въ показанныхъ на него изъ полиціи-мейстерской канцеляріи воровствахъ, отослать опять туда же“.

13-го февраля Каинъ возвращенъ въ полицію. (Дѣла тайной к. 1749 г. Арх. М. Ю.).

Татищевъ снова посадилъ его подъ строгій караулъ. Кредитъ Каина былъ подорванъ окончательно, къ Татищеву присылались доносы о мошенничествахъ Каина... Отпѣкаться и отпираться было невозможно. Каинъ обѣщаль Татищеву рассказать всю истину; ему дали немного отдохнуть и полѣчиться послѣ наказанья плетьюми въ тайной канцеляріи, и наконецъ, 24-го февраля 1749 года, Каинъ, въ судебной палатѣ полиціи-мейстерской канцеляріи, объявилъ: „что онъ о всемъ покажетъ самую истину“.

Приступили къ допросу немедленно, въ тотъ же день.

Каинъ началъ рассказывать подробно всѣ свои дѣла, не щадя ни товарищей своихъ мошенническихъ и воровскихъ походовъ, ни чиновниковъ полиціи и Сыскаго приказа, подъ покровительствомъ которыхъ онъ и его сотоварищи были всегда въ сторонѣ, или и попадались иногда, но выходили по пословицѣ „сухи изъ воды“. Татищевъ, генераль-полиціи-мейстеръ, по увѣщанію котораго Каинъ съ каждымъ днемъ отрывалъ все новыя и новыя дѣла, 19-го марта донесъ императрицѣ *), что по множеству дѣлъ, возникшихъ по показанію Каина, „въ настоящихъ полицейскихъ дѣлахъ учинилась остановка, и потому полиціи изслѣдовать эти дѣла невоз-

*) Императрица Елисавета Петровна находилась тогда въ Москвѣ.

можно, и сверхъ того, такъ какъ Каинъ обнаружилъ, что съ нимъ были въ сообщничествѣ секретари и прочіе чиновники Сыскаго приказа, полиціи, Раскольничей комиссіи и Сенатской конторы, а потому, по невозможности поручить изслѣдованіе дѣла Каина Сыскаму приказу, онъ представлялъ, что необходимо учредить по этому дѣлу особую комиссію“.

Съ каждымъ днемъ Каинъ открывалъ Татищеву новыхъ сотоварищей, новыхъ покровителей своей мошеннической жизни. Особенно о послѣднихъ его показанія были интересны Татищеву. Каинъ показывалъ на всѣхъ откровенно:

Секретаря Раскольнической комиссіи онъ дарилъ за то, чтобъ онъ не принуждалъ его представлять сысканныхъ уже имъ раскольниковъ, — дарилъ итальянскими платками и рейнскимъ виномъ.

Въ Сыскаго приказѣ подъячіе нерѣдко, съ его вѣдома, дѣлили между собою принесенное съ уличенными ворами серебро и другія вещи.

Каинъ часто, для своихъ выгодъ, пойманныхъ мошенниковъ, отводилъ не въ приказъ, а къ себѣ на домъ. Здѣсь приходили къ нему секретари и подъячіе, брали взятки съ пойманныхъ, и Каинъ отпускалъ ихъ. Сверхъ взятки, за скрытіе преступленія, они брали себѣ изъ краденаго имущества разныя вещи и одежды цѣлыми узлами. Чиновники Сыскаго приказа вообще любили посѣщать Каина: онъ ихъ угощалъ у себя и водилъ по питьейнымъ домамъ, по трактирамъ, дарилъ ихъ и дѣтей ихъ шапками, платками, перчатками, а женамъ подносилъ на праздники и именины разныя дорогія матеріи и готовыя дамскія платья.

Членъ Сыскаго приказа, Афанасій Сытинъ, былъ въ большой дружбѣ съ Каиномъ и часто хаживалъ къ нему въ гости пить чай; захочется Сытину поживиться съ Каина, вотъ онъ за чайкомъ и поведетъ разговоръ: ты, Каинъ, мало въ приказъ воровъ водишь, т. е. дескать худо исполняешь свою должность, а Каинъ понимаетъ въ чемъ дѣло — сейчасъ и пошлетъ Сытину венарскаго сахару; потомъ пойдетъ съ Сытинимъ по рядамъ, Сытинъ покупаетъ товаръ, а деньги отдаетъ Каинъ. Сытину это очень нравилось, — онъ чаще сталъ зазывать Каина къ себѣ для такихъ прогулокъ, а Каинъ началъ ходить рѣже, потомъ совсѣмъ пересталъ. Это сейчасъ отозвалось: Сытинъ велѣлъ свести изъ дома Каина солдатъ, поставленныхъ въ его распоряженіе для сыску воровъ, и поширились только за новую взятку.

Другой членъ приказа, Непеинъ, хаживалъ къ Каину играть въ карты; бралъ подарки дюжинами картъ и заставлялъ Каина играть съ нимъ безденежно въ игру, называемую „одну“. Въ играхъ: карточной и зернью, которыя бывали часто въ домѣ Каина, постоянно участвовали чиновники Сыскаго приказа.

Полицію Каинъ, въ своихъ показаніяхъ, рекомендовалъ Татищеву не совсѣмъ съ выгодной стороны.

Совѣтникъ Воейковъ отпустилъ Каина, однажды, съ цѣпи изъ-подъ караула, за это Каинъ заплатилъ Воейкову 50 р., секретарю 3 р., канцеляристу 7 р.; нельзя было обойти и капрала караульнаго: ему Каинъ подарилъ штаны замшевыя, черныя. Послѣ Каинъ Воейкову платилъ постоянно за освобожденіе, при случаѣ, другихъ своихъ сотоварищей.

Затѣмъ Каинъ открывалъ ежедневно Татищеву со-

вершенныи имъ воровства и мошенничества подъ покровительствомъ Сыскаго приказа и полици. Дѣла эти были чрезвычайно разнообразны. Увозилъ изъ-подъ за-раула арестантовъ, сбивалъ съ нихъ желѣза и отпускалъ на волю. При ввозѣ неявленныхъ товаровъ, въ таможенѣ, если цѣловальники таможенные съ командою останавливали товаръ, то Каинъ съ своими солдатами нападалъ на цѣловальниковъ, отбивалъ товаръ и давалъ средства купцу проѣхать черезъ другую заставу и скрыться съ товарами. Давалъ средства скрывать убійства, и бѣглыхъ, за деньги, не представляя въ привазь, отпускалъ. Ловилъ торгующихъ на Красной площади солдатскихъ женъ, объявлялъ имъ несуществующіе указы, что товаромъ ихъ запрещено торговать на Красной площади, отводилъ ихъ къ себѣ домой, здѣсь бралъ съ нихъ деньги и отпускалъ. Прикрывалъ своихъ товарищей-друзей, которые срывали съ людей шапки и съ пьяныхъ обирали платье и объ другихъ воровствахъ никогда на нихъ не доносилъ. Держалъ у себя въ домѣ бѣглыхъ всякаго рода.

Подъ его покровительствомъ тайно въ трехъ домахъ „производились волочильныя золотыя и серебряныя неуказныя мастерства“. Для извлеченія себѣ отъ этого дохода, Каинъ, повременамъ, схватывалъ изъ этихъ фабрикъ работниковъ и представлялъ ихъ въ Сыскаго приказа подъ предлогомъ мелкаго мошенничества; фабриканты, изъ страха, что откроется ихъ заведеніе, давали ему деньги и серебро натурою въ слиткахъ и золотую канитель. На Москвѣ рѣѣ ходилъ по стругамъ для поимки бѣглыхъ и безпаспортныхъ. Хозяева этихъ струговъ платили ему деньги, чтобъ онъ ихъ не осма-

триваль. Мясникамъ позволялъ на дому бить скотину, что было запрещено закономъ, и за это бралъ съ нихъ деньги. Не доносилъ на лѣсопромышленниковъ, которые привозили на продажу вырубленный лѣсъ, изъ заповѣдной государевой рощи. Бралъ деньги съ солянкихъ цѣловальниковъ за недонесеніе объ обвѣсѣ ими мужиковъ солью. Скрывалъ пойманныхъ съ фальшивою монетою. Съ раскольниковъ бралъ деньги, чтобъ не представлять ихъ въ Раскольническую комиссію. Скрывалъ за деньги держателей воровъ. Пойманныхъ въ воровствѣ и съ поличнымъ, большею частью, прежде онъ водилъ къ себѣ на домъ, здѣсь допрашивалъ, мучилъ и билъ; иныхъ, взявши деньги, отпускалъ, оставляя у себя что нибудь изъ краденныхъ вещей; другихъ, съ кого нечего было взять, представлялъ въ Сыскной приказъ. Въ случаяхъ покражи вещей, многіе знатные господа присылали прямо къ Каину, съ просьбою отыскать; онъ заказывалъ торгующимъ на площади выжечникамъ и выжечницамъ, если кто что вынесетъ на продажу краденое, то чтобъ ему объявляли и приводили бы къ нему воровъ. Вещи очень часто находились этимъ путемъ, онъ возвращалъ ихъ хозяевамъ, получалъ отъ нихъ деньги въ благодарность, а съ воровъ бралъ взятку и отпускалъ ихъ, не донося Сысскому приказу и полиціи.

Ежедневно Каинъ каялся съ какомъ нибудь мошенничествѣ, и ежедневно, по его показаніемъ, брали въ тюрьму указываемыхъ имъ людей, а въ ожиданіи разрѣшенія на представленіе Татищева, изслѣдованіе по доносамъ Каина производилось въ московской полиціи

Что замедляло отвѣтъ высшей власти на донесеніе

Татищева, неизвѣстно, но наконецъ одно важное обстоятельство подвинуло дѣло: съ московской суконной фабрики бѣжали вдругъ работники до тысячи человѣкъ, они разсыпались по городу; воровство и грабительство усилились такъ, что полиція не могла управиться своими средствами. Надлежало прибѣгнуть къ мѣрѣ рѣшительной, и вотъ состоялся именной за собственно-ручнымъ подписаніемъ указъ 25-го іюля 1749 г. „для искорененія злодѣевъ полицейскую московскую команду усилить солдатами изъ полевыхъ полковъ: а вора Каина съ его товарищами изъ полиціи со всеѣмъ его дѣломъ передать въ Сыскной приказъ, но опредѣля судей и приказныхъ служителей безподозрительныхъ, а подозрительныхъ отрѣшить, о всеѣмъ изслѣдовать розыскомъ и какіе его еще Каиновы товарищи покажутся, тѣхъ сыскивать и присылаемыхъ изъ полиціи впредь такихъ злодѣевъ принимая распрашивать и ими розыскивать же, и всякими образы стараться оныхъ до конца искоренять, а кто такимъ казнямъ подлежать будетъ, не чиня экзекуціи, Ея Императорскому Величеству доносить“.

На основаніи этого Высочайшаго повелѣнія, сенать предписалъ: Каина, съ его товарищами и съ дѣломъ, отослать изъ полиціи въ Сыскной приказъ, гдѣ ихъ содержать подъ крѣпкимъ карауломъ; чиновниковъ Сыскаго приказа Сытина и Непеина, также секретарей и приказныхъ служителей, на которыхъ показано Каиномъ, всеѣхъ отъ дѣла Сыскаго приказа отрѣшить; объ дѣлѣ, согласно Высочайшаго повелѣнія, изслѣдовать розыскомъ (т. е. съ употребленіемъ пытки), а для производства слѣдствія назначены камеръ-коллегіи совѣтники

Богдановъ, ямской канцеляріи членъ подполковникъ князь Иванъ Горчаковъ, канцеляріи конфискаціи ассесоръ Алексѣй Еропкинъ, необрѣтающійся у дѣлъ коллежскій ассесоръ князь Михаилъ Вадбольской, съ прочими членами Сысенаго приказа, на которыхъ подозрѣнія не показано; секретаремъ къ этому слѣдствію опредѣленъ изъ Юстиць-коллегіи Никита Струковъ; канцеляристовъ назначено 4 человекъ, копистовъ 8 человекъ изъ Вотчинной и Юстиць-коллегіи и изъ Суднаго приказа „самыхъ добрыхъ людей“. (Указъ сената за № 4015, отъ 28-го іюня 1749 г.)

„Слѣдствие“ о ворѣ Каинѣ или комиссія была помѣщена на Мытномъ дворѣ у Москворѣцкихъ воротъ, гдѣ тогда были мытная и хомутная таможи, а таможи переведены: мытная въ помѣрную, а хомутная въ конную. Для карауловъ назначено 50 человекъ солдатъ съ унтеръ-офицерами, при оберъ-офицерѣ. Здѣсь устроена была присутственная камора со столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ; куплены 10 стульевъ, оловянные чернильницы, колокольчикъ и ножницы, секретарскій столъ, также съ краснымъ сукномъ. Въ подъяческой комнатѣ: 2 стола, каждый въ 3 аршина длины, четыре скамьи, 8 глиняныхъ чернильницъ, четыре ящика для храненія дѣлъ, двое счетовъ. Помѣщеніе, впрочемъ, было не очень просторное: въ этомъ зданіи было всего четыре палаты каменныхъ со сводами, раздѣленныхъ сѣнями, каменными же и со сводами. Окна были съ желѣзными рѣшетками и съ желѣзными затворами.

Каинъ со всѣми прочими колодниками по его дѣлу переданъ въ слѣдственную комиссію изъ полиціи 7-го іюля 1749 г.

Ванька Каинъ сидѣлъ въ особой палатѣ въ нижнемъ этажѣ; въ этой палатѣ было два окна—отъ окна до земли $3\frac{1}{4}$ ар. Въ окнахъ длина 2 ар., поперегъ $1\frac{1}{4}$ ар. Печки въ палатѣ не было.

Онъ содержался въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ.

Военной командѣ дана была особая инструкція:

„Каина никогда и не для чего съ означенными его товарищами не спускать, также и другихъ колодниковъ, никого, никуда и за карауломъ не отпускать, и приходящихъ къ нимъ и къ Каину никого не допускать. Если кто будетъ приносить пищу, то сперва самому (караульному офицеру) попробовать, кромѣ вина, и потомъ отдавать. Вина въ милостыню не принимать отъ приносящихъ. Приносимые калачи и хлѣбы осматривать, нѣтъ ли въ нихъ чего нибудь запеченаго. Смотрѣть, чтобы между колодниками (ихъ было 39 человекъ) ниваки не было ссоръ, непотребствъ и игранія въ карты или какія зѣрны не было. Осматривать, нѣтъ ли у колодниковъ ножей или вредительныхъ инструментовъ. Раздавать ежедневно каждому кормовыя деньги по 1 копѣйкѣ. О состояніи колодниковъ и караула ежедневно подавать рапортъ“.

Какъ ни былъ строгъ этотъ приказъ, но отклоненія появились тотчасъ же.

Юля 15-го поймали двухъ колодниковъ, Андрея Пичкалу и Ивана Коврова: они съ кѣмъ-то разговаривали въ окно. Схватили уличнаго переговорища. Оказался по допросу: „зовутъ его Василій Алексѣевъ, по прозванію Чижики, суконщикъ, отъ роду ему 40 лѣтъ. Отецъ его Алексѣй Емельяновъ, по прозванію бѣлъ Галкинъ. Подходилъ къ окну, потому что колодники влинули его поднять денежку, брошенную какимъ-то

проѣзжимъ; денежку онъ не нашель, а свою подалъ“. Болѣе ничего не узнали; только оказалось, что въ это же время сидѣлъ тутъ же въ тюрьмѣ одинъ изъ сотоварищей Каина, купецъ Сергѣй, по прозванію Чижикъ. Новый, пойманный у окна, Чижикъ объявилъ, что онъ сидящему въ тюрьмѣ Чижигу не родственникъ и его не знаетъ. Его освободили на поруки.

Черезъ нѣсколько дней въ комиссію поступилъ докладъ гораздо серьезнѣе о безпорядкахъ въ тюрьмѣ, гдѣ сидѣлъ Каинъ.

Іюля 24-го колодникъ Осипъ Соколовъ объявилъ: что къ Ивану Каину приходитъ жена его Арина и съ нимъ ночевала двѣ ночи, что сержантъ Подымовъ выпускаетъ Каина въ другую палату, гдѣ сидятъ его сотоварищи, и каждый день сержантъ съ Каиномъ, съ Антономъ Ковровымъ, съ Алексѣемъ Шинкаркою, съ Петромъ Волкомъ и съ другими ѣдятъ, пьютъ и играютъ въ кости и въ карты на деньги, что для этой игры жена Каина приносила ему 12 р., которые онъ проигралъ колоднику Василью Базану, а что прежде проигралъ шубу.

Каинъ, въ присутствіи, объявилъ, что онъ шубы Базану въ карты не проигрывалъ, а заложилъ за полтину. Сержантъ Подымовъ остался въ всякаго подозрѣнія Колодники въ такихъ случаяхъ оставались передъ судомъ одни виноватыми и клеветниками.

Колодники дѣйствительно не скучали, и въ этомъ они обязаны были сержанту Подымову, который съ своими дежурными солдатами проводилъ день и ночь въ палатахъ, гдѣ сидѣли колодники. И гдѣ же ему проводить время? При домѣ, гдѣ помѣщались колодники и

комиссія, особой караулни не было устроено. Сержантъ и солдаты должны были стоять подъ открытымъ небомъ. Старшій офицеръ караула дежурилъ въ подъяческой палатѣ, гдѣ въ окнахъ были стекла выбиты, и холодно, и сыро. Что же удивительнаго, что сержантъ Подымовъ проводилъ время въ колодничей и притомъ очень приятно! Дѣйствительно, день и ночь онъ пировалъ съ колодниками — пили, пѣли, играли въ карты и въ зернь. Но все дѣло испортили женщины: Подымовъ дозволилъ женамъ Ваньки Каина, Осипа Соколова и Василья Базана приходить къ мужьямъ; сверхъ личнаго присутствія, жены колодниковъ одушевляли это общество особенно тѣмъ, что приносили мужьямъ своимъ деньги и вещи, на которыя завязывалась игра въ карты или въ зернь; но въ одинъ прекрасный день обыграли Соколова (что дѣлать, въ тюрьмѣ недаромъ живетъ пословица — честь въ грошъ, а грошъ въ честь) и Соколовъ, наученный женою, донесъ о безчинствахъ въ тюрьмѣ. Последствія доноса вышли слѣдующія: сержанта Подымова, приносившаго въ оправданіе, что все это дѣлалъ онъ „простотою“, отослали на рѣшеніе въ военную комиссію; Каина, Коврова и Шингарку на первый разъ наказали плетью; Соколову, за справедливый донесъ, изъ денегъ, найденныхъ у Базана, который обыгралъ его, дали награды 11 р. 94 к. У всѣхъ прочехъ колодниковъ и у ихъ женъ отобрали всѣ деньги, что нашли, и отдали ихъ караульному офицеру, чтобъ онъ изъ этихъ денегъ выдавалъ колодникамъ на кормъ, по 1 коп. желовѣку въ день, и покуда не израсходуются всѣ, запрещено офицеру требовать отъ Сыскаго приказа денегъ на кормъ колодникамъ.

Пока колодники доносили другъ на друга и на своихъ караульныхъ, слѣдствіе шло обычнымъ порядкомъ съ допросами и пытками. Читая журналы и протоколы слѣдственной комиссіи, невольно удивляешься нравственному складу людей того времени. Члены комиссіи, какъ записано въ протоколахъ, нерѣдко начинали пытку съ 10-го часа по полуночи и окончивали её только въ половинѣ 3-го по полудни. Какіе нужны нервы, чтобы 5^{1/2} часовъ сряду смотрѣть на страданія пытаемыхъ, слушать ихъ вопли, и это повторялось на другой день, какъ дѣло вполне законное, необходимое и справедливое!

До августа 1750 г. Каинъ содержался въ особой колоднической палатѣ, въ томъ же домѣ, гдѣ была комиссія, но въ это время сержантъ донесъ, что въ палатѣ стѣна разсѣлась и опасно чтобъ не упала. Каина перевели въ нижнюю палату подъ комнатами присутствія. Эта палата была безъ оконъ, и въ ней хранилось желѣзо. Желѣзо вынесли, а для свѣта вырубилъ въ желѣзной двери окошко, шириною въ четверть, а длиною 2 аршина.

Жена Каина ходила на свободѣ и навѣщала его. Въ одно изъ такихъ посѣщеній, 27-го октября 1751 г., Каинъ просилъ караульнаго офицера задержать её, потому что будто бы она пожитки его изъ дома перевезла въ другое мѣсто. Она была арестована, но 24-го декабря, для праздника Рождества Христова, выпустили её на поруки матросу Соколову, до 8-го января 1752 г. Она явилась въ срокъ и просила освободить её отъ слѣдствія: её отпустили снова на поруки.

Домъ Каина въ Зарядѣ былъ переданъ въ распоря-

женіе канцеляріи конфискаціи для продажи съ публичнаго торга.

Въ 1753 году, въ іюль мѣсяцѣ, сенать, имѣя въ виду, что о ворѣ Каинѣ особая комиссія была учреждена исключительно потому, что были заподозрѣны членъ, секретари и приказные служители Сысенаго приказа, а что въ это время весь личный составъ приказа перемѣнился, предписаль закрыть комиссію и дѣло о ворѣ Каинѣ передать для окончательнаго и скорѣйшаго рѣшенія въ Сысенной приказъ.

Въ Сысенномъ приказѣ дѣло тянулось болѣе двухъ лѣтъ, и наконецъ, въ іюнѣ 1755 года, Каинъ былъ приговоренъ къ смертной казни: колесовавъ, отрубить голову; но предварительно приговоръ представленъ былъ на разсмотрѣніе въ государственную Юстицъ-коллегію, 22-го іюля 1755 года. Юстицъ-коллегія представила точно такое же рѣшеніе сенату. 24-го января 1756 г., а февраля 27-го этого же года, по указу сената, воръ Каинъ и товарищъ его, Алексѣй Шинкарка, наказаны внудомъ, вырѣзаны имъ ноздри и съ знаками на лбу и на щекахъ В. О. Р. сосланы „въ тяжкую работу“.

ДОКЛАДЪ СТАТСЪ-СЕКРЕТАРЯ ТРОЦИНСКАГО ОБЪ СКОПЧЕСКОМЪ ЕРЕСІАРХѢ КОНДРАТІѢ СЕЛИВАНОВѢ.

„Содержащійся въ Смирительномъ пухть-гаузѣ по высочайшему повелѣнію съ 27-го января 1797 года секретный арестантъ есть крестьянинъ князя Кантемира, Орловской губ., села Столбова, Кондратій Селивановъ. Лѣтъ ему около 70; въ малолѣтствѣ еще ушелъ изъ дому и скитался между раскольниками, между коими набрелъ на ту секту, что въ оскопленіи считаютъ спасеніе. Онъ самъ скопецъ и другихъ оскоплялъ въ Тамбовской губерніи, за что былъ сужденъ, и въ 1774 году, по наказаніи кнудомъ, сосланъ въ Сибирь, и съ того времени находился въ Иркутскѣ, откуда, по доносу какого-то ссылочнаго, ему неизвѣстнаго (которой часто приходя уговаривалъ его назваться императоромъ), будто бы онъ сіе высокое титуло себѣ присвоивалъ, по высочайшему повелѣнію покойнаго государя императора привезенъ сюда и лично его величествомъ спрашиванъ; по отрицательномъ же отвѣтѣ на послѣднее и по признаніи въ первомъ, отосланъ въ секретный пухть-гаузъ, съ запрещеніемъ ни съ кѣмъ о сихъ обстоятельствахъ

не разглагольствовать, подъ страхомъ лишенія языка. Съ того времени онъ тутъ находится, ведетъ себя весьма скромно, тихо и набожно; по кротости нрава употребляется даже въ надзиратели къ безпокойному своему сосѣду, извѣстному Роде. Онъ взываетъ къ милосердію монаршему—опредѣлить его въ какой либо богадѣленный домъ, гдѣ бы онъ остальные дни жизни своей провелъ въ покаяніи и теплыхъ къ Богу молитвахъ о долгоденствіи царствующаго милосердаго Александра и объ отпущеніи своихъ прегрѣшеній“.

На бумагѣ резолюція, рукою же Трощинскаго: „Освободя изъ нынѣшняго мѣста, опредѣлить въ вдѣшнюю богадѣльню“.

НАБАТНЫЙ КОЛОКОЛЬ.

Въ Москвѣ, на кремлевской стѣнѣ, возлѣ Спасской башни, существуетъ еще и теперь небольшая, красивая сквозная башенка, носившая названіе набатной, отъ набатнаго колокола, который висѣлъ на ней въ прежнее время и перелитый, въ 1714 году, изъ стараго набатнаго же колокола.

Въ 1803 году, стѣны и башни московскаго кремля во многихъ мѣстахъ начали разваливаться, и московская кремлевская экспедиція озаботилась ихъ исправленіемъ. Между прочимъ, главноуправляющій кремлевскою экспедиціею, Петръ Степановичъ Валуевъ, командировалъ одного чиновника въ набатную башню, съ приказаніемъ снять осторожно колоколь и сдать его въ экспедицію для храненія въ кладовой, впредь до исправленія башни. Все шло благополучно: рабочіе сняли колоколь, спустили къ подножію кремлевской стѣны, и только что хотѣли везти его въ кладовую, какъ явился офицеръ съ солдатами и заявилъ, что комендантъ приказалъ оставить колоколь на площади и тотъ же офицеръ, по приказанію коменданта, приставилъ къ колоколу двухъ

часовыхъ. Скопфуженный чиновникъ явился къ Валугеву съ донесеніемъ объ арестѣ колокола.

Главноуправляющій кремлевской экспедиціи, отличавшійся во все время своего служенія непомятнымъ самолюбіемъ, взбѣсилъ, и опять этого же чиновника послалъ къ коменданту съ требованіемъ на словахъ, отъ имени его, Валугева, немедленно возвратитъ колоколъ. Комендантъ заявилъ чиновнику желаніе свое получить такое требованіе не на словахъ, а письменно. Чиновникъ доложилъ объ этомъ Валугеву. Письменное требованіе полетѣло къ коменданту въ слѣдующемъ содержаніи: „что экспедиція дѣйствуетъ на основаніи высочайше конфирмованнаго штата и по инструкціи, которую онъ, Валугевъ, преподаль сей экспедиціи; что онъ выражаетъ свое удивленіе къ дѣйствіямъ коменданта и проситъ его увѣдомитъ, не имѣетъ ли онъ, комендантъ, на задержаніе колокола особаго повелѣнія; а если такого не имѣетъ, то чтобъ возвратилъ колоколъ немедленно“.

Комендантъ нашель тонъ письма, да и самое требованіе, немного оскорбительнымъ и пожаловался московскому главнокомандующему, графу Салтыкову. Главнокомандующій, вѣроятно, тоже не совсѣмъ довольный тѣмъ, что Валугевъ обратился къ коменданту помимо его, въ тотъ же день увѣдомилъ Валугева, „что онъ находитъ дѣйствія коменданта совершенно законными и проситъ въ подобныхъ случаяхъ обращаться къ нему главнокомандующему, и содержать коменданта въ томъ вниманіи, какого онъ заслуживаетъ по отличному усердію и исправности въ толиколѣтнемъ прохожденіи важнаго служенія своего оказанными“.

Валуеву стало понятно, что онъ сдѣлалъ ошибку, погорячился и что главнокомандующій можетъ довести объ этомъ до высочайшаго свѣдѣнія, а главнокомандующій и Валуевъ, какъ два медвѣдя въ берлогѣ, жили не въ ладу, и Валуевъ успѣшилъ искать покровительства въ любимцѣ императора, Трощинскомъ, мимо котораго, въ случаѣ жалобы графа Салтыкова, дѣло это не могло пройти.

„Опасаясь, что главнокомандующій представитъ о дѣлѣ своимъ манеромъ на высочайшее усмотрѣніе, доношу вашему высокопревосходительству (писалъ Валуевъ къ Трощинскому), яко единственному благотворителю, о встрѣтившейся неприяности отъ коменданта и главнокомандующаго, душащими меня попеременно пустыми отношеніями.

„По понятію моему о пользѣ казны и славѣ моихъ государей, истребилъ я, безъ огласки, прошедшимъ дѣломъ, два застѣвка, яко памятники временъ жестокихъ и безчеловѣчныхъ, употребля изъ оныхъ матеріалы на исправленіе древностей, заслуживающихъ быть обереженными въ позднѣйшія времена, и что этимъ оправдалъ я ваше покровительство, снискалъ всеобщую жителей московскихъ эстиму и заслужилъ монаршее благоволеніе. Руководствуясь таковымъ же подвигомъ спрятанъ у меня давно языкъ извѣстнаго колокола, служащаго возвѣстителемъ всѣхъ возмущеній стрѣлецкихъ и возмущенія во время чумы въ царствованіе Екатерины премудрой“.

Послѣ такого напominанія о своихъ заслугахъ, оказанныхъ государю и отечеству и московскимъ жителямъ, Валуевъ въ письмѣ къ Трощинскому рассказываетъ,

какъ комендантъ арестовалъ колоколь и оставилъ его подъ карауломъ на площади „гдѣ прохожіе, можетъ быть, дѣлаютъ о томъ разные толки и заключенія, а главнокомандующій, не осмотрѣвъ мѣста и не разсировавъ о томъ у меня, пишетъ ко мнѣ отношеніе, которое я оставилъ безъ отвѣта, какъ для избѣжанія дальнѣйшихъ исторій, такъ и потому, что отвѣтствуя, обязанъ бы я былъ объяснить его сіятельству, что колоколь, имъ уважаемый, есть памятникъ золь россійскихъ, заслуживающій быть забытъ всѣми благомыслящими отечества сынами, памятникъ безславія покойнаго отца его, который, будучи главнокомандующимъ, отъ чумы и возмущенія укрылся въ подмосковную, за что и былъ отставленъ и дана преемнику его инструкція, въ которой упомянуто о его побѣгѣ“.

Изливши свою злость на главнокомандующаго и даже на его покойнаго отца, Валуевъ принялся за коменданта:

„Комендантъ говоритъ, что безъ начальства колокола отдать не можетъ. Буде колокола принадлежать къ военной дисциплинѣ и аккуратности, почему же не воспрепятствовалъ мнѣ прошедшимъ лѣтомъ разбирать колокола на башняхъ Спасской и Троицкой?“

„Обязанъ я былъ объяснить ему (главнокомандующему), что въ моемъ чинѣ, служа непорочно 50 лѣтъ, разумѣть я долженъ, кому какія давать уваженія, не погрѣшая противъ коменданта, о которомъ онъ самъ отзывался, что онъ пьяница и знаетъ только службу капральскую“.

Вступивъ на дорогу сплетней и злорѣчія, Валуевъ не остановился на самыхъ ничтожныхъ мелочныхъ объясненіяхъ Салтыкова и коменданта:

„Злоба коменданта происходитъ оттого, что не удовлетворяются его пустыя требованія о снабженіи его дома неизмовѣрнымъ числомъ дворцовыми мебелями, о набитіи льдомъ его погребовъ и пр., и пр., понеже домъ его не въ вѣдомствѣ экспедиціи; злоба главнокомандующаго отъ неблагорасположенныхъ ко мнѣ окружающихъ его зятя Уварова и правителя канцеляріи, Карпова“.

Какъ ни старался Валуевъ въ глазахъ Трощинскаго, который могъ донести эти сплетни и выше, очернить коменданта и главнокомандующаго, не постыдившись даже, по случаю колокола, вызвать тяжелыя воспоминанія фамиліи графовъ Салтыковыхъ о поступѣ одного изъ ихъ семейства во время чумы въ Москвѣ 1771 года, какъ ни лстилъ Трощинскому разными подобострастными и лакейскими фразами, но графъ Салтыковъ остался цѣль. и невредимъ, и 28 мая 1803 г. сообщилъ Валуеву, что государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ: „набатный колоколь сохранять навсѣгда на своемъ мѣстѣ (т. е. на той башнѣ, гдѣ онъ висѣлъ), въ случаѣ же починки башни сохранять колоколь въ надежномъ мѣстѣ до исправленія ея, а по исправленіи опять вѣшать на свое мѣсто“.

Валуеву осталось, впрочемъ, утѣшеніе, что въ рѣшеніи ничего не было упомянуто о спрятанномъ имъ языкѣ отъ колокола.

Колоколь этотъ, о которомъ такъ много было пререканій и неудовольствій между двумя главными начальствующими въ Москвѣ, сохраняется и теперь и съ языкомъ и показывается посѣтителямъ въ московской оружейной палатѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Алексѣй Лампадчикъ.	1
Поблажка нѣмцамъ.	27
Кликуши.	32
Меншиковъ и видѣніе монаха Порфирія.	47
Варлаамъ Левинъ.	77
Освобожденіе царицы Евдокіи Ѳедоровны.	131
Ссылка князя Меншикова.	143
I. Ссылка въ Раниенбургъ.	144
II. Ссылка въ Березовъ.	218
Оба виноваты.	261
Яганна Петрова, камеръ-фрау императрицы Елисаветы Петровны.	280
Султанское письмо.	297
Ванька Каинъ.	303
Скопецъ Селивановъ.	379
Набатный колоколъ въ Москвѣ.	381

